

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
Дискурс★*Пи*
Научный журнал

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILIOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 3-4 (24-25) 2016

DISCOURSE-P
ДИСКУРС★*Пи*

IPL INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW
THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL DEPARTMENT • 1988

**Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук**

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ДИСКУРС★*Пи*
Екатеринбург – 2016

**«ДИСКУРС-ПИ»
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
№ 3-4 (24-25)
Декабрь 2016**

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук

Издатель:

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620102, Екатеринбург, ул. Посадская, 21, оф. 233
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС77-54425 от 10.06.2013 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Подписано в печать 05.12.2016 г.

Формат 60x84 1/8

Усл. печ. л. 35,11

Тираж 300 экз.

Заказ № E0045601

Отпечатано в типографии «Артикул»
620062, г. Екатеринбург, ул. Первомайская, 77 Ж
Тел: 8 (800) 333-61-20
http://www.artikul.ru

**Журнал индексируется
в базе данных системы Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ)**

Журнал включен в базу данных «КиберЛенинка»

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

620990, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru,
dipi@nm.ru

**Все выпуски журнала
размещаются на сайте
www.madipi.ru**

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам
придерживаться стилистики
научного дискурса**

**Подписной индекс
в Объединенном каталоге «Пресса России»
71227**

DISCOURSE-P
Дискурс-Пи
Научный журнал

ФИЛОСОФИЯ –
ФИЛОСОФИЯ
ПOLITICAL SCIENCE –
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT –
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS –
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILIOLOGY –
ФИЛОЛОГИЯ

ДИСКУРС-ПИ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В. Н. Руденко – член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

ГЛАВНЫЙ ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

О. Ф. Русакова – доктор политических наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е. Г. Дьякова – доктор политических наук (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

Ю. Г. Ершов – доктор философских наук (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Уральский институт управления, Екатеринбург, Россия)

С. Г. Зырянов – доктор политических наук (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия)

К. В. Киселев – кандидат философских наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

Е. А. Кожемякин – доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия)

Н. А. Комлева – доктор политических наук, профессор (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)

О. В. Коркунова – доктор философских наук, профессор (Уральский государственный университет путей сообщения, Екатеринбург, Россия)

В. О. Лобовиков – доктор философских наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

В. С. Мартянов – кандидат политических наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

С. В. Мошкин – доктор политических наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

К. С. Романова – кандидат философских наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

В. М. Русаков – доктор философских наук, профессор (Уральский экономический университет, Екатеринбург, Россия)

Е. М. Олову – зав. научной библиотекой Института философии и права УрО РАН (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

А. Д. Трахтенберг – кандидат политических наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

И. Б. Фан – доктор политических наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

Л. Г. Фишман – доктор политических наук (Институт философии и права УрО РАН Екатеринбург, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Л. М. Андрияшина – доктор философских наук, профессор (Уральский профессионально-педагогический университет, Екатеринбург, Россия)

В. Г. Богомяков – доктор философских наук, профессор (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия)

М. В. Ильин – доктор политических наук, профессор (Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия)

А. Д. Королев – главный ученый секретарь Российского Философского Общества, кандидат философских наук (Москва, Россия)

К. Н. Любутин – доктор философских наук, профессор (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

М. А. Малышев – профессор Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика)

О. Ю. Малинова – доктор философских наук, профессор (Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия)

Л. Н. Синельникова – доктор филологических наук, профессор (Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Ялта, Россия)

Е. А. Степанова – доктор философских наук, доцент (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

Л. Н. Тимофеева – доктор политических наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия)

В. Е. Хвощев – кандидат философских наук, доцент (Южно-Уральский государственный национальный исследовательский университет, Челябинск, Россия)

А. Н. Чумаков – первый вице-президент Российского Философского Общества, доктор философских наук, профессор (Москва, Россия)

О. К. Шевченко – кандидат философских наук, доцент (Крымский федеральный университет имени

В. И. Вернадского, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Ялта, Россия)

СЕКРЕТАРИАТ

Е. Г. Грибовод – ответственный секретарь, лаборант-исследователь Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия)

Д. М. Ковба – секретарь-координатор, младший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия)

Выпуск №3 (24)

Парадигмы и процессы

О.Ф. Русакова, В.М. Русаков

Правый поворот
 в политическом дискурсе элит
 и кризис неолиберализма 13

А.Д. Трахтенберг

Электронное взаимодействие с органами власти:
 произошел ли перелом?
 (по итогам социологических исследований
 в Свердловской области) 23

К.С. Романова

Дискурсы исторической памяти 31

Тропы метода

П.Н. Кондрашов

Какого же Маркса мы читаем? Часть 1 37

**Современная логика
 и интеллектуальные технологии**

В.О. Лобовиков

Аксиоматизация эпистемологии как средство
 экспликации теории права: «дигесты»
 Юстиниана и проблема однородности
 естественного права 48

Конференц-зал

**Всероссийская научно-практическая
 конференция «Дискурсология: возможности
 интерпретации гуманитарного знания».**

**28–29 сентября 2016 года
 (г. Ялта, Республика Крым)**

Ялтинский дискурсологический кружок

Доклады

А.В. Олянич

Формирование феномена этногендера с позиции
 теории этничности 61

В.Н. Степанов

Концептосфера и дискурс силы в немецкой
 философской традиции 77

Т.А. Островская

Исследование дискурса элиты
 в синергетической парадигме 85

О.И. Иволина

ООН: мост из прошлого в будущее
 международного права 92

Л.В. Селезнева

Парадокс целостности PR-дискурса 102

Е.А. Сухова

Дискурсивные практики агрикультуры:
 критерии типологического описания 110

Н.Н. Вольская

Оценка и ее функции в креолизованном тексте
 карикатуры 120

Л.М. Рыльщикова

Типология лингвокреатем
 в научно-фантастическом дискурсе 127

А.С. Захарова

Дискурсивные практики аква- и ихтиокультуры:
 критерии типологического описания 135

Е.Г. Шахнубарян

Этнокультурные различия англо-
 и русскоязычной гастрономии
 в дискурсивных практиках
 лингводидактики 143

И.А. Левченко

Знаки среды обитания в дискурсе
 повседневности аристократии
 Великобритании 150

О. В. Храмова
Семиотическое «тело»
презентационных дискурсов
британской и российской монархий..... 158

Т. М. Гермашева
Лингвокреативный дискурс:
к постановке проблемы 166

Выпуск № 4 (25)

Парадигмы и процессы

О. Ф. Русакова, В. М. Русаков
Дилеммы: «мобильность–стабильность» versus
«развитие–застой»..... 175

Д. М. Ковба
Академическая мобильность
в сфере высшего образования
в контексте теории «мягкой силы»..... 181

А. С. Исаков
Ханафитское измерение дискурса мобильности
в исламе..... 186

Я. Ю. Старцев
Нормативное описание российской арктической
политики: освоение сырьевой периферии
или региональное развитие 193

И. В. Гладкова
Новационные формы научных коммуникаций:
казахстанский травелог 210

А. С. Юферева
К вопросу о становлении политической
коммуникативистики в советский период 213

Т. Н. Носова
Ресурсы «умной силы» как фактор влияния
на уровень привлекательности государства
на международной арене 217

Е. Г. Грибовод
Основные модели медиатизации политики
как институционально-коммуникативного
процесса 231

Тропы метода

П. Н. Кондрашов
Какого же Маркса мы читаем? Часть 2 238

Антропология

А. С. Гагарин
Константин Леонтьев: «Одинокий мыслитель»
перед лицом страха 247

Современная логика и интеллектуальные технологии

В. О. Лобовиков
Доказательство теоремы о калокагатии
в аксиоматической системе философской
эпистемологии
(Оптимизм и предустановленная гармония:
от древнегреческой и раннехристианской
философии к А. Э. Шефтсбери, Г. В. Лейбницу
и К. Гёделю)..... 256

Политические технологии

Р. С. Мухаметов
Сравнительный анализ праймериз
в США и РФ..... 265

Энциклопедия «Дискурсология»

Статьи

Л. Н. Синельникова
Дискурс троллинга..... 271

Дискурс
фразеологических новообразований 280

Н. В. Тищенко
Либеральный дискурс..... 286

М. Р. Желтухина

Медиадискурс 292

М. Л. Дерябин

Бренд-дискурс 297

Published four times a year

Founded by
The Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Published by
Publishing House «Discourse-P»
ul. Posadskaya 21 office 223
Ekaterinburg, 620102, Russia

Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
<http://www.discourse-p.ru>

Mass Media Certificate of Registration:
PI № FS77-54425 from June 10, 2013
given by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media

Passed for printing on 05.12.2016
Format 60x84 1/8
Reference sheet area 35,11
Issues – 300
Order № E0045601

Printed by Typography «Artikul»
ul. Pervomajskaya 77 Zh
Ekaterinburg, 620062, Russia
Phone: 8 (800) 333-61-20
<http://www.artikul.ru>

**The journal is abstracted/indexed
in the Russian Science Citation Index (RSCI)**

**The journal is included
into the «CyberLeninka» database**

Manuscripts are reviewed
The requirements for scientific articles
to be published in the «Discourse-P» scientific journal,
are located at the end of the issue

Mailing address of Editorial Board:
Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
ul. S. Kovalevskoy 16
Ekaterinburg, 620990, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru;
dipi@nm.ru

All issues of the journal are available on the website
www.madipi.ru

**At a reprint the references to the journal
are obligatory**

**Editorial recommends authors
to adhere to the style
of scientific discourse**

**Subscription index
in the United Catalog «Russian Press»**
71227

EDITOR-IN-CHIEF

V.N. Rudenko – Corresponding Member of RAS, Doctor of Law, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

ISSUE CHIEF EDITOR

O.F. Rusakova – Doctor of Political Sciences, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

EDITORIAL BOARD

E.G. Dyakova – Doctor of Political Sciences (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

Y.G. Yershov – Doctor of Philosophy (Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of Russia, Ural Institute of Management, Ekaterinburg, Russia)

S.G. Zyryanov – Doctor of Political Sciences (Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Chelyabinsk branch, Chelyabinsk, Russia)

K.V. Kiselev – PhD, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

E.A. Kozhemyakin – Doctor of Philosophy, Professor (Belgorod State University, Belgorod, Russia)

N.A. Komleva – Doctor of Political Sciences, Professor (Ural Federal University named after the first Russian President Boris Yeltsin, Ekaterinburg, Russia)

O.V. Korkunova – Doctor of Philosophy, Professor (Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russia)

V.O. Lobovikov – Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

V.S. Martianov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

S.V. Moshkin – Doctor of Political Sciences, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

K.S. Romanova – PhD, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

V.M. Rusakov – Doctor of Philosophy, Professor (Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia)

E.M. Olovu – Head of Scientific Library (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

A.D. Trachtenberg – Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

I.B. Fan – Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

L.G. Fishman – Doctor of Political Sciences (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

V.G. Bogomyakov – Doctor of Philosophy, Professor (Tyumen State University, Tyumen, Russia)

M.V. Ilyin – Doctor of Political Sciences, Professor (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)

A.D. Korolyov – Chief Scientific Secretary of the Russian Philosophical Society, PhD (Moscow, Russia)

K.N. Lubutin – Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

Mikhail Malyshev – Professor of the Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico)

O.Y. Malinova – Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Scientific Information on Social Sciences, Moscow, Russia)

L.N. Sinelnikova – Doctor of Philology, professor (V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Humanities and Education Science Academy (Branch), Yalta, Russia)

E.A. Stepanova – Doctor of Philosophy, Assistant Professor (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia)

L.N. Timofeyeva – Doctor of Political Sciences, Professor (Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia)

V.E. Khvoshchev – PhD, Associate Professor (South-Ural State National Research University, Chelyabinsk, Russia)

A.N. Chumakov – the First vice-president of the Russian Philosophical Society, Doctor of Philosophy, Professor (Moscow, Russia)

O.K. Shevchenko – PhD, Associate Professor (V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Humanities and Education Science Academy (Branch), Yalta, Russia)

SECRETARY

E.G. Gribovod – Executive Secretary, assistant researcher of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia)

D.M. Kovba – Secretary Coordinator, Junior Researcher of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia)

Issue #3 (24)

Paradigms and Processes

O.F. Rusakova, V.M. Rusakov

The Right Turn In a Political Discourse of the Elites and the Crisis of Neoliberalism..... 13

A.D. Trakhtenberg

Electronic State Services From the Government's And Citizens' Standpoint: Whether There Was a Crisis?
(Following the Results of Sociological Researches in Sverdlovsk Region)..... 23

K.S. Romanova

Discourses of Historical Memory 31

Tropes of Method

P.N. Kondrashov

Which Marx We Read? Part 1..... 37

Modern Logic and Intellectual Technologies

V.O. Lobovikov

Axiomatizing Epistemology as a Means for Explicating Law Theory: «Digesta» Iustiniani and a Problem of Homogeneity of the Natural Law 48

Conference Chamber

The All-Russia Scientific-Practical Conference

«Dicoursology: Possibilities of Interpretation of Humanitarian Knowledge».

September, 28-29th, 2016

(Yalta, Republic of Crimea)

Yalta Dicoursological Circle

Reports

A.V. Olyanich

Formation of the Ethno-Gender Phenomenon from the Ethnicity Theory Point 61

V.N. Stepanov

Conceptosphere and a Force Discourse in German Philosophical Tradition 77

T.A. Ostrovskaya

Researches of the Elite Discourse in the Synergetic Paradigm 85

O.I. Ivonina

The United Nations: A Bridge from the Past to the Future of International Law 92

L.V. Selezneva

The Paradox of the Integrity of PR-Discourse 102

E.A. Sukhova

Discursive Practices in Agriculture: the Criteria of Typological Description..... 110

N.N. Volskaya

Assessment and Its Functions in the Creolized Text of a Cartoon..... 120

L.M. Rylschikova

The Typology of Lingua-Createms in Sci-Fi-Discourse..... 127

A.S. Zakharova

Discursive Practices in Aqua- and Ichthyo-Cultures: The Criteria of a Typological Description 135

E.G. Shahnubarjan

Ethnic-Cultural Differences of Russian and English Gastronomy in Discursive Practices of Lingua-Didactics 143

I.A. Levchenko

Signs of a Habitat in Everyday Discourse of the British Aristocracy 150

O.V. Khramova

«Semiotic body» of Presentational Discourses of Anglo-Saxon and Russian Monarchies..... 158

T.M. Germasheva

Lingua-Creative Discourse: On Forwarding the Problem..... 166

Issue # 4 (25)

Paradigms and Processes

O.F. Rusakova, V.M. Rusakov
 Dilemmas: «Mobility–Stability» Versus
 «Development–Stagnation» 175

D.M. Kovba
 Academic Mobility in Higher Education
 in the Context of the Soft Power Theory 181

A.S. Isakov
 Hanafi Dimention of Discourse of Mobility
 in Islam..... 186

J.U. Startsev
 The Normative Description of the Russian Arctic
 Policy: Development of Raw Periphery
 or Regional Development 193

I.V. Gladkova
 Novation Forms of Scientific Communications:
 Kazakhstan Travelogue 210

A.S. Yufereva
 To The Issue of the Formation
 of Political Communication Studies
 in the Soviet Period 213

T.N. Nosova
 Smart Power as a Resource of an Influence Factor
 for a Commonwealth Attractiveness Globally 217

E.G. Gribovod
 The Main Models of Mediatization of Politics
 as Institutional and Communicative
 Processes 231

Tropes of Method

P.N. Kondrashov
 Which Marx We Read? Part 2..... 238

Anthropology

A.S. Gagarin
 Konstantin Leontiev: «The Lonely Thinker»
 In The Face Of Fear 247

Modern Logic and Intellectual Technologies

V.O. Lobovikov
 Proving a Theorem of Kalokagathia in Axiomatic
 System of Philosophical Epistemology
 (Optimism and Pre-Established Harmony:
 from Ancient Greek Philosophy and Early
 Christian One to A.A. Shaftesbury, G.W. Leibniz
 and K. Gödel)..... 256

Political technologies

R.S. Mukhametov
 Comparative Analysis of the Primaries in the US
 and Russia 265

Encyclopedia «Discoursology»

Articles

L.N. Sinelnikova
 The Discourse of Trolling 271

The Discourse
 of Phraseological Neoformations..... 280

N.V. Tishchenko
 Liberal Discourse 286

M.R. Zheltuhina
 Media Discourse 292

M.L. Deryabin
 Brand Discourse..... 297

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
Дискурс★*Ни*
Научный журнал

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILIOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 3 (24) 2016

DISCOURSE-P
ДИСКУРС★*Ни*

УДК 329

ПРАВЫЙ ПОВОРОТ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЭЛИТ И КРИЗИС НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
заведующая отделом философии,
доктор политических наук, профессор,
Президент Международной академии дискурс-исследований (МАДИ),
Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Русаков Василий Матвеевич,

Уральский государственный экономический университет,
кафедра философии,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dipi@nm.ru

Аннотация

В статье проводится теоретический анализ правого поворота в мировом политическом процессе и в дискурсе политических элит, рассматриваются его конкретные проявления в США, странах Европы и в России. Авторы утверждают, что правый поворот обусловлен кризисом политики и истеблишмента неолиберализма. В статье раскрываются основные источники и причины кризиса неолиберализма, которые рождают протестные настроения в обществе. Дается анализ такого нового феномена как трампизм, который придал мощный импульс правому повороту. По мнению авторов, неолиберализм не собирается легко сдавать свои позиции. Он концентрирует свои ресурсы и готовится к контраступлению против новых правых.

Ключевые слова:

Правый поворот, новые правые, правая альтернатива, alt-right, неолиберальный дискурс, кризис неолиберальной элиты, трампизм.

В современном исследовательском дискурсе – при анализе трансформаций политических элит, происходящих в большей группе стран, – все чаще используется

понятие «правый поворот». Под данным термином подразумевается довольно четко обозначившийся в последнее время тренд «поправения» значительной части избира-

телей, связанный с ростом недовольства масс неолиберальным истеблишментом государств Запада, который после распада биполярного мира пребывает в глубоком кризисе. На недавнем заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» отмечалось, что политические элиты западных государств не справляются с глобальным политическим и экономическим регулированием. Свидетельство тому – политические кризисы в Европе и США, массовое насилие на Ближнем Востоке, обострение напряженности в отношениях между Соединенными Штатами и Россией, США и Китаем, дисбалансы в мировой экономике. «Общества западных стран в нарастающей степени страшатся глобализации, которая сделала внешний мир намного ближе к ним в экономическом и политическом плане, но не превратила его в более безопасный, благоприятный и однородный. Жители развитого мира сталкиваются с масштабными вызовами в виде терроризма, радикального исламизма, миграции и падения уровня жизни. Граждане ведущих стран Запада смотрят в будущее намного мрачнее, чем жители других государств» [3, с. 5].

«Рассерженные» граждане, неудовлетворенные своим статус-кво и политическим истеблишментом, обращают свои взоры к альтернативным неолиберализму политическим движениям и идеологиям, которые аккумулируют и генерируют протестные настроения. Протест концентрируется вокруг следующих взаимосвязанных групп проблем. Первая – усиление социального и экономического неравенства: сокращается число социальных лифтов, все дороже обходится образование, которое является «входным билетом» в средний класс. Вторая – безработица, связанная с переносом производства в развивающиеся страны. Приток мигрантов как дешевой рабочей силы усилил процесс маргинализации пролетариата и части среднего класса. Третья – неспособность

ряда государств, не относящихся к «золотому миллиарду», препятствовать утечке капитала и деградации производства, что углубляет социальные и экономические дисбалансы. Четвертая – растущий страх перед мигрантами и наплывом беженцев из мусульманских стран. Ситуация усугубляется угрозой исламистского терроризма [3, с. 6].

Важным показателем кризиса неолиберальной политической элиты выступает ее неспособность идеологически подстроиться под новый правый тренд, осуществить трансформацию своих ценностных ориентаций и дискурсивных формул. Она продолжает пребывать в иллюзиях непогрешимости и универсальности неолиберальных принципов и стратегических установок. Ключевыми характеристиками идеологических установок неолиберального дискурса элит являются: 1) абсолютизация свободной конкуренции, тотальной монетизации и коммерциализации; 2) приоритет ценностей мультикультурализма и толерантности над ценностями национальной и культурной идентичности; 3) верность принципам «Вашингтонского консенсуса» во внешней политике [2, с. 15–27]; 4) приоритет интересов транснациональных корпораций над национально–государственными; 5) принцип десуверенизации государств на базе институтов международной интеграции [1]; 6) космополитизм как образ жизни глобального управляющего класса и политической элиты [6]; 7) идеализация американской либеральной демократии как универсальной модели; 8) концепт безальтернативности неолиберальной модели мирового развития, основанный на принципах доминирования «стран ядра» или Триады в современной миросистеме [9]; 9) концепты нового мирового порядка, глобального управления и мессианской роли западных демократий, осуществляющих борьбу с авторитарными и «преступными режимами» посредством технологий «цветных революций» [4].

Перечисленные нами идеологические установки и ценностные ориентиры неолиберализма становятся сегодня мишенью острой критики со стороны альтернативных течений как справа, так и слева. Заметим, однако, что в конце 1990-х годов основным анти-неолиберальным движением являлось движение антиглобалистов (альтерглобалистов), разделяющее воззрения «новых левых». Но уже к началу второго десятилетия XXI-го столетия антиглобалистское движение оказалось в кризисе, поскольку некоторые его представители как когда-то сторонники «новых левых» 1960-х гг. инкорпорировались в политический истеблишмент традиционных партий и впоследствии присоединились к политике мультикультурализма, толерантности, предоставления особых прав для разнообразных групп меньшинств, к политике «открытых дверей» для мигрантов, к борьбе против любых проявлений национализма.

С кризисом антиглобалистского движения маятник политического протеста качнулся вправо, однако – не в сторону традиционного консерватизма и – не в сторону старого правого радикализма (нацизм, расизм, апартеид и др.), а в альтернативном им всем направлении, получившем название «новая правая альтернатива» или «*alt-right*».

Автором термина *alt-right* является Ричард Спенсер, директор Института национальной политики, получивший широкую известность после избрания Дональда Трампа президентом США. Первоначально понятие *alt-right* использовалось для отмежевания позиции новых правых от господствующих в политическом истеблишменте США консерваторов и неоконсерваторов. С победой Д. Трампа данным понятием стали обозначать интеллектуальную альтернативу идейно-политическому курсу Демократической партии, а также политике Консерваторов в годы президентства Буша-старшего и Буша-младшего.

В узком смысле слова, *alt-right* – это название политического дискурса, который, будучи транслируемым в ходе президентской кампании Дональдом Трампом, помог ему получить необходимое количество голосов избирателей и проложить путь в Белый дом. Данный дискурс оказался способен эффективно производить вербализацию чувств избирателей, ориентированных на традиционные ценности, выражать разочарование белых американцев в либеральном политическом истеблишменте, их интенцию к поиску консервативных альтернатив [13].

В широком смысле слова, *alt-right* – это название для открывающейся возможности формирования нового альтернативного мирового порядка, а в лице Трампа – нового порядка в США. Р. Спенсер пишет: «Мы знаем, что произошло за прошедшие полтора года. И Трамп – это возможность. Трамп – это что-то, что еще не реализовано, но может быть реализовано. Он был крайне популярен среди американцев и действительно затронул их на эмоциональном уровне. Так что же обещает Трамп этим миллионам, которые проголосовали за него? В первую очередь, он обещает Америку как нормальную нацию в этом мире, а не как превалирующую глобальную гегемонию. С самого начала он говорил о границах. Он собирался построить стену, потому что массовая миграция – это большая проблема. Это было очень популярно: люди хотят себе свою страну. Они не хотят, чтобы Америка была платформой для мирового господства, этой гегемонистской силой, вторгающейся в чужие страны» [13].

Победа Трампа, считает Р. Спенсер, может быть первым шагом смены парадигмы в сторону утверждения в США и Европе политики идентичности. Данная политика составляет стратегическое ядро движения *alt-right* [13].

Следует еще раз отметить, что правый поворот как проявление кризиса неолиберальной элиты и ее политического курса

вызревает и прокладывает себе дорогу *вне рамок* традиционных политических партий и устоявшихся партийных систем. Его акторами выступают новые общественные протестные силы, альтернативные по своим ценностям и социальным ориентирам как традиционно правым, так и левым. Согласно политическому аналитику Игорю Бунину, правый поворот – это «мощный удар по традиционным мейнстримовским партиям, которые ранее воспринимали свои лидерские позиции как непоколебимые. Кризис доверия к политическим элитам принял практически всеобщий характер и распространился далеко за пределы этих групп. Во Франции 88% граждан считают, что политики не занимаются вопросами, важными для простых людей. А 82% негативно относятся к политическому классу [5].

Миграционная политика, которую проводит в последние годы Европейский Союз, вызывает у «коренного» населения стран Западной Европы закономерный протест, поскольку хлынувший в Европу миграционный поток плохо регулируется государственными службами и брюссельскими чиновниками. Кроме того, многочисленные мигранты оказываются невосприимчивыми к европейским ценностям и европейскому образу жизни, что на практике приводит к размыванию национальной идентичности населения европейских стран, то есть, – к кризису идентичности.

Массовое недовольство политикой неолиберальных элит стран, входящих в Европейский Союз, породило движение за выход из ЕС, идеологами которого стали евроскептики и так называемые националисты, которых неолиберальный дискурс, (включая медиадискурс) обозначает понятиями «правые радикалы» и «популисты».

Именно эти термины, содержащие негативную коннотацию, широко используются сегодня неолиберальными экспер-

тами и СМИ при анализе феномена брекзита (Данное понятие является неологизмом, который уже вошел в тексты авторитетных словарей, и которым обозначается процедура выхода Великобритании из состава ЕС, легитимизированная соответствующим референдумом).

Брекзит оказался крупным по своей значимости событием, свидетельствующим о кризисе неолиберальной политики ЕС и уязвимости брюссельского истеблишмента. Новым правым он прибавил уверенности в своих силах. У них еще ранее были на счету определенные успехи. Так, например, проходившие за два года до брекзита выборы в Европейский парламент (22–25 мая 2014 г.) зафиксировали определенный рост влияния евроскептиков, настаивающих на ограничении миграции, восстановлении национальных границ, возвращении суверенитета, на проведении самостоятельной, национально ориентированной экономической политики. Известный российский политолог Е.Г. Пономарева отмечает: «Рост правых настроений во многих странах ЕС означает серьезный поворот в сознании значительной части европейцев, отвергающих проводимую Брюсселем глобалистскую линию на уничтожение традиционных для Европы ценностей христианской религии, семьи, национального отечества» [8].

Другим примером укрепления позиций новых правых является Германия. В Германии в 2016 г. заметно усилилось общественное влияние антимигрантской партии «Альтернатива для Германии» (АдГ), которая на региональных выборах в Саксонии в марте 2016 г. набрала 24% голосов, заняв второе место. Эта партия также провела своих кандидатов в земельные парламенты Баден-Вюртемберга (12%) и Рейнланд-Пфальца (15%).

Видя в АдГ уже не маргиналов, а серьезных политических конкурентов, неолиберальный истеблишмент Германии с помо-

щью верных ему СМИ развернул настоящую травлю АдГ. Со стороны неоллиберальных медиа на АдГ постоянно обрушиваются обвинения в неонацизме, исламофобии, расизме, путинизме. Так ведущий немецкий журнал *Der Spiegel* посвятил АдГ целый отдельный выпуск (06.02.16). На обложке этого номера была изображена лидер партии Фрауке Петри. Ниже следовала подпись: «Проповедник ненависти». Такая агрессивная реакция журнала, отмечает один из исследователей, была вызвана позицией партии по миграционному кризису. «В то время как Меркель чуть ли не целуется с мигрантами, АдГ громогласно заявила, что ислам – это не часть Германии и не часть немецкой культуры. Со здоровой точки зрения и по мнению двух третей немцев, так оно и есть. Только вот этой здоровой точки давно нет в правящих верхах ФРГ. Поэтому «Альтернативу для Германии» немедленно обвинили в самом тяжком сегодня грехе – исламофобии» [10].

Настоящий скандал разразился в немецких СМИ, когда молодёжная организация АдГ «Молодая альтернатива» заключила партнёрское соглашение с «Молодой гвардией» – российским молодёжным движением. В прессу была запущена конспирологическая теория о том, что «Альтернатива для Германии» – это проект Кремля [10].

Критике также подвергается Программа АдГ, которую неоллибералы обвиняют в «немецкости». Дело в том, что Программа «Альтернатива для Германии» ссылается на самобытность немецкой культуры и призывает к ее сохранению. В качестве угрозы для немецкой идентичности называется поток исламских мигрантов. В этих словах неоллиберальная пресса усмотрела отрицание принципа свободы религий и «зоологический расизм» [10].

Во Франции правый поворот означает не только усиление влияния антимигрантского курса партии «Национальный фронт» во главе с Марин Ле Пен, но и укрепление по-

зиций традиционалистов внутри правящих сил, проявившееся в ходе праймериз, на которых победу одержал сторонник национально-ориентированной экономики и противник однополых браков Франсуа Фийон. Согласно существующим прогнозам, на президентских выборах в апреле 2017 года соперником Фийона во втором туре будет Марин Ле Пен [12]. Важным фактором, вызвавшим недовольство политикой неоллиберальных элит со стороны определенной части населения стран Европы, и одновременно, приведшим к усилению влияния новых правых, стала санкционная политика, инициированная ЕС в отношении России. Санкции стали реакцией на то, что Россия, присоединив Крым в результате референдума, продемонстрировала свою суверенность и самостоятельность, «смешав карты» глобальных неоллиберальных игроков, затруднив тем самым дальнейшее распространение господства их политического курса на евразийском пространстве. Особенно сильным раздражителем стала позиция России в лице ее президента В.В. Путина, направленная на создание новой многополярной модели устройства мира, формирование которой призвано прервать цепь «цветных революций», разоряющих экономику стран и создающих марионеточные правительства.

Известно, что санкции ЕС проводились под значительным политическим давлением со стороны правящих кругов США, что стало еще одним доказательством несuverенности и зависимости внешнеполитического курса европейских элит, который в итоге привел к торможению развития национальных экономик. Понимание неконструктивного характера санкционной политики США и ЕС, их истинного смысла – инструмента, карающего любое стремление к суверенизации, к неподчинению неоллиберальному господству, привело к неожиданному для правящих кругов результату – усилению симпатий к Путину как сильному политическому бойцу, достойно встречающему враждебные удары.

Популярность Путина в кругах новых правых стала предметом злобных нападок со стороны целой армии неолиберально настроенных СМИ, в медиадискурсе которых термин «путинизм» приобрел зловещую окраску, а сам образ российского президента претерпел беспрецедентную дискурсивную демонизацию [11]. Вместе с тем, чем больше западные СМИ демонизируют образы России и В.В. Путина, тем более сильной оказывается привлекательность этих образов для сторонников новых правых. Об этом феномене газета *Libération* писала следующее: «В последнее время Запад накрыла настоящая волна «путинофилии», причем виновата в этом не столько российская пропаганда, сколько укоренившееся в западном обществе желание получить сильного лидера <...> Зачастую сторонники Путина даже ничего не знают о нем самом и его «авторитарном режиме», но начинают его поддерживать, поскольку им претит демонизация российского лидера в Европе и США» [16].

Что касается вопроса о возможности Путина оказывать влияние на исход избирательных кампаний в Европе и США, то газета, опираясь на мнение директора центра Карнеги в Москве Дмитрия Тренина, пишет: у российского лидера нет возможностей влиять на исход выборов в таких странах, как США или Франция, а приписываемое ему могущество свидетельствует о глубоком кризисе, который переживают политические системы развитых стран. Вместе с тем, пусть даже доказательств прямого вмешательства России в западные выборы не найдется, Кремль обладает целым арсеналом для защиты своих интересов и оказания воздействия на западное общественное мнение. Среди эффективных инструментов российского влияния значатся аналитические и культурные центры, а также разные спонсоры – ультраправые партии вроде «Национального фронта» во Франции. К инструментам влияния также относятся,

финансируемые Москвой пропагандистские СМИ [16].

Самой яркой и ошеломляющей победой новых правых над неолиберальными силами стал политический триумф Дональда Трампа на президентских выборах в США в ноябре и декабре 2016 г. Его противник – Хилари Клинтон – являлась олицетворением американско-центристского проекта глобального доминирования США, а во внутренней политике – продолжения политики толерантности в отношении мигрантов и различных меньшинств, включая интересы ЛГБТ-сообщества.

Современные политические аналитики увидели в победе Д. Трампа особый феномен, который получил название «трампизм». Сторонник правой альтернативы, американский аналитик Фред Фогарти (Fred Fogarty) трактует трампизм как восстание против неолиберального консенсуса, заключенного между лидерами Демократической и Республиканской партий, представляющих ядро американского политического истеблишмента. Данный консенсус базируется на классическом либеральном идеале индивидуальной свободы и на уверенности в незыблемости основ существующей системы американского внутривнутриполитического и мирового порядка. Общее у Демократов и Республиканцев – их фатализм, нежелание радикально менять сложившуюся парадигму существования Америки как исключительной нации и сверхдержавы. Американский образ жизни представляется в качестве универсальной ценности и цели всего человечества. В этом плане позиции традиционных американских «левых» и правых сходятся. Однако, защищая американский капитализм и американскую демократию, неолибералы на практике оказались выразителями, прежде всего, интересов транснациональных монополий, власть которых приводит к сверхобогащению крайне узкого слоя граждан и снижению уровня

жизни среднего класса Америки. Ф. Фогарти подчеркивает, что Америка – это страна не демократии, а плутократии, поскольку голоса и проблемы большинства избирателей не находят своего отражения в публичной политике. Представители американского истеблишмента озабочены, главным образом, имплементацией директив своих богатых доноров и патронов. Именно их интересы они представляют в государственных органах власти. Недовольство неолиберальным истеблишментом, постепенно накапливаясь в сознании широких масс, вылилось в итоге в голосование в пользу Трампа как несистемного политика [15].

В трампизме сторонники новых правых увидели важный фактор, способный придать дополнительный мощный импульс глобальной политической борьбе против неолиберального истеблишмента. То, что именно в США – цитадели неолиберализма – избиратели сделали выбор в пользу новых правых – настоящая сенсация! Сторонники же Х. Клинтон, которые были до конца уверены в ее победе, поскольку ими были максимально задействованы все находящиеся в их распоряжении административные ресурсы, медийные рычаги влияния на общественное мнение, язык компроматов, «черного PR», поддержка звезд Голливуда, оказались в итоге в стане проигравших. Избирательная кампания Трампа и дискурс трампизма оказались более эффективными инструментами воздействия на американский электорат, поскольку отвечали его внутренним протестным чувствам, связанным с неудовлетворенностью своим социальным положением и идеологическим влиянием «ядерного» слоя американской нации в лице «белой протестантской Америки», разделяющей традиционные ценности.

Победа Трампа обнажила глубокий раскол (социальный и ценностный) в современном американском обществе. Сторонники традиционных ценностей, голосовавшие

за Трампа, были названы рядом ангажированных командой Клинтон СМИ идиотами и глупцами, выбравшими своим президентом монстрообразного Трампа, который в итоге может нанести Америке большой урон и даже привести ее к гибели. Трампизм как определенный дискурсивный образ в антитрамповских СМИ и сетях Интернет получил название «*orangutramp*» (*Орангутанг + Трамп*). Чтобы запугать обывателя, противники Трампа изображают его в карикатурах в виде обезьяны-монстра. Обезьяной метафорически называют вредоносного человека, а также неадекватную личность. Лексема *monkey* в английском языке обозначает наркотическую зависимость, которая сопровождается неразумным пакоствивым поведением. Данная лексема в американском национальном дискурсе транслирует также такие смысловые значения как «грубый, неуклюжий человек». Английская идиома *to make a monkey of somebody* означает заставить кого-то выглядеть глупо, нелепо, сделать из человека дурака. В карикатурных изображениях Трамп предстает в образе патологического дурака, неспособного к рациональному восприятию действительности [7, с. 128].

Несмотря на усилия противников Трампа по дискредитации его политических заявлений и поведения, популярность Трампа как в США, так и в Европе все усиливается.

Секрет победы Трампа – в умении говорить с избирателями на языке наболевших проблем и забот. Он смог тонко уловить основную стержень чувства неудовлетворенности масс: люди хотят вернуть себе свою страну. Они не хотят, чтобы Америка была платформой для мирового господства, некой гегемонистской силой, вторгающейся в чужие страны, а занималась внутренним национальным развитием, сохранением собственной культуры и национальной идентичности.

Сегодня трампизм становится символическим обозначением грядущего Интернационала новых правых, призрак которого уже переходит границы США и Европы. Россия также участвует в данном процессе. Во всех движениях новых правых весьма заметен фактор российского влияния на формирование самостоятельной национально-государственной политики. Для правой альтернативы Россия выступает авторитетом в продвижении проекта многополярного мира и отстаивании национальных интересов страны.

Внутри самой России правый поворот обозначился в форме вытеснения космополитического неолиберального дискурса новым дискурсом, продвигающим альтернативную систему ценностей. В качестве новых приоритетных базовых ценностей лидером страны были провозглашены: государственный суверенитет, социальная справедливость, защита национальных интересов, безопасность страны, сохранение и развитие национальной культуры, патриотизм, семейные ценности [14, с. 21–23].

Следует отметить, что как в зарубежных странах, так и в России правый поворот сопровождается усиленным сопротивлением представителей неолиберальной элиты, которая вовсе не собирается сдавать без боя свои идейные и политические позиции. У неолибералов есть сильные козыри в глобальной игре против новых правых. Главный козырь – это «спонсоры» в лице транснационального капитала, мощи которого вполне достаточно, чтобы привести к банкротству любой, противостоящий власти неолибералов, общественный и государственный институт. Другой козырь – международный терроризм, финансируемый тем же транснациональным капиталом. Его деятельность направлена на организацию экономического и политического хаоса в тех странах, которые осмеливаются выйти из-под контроля глобальной неолиберальной элиты. Страх

населения оказаться кровавой добычей террористов также используется неолибералами для сохранения своего господства.

Еще один важный козырь – наличие мощной пропагандистской машины, служащей интересам глобальной неолиберальной элиты. В целях сохранения и расширения сферы своего геополитического влияния неолибералы при помощи СМИ и социальных сетей разыгрывают карту российской угрозы. Россия в пропагандистских текстах неолиберального и русофобского толка предстает в виде агрессора, готового оккупировать любую не принадлежащую ей территорию.

Все сказанное свидетельствует о том, что у неолибералов и новых правых силы далеко не равны. В настоящее время неолиберализм концентрирует свои ресурсы, чтобы активно перейти в контрнаступление. Означает ли это, что правый поворот под натиском неолиберальных сил, в конце концов, захлебнется, и попытка правой альтернативы изменить радикальным образом мировой порядок окажется безуспешной? Вполне возможно, что именно так и произойдет. Однако дерзость движения по имени «трампизм» внушает уважение.

1. Алексеева Т.А. «Неолиберальное государство» в контексте глобализации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mgimo.ru/files/2/z03_2013/alekseeva.pdf.

2. Ананьин О., Хаиткулов Р., Шестаков Д. Вашингтонский консенсус: пейзаж после битв // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 12. С. 15–27.

3. Бордачев Тимофей, Лукьянов Федор, Сулов Дмитрий, Сушенцев Андрей, Тимофеев Иван. Глобальный бунт и глобальный порядок. Революционная ситуация в мире и что с ней делать // Материалы для обсуждения на XIII Ежегодном заседании международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва, октябрь 2016. – 16 с.

4. Бочаров А.В., Русаков В.М., Хмелинин А.А. Дискурсивно-идеологический комплекс «цветных революций» // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 3–4 (20–21). С. 42–49.

5. Бунин Игорь. Правый поворот и правый перекос. [Электронный ресурс]. URL: <http://politcom.ru/print.php?id=21520>.

6. Делягин М. Почему элиты предают свои народы: особенности либерального сознания // Свободная мысль. 2015. № 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://svom.info/entry/589-pochemu-elity-predayut-svoi-narody-osobennosti-lib>.
7. Кузина Ю.В. Orangetrump – образ Д. Трампа в графических материалах сети Интернет // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления: материалы Междунар. Науч. конф. (Екатеринбург, 26–30.09.2016) / гл. ред. А.П. Чудинов; ФГБОУ ВО «Урал. Гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2016. С. 125–129.
8. Пономарева Елена. К итогам выборов в Европарламент. Правый поворот Европы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fondsk.ru/news/2014/05/26/pravyj-povorot-k-itogam-vyborov-v-evroparlament-27683.html>.
9. Русакова О.Ф., Хмелинин А.А. Глобальная стратегия неолиберальных трансформаций: критический анализ // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 2 (19). С. 91–101.
10. Сизов Евгений. Альтернатива для Германии – Немецкие друзья Путина [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://s30116489994.mirtesen.ru/blog/43197974738/Alternativa-dlya-Germanii-nemetskie-druzya-Putina>.
11. Тарабрин Николай (Keren). Продолжение демонизации образа России и Путина западными СМИ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://operline.ru/content/v-mire/prodolzhenie-demonizatsii-obraza-rossii-i-putina-zapadnymi-smi.html>.
12. Тензер Николая. Правый поворот [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://day.kyiv.ua/ru/article/mirovye-diskussii/pravyi-povorot>.
13. Трамп – начало глобальной консервативной революции [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusdozor.ru/2016/12/05/tramp-nachalo-globalnoj-konservativnoj-revolucii>.
14. Хмелинин А.А. Неолиберализм как фактор современных политических трансформаций: автореф. дис. ... к-та полит. наук: 23.00.02 / Хмелинин Алексей Алексеевич. – Екатеринбург, 2016. – 25 с.
15. Clash of Worldviews: The Meaning of Trumpism [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rantswithintheundeadgod.blogspot.com/2016/12/clash-of-worldviews-meaning-of-trumpism.htm>.
16. Libération: Демонизируя Путина, Запад только усиливает его популярность [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.putin-today.ru/archives/37304>.
- Dmitrij, Sushencev Andrej, Timofeev Ivan. Global'nyj bunt i global'nyj poryadok. Revolyucionnaya situaciya v mire i chto s nej delat' // Materialy dlya obsuzhdeniya na XIII Ezhegodnom zasedanii mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj». Moskva, oktyabr' 2016. – 16 s.
4. Bocharov A.V., Rusakov V.M., Xmelinin A.A. Diskursivno-ideologicheskij kompleks «cvetnyx revolyucij» // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 3–4 (20–21). S. 42–49.
5. Bunin Igor'. Pravyj povorot i pravyj perekos. [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://politcom.ru/print.php?id=21520>.
6. Delyagin M. Pochemu e'lity predayut svoi narody: osobennosti liberal'nogo soznaniya // Svobodnaya mysl'. 2015. № 6 [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://svom.info/entry/589-pochemu-elity-predayut-svoi-narody-osobennosti-lib>.
7. Kuzina Yu.V. Orangetrump – obraz D. Trampa v graficheskix materialax seti Internet // Politicheskaya lingvistika: problematika, metodologiya, aspekty issledovaniya i perspektivy razvitiya nauchnogo napravleniya: materialy Mezhdunar. Nauch. konf. (Ekatereburg, 26–30.09.2016) / gl. red. A.P. Chudinov; FGBOU VO «Ural. Gos. ped. un-t». – Ekaterinburg, 2016. S. 125–129.
8. Ponomareva Elena. K itogam vyborov v Evroparlament. Pravyj povorot Evropy [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.fondsk.ru/news/2014/05/26/pravyj-povorot-k-itogam-vyborov-v-evroparlament-27683.html>.
9. Rusakova O.F., Xmelinin A.A. Global'naya strategiya neoliberal'nyx transformacij: kriticheskij analiz // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 2 (19). S. 91–101.
10. Sizov Evgenij. Al'ternativa dlya Germanii – Nemeckie druz'ya Putina [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://s30116489994.mirtesen.ru/blog/43197974738/Alternativa-dlya-Germanii-nemetskie-druzya-Putina>.
11. Tarabrin Nikolaj (Keren). Prodolzhenie demonizacii obraza Rossii i Putina zapadnymi SMI [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://operline.ru/content/v-mire/prodolzhenie-demonizatsii-obraza-rossii-i-putina-zapadnymi-smi.html>.
12. Tenzer Nikolaya. Pravyj povorot [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://day.kyiv.ua/ru/article/mirovye-diskussii/pravyi-povorot>.
13. Tramp – nachalo global'noj konservativnoj revolyucii [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://rusdozor.ru/2016/12/05/tramp-nachalo-globalnoj-konservativnoj-revolucii>.
14. Xmelinin A.A. Neoliberalizm kak faktor sovremennyx politicheskix transformacij: avtoref. dis. ... k-ta polit. nauk: 23.00.02 / Xmelinin Aleksej Alekseevich. – Ekaterinburg, 2016. – 25 s.
15. Clash of Worldviews: The Meaning of Trumpism [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://rantswithintheundeadgod.blogspot.com/2016/12/clash-of-worldviews-meaning-of-trumpism.htm>.
16. Libération: Demoniziruya Putina, Zapad tol'ko usilivaet ego populyarnost' [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.putin-today.ru/archives/37304>.

1. Alekseeva T.A. «Neoliberal'noe gosudarstvo» v kontekste globalizacii [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.mgimo.ru/files2/z03_2013/alekseeva.pdf.

2. Anan'in O., Xaitkulov R., Shestakov D. Vashingtonskij konsensus: pejzazh posle bitv // Mirovaya e'konomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2010. № 12. S. 15–27.

3. Bordachev Timofej, Luk'yanov Fedor, Suslov

UDC 329

THE RIGHT TURN IN A POLITICAL DISCOURSE OF THE ELITES AND THE CRISIS OF NEOLIBERALISM

Rusakova Olga Fredovna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Head of Philosophy Division,
Doctor of Political Sciences, Full Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Rusakov Vasily Matveevich,

Ural State University of Economics,
Department of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dipi@nm.ru

Annotation

The article presents a theoretical analysis of a right turn in the international political process and the discourse of the political elites, considered its specific manifestations in the United States, Europe and Russia. The authors argue that a right turn due to the crisis of politics and the establishment of neoliberalism. The article describes the main sources and causes of the crisis of neoliberalism, which give rise to the mood of protest in society. The analysis of such new phenomenon as tropism, which gave a powerful impetus to right-hand turns. According to the authors, neoliberalism is not going to easily give up their positions. It concentrates its resources and preparing for the counteroffensive against the new right.

Key words:

Right turn, the new right, the right alternative, art-right, neo-liberal discourse, the crisis of the neoliberal elite, trampism.

УДК 316.772.5

ЭЛЕКТРОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ОРГАНАМИ ВЛАСТИ: ПРОИЗОШЕЛ ЛИ ПЕРЕЛОМ? (по итогам социологических исследований в Свердловской области)

Трахтенберг Анна Давидовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
старший научный сотрудник,
кандидат политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: cskiit@yandex.ru

Аннотация

В 2015–2015 году начался быстрый рост числа зарегистрированных пользователей Единого портала государственных и муниципальных услуг Российской Федерации (ЕПГУ). В связи с этим в Министерстве связи и массовых коммуникаций РФ заявили о том, что электронные государственные услуги вытесняют традиционный способ получения государственных услуг на личном приеме. Однако как показывают результаты социологических исследований, проведенных в 2015–2016 гг. в Свердловской области, граждане рассматривают ЕПГУ как инструмент для подготовки к личному приему. Они используют его для того, чтобы выяснить, какие документы необходимы для посещения органа власти, скачивания соответствующих документов и записи на прием. При взаимодействии с органами власти граждане конструируют «арку действий», в которую входят как традиционные, так и электронные услуги, т. е. действуют не в логике исключения (или традиционные услуги, или электронные), а в логике включения (и – и).

Ключевые слова:

электронное правительство, электронные услуги, «тактика слабых», арка действия, логика включения.

Переход к электронному правительству, т. е. к взаимодействию органов власти и граждан с использованием информационно-коммуникационных технологий, рассматривается как революция в сфере управления, которая должна привести к резкому росту качества предоставляемых гражданам государственных услуг и одновременно –

к снижению, а в перспективе – и полной ликвидации отчуждения граждан от власти. Однако между идеологическим конструктом «электронное правительство», каким он присутствует в многочисленных стратегических документах как международного, так и национального уровня, и реальностью внедрения информационных технологий в систему

государственного управления, имеется значительный зазор. Он находит свое выражение в неоднократно сформулированном вопросе: «Почему интерес к электронному правительству так высок, а спрос на электронные услуги – так низок?» [см., напр.: 10; 12].

Недостаточная востребованность электронных услуг является общим местом в исследованиях, посвященных электронному правительству. Это относится не только к странам с переходной экономикой и развивающимся странам (где всегда можно сослаться на недостаточное проникновение Интернета и отсутствие у граждан навыков пользования информационно-коммуникационными технологиями), но и к странам развитым, традиционно занимающим высокие места в рейтингах электронного правительства ООН, учитывающих, в том числе, уровень проникновения Интернета и качество человеческого капитала. Так, Л. Картер и В. Вираккоди [11] зафиксировали данную проблему в Великобритании (1 место в рейтинге электронного правительства ООН 2016 г.) и США (10 место в рейтинге) [13].

Поэтому одним из важнейших исследовательских направлений в сфере электронного правительства стало изучение факторов, влияющих на адаптацию пользователей электронных услуг, и барьеров, препятствующих этой адаптации, и выработка рекомендаций, направленных на снятие этих барьеров.

Данная проблема имеет и четко выраженное практическое измерение: рост спроса на электронные услуги позволяет повысить легитимность системы государственного управления как рациональной и современной, а значит, и степень доверия к государственной власти. Спрос на государственные электронные услуги операционализируется в виде конкретных показателей, как правило, связанных с числом зарегистрированных пользователей государственных информационных ресурсов. То, что данный показатель (как и любой оценочный индикатор) не отражает в полной мере реальной

картины (можно зарегистрироваться, но не пользоваться электронными услугами, или, наоборот, пользоваться рядом услуг без регистрации), не мешает его применению: он является простым и очевидным инструментом контроля.

В России в качестве базового показателя выступает количество посетителей Единого портала государственных и муниципальных услуг Российской Федерации (ЕПГУ) www.gosuslugi.ru, зарегистрированных в Единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА), т. е. открывших на ЕПГУ «личный кабинет».

С момента его создания в 2009 году ЕПГУ позиционировался как основной, а в перспективе – единственный инструмент предоставления государственных услуг в электронной форме. Совсем недавно в Поручении Президента РФ от 28 июля 2016 г. Пр-1455 по вопросу повышения качества оказания государственных услуг в электронной форме было специально указано на необходимость приведения всех социально значимых региональных и муниципальных услуг к единому общероссийскому стандарту с помощью установления единой формы на ЕПГУ и исключения дублирования такой формы на региональных порталах государственных и муниципальных услуг [2, п. 2б]. Фактически речь шла о полном переводе наиболее востребованных услуг регионального и муниципального уровня на ЕПГУ.

Использование в качестве базового показателя количества граждан, зарегистрированных в ЕСИА, порождает целый ряд технических проблем [см. напр.: 6], однако данный показатель рассматривается как наиболее объективный. Показатели, сформированные Росстатом на основе социологических исследований, вызывают большие нарекания [9].

Важность базового показателя определяется тем, что в соответствии с Указом Президента РФ от 06 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управле-

ния», доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, должна к 2018 году достичь не менее 70% [1]. Соответственно, учитывая специфику базового показателя, 70% граждан, получающих услуги в электронной форме, превращаются в 70% граждан, имеющих регистрацию в ЕСИА.

Поэтому Министерство связи и массовых коммуникаций РФ, отвечающее за технологические аспекты развития электронного правительства, предпринимает активные усилия для повышения привлекательности ЕПГУ и стимулирования регистрации граждан в ЕСИА. В 2015 году экспертной сетью «Rocketmind» по заказу Министерства была организована кампания социальной рекламы, направленная на продвижение электронных услуг (со слоганами «Госуслуги на все случаи жизни», «Госуслуги. Проще, чем кажется» и т. п.). Разработчики использовали классический маркетинговый подход: «нельзя тратить деньги на рекламу, если не понимаешь клиента». Поэтому они «провели более глубокий анализ целевых аудиторий, создали понятные УТП (уникальные торговые предложения – А.Т.) для ключевых услуг, сделали акцент на пользе и в итоге пришли к универсальному конструктору коммуникационных сообщений для каждой аудитории и каждой услуги» [8]. На практике, как видно из рекламных материалов компании, разработчики ориентировались не на «каждую аудиторию», а на молодых, образованных и обеспеченных жителей крупных городов.

В результате по итогам 2015 года на ЕПГУ было зарегистрировано почти 22,5 млн. человек. За год аккаунты в Единой системе идентификации и авторизации (ЕСИА) пользователей завели 9,5 млн. человек, т. е. треть общего их числа, начиная с 2009 года (из них упрощенной регистрацией воспользовались 21,5%) [4]. За первое полугодие 2016 года прирост составил еще 6,4 млн. человек, так что общее число поль-

зователей ЕПГУ составило почти 29 миллионов [7], т. е. около 20% населения России.

В Министерстве связи и массовых коммуникаций заговорили о том, что «мы находимся на переломном этапе, когда электронные услуги становятся не просто дополнительными сервисами к традиционному способу получения госуслуг на личном приеме, а основным»¹. В перспективе должна сложиться ситуация, которую в Министерстве связи описывают как «ноль бумаги, ноль чиновников и ноль проблем взаимодействия» [3]. В соответствии с этим в разработанном в 2016 году «Системном проекте электронного правительства» появился т. н. «реестровый принцип», согласно которому результат предоставления государственной услуги должен в первую очередь фиксироваться в базовом государственном информационном ресурсе (БГИР) без обязательной выдачи гражданину на материальном носителе, а сами услуги носят проактивный комплексный характер «по жизненным ситуациям», т. е. превращаются в «электронный бизнес-процесс без участия гражданина» [5].

В какой мере оправдан данный подход? Можно ли говорить о том, что электронное взаимодействие с органами власти делает традиционный личный контакт ненужным, сводя взаимодействие граждан и власти к обмену информацией между базами данных?

Как показывают результаты исследовательского проекта «Граждане и электронные услуги», реализованного нами в Свердловской области в 2015–2016 гг.², действительно произошел заметный рост доли граждан, готовых взаимодействовать с органами власти

1 Высказывание принадлежит заместителю министра связи и массовых коммуникаций РФ А.О. Козыреву, являющемуся главным идеологом электронного правительства [7].

2 Первый этап проекта был реализован в мае 2015 года, второй этап – в апреле 2016 года, третий, дополнительный – в июле 2016 г. В опросе участвовали жители Свердловской области в возрасте старше 18 лет. Размер выборочной совокупности составлял 500 человек. Выборка носила вероятностный стратифицированный характер.

в электронном виде, однако о вытеснении традиционного способа электронным, на наш взгляд, пока говорить преждевременно.

С 2015 по 2016 год число жителей Свердловской области, которые рассматривали обращение в органы власти по Интернету как возможный и допустимый способ взаимодействия с властью, увеличилось с 35,4% до 42,0% – см. Таблицу 1.

чем моложе были респонденты, тем охотнее они демонстрировали готовность к электронному взаимодействию. В группе респондентов в возрасте до 30 лет о своей готовности заявили 52,6% опрошенных, в то время как в группе респондентов старше 60 лет – 15,1%.

Таким образом, очередной раз подтвердился вывод, что наибольшая готовность к электронному взаимодействию с органами

Таблица 1 – Готовность жителей Свердловской области к электронному взаимодействию с органами власти в динамике.

Если бы был выбор, как официально обратиться в государственное учреждение, предпочли бы обратиться...	2010 г.	2015 г.	2016 г.
только через Интернет	16,4	8,7	11,4
иногда лично, иногда через Интернет – зависит от ситуации	20,4	26,7	30,6
Итого:	36,8	35,4	42,0
прийти и обратиться лично	54,8	61,7	54,4
затруднились ответить	8,4	2,9	3,6

Дополнительно в Таблице 1 приводятся и данные аналогичного опроса за 2010 г. (практически не отличающиеся от данных 2015 года), которые подтверждают вывод о заметном улучшении отношения граждан к электронному взаимодействию с органами государственной власти в 2016 году.

Уровень готовности к электронному взаимодействию в определенной степени зависел от места жительства (коэффициент Крамера 0,252, $p = 0,1$): в ходе второго этапа проекта (апрель 2016 года) среди опрошенных жителей Екатеринбурга о своей готовности взаимодействовать с органами власти по Интернету заявили 54,1%, среди опрошенных жителей Нижнего Тагила – 35,1%, а среди жителей малых городов области (Белоярский, Кировград, Ревда) – 30,9%.

Также значимым фактором являлся возраст (коэффициент Крамера 0,226, $p = 0,1$)³:

³ Образование являлось заметно менее значимым фактором: коэффициент Крамера 0,163, $p = 1$.

власти типична для молодых жителей крупных городов.

Однако при этом рост готовности к такому взаимодействию произошел прежде всего за счет респондентов, которые заявили, что использовали бы обращение по Интернету «в зависимости от ситуации». Одновременно снизилась доля респондентов, заявлявших, что они предпочли бы обращаться в органы власти только по Интернету.

Какого рода формы взаимодействия с органами власти в электронном виде в течение последнего полугодия практиковали участники социологического опроса (см. Таблицу 2)?

Распределение ответов демонстрирует растущую популярность использования Интернета для совершения подготовительных действий, необходимых для того, чтобы личное посещение государственного учреждения оказалось успешным.

Характерно, что чем чаще респондентам приходилось посещать различные

Таблица 2 – Основные формы взаимодействия жителей Свердловской области с органами власти в электронном виде.

Использовали электронное взаимодействие для того, чтобы...	2015 г.	2016 г.
искать информацию о том, что делать при обращении в госучреждения	16,7/2	24,0/1
искать образцы документов для скачивания и заполнения	16,3/3	19,8/3
записаться на прием в госучреждение	7,3/4	13,2/4
получить квитанции для уплаты налогов, штрафов и других сборов	6,3/5	9,8/6
направить в электронном виде документы в госучреждение	5,7/6	11,0/5
ничего такого не делали	66,0	56,8
затруднились ответить	1,7	1,0

Примечание: сумма по столбцу превышает 100%, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

государственные учреждения, тем активнее они пользовались разного рода формами электронного взаимодействия (коэффициент Крамера 0,280, $p = 0,1$) – см. Таблицу 3.

ственном учреждении только один раз, так поступили две трети – 60,6%)⁴.

Почти половина (45,1%) тех, кому пришлось бывать в органах власти неоднократно,

Таблица 3 – Основные формы взаимодействия с органами власти в электронном виде в зависимости от частоты посещения государственных учреждений.

За последние полгода...	Посещали государственные учреждения за последние полгода...	
	Неоднократно	Однажды
искали информацию о том, что делать при обращении в госучреждения	45,1/1	26,8/1
искали образцы документов для скачивания и заполнения	39,3/2	23,9/3
смотрели информацию по штрафам, задолженностям и т. п.	33,5/3	26,8/1
записывались на прием в госучреждение	26,0/4	15,5/4
направляли в электронном виде документы в госучреждение	18,5/5	14,1/5
получали квитанции для уплаты налогов, штрафов и других сборов	16,8/6	12,7/6
ничего такого не делали	31,2	60,6
затруднились ответить	0,6	1,4

Примечание: сумма по столбцу превышает 100%, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Только треть (31,2%) тех, кто за последние полгода был вынужден неоднократно посещать государственные учреждения, вообще не использовали Интернет в процессе взаимодействия с органами власти (в то время как в группе тех, кто побывал в государ-

предварительно искали информацию о том, что делать при обращении, две пятых (39,3%)

⁴ Не менее характерно, что среди постоянных посетителей государственных учреждений уже успели неоднократно побывать на ЕПУ 58,2% опрошенных в группе, а среди однократных посетителей – 30,5%.

искали образцы документов, с которыми необходимо обращаться в органы власти, четверть (26,0%) записывались на прием. Иными словами, представители данной группы активно использовали Интернет именно в качестве «дополнительных сервисов к традиционному способу получения государственных услуг». Переломом, прокламируемого представителями Министерства связи и массовых коммуникаций, пока не произошло.

Чтобы понять, почему, рассмотрим ответы респондентов на вопрос о том, что важнее всего сделать, чтобы добиться нужного результата при обращении в государственное учреждение – см. Таблицу 4 (вопрос задавался в ходе дополнительного этапа исследования вне контекста электронного правительства; варианты ответов были отобраны по итогам серии фокус-групп, в ходе которых участники обсуждали тему).

и настойчивости, умения себя вести и умения договариваться с сотрудниками органов власти. Иными словами, сторонники электронного взаимодействия пока видят в нем дополнительный, наряду с личным обращением, а не основной, и тем более не исключительный способ взаимодействия с органами власти. Можно говорить об успешной адаптации гражданами новых возможностей взаимодействия с органами власти в рамках традиционной «тактики слабых», направленной на то, чтобы минимизировать затраты времени и сил при таком взаимодействии и хотя бы отчасти контролировать его ход и результаты. При взаимодействии с органами власти граждане конструируют «арку действий», в которую входят как традиционные, так и электронные услуги, т.е. действуют не в логике исключения (или традиционные услуги, или электронные), а в логике включения (и – и).

Таблица 4 – Сравнительная оценка основных тактик при обращении в государственные учреждения.

Как вы считаете, что важнее всего сделать, чтобы добиться нужного результата при обращении в государственное учреждение?	%%
правильно оформить все документы	88,3
запасть терпением и настойчивостью	26,5
правильно вести себя на приеме	13,2
суметь договориться с сотрудником учреждения	8,1
найти в учреждении знакомого сотрудника	7,7
в случае чего – сразу писать жалобу	5,0
специально ничего делать не нужно	2,8
затруднились ответить	2,0
все зависит от конкретного учреждения	1,6

Примечание: сумма по столбцу превышает 100%, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Как видим, граждане придают исключительное значение правильному оформлению документов. Поэтому для них официальный портал – это место, где можно узнать, какие документы нужны для обращения и как грамотно их заполнить перед личным обращением, которое, в свою очередь, требует терпения

1. Указ Президента РФ от 06 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [Электронный документ]. URL: <http://www.rg.ru/2012/05/09/gosupravlenie-dok.html> (дата обращения: 01.11.2016).

2. Поручение Президента РФ от 28 июля 2016 г. Пр-1455 по вопросу повышения качества оказания государственных услуг в электронной форме [Электрон-

ный документ]. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/52638> (дата обращения: 01.11.2016).

3. Замминистра связи Алексей Козырев представил завершённую версию Системного проекта // Министерство связи и массовых коммуникаций РФ. 12 октября 2016 г. [Электронный документ]. URL: <http://minsvyaz.ru/ru/events/35929/> (дата обращения: 01.11.2016).

4. Количество зарегистрированных граждан в ЕСИА выросло на 2,7 млн. в конце 2015 года // Министерство связи и массовых коммуникаций РФ. 22 января 2016 г. [Электронный документ]. URL: <http://minsvyaz.ru/ru/events/34565/> (дата обращения: 01.11.2016).

5. Костылева Т. Минкомсвязь представила предложения по выполнению поручений президента о повышении качества электронных услуг и сокращении расходов на их оказание [Электронный документ] // Экспертный центр электронного государства. 20 мая 2016 г. URL: <http://d-russia.ru/minkomsvyaz-predstavila-predlozheniya-po-vypolneniyu-poruchenij-prezidenta-o-povyshenii-kachestva-elektronnykh-uslug-i-sokrashhenii-raschodov-na-ix-okazanie.html> (дата обращения: 01.11.2016).

6. Минкомсвязь пересчитала рейтинг регионов по доле зарегистрированных граждан на Едином портале госуслуг [Электронный документ] // Экспертный центр электронного государства. 26 августа 2016 г. URL: <http://d-russia.ru/minkomsvyaz-pereschitala-rejting-regionov-po-dole-zaregistrirovannykh-grazhdan-na-edinom-portale-gosuslug.html> (дата обращения: 01.11.2016).

7. Подведены итоги работы Портала госуслуг в первом полугодии 2016 г. [Электронный документ] // Министерство связи и массовых коммуникаций РФ. 13 июля 2016 г. URL: <http://www.minsvyaz.ru/ru/events/35420/> (дата обращения: 01.11.2016).

8. Редизайн государства: Продвижение нового портала госуслуг в 2015 году. Раздел «Аналитика» [Электронный документ]. URL: <http://gosuslugi.rocketmind.ru/analytics.html> (дата обращения: 01.11.2016).

9. Рост зафиксировал рост до 39,6% доли граждан, получающих госуслуги в электронном виде – методика вызывает сомнения [Электронный документ] // Экспертный центр электронного государства. 13 апреля 2016 г. URL: <http://d-russia.ru/rosstat-zafiksiroval-rost-do-396-doli-grazhdan-poluchayushhix-gosuslugi-v-elektronnom-vide-metodika-vyzyvaet-somneniya.html> (дата обращения: 01.11.2016).

10. AlAwadhi S., Morris S. Factors Influencing Adoption of E-Government Services // *Journal of Software*. 2012. V. 4. N 6. Pp. 291–307.

11. Carter L., Weerakkody V. E-Government Adoption: A Cultural Comparison // *Information System Frontiers*. 2008. V. 10. № 4. Pp. 473–482.

12. Kunstelj M., Jukic T., Vintar M. Analysing the Demand Side of E-Government: What We Can Learn from Slovenian Users? // *Electronic Government Lecture Notes in Computer Science*. 2007. 4656. Pp. 315–317.

13. UN Department of Economic and Social Affairs. United Nations E-Government Survey 2016: E-Government in Support of Sustainable Development. UN, 2016. 220 p. [Электронный документ]. URL: <http://workspace.unpan.org/>

sites/Internet/Documents/UNPAN96407.pdf. (дата обращения: 01.11.2016).

1. Ukaz Prezidenta RF ot 06 maya 2012 g. № 601 «Ob osnovnykh napravleniyakh sovershenstvovaniya sistemy gosudarstvennogo upravleniya» [E'lektronnyj dokument]. URL: <http://www.rg.ru/2012/05/09/gosupravlenie-dok.html> (data obrashheniya: 01.11.2016).

2. Poruchenie Prezidenta RF ot 28 iyulya 2016 g. Pr-1455 po voprosu povysheniya kachestva okazaniya gosudarstvennykh uslug v e'lektronnoy forme [E'lektronnyj dokument]. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/52638> (data obrashheniya: 01.11.2016).

3. Zamministra svyazi Aleksej Kozyrev predstavil zavershennuyu versiyu Sistemnogo proekta // Ministerstvo svyazi i massovykh kommunikacij RF. 12 oktyabrya 2016 g. [E'lektronnyj dokument]. URL: <http://minsvyaz.ru/ru/events/35929/> (data obrashheniya: 01.11.2016).

4. Kolichestvo zaregistrirovannykh grazhdan v ESIA vyroslo na 2,7 mln. v konce 2015 goda // Ministerstvo svyazi i massovykh kommunikacij RF. 22 yanvarya 2016 g. [E'lektronnyj dokument]. URL: <http://minsvyaz.ru/ru/events/34565/> (data obrashheniya: 01.11.2016).

5. Kostyleva T. Minkomsvyaz' predstavila predlozheniya po vypolneniyu poruchenij prezidenta o povyshenii kachestva e'lektronnykh uslug i sokrashhenii raschodov na ix okazanie [E'lektronnyj dokument] // E'kspertnyj centr e'lektronnogo gosudarstva. 20 maya 2016 g. URL: <http://d-russia.ru/minkomsvyaz-predstavila-predlozheniya-po-vypolneniyu-poruchenij-prezidenta-o-povyshenii-kachestva-elektronnykh-uslug-i-sokrashhenii-raschodov-na-ix-okazanie.html> (data obrashheniya: 01.11.2016).

6. Minkomsvyaz' pereschitala rejting regionov po dole zaregistrirovannykh grazhdan na Edinom portale gosuslug [E'lektronnyj dokument] // E'kspertnyj centr e'lektronnogo gosudarstva. 26 avgusta 2016 g. URL: <http://d-russia.ru/minkomsvyaz-pereschitala-rejting-regionov-po-dole-zaregistrirovannykh-grazhdan-na-edinom-portale-gosuslug.html> (data obrashheniya: 01.11.2016).

7. Podvedeny itogi raboty Portala gosuslug v pervom polugodii 2016 g. [E'lektronnyj dokument] // Ministerstvo svyazi i massovykh kommunikacij RF. 13 iyulya 2016 g. URL: <http://www.minsvyaz.ru/ru/events/35420/> (data obrashheniya: 01.11.2016).

8. Redizajn gosudarstva: Prodvizhenie novogo portala gosuslug v 2015 godu. Razdel «Analitika» [E'lektronnyj dokument]. URL: <http://gosuslugi.rocketmind.ru/analytics.html> (data obrashheniya: 01.11.2016).

9. Rosstat zafiksiroval rost do 39,6% doli grazhdan, poluchayushhix gosuslugi v e'lektronnom vide – metodika vyzyvaet somneniya [E'lektronnyj dokument] // E'kspertnyj centr e'lektronnogo gosudarstva. 13 aprelya 2016 g. URL: <http://d-russia.ru/rosstat-zafiksiroval-rost-do-396-doli-grazhdan-poluchayushhix-gosuslugi-v-elektronnom-vide-metodika-vyzyvaet-somneniya.html> (data obrashheniya: 01.11.2016).

10. AlAwadhi S., Morris S. Factors Influencing Adoption of E-Government Services // *Journal of Software*. 2012. V. 4. N 6. Pp. 291–307.

11. Carter L., Weerakkody V. E-Government Adoption: A Cultural Comparison // Information System Frontiers. 2008. V. 10. № 4. Pp. 473–482.

12. Kunstelj M., Jukic T., Vintar M. Analysing the Demand Side of E-Government: What We Can Learn from Slovenian Users? // Electronic Government Lecture Notes

in Computer Science. 2007. 4656. Pp. 315–317.

13. UN Department of Economic and Social Affairs. United Nations E-Government Survey 2016: E-Government in Support of Sustainable Development. UN, 2016. 220 p. [Elektronnyj dokument]. URL: <http://workspace.unpan.org/sites/Internet/Documents/UNPAN96407.pdf>. (data obrashheniya: 01.11.2016).

UDC 316.772.5

ELECTRONIC STATE SERVICES FROM THE GOVERNMENT'S AND CITIZENS' STANDPOINT: WHETHER THERE WAS A CRISIS? (Following the Results of Sociological Researches in Sverdlovsk Region)

Trakhtenberg Anna Davidovna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Senior Research Associate,
PhD in Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: cskiit@yandex.ru

Annotation

This article presents a comparative analysis of government officials' and citizens' concept of «electronic government» and «electronic services», based on strategic documents and legal acts, including federal laws, decrees of the President of RF and orders of the Government of RF that accompany and regulate the transition to electronic government in Russia, as well as on the results of sociological surveys conducted in the Sverdlovsk Region in 2010 and 2015. Institutional approach to adoption of information technologies in public administration is employed to substantiate that «rupture talk» is used to describe e-government transition at the level of public authorities. «Rupture» means that adoption of information technologies may entail fundamental changes in the relations between the citizens and the government. Rupture talks support institutional legitimation of the relevant bodies. The need in legitimation gives rise to constant reproduction of rupture talk, and result in variability of «e-services» interpretation, up to total replacement of the initial meaning, dictated by strategic and tactical considerations. At the same time, the citizens themselves carry out operationalisation of the «electronic government» by other means. They use new ways of interaction with the government for solution of conventional problems. Even though they express willingness to use the e-services, real decisions are made at the situational level – they choose whether to use the new or old rules depending on the significance of the particular problem. Electronic interaction is perceived by them as secondary, ancillary, providing no fundamental change in their relations with the public officials.

Key words:

E-government, e-services, rupture talk, technology adoption, rational legitimation, operationalization, tactics of the weak.

УДК 327

ДИСКУРСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Романова Кира Степановна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Старший научный сотрудник,
Кандидат философских наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: romkira@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются различные подходы к концепту исторической памяти: как способ сохранения и трансляции прошлого в эпоху утраты традиции, как индивидуальная память о прошлом, как коллективная память о прошлом, как социальная память о прошлом и, наконец, просто как синоним исторического сознания. Базисом для исследования социальной исторической памяти послужил арсенал русской и западной психологической науки, в которой изучение памяти как продукта исторического развития психики человека имеет длительную традицию. Выделены наиболее активно исследуемые формы исторической памяти, такие как: коммуникативная память; культурная память; «мягкая» память, «жесткая» память.

Ключевые слова:

историческая память, социальная память, коммуникативная память, культурная память, коллективная и индивидуальная память, историческое сознание.

Нельзя научить любить живых, если не умеешь хранить память о мертвых. Только народ, который чтит своих героев, может считаться великим.

К. Рокоссовский –
советский маршал [9]

Проблема исторической памяти объединяет вокруг себя множество наук: философию и психологию, этнографию, историю и социологию. Все они едины во мнении, что восприятие событий настоящего времени напрямую зависит от знаний и оценки событий прошлого. Историческая память – это мощный регулятор общественного со-

знания. К концу XX века, в эпоху «кризиса модерна», в профессиональной среде все чаще стали звучать высказывания, что важнейшей функцией истории является сохранение социальной памяти – ключевого механизма самоидентификации общества, его исторического достояния. Особенно это важно для социализации молодого поколения и передачи ему ментальных и социальных ценностей.

Прежде всего, надо понимать, что проблема формирования исторической памяти у молодого поколения многогранна, и влияние на нее оказывают многие факторы. Это самый сложный процесс, включающий как социальные и экономические условия,

идеологию и образование, так и общее отношение к истории своей страны. Как отмечает Б. Илизаров: «Революция конца XX – начала XXI веков в области информационных технологий и войны великих держав за контроль над ними чреват непредсказуемыми мировыми потрясениями, решительно изменяющими ход мировой истории. Новое поле битвы – социальная память человечества. Если всю предыдущую историю главным аргументом была сила оружия, то в новую эпоху на первый план выходит борьба за общественное сознание, т. е. за трактовку и коллективное понимание образов прошлого» [4].

Концепт «историческая память» интерпретируется по-разному: как способ сохранения и трансляции прошлого в эпоху утраты традиции, как индивидуальная память о прошлом, как коллективная память о прошлом, как социальная память о прошлом и, наконец, просто как синоним исторического сознания. Историческая память – понятие коллективное. Она заключена как в сохранении, так и в понимании общественного исторического опыта. Коллективная память поколений может быть как среди членов семьи, определенных групп, населения города или деревни, так и у всей нации, страны и всего человечества. Историческая память воспроизводит непрерывность и преемственность социального бытия. Содержание памяти составляет прошлое, но без него невозможно мышление в настоящем, прошлое – это глубинная основа актуального процесса сознания.

Историческая память есть в какой-то мере сфокусированное сознание, которое отражает значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим.

Коллективная историческая память – это не то, что историки говорят о прошлом. История, написанная профессионалами, разумеется, важна – но только для небольшой

части населения. Очень часто «написанная» история выполняет ту или иную идеологическую задачу, отражая определенные интересы власти для конкретного настоящего времени. Память – это не абстрактные знания каких-либо событий. Память – это жизненный опыт, знание событий, пережитых и прочувствованных, отражающихся эмоционально. Коллективные же воспоминания – это набор действий и чувств, которые выходят за рамки интересов узкого круга историков-профессионалов. Эти действия могут опираться на профессионально написанную историю, но они от нее не зависят. Практика рассказов о жизни в коллективах, группах позволяет лучше понять влияние детерминаций на постоянное взаимодействие между бытием человека и бытием общества. Как верно отмечает Де Гольжак В.: «Если индивид является продуктом истории, то эта история конденсирует, с одной стороны, комплекс социально-исторических факторов, которые включаются в процесс социализации, и, с другой стороны, комплекс интрапсихических факторов, которые детерминируют способности субъекта воздействовать как на его существование, так и на социальный контекст, в который он вписывается» [3, с. 225].

В современной России на волне исследовательского интереса к проблемам исторической памяти активно издаются и переиздаются классические труды таких авторов, как М. Хальбвакс, П. Нора, Я. Ассманн, П. Рикер, Ю. М. Лотман, и многих других. Базисом для развития социальной исторической памяти послужил арсенал русской психологической науки, в которой изучение памяти как продукта исторического развития психики человека имеет длительную традицию. Плеядой выдающихся советских исследователей – Л. С. Выготским, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьевым и их последователями – было обосновано положение о том, что переход от биологических

форм памяти к высшим, специфически человеческим ее формам, «является результатом длительного и сложного процесса культурного, исторического развития» [5, с. 31]. Общественно-исторические сдвиги не только вносят в психический мир человека новое содержание, но и переводят сознание человека, а значит и процессы памяти, на качественно новые уровни [8]. Л. С. Выготский связывал с этими сдвигами две стадии развития памяти, которые были пройдены человечеством в филогенезе, а потому находящие отражение и в онтогенезе. На первой стадии память имеет непосредственную, относительно примитивную форму (эйдическую – по Л. С. Выготскому, натуральную – по А. Н. Леонтьеву). На второй, более поздней стадии, она приобретает произвольные свойства, так как опосредуется изобретенными человечеством искусственными знаками [2].

Обобщая, отметим, что концепция социальной памяти уже имеет свою историю и основополагающие идеи. К ним относятся: представления о внешней по отношению к индивидуальному сознанию коллективной памяти общества; эта память отлична от системы передачи биологической информации; она служит базисом формирования индивидуального и общественного сознания; развитие социальной памяти оказывает непосредственное влияние на развитие исторического сознания общества. «Сущность «парадигмы памяти», сформировавшейся в русле исторической антропологии, состоит в том, что предметом исследования становится не историческое событие или явление как таковое, а память о нем, живущая в сознании общества. Закономерно, что в российской исторической науке эта проблематика оказалась актуальной именно в наши дни: непрекращающиеся идейно-политические баталии вокруг событий прошлого наглядно свидетельствуют, что граждане нашей страны (зачастую представители одного

и того же поколения) не просто обладают диаметрально противоположными представлениями об одних и тех же исторических явлениях, но и мыслят различными историческими категориями, живут в разных исторических измерениях» [6, с. 448].

Нельзя не согласиться с О. Ф. Русаковой и В. М. Русаковым с тем, что «подводя итоги экскурсу в круг проблем современной политики исторической памяти, посвященной Второй мировой войне, приходится признать, что история была, есть и будет орудием политической борьбы в обществе, где ничтожная часть его жаждет не только присваивать подавляющую часть богатства, но и жесточайшим образом подавлять всех, кто вздумает этому сопротивляться» [10, с. 15]. Коллективная историческая память, так же как и индивидуальная, имеет несколько этапов развития. Во-первых, это забвение. Через определенный промежуток времени людям присуще забывать события. Это может случиться быстро, а может произойти через несколько лет. Жизнь не стоит на месте, каждодневная череда событий не прерывается, и многие из них замещаются новыми впечатлениями и эмоциями. Во-вторых, люди вновь и вновь сталкиваются с прошедшими фактами в научных статьях, литературных произведениях и СМИ. И везде толкования одних и тех же событий могут сильно отличаться. И не всегда их можно отнести к понятию «историческая память». Аргументы событий каждый автор излагает по-своему, вкладывая в повествование свой взгляд и личное отношение. И неважно, какая это будет тема – мировая война, избирательная кампания или извержение вулкана. Читатели, зрители и слушатели будут воспринимать событие глазами репортера или писателя. Различные варианты изложения фактов одного и того же события дают возможность людям анализировать, сопоставлять мнения разных людей и делать собственные выводы. Относительно прав-

дивая память народа способна развиваться только при свободе слова, и совершенно искаженной «идеологизированной» она будет при тотальной цензуре. Третий, наиболее важный этап развития исторической памяти людей, – сопоставление событий, происходящих в настоящем времени, с фактами из прошлого. Актуальность сегодняшних проблем общества иногда напрямую может быть связана с историческим прошлым. Только анализируя опыт прошлых достижений и ошибок, человек способен созидать. Французский философ и социолог Морис Хальбвакс первым выдвинул гипотезу о том, что понятия исторической памяти и истории далеко не одно и то же. Он впервые предположил, что история начинается именно тогда, когда заканчивается социальная память и традиция. Нет необходимости фиксировать на бумаге то, что еще живо в воспоминаниях. Историческая память является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания, это «важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо разделение оживляемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конституирования и интеграции социальных групп в настоящем» [11, с. 22].

Память сохраняется долго. Проблемы, вызываемые, к примеру, геноцидом, очень значимы даже тогда, когда речь идет о давних геноцидах – будь то Холокост или армянский геноцид (в результате которого погибли более 2-х миллионов человек). То же состояние вызывают мировые войны, революции, гражданские войны, внутренние братоубийственные войны (современная Украина). Как отмечает одна из самых ярких фигур в современной социальной психоте-

рапии Анн Шутценбергер, эти значимые состояния переживаются как глубокие «психологические травмы», последствия которых несут на себе последующие поколения [12, с. 233]. Как говорится в Библии: «Родители съели зеленый виноград, а у детей появилась оскомина на зубах».

Исследование исторической памяти всегда представляет собой реконструкцию идентификационных структур, свойственных сознанию «вспоминающей» эпохи. Понятия «идентичность» – «память» – «дискурс» – «образ» – «миф» оказываются взаимно увязанными друг с другом, существующими в одном проблемном поле. Эти понятия очерчивают смысловые координаты, в которых существуют современные исследования по истории памяти; и они же, как представляется, достаточно четко показывают, в чем заключается секрет притягательности исследований по истории исторической памяти. Отличительная особенность рассматриваемой области исследований – ее поистине бескрайнее предметное поле. Память народа о прошедших событиях выражалась разными способами и в различных формах. В сфере внимания специалистов по исторической памяти находятся такие формы, как: «коммуникативная память», охватывающая воспоминания трех-четырех живущих ныне поколений; «культурная память», соединяющая современность с давним прошлым [1]; «мягкая» память (личная, субъективная, запечатленная в дневниках и воспоминаниях); память «жесткая» (закрепленная в форме разнообразных «мест памяти», музейных экспозиций, календаря официальных памятных дат, мемориалов и церемониалов) [13, с. 46]; «обыденная память» – обыденные представления о прошлом; «историописания» – эволюция профессиональных, научных практик [7, с. 6].

Обращение к историческому опыту в ходе политических дискуссий, полярность оценок исторических деятелей и событий,

попытки кардинально изменить картину исторического прошлого в общественном сознании вызывают ожесточенные споры. Политика в области исторической памяти базируется на сознательной подгонке фактов исторического прошлого под задачи формирования национальной идентичности, а это не всегда совместимо с поиском истины, и именно в историческом познании исполнить это требование труднее всего. Вопросы методов и средств, с помощью которых социальные институты совершают работу по дешифровке структур идентичности людей из других исторических эпох, которые могут быть применены для анализа нашей собственной идентичности, для вскрытия дискурсивной, образной или мифологической природы нашего собственного исторического сознания и памяти, будут предметом рассмотрения во второй части статьи.

1. Ассманн Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М., Языки славянской культуры 2004. – 368 с. – С. 50–59.
2. Выготский Л. Собрание сочинений в шести томах. Т. 2. М. – Л., 1982. С. 214–215, 392–395; Т. 3. М. – Л., 1983. С. 86–90. Философское обобщение психологических теорий памяти было предпринято в работах М.С. Роговина: Философские проблемы теории памяти. М., 1966; Проблемы теории памяти. М., 1977.
3. Де Гольжак В. История в наследство: Семейный роман и социальная траектория / Пер. с франц. И.К. Масалкова. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2003. 240 с.
4. Илизаров Б.С. Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания (в свете представлений о социальной памяти) // Вопросы философии, 1985, № 8. С. 60–69.
5. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения в двух томах. Т. 1. М., 1983. С. 31.
6. Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. – Самара, 2011. – 448 с.
7. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна / Пер. с англ. И. Шебуковой. СПб.: Изд-во Владимир Даль, 2004. – 624 с.
8. Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М.: Наука, 1974. 172 с.
9. Рокоссовский К. Ежедневник Звезда, 17 августа 2016 года, № 32 (100). с 7.
10. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Великая от-

ечественная война и политика исторической памяти. Часть II // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. № 2 (23). С. 8–17.

11. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас, 2005, № 2–3. С. 22.
 12. Шутценбергер А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача трав и практическое использование геносоциогаммы. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001. – 240 с.
 13. Эткин А. Столетняя революция: юбилей начала и начало конца // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 46.
-
1. Assmann Ya. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokix kul'turax drevnosti / Per. s nem. M., Yazyki slavyanskoj kul'tury 2004. – 368 s. – S. 50–59.
 2. Vygotskij L. Sobraenie sochinenij v shesti tomax. T. 2. M. – L., 1982. S. 214–215, 392–395; T. 3. M. – L., 1983. S. 86–90. Filosofskoe obobshhenie psixologicheskix teorij pamyati bylo predprinято v rabotax M.S. Rogovina: Filosofskie problemy teorii pamyati. M., 1966; Problemy teorii pamyati. M., 1977.
 3. De Gol'zhak V. Istoriya v nasledstvo: Semejnij roman i social'naya traektoriya / Per. s franc. I.K. Masalkova. – M.: Izd-vo Instituta Psixoterapii, 2003. 240 s.
 4. Ilizarov B.S. Rol' retrospektivnoj social'noj informacii v formirovanii obshhestvennogo soznaniya (v svete predstavlenij o social'noj pamyati) // Voprosy filosofii, 1985, № 8. S. 60–69.
 5. Leont'ev A.N. Izbrannye psixologicheskie proizvedeniya v dvux tomax. T. 1. M., 1983. S. 31.
 6. Leont'eva O.B. Istoricheskaya pamyat' i obrazy proshlogo v rossijskoj kul'ture XIX – nachala XX vv. – Samara, 2011. – 448 s.
 7. Loue'ntal' D. Proshloe – chuzhaya strana / Per. s angl. I. Shebukovoj. SPb.: Izd-vo Vladimir Dal', 2004. – 624 s.
 8. Luriya A.R. Ob istoricheskom razvitii poznavatel'nyx processov. M.: Nauka, 1974. 172 s.
 9. Rokossovskij K. Ezhenedel'nik Zvezda, 17 avgusta 2016 goda, № 32 (100). s 7.
 10. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Velikaya otechestvennaya vojna i politika istoricheskoy pamyati. Chast' II // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2016, № 2 (23). S. 8–17.
 11. Hal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' // Neprikosnovennyj zapas, 2005, № 2–3. S. 22.
 12. Shutcenberger A. Sindrom predkov. Transgeneracionnye svyazi, semejnye tajny, sindrom godovshhiny, peredacha trav i prakticheskoe ispol'zovanie genosociogrammy. – M.: Izd-vo Instituta Psixoterapii, 2001. – 240 s.
 13. E'tkind A. Stoletnyaya revolyuciya: yubilej nachala i nachalo konca // Otechestvennye zapiski. 2004. № 5. S. 46.

UDC 327

DISCOURSES OF HISTORICAL MEMORY

Romanova Kira Stepanovna,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of Russian Academy of Sciences,
Associate Professor, Senior Rresearcher,
Candidate of Philosophical Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: romkira@yandex.ru

Annotation

The article discusses various approaches to the concept of historical memory: how the method of preservation and transmission of the past in the era of the loss of tradition, like an individual memory of the past as the collective memory of the past, as the social memory of the past and finally just as a synonym of historical consciousness. The basis for the study of social historical memory served as the Arsenal of Russian and Western psychological science, which the study of memory as a product of the historical development of human psyche has a long tradition. The most actively studied forms of historical memory such as communicative memory, cultural memory, soft memory, hard memory.

Key words:

historical memory, social memory. communicative memory, cultural memory, collective and individual memory, historical consciousness.

УДК 141

КАКОГО ЖЕ МАРКСА МЫ ЧИТАЕМ? ЧАСТЬ 1

Кондрашов Петр Николаевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
старший научный сотрудник,
кандидат философских наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: stif.lo@rambler.ru

Аннотация

В статье показано, что в русскоязычных изданиях работ К. Маркса некоторые философские понятия (*produktiv Leben, Arbeit, Aufhebung der Arbeit, erzeugen, Erzeugung*) были переведены словами с производственно-экономическим смыслом, в то время как у самого Маркса они в различных контекстах несут в себе философско-антропологические и экзистенциальные коннотации. Такие переводы привели к радикальному извращению философии Маркса. Автор делает вывод о необходимости нового адекватного перевода трудов Маркса и о переосмыслении всей его философской системы.

Ключевые слова:

философия К. Маркса, философская терминология, перевод, семантические коннотации.

Введение. В последние годы структурного кризиса глобального капитализма наблюдается новый прилив интереса к антикапиталистическим теориям и практикам, но в первую очередь – к марксизму в целом и теоретическому наследию К. Маркса в частности. Этот интерес к Марксу наглядно обнаруживает себя как в росте переизданий его работ (в том числе и в России), так и в росте статей, книг и диссертаций (но, увы, не в России), посвященных анализу творческого наследия автора «Капитала», а также в проведении конференций и форумов, наиболее значимым из которых стал I Всемирный конгресс по марксизму, проходивший в октябре 2015 года в Пекине [3]. Добавим к этому и новые переводы работ немецкого мыслителя [6].

В рамках этого ренессанса Маркса (именно *Маркса*, а не Маркса-Энгельса и тем более не марксизма-ленинизма) имеют место действительно новаторские прочтения его философского, социологического и политического наследия, осуществляются, как и в середине XX в., продуктивные синтезы марксовской мысли с различными направлениями общественных и гуманитарных наук (экзистенциализм, феноменология, постмодернизм, лаканофрейдизм, аналитическая философия и даже ницшеанство). Идеи Маркса плодотворно применяются в истории, социологии, археологии, системном анализе, лингвистике, политологии, педагогике. Имя Маркса становится своеобразным брендом.

Однако при всем этом, вместе с интересными подходами к интерпретации фило-

софии Маркса и попытками выявить аутентичные взгляды Маркса, вновь возрождаются вульгарные, примитивные и совершенно превратные прочтения, редуцирующие идеи Маркса к некоему «рабоче-крестьянскому», «железобетонному» материализму, психологическому учению о материальных интересах и потребностях брюха как единственных мотивах деятельности людей во все исторические эпохи, к воинствующему атеизму и антигуманному тоталитаризму.

К сожалению, следует признать тот печальный факт, что, несмотря на давным-давно уже доказанную неадекватность сталинской интерпретации Маркса (которая существовала в СССР в виде догматического марксизма-ленинизма), именно она до сих пор продолжает существовать. Более того, на её основе пишутся соответствующие тексты, и – что самое неприятное – именно она в общественном мнении по сей день ассоциируется и отождествляется с *мыслью Маркса*. Хотя к последней она никакого отношения не имеет.

В связи с этим возникает вопрос: почему имеют хождение и популярность такие абсолютно неадекватные «прочтения» Маркса? Почему «после Иисуса Христа ни один человек не вызывал... всеобщего поклонения и в то же время не был настолько неправильно истолкован» [15, с. 5]? Поскольку мы не можем говорить о ситуации в глобальном масштабе («я вам не скажу за всю Одессу»), то, отбрасывая разного рода культурно-исторические, политические и идеологические причины хождения самых разнообразных мифов о философии Карла Маркса (анализ которых сегодня жизненно необходим), в *российской* ситуации можно выделить три основных причины, которые имеют несколько «лингвистическую» окраску.

Во-первых, даже те, кто гордо называет себя «марксистами», не говоря уже обо всех сочувствующих и примкнувших, или, напротив, отвергающих и критикующих,

самого Маркса просто-напросто не читают. Не читали его, кстати говоря, и в «марксистские» времена ни в СССР, ни в странах социализма, ни на Западе. «Бесспорно, что «борьба с Марксом»... на самом деле была по большей части борьбой с ошибочной интерпретацией Маркса современными марксистами» [1, с. 15]. Как верно заметил Б. Оллман, «с момента зарождения марксизм подвергался атакам со всех сторон, но основная критика была направлена против утверждений, которые Маркс никогда не делал» [13].

Во-вторых, если о Марксе «что-то» и читали или читают, то это, как правило, либо тенденциозно скомпилированные хрестоматии из фрагментов сочинений Маркса-Энгельса-Ленина (которых представляют чем-то единым целым), либо старые учебники по истмату-диамату, в которых излагается сталинская версия ленинского прочтения, Плеханова и позднего Энгельса, в которой собственно Маркса-то и нет, либо, наконец, это современные учебники нелиберального толка, авторы которых излагают Маркса «по Попперу», который Маркса не понял, создав какую-то чудовищную карикатуру на него.

В-третьих, если кто-то уж очень дотошный из россиян и решит добраться до «самого Маркса» и откроет переводы его работ, чтобы их *действительно прочесть*, то и там он *самого Маркса может не найти*.

Оказывается, *нельзя доверять тем переводам текстов Маркса, которые имеются на сегодняшний день на русском языке*. Дело в том, что философия Маркса является по своему существу философско-антропологической, что обнаруживает себя не только в соответствующей терминологии, непосредственно используемой Марксом (*отчуждение, бесчеловечность, обезчеловечивание, страдание*), но и в *экзистенциальных* коннотациях вполне обычных терминов (*общение, труд/работа, ценность, потребление*), большинство из которых в советской версии марксизма было истолковано

в *производственно-техническом смысле*, в то время как у самого основоположника они носят экзистенциальный характер. Однако эти экзистенциальные коннотации большей частью теряются при неверном переводе некоторых терминов, используемых Марксом, исчезают очень важные семантические оттенки слов, без учета которых адекватно понять мысль Маркса не представляется возможным. Экономически же ориентированные переводы, которые имеются ныне в русском варианте, по сути дела, *искажают мысль Маркса*, превращая его в «философа фабрики», «философа грубого коммунизма», сторонника всеобщей трудовой повинности, в то время как сам Маркс говорил о необходимости *Aufhebung der Arbeit, снятия труда*. Впрочем, здесь всё же следует отметить, что многие термины Маркса не имеют однозначного перевода и идеология здесь не причём. Об этом тоже не следует забывать.

В предлагаемой статье мы покажем то, каким образом кардинально извращается и даже обесчеловечивается философская мысль Маркса в переводах его философских терминов, которые у него выполняют *экзистенциальную функцию, несут жизненно-эмоциональные коннотации*, но в русских переводах, большей частью носящих экономико-производственный оттенок, эту функцию теряют и превращаются в сухие, безжизненные и бездушные технические термины. Все эти важнейшие философские коннотации настолько существенны для понимания подлинного Маркса, что за голову хватаешься, когда читаешь русские переводы. И в голове постоянно крутится вопрос: *так какого же Маркса мы читаем?*

Подлинная и неподлинная деятельность. К сожалению, в самых широких народных массах нашей страны философия Маркса понимается как некая «философия фабрики», «метафизика всеобщей трудовой повинности», в рамках которой действует категорический императив «кто не работает –

тот не ест». Связано это, конечно же, с тем, что, во-первых, именно так интерпретированный марксизм преподавали в советской школе и преподают по сей день, поэтому *другого Маркса* люди просто-напросто *не знают*; во-вторых, основные свои работы Маркс посвятил социально-экономическому анализу капитализма, и производственный фактор у него, безусловно, часто выдвигается на передний план, особенно в его учении о *производительных силах и производственных* отношениях в структуре способа *производства*.

Но это относится к *политической экономии*. В русских же переводах этот *экономико-производственный* смысл был перенесен и в *философское* учение Маркса. Давайте возьмём конкретный пример. Не всем известно, но Маркс считал, что родовая сущность человека представляет собой не только «совокупность всех общественных отношений» (о которой будет сказано ниже), но *целеполагающую преобразующую материально-духовную деятельность (die Praxis, die Praktik, die Tätigkeit), труд (die Arbeit)*. «Животное, – пишет Маркс, – непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью. Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть *эта жизнедеятельность*. Человек же делает самоё свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания. Его жизнедеятельность – сознательная. Это не есть такая определенность, с которой он непосредственно сливается воедино. Сознательная жизнедеятельность непосредственно отличает человека от животной жизнедеятельности» [10, с. 565].

Итак, именно «свободная сознательная деятельность как раз и составляет родовой характер человека» [10, с. 565]. *Свободная*, по Марксу, означает: не детерминируемая экономической или природной необходимостью, не направленная на «работу ради выживания», а вызванная внутренним желанием её (такую деятельность) осуществлять, и по-

лучать от этого осуществления удовольствие. Маркс называет её *самодетельностью, самоосуществлением (die Selbstbetätigung)* [11, с. 67–69]. Если несвободная, отчуждённая деятельность осуществляется человеком в силу того, что он (раб, зависимый крестьянин, рабочий) *должен* выполнять её, чтобы просто-напросто физически *выжить*, ибо у него нет иного источника для существования, кроме своей рабочей силы, то свободная деятельность, напротив, осуществляется человеком только потому, что он сам *хочет* её выполнять, даже несмотря на все присутствующие ей трудности (*муки творчества*). «Отчуждённый труд, – пишет Маркс, – переворачивает это отношение таким образом, что человек именно потому, что он есть существо сознательное, превращает свою жизнедеятельность [Lebenstätigkeit], свою *сущность* [sein Wesen] только лишь в средство для поддержания своего *существования* [seine Existenz]» [10, с. 566].

Более того, *die Selbstbetätigung* как разто и представляет собою *подлинную человеческую активность*, в противоположность неподлинной, отчуждённой. Эта *подлинная, «истинно человеческая жизнь» (wahrhaft menschliche Leben)* [10, с. 637], часто сравнивается Марксом с *любовью*, в которой имеет место *имманентное единство, согласие, рефлексия-одного-в-другое*, когда человек по отношению к *другому* испытывает *симпатическую неравнодушность*: «Существование того, что я действительно люблю, я ощущаю как необходимое, я чувствую в нем потребность, без него мое существование не может быть полным, удовлетворенным, совершенным» [4, с. 35–36].

Подлинное человеческое бытие означает реализацию всех *проявлений жизни (Lebensäußerung)*, возможность *самореализации (Selbsterschaffung)* [10, с. 624]. Именно такое состояние Маркс характеризует как *человечность (Menschlichkeit), гуманизм* [10, с. 588, 590, 637]. Если же рассматривать проблему в самом широком со-

циальном плане, то люди, живущие в условиях *человеческого общества (коммунизма)*, реализуя свою родовую человеческую сущность – *праксис* – будут получать именно такое взаимное удовольствие. Подобная форма *праксиса, человеческого бытия-в-мире, Selbstbetätigung*, связана со *свободой*, которая и есть основа человечности, в рамках которой нет неестественного принуждения [12, с. 187], отчуждения, равнодушности, враждебной разобщенности, а есть *свободное проявление человеческих склонностей (Äußerung der menschlichen Triebe)* [12, с. 187], полное проявление сущностных сил человека, искренний человеческий восторг (*menschliche Freude*), *богатство ощущений (Reichtum der Empfindung)* и *бьющая ключом радость жизни (sprudelt Lebenslust)* [12, с. 186].

Das produktiv Leben. Отметим очень важный акцент, который делает Маркс, и на который позже обратит пристальное внимание Э. Фромм: сущностной характеристикой свободной деятельности является её *продуктивный* характер. Маркс *буквально* пишет: «Das **produktive** Leben ist aber das Gattungslieben. Es ist das Leben erzeugende Leben» [19, s. 516], что в *буквальном* переводе означает: «**Продуктивная** жизнь и есть родовая жизнь. Это есть жизнь, порождающая жизнь». Однако в первом издании «Экономическо-философских рукописей 1844 года» (1956) мы читаем: «**производственная** жизнь и есть родовая жизнь. Это есть жизнь, порождающая жизнь» [10, с. 565]. Заметьте, какая произошла радикальная инверсия и подмена: *продуктивная* жизнь превратилась в жизнь *производственную*, т. е. в жизнь заводскую, фабричную, колхозно-совхозную.

Только слепой не может здесь увидеть именно *экономическое* истолкование и перевод словосочетания «das **produktive** Leben». Действительно, как верно в другом отношении заметила Вальтраут Шелике, подобным

переводом советские толмачи просто *обесчеловечили мысль Маркса*. Представьте себе хотя бы на минуту, что ВОТ ЭТО (что родовая жизнь человека – это жизнь **производственная**) прочитал школьник или студент первого курса, поверхностно изучающий философию, и который не видел немецкого оригинала: что он подумает о Марксе, человеке, который родовую жизнь человека редуцировал к *производству на фабрике*, свёл к *рабоче-крестьянскому труду*? Какое мнение у него сложится о философии Маркса? Да самое ужасное: он будет считать, что с точки зрения Маркса, человек – это *производственное животное*, существо, предназначенное горбатиться на производстве, на фабриках и заводах... И при этом преподаватель философии будет тыкать в перевод: это, мол, Маркс сам так написал. При этом ни тот, ни другой никогда не откроют оригинал и не посмотрят, а что же Маркс там на самом деле написал.

Только на этом примере мы видим, как *всего лишь одно неверно переведённое слово радикально изменяет всю философию Маркса на противоположное учение*. Причём для советских идеологов был релевантен именно *такой* перевод: «производственная» жизнь как сущность человека – это как раз чистой воды идеологическое оправдание сталинской индустриализации, разного рода производственных свершений и т. д., но прежде всего – оправдание рабства, имевшего место в сталинском Союзе. Оправдание, освящённое именем самого Маркса...

Produktivkräfte и Produktionkräfte.

В этом же контексте следует обратить внимание и на утерянное в русском переводе различие Марксом и Энгельсом таких важнейших понятий, как *Produktivkräfte* и *Produktionkräfte*, которые были переведены одним термином *производительные силы*. Вальтраут Шелике рассматривает эти понятия как результат попытки основоположников выявить диалектику *потенциальных* и дей-

ствительных производительных сил. По её мнению, *Produktivkräfte* следует переводить как *производительные* силы, в то время как *Produktionkräfte* – силы *производственные*, ибо *Produktivkräfte* «вбирают в себя всю совокупность тех потенциальных возможных сил развития, которые уже аккумулированы в потребностях действительных индивидов, в их средствах производства, средствах общения и т. д., но еще не включены в производительную деятельность людей... А вот производственные силы (*Produktionkräfte*) это такие действительные производительные силы (*Produktivkräfte*), которые уже утвердились в действительности в процессе продуктивной деятельности индивидов и воплотились в действительных продуктах – материальных и духовных, природных и общественных, потребительских и меновых и т. д.» [16, с. 43–44].

В. Шелике подчёркивает, что у Маркса и Энгельса речь идёт именно о действительных и действенных *силах* действительных живых индивидов в структуре их деятельности. Стало быть, *силы* эти обнаруживают себя с одной стороны в виде природных и общественных свойств и качеств людей (в рукописях 1844 года Маркс употреблял понятие *сущностные силы человека, menschlichen Wesenskräfte* [10, с. 593–596, 599, 608, 614, 615, 618, 619–620, 626, 628, 630–631, 632, 637, 638]), «сводящихся к способности производить людей, предметы и отношения в процессе продуктивной деятельности» [16, с. 44], а с другой – в виде конкретных результатов действительной продуктивной деятельности действительных индивидов, – в виде конкретных людей, предметов и отношений.

Но в русском переводе такое различие этих двух форм человеческих сил элиминируется, исчезает. Более того, это неправомерное сведение *Produktivkräfte* к *Produktionkräfte*, т. е. к вещной форме наличного бытия человеческих *созидательных* сил упускает из вида *самых людей* как со-

зидателей, как *homines creatores*. Это ведёт не только к «техническому» редукционизму в интерпретации материалистического понимания истории, но и к вещному фетишизму, когда за вещами и продуктами человеческой деятельности не видят самого действующего человека. «На самом деле, – совершенно справедливо заключает В. Шелике, – производительные силы лишь аккумулированы в вещах и проявляются в вещах только в результате процесса взаимодействия субъекта деятельности (человека) с предметом деятельности (природного или общественного) посредством средств деятельности» [16, с. 44].

Die Arbeit. Однако двинемся дальше. Коль скоро Маркс определяет сущность человека через продуктивную деятельность, через *труд* в самом широком смысле этого слова, то тогда обратимся именно к этому термину. Трудность адекватного перевода немецкого *die Arbeit* состоит в том, что в русском языке оно передаётся двумя словами: и как *работа*, и как *труд*, которые имеют различную оценочную модальность: под *трудом* обычно понимают человеческую деятельность вообще, а под *работой*, как правило, конкретную трудовую деятельность, причём с негативными коннотациями («работа не волк» и т. п.). В силу же того, что у Маркса мы наблюдаем подобную семантическую двойственность при употреблении слова *die Arbeit* (в одном случае о «*die Arbeit*» Маркс говорит как о *труде вообще*, т. е. родовой характеристике человека (*die Praxis, die Tätigkeit*), а в другом – как о чём-то *тяжёлом, нудном, утомительном* и *обесчеловечивающем*, иногда Маркс употребляет в этих контекстах английское *toil* – *тяжёлый, непосильный труд*), то, представляется, что при переводе конкретного словоупотребления надо учитывать тот *контекст*, в котором этот термин стоит в текстах Маркса.

Маркс родовую сущность, помимо *die Arbeit-труд*, именует такими терминами, как *die Praxis, die Praktik, die Thätigkeit* (как в такой устаревшей форме, так и в современной *Tätigkeit*), различая внутри неё *деятельность подлинную (die Selbstbetätigung)* и *деятельность неподлинную (die entfremdete Arbeit)*. И в этом плане надо чутко улавливать эти важнейшие семантические коннотации понятия *die Arbeit* в текстах Маркса: если речь идёт о деятельности, праксисе как о *родовой сущности человека*, то тогда *die Arbeit* следует переводить как *труд*; если же речь идёт о *неприятной, вынужденной, отчуждённой форме деятельности*, то тогда лучше эту экзистенциальную коннотацию передать русским словом *работа*.

Известный исследователь проблем человеческой деятельности В. В. Парцвания пишет: «Действительное содержание понятий «работа» и «труд» искажено и отождествлено. Заметим, что из-за лингвистического аспекта (проблем, связанных с неточным переводом и отсутствием в немецком языке соответствующих терминов), о котором говорилось выше, неточно толкуются постулаты Маркса по проблемам феномена труда... Деятельность человека, которая для одних создает богатства, а других ведёт к обнищанию, не может быть действительной деятельностью, то есть трудом. Такой процесс именуется *работой*. Такого рода человеческая деятельность противоречива и наносит ущерб, непосредственно рабочим, которые лишены счастья быть людьми (человеком)» [14, гл. III, § 3.2].

Достаточно сравнить приведённые ниже четыре фрагмента, взятые из разных периодов творчества Маркса, чтобы понять, что понятие *die Arbeit* употребляется в них с различной семантикой, и если мы без соответствующих контекстуальных пояснений будем его переводить как *труд* или *работа*, взятых в качестве *синонимов*, то ускользнёт важнейшее в мысли Маркса.

Имеющийся перевод	Контекстуальный перевод
«Производство человеческой деятельности как труда , т. е. деятельности совершенно чуждой себе, человеку и природе, и потому совершенно чуждой сознанию и жизненному проявлению, <i>абстрактное</i> существование человека исключительно лишь как человека труда , который поэтому ежедневно может скатиться из своего заполненного ничто в абсолютное ничто, в свое общественное и потому действительное небытие» [10, с. 575].	«Производство человеческой деятельности как работы [menschlichen Tätigkeit als Arbeit], т. е. деятельности совершенно чуждой себе, человеку и природе, и потому совершенно чуждой сознанию и жизненному проявлению, <i>абстрактное</i> существование человека исключительно лишь как работяги [Arbeitsmenschen], который поэтому ежедневно может скатиться из своего заполненного ничто в абсолютное ничто, в свое общественное и потому действительное небытие».
«Процесс труда ... в простых и абстрактных его моментах, есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем её формам» [5, с. 195].	Перевод правильный, ибо здесь речь идёт die Arbeit-mprude как родовой характеристике человека (<i>die Praxis, die Tätigkeit</i>)
«Только на этой ступени самодеятельность (<i>Selbstbetätigung</i>) совпадает с материальной жизнью, что соответствует развитию индивидов в целостных индивидов и устранению всякой стихийности. Точно так же соответствуют друг другу превращение труда в самодеятельность (<i>die Verwandlung der Arbeit in Selbstbetätigung</i>) и превращение прежнего вынужденного общения в такое общение, в котором участвуют индивиды как таковые» [11, с. 68–69].	Перевод неправильный, ибо здесь речь идёт die Arbeit-работе как <i>обесчеловечивающей отчуждённой форме деятельности</i> , что прямо видно на противопоставления Марксом понятий <i>die Arbeit</i> и <i>die Selbstbetätigung</i> . Стало быть, учитывая и особый перевод <i>Selbstbetätigung</i> , мысль Маркса следует по-русски так: «Только на этой ступени <i>свободное самоосуществление (Selbstbetätigung)</i> совпадает с материальной жизнью, что соответствует развитию индивидов в целостных индивидов и устранению всякой стихийности. Точно так же соответствуют друг другу превращение работы, отчуждённой формы труда в <i>свободное самоосуществление (die Verwandlung der Arbeit in Selbstbetätigung)</i> и превращение прежнего вынужденного общения в такое общение, в котором участвуют индивиды как таковые».
«Разделение труда делает возможным – более того: действительным, – что духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов; добиться того, чтобы они не вступали друг с другом в противоречие, возможно только путём устранения разделения труда» [11, с. 30–31].	Здесь очень трудно перевести посредством разделения понятий «работа» и «труд», – только в противопоставлении <i>наслаждения</i> и <i>Arbeit</i> последнее лучше перевести как работа , в то время как в словосочетании <i>разделение труда</i> необходимо оставить труд , ибо речь идёт о человеческом праксисе как тотальности, единстве физической и духовной активности.

Глубинная пассивность неподлинного способа бытия, по Марксу, фундирована в том, что деятельность в капиталистическом обществе (*Arbeit-работа*) характеризуется «однообразием, бессодержательностью и подчинением машине» [8, с. 511], это – «мертвящий труд» [8, с. 511], основная черта которого «состоит в *пассивном подчинении* рабочего движению самого механизма,

в полном приспособлении рабочего к потребностям и требованиям этого механизма» [8, с. 504]. «Все эти действия, выполняемые занятым у машины рабочим, примечательны своей *пассивностью*, своей приспособленностью к операциям и движениям самой машины, подчинением ей. Эта *специализация пассивности*, т. е. уничтожение самой специализации как таковой, является харак-

терной чертой машинного труда» [8, с. 511]. Именно пассивность этой повседневной, рутинной деятельности и конституирует экзистенциальную пассивность вообще. «Здесь отпадает последняя самоудовлетворенность рабочего своим трудом, здесь имеет место абсолютное безразличие, обусловленное самой бессодержательностью этого труда» [8, с. 511]. В своих работах Маркс и Энгельс показывают «возмутительное, бессердечное отношение промышленной буржуазии к рабочим, показывает всю подлую систему промышленной эксплуатации во всей ее бесчеловечности» [18, с. 399] и «сотне других гнусностей и мерзостей» [17, с. 395]. Деятельность же, совершающаяся в условиях, в которых уничтожен отчужденный труд, по сути дела, совпадает с *наслаждением*, ибо в ней «отпадает самая основа всей этой противоположности между трудом и наслаждением!» [11, с. 206].

Aufhebung der Arbeit. Именно в этом контексте надо понимать и известные положения Маркса о революции и уничтожении труда, ибо «существование страдающего человечества, которое мыслит, и мыслящего человечества, которое подвергается угнетению, должно неизбежно стать поперек горла пассивному, бессмысленно наслаждающемуся животному миру филистерства» [7, с. 378], и поэтому коммунистическая революция сбросит «с себя всю старую мерзость» (*ganzen alten Dreck*) [11, с. 70] и уничтожит «современную форму деятельности [die moder [ne] Form der Tätigkeit]» [11, с. 70], т.е. *Arbeit-работу*: «при всех прошлых революциях характер деятельности всегда оставался нетронутым, – всегда дело шло только об ином распределении этой деятельности, о новом распределении труда между иными лицами, тогда как коммунистическая революция выступает против прежнего *характера* деятельности, устраняет *труд*» [11, с. 70]. Это *освобождение* (*Befreiung*) означает *упразднение, снятие*

труда-работы (Aufhebung der Arbeit) [11, с. 70, 207] и превращение человеческого бытия в *наслаждение от осуществления своей собственной сущности – свободной продуктивной деятельности (Selbstbetätigung)* [11, с. 69].

Ранее вообще мало кто (даже среди марксистов) понимал это туманное место из «Немецкой идеологии», в котором Маркс и Энгельс говорят об *Aufhebung der Arbeit*. Затруднение это вызвано ещё и совершенно чудовищным переводом *Aufhebung* через русское *уничтожение*. Думается, что после проведённого анализа это становится совершенно прозрачным: под *трудом* здесь Маркс и Энгельс понимают не *деятельность вообще (Praxis, die Tätigkeit)*, ибо такая может исчезнуть только вместе с человеком, а несвободную, вынужденную деятельность, *работу*, приносящую страдания (*Arbeit-работу*). Непонимание того, что для Маркса «*Aufhebung der Arbeit*» означает именно преодоление отчуждённой формы деятельности – *работы (die Arbeit)*, а не вообще *продуктивной деятельности (Praxis, die Tätigkeit)*, приводит к непониманию и учения Маркса о будущей, постэкономической формации, ибо она как раз-то, с его точки зрения, и будет характеризоваться отсутствием работы как отчуждённой деятельности. И именно *свободная продуктивная деятельность (Selbstbetätigung)*, а не «*работа*» превратится в будущем *во внутреннюю потребность человека*.

Вот что пишет И. Джохадзе, критикуя П. Козловски и Ф. Фукуяму, которые рассматривают *Aufhebung der Arbeit* именно как *Aufhebung der Tätigkeit*, и приписывают свою интерпретацию Марксу: «Эти и подобные им критические рассуждения современных авторов – «антиутопистов» никак не затрагивают аргументации теоретиков отмены труда (от Аристотеля до Жака Эллюля), поскольку в понятия, которыми оперируют обе стороны, вкладываются совершенно различные смыслы. В одном случае под трудом по-

нимают жизнедеятельность человека *вообще*, безотносительно к конкретно-историческим и экзистенциальным обстоятельствам; в другом случае имеют в виду *специфическую форму* труда, преобладающую в панлейбористском обществе, – труд наемных работников и профессиональных служащих. *Aufhebung* отменяет только наёмный труд – ту разновидность активности человека, которая продиктована «нуждой и внешней целесообразностью» (Маркс) не в меньшей степени, чем добуржуазное (кажущееся теперь невозможным) рабство. Но лишить человека труда в первом из противопоставленных смыслов – трудовой деятельности как *таковой*, предполагающей, по Козловски, «серьезное, планомерное и связанное с чувством ответственности столкновение» с миром и с окружающими людьми, – значит лишить его самой жизни. В этом широком смысле созидательно-трудовая активность (действительно, не имеющая ничего общего с «чистой свободой выбора и произволом поведения») составляет сущность существования человека-в-мире. Задача заключается как раз в том, чтобы *обеспечить возможность экзистенциальной активности человека*, его неотчужденной осмысленной жизнедеятельности, – и отмена внешнего (принудительного) труда является непереносимым условием этого. За пределом репрессивного мира наемного рабства депрофессионализированный индивид, избавившись от экономической и психологической зависимости от конкретной профессиональной деятельности, сможет обрести в свободном труде подлинный смысл своего существования. Вместо того чтобы трудиться для жизни, он получит возможность жить для труда» [2, с. 16–17]. Таким образом, можно согласиться с Б. Шоу, который заметил: «труд по обязанности – это работа, а работа по склонности – досуг».

Erzeugung, erzeugen, Produktion. При анализе текстов Маркса надо всегда иметь в виду, что экономические категории носят

у него не только производственный, технический или маркетинговый характер, но всегда содержат в себе экзистенциальные коннотации, которые можно понять только в связи с их укорененностью в его работах 40-х гг. Так, например, в понятии *Erzeugung* Маркс мыслит не только *производство* в смысле *делания* или, как позже Хайдеггер, *произведение*, но в первую очередь диалектику процессов *Äußerung* (опредмечивания сознания в производимую вещь) и *Aneignung* (распредмечивания опредмеченного сознания в практическом освоении предмета). Поэтому-то в «Капитале» Маркс рассуждает о *товаре* как о *чувственно-сверхчувственной предметности* [5, с. 80–81], поэтому он говорит, что в условиях отчуждения в процессе *Erzeugung* «человек вкладывает живую душу в продукт труда, теряя при этом свою собственную» [9, с. 450]. Более того, употребляемое Марксом слово *Zeugung*, идущее от *erzeugen* в значении *зачать, рождать*, у нас перевели как «половой акт» [10, с. 564].

В силу наличия таких коннотаций слово *Erzeugung* лучше перевести как *созидание*, а не *производство*, ибо в *производстве* слышится больше технической семантики, передаваемой словом *Produktion*. А ведь именно в силу этого технического перевода глагола *erzeugen* как *производить*, а не *созидать*, *созидательная деятельность человека вообще* была редуцирована к одной из своих форм – *деятельности производственной*. Причём такой редуциацией сильно гордились марксисты-позитивисты: наконец-то, мол, можно чисто эмпирически фиксировать в экономических, производственных механизмах и отношениях всё содержание «человеческого». Но у Маркса этого *нет*: «Подчеркнем, – пишет В.Ф. Шелике, – что Маркс и Энгельс выбрали для исходного определения социальной деятельности именно *erzeugen*, а не *produzieren*, и это не случайно. Из исходных определений Маркса и Энгельса трёх сторон социальной деятельности напрашивается вывод, что по-

требность и способность человечества к созиданию по существу есть родовая сущность человека (человечества)» [17, с. 98].

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Джохадзе И. Homo faber и будущее труда // Логос. № 6 (45). 2004. С. 3–17.
3. Кондрашов П.Н. Первый Всемирный конгресс по марксизму в Пекине: глобальное будущее // Дискурс-Пи, 2015, № 3–4 (20–21). С. 134–143.
4. Маркс К. Дебаты о свободе печати // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955. Т. 1. С. 30–84.
5. Маркс К. Капитал I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М.: Политиздат, 1960. Т. 23. С. 5–784.
6. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала / под ред. В.Я. Чеховского. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 661 с.
7. Маркс К. Письма из «Deutsch-Französische Jahrbücher». Письмо Маркса к А. Руге, май 1843 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Политиздат, 1955. Т. 1. С. 372–378.
8. Маркс К. Экономическая рукопись 1861–1863 гг. / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1973. – Т. 47. – С. 3–612.
9. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1968. Т. 46. Ч. I. С. 3–508.
10. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. – М.: Политиздат, 1956. С. 517–642.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 9–544.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 2. С. 3–230.
13. Олман Б. Что такое марксизм? Взгляд с высоты птичьего полета // www.alternativy.ru/ru/socialism21/ollman/marxism.
14. Парцвания В.В. Генеалогия отчуждения: от человека абстрактного к человеку конкретному. – СПб., 2003. – 371 с.
15. Уин Ф. Карл Маркс. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 428 с.
16. Шелике В.Ф. Методология определения К. Марксом и Ф. Энгельсом производительных сил в работе «Немецкая идеология» // К. Маркс и Ф. Энгельс о вопросах социальной диалектики. – Фрунзе: Изд-во КГУ, 1983. С. 39–52.
17. Шелике В.Ф. Непознанный Маркс и некоторые проблемы современности (Часть 2) // Философские науки. 2013. № 4. С. 94–107.
18. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. М.: Политиздат,

1955. Т. 2. С. 231–517.

19. Marx K. Ökonomisch-philosophischen Manuskripten aus dem Jahre 1844 // Marx K., Engels F. Werke. Bd. 40. – Berlin: Dietz Verlag, 1968. S. 465–588.

1. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sociologii znaniya. – М.: Medium, 1995. – 323 s.
2. Dzhohadze I. Homo faber i budushhee truda // Logos. № 6 (45). 2004. S. 3–17.
3. Kondrashov P.N. Pervyj Vsemirnyj kongress po marksizmu v Pekine: global'noe budushhee // Diskurs-Pi, 2015, № 3–4 (20–21). S. 134–143.
4. Marks K. Debaty o svobode pechati // K. Marks, F. E'ngel's. Soch., 2-e izd. – М.: Politizdat, 1955. T. 1. S. 30–84.
5. Marks K. Kapital I // Marks K., E'ngel's F. Soch., 2-e izd. – М.: Politizdat, 1960. T. 23. S. 5–784.
6. Marks K. Kapital. Kritika politicheskoy e'konomii. T. 1. Kn. 1. Process proizvodstva kapitala / pod red. V. Ya. Chexovskogo. – М.: Politicheskaya e'nciklopediya, 2015. – 661 s.
7. Marks K. Pis'ma iz «Deutsch-Französische Jahrbücher». Pis'mo Marksa k A. Ruge, maj 1843 g. // Marks K., E'ngel's F. Sochineniya. M.: Politizdat, 1955. T. 1. S. 372–378.
8. Marks K. E'konomicheskaya rukopis' 1861–1863 gg. / K. Marks // Marks K., E'ngel's F. Soch. 2-e izd. – М.: Politizdat, 1973. – Т. 47. – С. 3–612.
9. Marks K. E'konomicheskie rukopisi 1857–1859 gg. // Marks K., E'ngel's F. Soch. 2-e izd. – М.: Politizdat, 1968. T. 46. Ch. I. S. 3–508.
10. Marks K. E'konomicheskoye-filosofskoye rukopisi 1844 g. // Marks K., E'ngel's F. Iz rannix proizvedeniy. – М.: Politizdat, 1956. S. 517–642.
11. Marks K., E'ngel's F. Nemeckaya ideologiya // Marks K., E'ngel's F. Soch., 2-e izd. – М.: Politizdat, 1955. T. 3. S. 9–544.
12. Marks K., E'ngel's F. Svyatoye semeystvo // Marks K., E'ngel's F. Soch., 2-e izd. M.: Politizdat, 1955. T. 2. S. 3–230.
13. Ollman B. Chto takoye marksizm? Vzglyad s vysoty ptich'ego poleta // www.alternativy.ru/ru/socialism21/ollman/marxism.
14. Parcvaniya V.V. Genealogiya otchuzhdeniya: ot cheloveka abstraktnogo k cheloveku konkretnomu. – SPb., 2003. – 371 s.
15. Uin F. Karl Marks. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 428 s.
16. Shelike V.F. Metodologiya opredeleniya K. Marksom i F. E'ngel'som proizvoditel'nykh sil v rabote «Nemeckaya ideologiya» // K. Marks i F. E'ngel's o voprosakh social'noy dialektiki. – Frunze: Izd-vo KGU, 1983. S. 39–52.
17. Shelike V.F. Nepoznannyj Marks i nekotorye problemy sovremennosti (Chast' 2) // Filosofskie nauki. 2013. № 4. S. 94–107.
18. E'ngel's F. Polozhenie rabocheho klassa v Anglii // Marks K., E'ngel's F. Soch., 2-e izd. M.: Politizdat, 1955. T. 2. S. 231–517.
19. Marx K. Ökonomisch-philosophischen Manuskripten aus dem Jahre 1844 // Marx K., Engels F. Werke. Bd. 40. – Berlin: Dietz Verlag, 1968. S. 465–588.

UDC 141

WHICH MARX WE READ? PART 1

Kondrashov Pyotr Nikolaevich,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Senior Researcher, Ph.D.,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: stif.lo@rambler.ru

Annotation

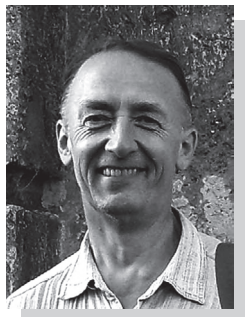
The article considers, that in Russian-speaking editions of K. Marx's works some philosophical concepts (produktiv Leben, Arbeit, Aufhebung der Arbeit, erzeugen, Erzeugung) were translated as words with the productive and economic sense while Marx put philosophical, anthropological and existential connotations into these words in various contexts. Such translations led to a radical perversion of whole the Marx's philosophy. The author of the article draws a conclusion about necessity of new adequate translation of Marx's works and about radical reconsideration of his philosophical system.

Key words:

K. Marx's philosophy, philosophical terminology, translation, semantic connotations.

УДК 16+17+1(091)+340.1(091)

АКСИОМАТИЗАЦИЯ ЭПИСТЕМОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО ЭКСПЛИКАЦИИ ТЕОРИИ ПРАВА: «ДИГЕСТЫ» ЮСТИНИАНА И ПРОБЛЕМА ОДНОРОДНОСТИ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА

Лобовиков Владимир Олегович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: vlobovikov@mail.ru

Посвящается 370-летию со дня рождения и 300-летию со дня смерти Г.В. Лейбница – первого представителя классической немецкой философии вообще и выдающегося теоретика естественного права в особенности.

Аннотация

Предмет исследования – структурно-функциональный аспект аксиологии права как системы: работа посвящена изучению того фрагмента целостной правовой системы, который представляет собой систему оценочных понятий «хорошо (добро)» и «плохо (зло)». Предметом особого внимания является точная формулировка, тщательное изучение и строгое обоснование основополагающей для рациональной философии естественного права эквивалентности упомянутой системы оценочных понятий и системы законов природы как естественной необходимости. Методы: в работе систематически используются гипотетико-дедуктивный (аксиоматический) метод, принцип историзма и метод моделирования. Результаты исследования и их научная новизна: впервые в научной литературе дана точная формулировка проблемы эквивалентности оценочных и алетических модальностей права: (1) на уровне естественного языка «Дигест» Юстиниана и (2) на уровне искусственного языка аксиоматической системы философской эпистемологии. Впервые в научной литературе предложено явно сформулированное решение этой ранее не замечавшейся, но важной проблемы, а также представлено строгое дедуктивное обоснование этого решения в рамках аксиоматической системы философской эпистемологии.

Ключевые слова:

естественное право, добро, необходимо-всеобщее-благо, естественный закон, алетическая-необходимость, знание, априорное, апостериорное.

1. Точная формулировка «основного противоречия (главной проблемы)» естественно-правовой доктрины на уровне естественного языка «Дигест» Юстиниана и на уровне искусственного языка современной теории аксиологических модальностей

В «Дигестах или Пандектах Юстиниана» утверждается следующее: «(Ульпиан). Изучающему право надо прежде всего узнать, откуда произошло слово «право» (ius). Право получило свое название от «правосудия» (iustitia), ибо, согласно превосходному определению Цельса, право есть наука о добром и справедливом. По заслугам нас называют жрецами, ибо мы заботимся о правосудии, возвещаем понятия доброго и справедливого, отделяя справедливое от несправедливого. <...> Частное право делится на три части, ибо оно составляется или из естественных предписаний, или (из предписаний) народов, или (из предписаний) цивильных. Естественное право (iusnaturale) – это то, которому природа научила все живое: ибо это право присуще не только человеческому роду, но и всем животным, которые рождаются на земле и в море, и птицам; сюда относится сочетание мужчины и женщины, которое мы называем браком, сюда же порождение детей, сюда же воспитание; мы видим, что животные, даже дикие, обладают знанием этого права. Право народов (iusgentium) – это то, которым пользуются народы человечества; можно легко понять его отличие от естественного права: последнее является общим для всех животных, а первое – лишь для людей (в их отношениях) между собой» [9, с. 23].

В другом месте «Дигест» другой древнеримский юрист пишет: «(Павел). Слово «право» употребляется в нескольких смыслах: во-первых, «право» означает то, что всегда является справедливым и добрым – каково естественное право» [9, с. 25].

Согласно приведенным цитатам, предметом естественного права является добро (а, следовательно, и зло как противоположность добра). По определениям Ульпиана и Павла, «хорошо (добро)» и «плохо (зло)» суть *собственно юридические* понятия. Следовательно, некоторые *собственно юридические* понятия являются *необходимо оценочными*: аксиология права – необходимый аспект права как системы. Представители юридического позитивизма и чистого нормативизма с этим не согласны из принципа; и будут яростно протестовать, но это их проблема, которая в настоящей статье не обсуждается (в данной работе принимается абстракция от многовековых ожесточенных споров между легистами и сторонниками естественно-правовой доктрины [4; 5; 8; 20; 34; 37; 39–44; 53; 54]). Нас в этой статье интересует: как согласовать друг с другом, не впадая в логическое противоречие, следующие два тезиса (А и Б), закономерно встречающиеся в естественно-правовой доктрине как целостной системе (отсутствие какого-то из этих двух тезисов в какой-то версии теории естественного права означает ее фрагментарность, т. е. существенную неполноту, частичность отражения предмета этой теории).

Тезис А: *предмет теории естественного права – необходимо всеобщее благо*, т. е. не просто добро (хорошее) для кого-то, могущее не быть добром (хорошим) для кого-то другого, а такое и только такое добро (хорошее), которое не может не быть добром (хорошим) для кого бы то ни было.

Тезис Б: *предмет теории естественного права – необходимый закон природы, т. е. естественная необходимость бытия*.

В тезисе Б *оценочные* юридические категории «добро» и «зло» не встречаются вообще. Ключевым естественно-правовым понятием в этом тезисе является «необходимость». Приведем цитату из «Дигест»,

тракующую о естественном праве, установленном *необходимостью*.

«(Модестин). Итак, всякое право создано соглашением, или установлено необходимостью, или закреплено обычаем» [9, с. 34].

А вот что писал о естественном праве, установленном необходимостью, Цицерон: «Истинный закон – это разумное положение, соответствующее природе, распространяющееся на всех людей, постоянное, вечное, <...> и мы ни постановлением сената, ни постановлением народа освободиться от этого закона не можем. <...> На все народы и в любое время будет распространяться один извечный и неизменный закон...» [33, с. 33].

Оба тезиса (А и Б) с той или иной частотой встречаются в публикациях почти всех видных представителей теории естественного права как такового. При этом одни ее представители уделяют основное внимание тезису А [3; 19–21; 37; 45–21], другие – тезису Б [2; 7; 27; 30; 53], а третьи так или иначе указанные тезисы перемешивают, «перепрыгивая» от одного к другому и обратно [3–5; 8; 9; 12; 14; 19; 31; 34; 37; 38–44; 52–54]. Но как в таком случае обеспечить целостность, единство (однородность) и непротиворечивость естественного права как системы? Даже если непрерывно перемешивать и «взбалтывать» разнородные компоненты, например, воду и масло, то однородности их смеси не добиться. Для обеспечения непротиворечивого единства сложной системы необходимо наличие в ней некоего *фундаментального системообразующего фактора* (глубинного основания), обеспечивающего ее *нетривиальную гомогенность*. Проблема объективного существования такого основания – основная проблема теории естественного права («вопрос ее жизни и смерти»). Именно эта проблема (ее точная формулировка и возможное решение) – предмет систематического изучения в настоящей статье. Таким образом, руководствуясь соображениями экономии, от *внешнего противоречия* с юридическим

позитивизмом мы в данной работе абстрагируемся, сосредотачивая все внимание на *противоречии внутри* теории естественного права как системы. К сожалению, указанное *внутреннее противоречие*, если и исследовано в научной литературе, то очень слабо (согласно моему субъективному впечатлению, оно просто не замечается или игнорируется без достаточного на то основания).

Если перевести формулировку обсуждаемой проблемы с естественного языка «Дигест» Юстиниана на искусственный язык современной модальной логики, комбинируя различные ее разделы (а именно, модальную логику оценок [10] и алетическую модальную логику [11; 13; 32; 55]), то получится следующая пара тезисов.

Тезис А*: *предмет теории естественного права – предмет суждений, имеющих форму* $\square \mathbf{Gr}$.

Тезис Б*: *предмет теории естественного права – предмет суждений, имеющих форму* \mathbf{p} .

В этих новых формулировках тезисов А и Б (на искусственном языке модальной логики), символ \square обозначает алетическую *необходимость*, символ \mathbf{Gr} обозначает положительную (морально-правовую) оценку «*хорошо, что p*», а символ \mathbf{p} – некое истинное или ложное высказывание.

Если допустить, что предмет естественного права существует и представляет собой нечто единое, непротиворечивое, целостное, то, набравшись смелости, естественно предположить, что тезисы А и Б *эквивалентны*. Развивая эту удивительную гипотезу дальше, естественно предположить, что *фундаментальным системообразующим фактором (глубинным основанием), обеспечивающим нетривиальную гомогенность предмета теории естественного права является логическая эквивалентность* ($\square \mathbf{p} \leftrightarrow \square \mathbf{Gr}$), обуславливающая логическую эквивалентность тезисов А* и Б* (в формуле ($\square \mathbf{p} \leftrightarrow \square \mathbf{Gr}$) символ \leftrightarrow обозначает логическую эк-

вивалентность). В таком случае система естественного права оказывается действительно целостной и однородной: вышеуказанное противоречие-проблема разрешается.

Но согласятся ли юридические позитивисты, а также сторонники крайнего (исключающего) нормативизма, отвергающего использование любых оценочных понятий, и прочие противники теории естественного права принять в качестве ее основного логико-философского принципа эквивалентность ($\Box p \leftrightarrow \Box Gp$)? Мои знания, опыт и интуиция подсказывают, что нет: не согласятся. Более того, естественно ожидать активную критику: очередное повторение уже давно известных «контр-аргументов» и «контр-примеров», а также изобретение (конструирование) новых.

Одно из весьма вероятных направлений критики – значение выражения $\Box Gp$. Критики могут настаивать на том, что выражение $\Box Gp$ синтаксически некорректно и не имеет семантического значения: оно ничего не обозначает в реальном мире: нет такой конкретной интерпретации для p , в которой утверждение $\Box Gp$ истинно. Указанный вариант критики отнюдь не нов: он представляет собой тысячелетнюю традицию релятивистов и скептиков (опирающихся на многочисленные исторические факты), отрицающую существование *необходимо всеобщих и неизменных положительных ценностей* (и даже их возможность). Не намереваясь вдаваться в подробности в данной конкретной статье (из-за ограниченности ее объема), замечу в связи с упомянутым возможным вариантом критики, что, начиная с последней трети XX века (и особенно с 80-х годов), такой вариант критики, строго говоря, уже неэффективен. Дело в том, что в указанное время семантическое значение выражения $\Box Gp$ было прояснено точным определением *формально-этического* понятия «*тождественно-хорошая морально-правовая форма деятельности (положительная морально-правовая ценностная функция-константа)*» в двузначной алгебре

формальной этики и естественного права [20; 21; 45–51]. До сих пор почти неизвестная большинству юристов современная *математическая теория относительности морально-правовых оценок* [45–47; 50; 51] сейчас уже эффективно защищает семантическое значение выражения $\Box Gp$ от возможной релятивистской критики. Относительность морально-правовых оценок относительна: существуют некие абсолютные ценности (необходимо всеобщие и неизменные законы алгебры формальной этики), положительное морально-правовое значение которых инвариантно относительно любых преобразований субъекта оценки [47–51].

Второй из возможных объектов критики – семантическое значение выражения $\Box p$ как закона природы, т. е. естественной *необходимости*, трактуемой в качестве необходимости алетической. В истории философии природы существовали регионы и периоды времени (например в Европе 17–18 веков), когда было широко распространено мнение, что в природе все неточно, расплывчато, изменчиво и случайно, что в ней нет ничего необходимо всеобщего, постоянного и абсолютного. На этом основании считалось, что точное рациональное знание *необходимых* истин возможно в этике, но невозможно в натуральной философии. Пришли другие времена. Сейчас такое мнение нетипично, кажется очень странным, поэтому в наше время вероятность такого варианта критики естественно-правового принципа ($\Box p \leftrightarrow \Box Gp$) очень мала: в наше время большинство людей привыкло считать, что в отличие от этики, где все неточно, изменчиво и относительно, в природе царит закон. Законы природы необходимо всеобщие и неизменные, а предсказания, делаемые с помощью математики на основании знания алетически необходимых естественных законов, удивительно точны.

Наконец, третий возможный объект критики – отношение *логической эквивалентности* между $\Box p$ и $\Box Gp$. Это направление кри-

тики очень вероятно. Естественно ожидать, что в процессе такой критики закономерно появятся ссылки на «натуралистическую ошибку (naturalistic fallacy)» в этике, впервые обнаруженную и осознанную в явной форме Дж. Муром [28; 29]. Борьба Мура с ошибкой логического выведения морально ценного (хорошего) из сущего [1; 28; 29] аналогична «борьбе Д. Юма с ошибкой» логического выведения морально должного (обязательного) из сущего [1; 35; 36]. Строго говоря, эта «борьба с ошибкой» приписана Юму его интерпретаторами. Сам Юм был более осторожен в суждениях: *конвенционально* именуемый «Гильотиной Юма» фрагмент его «Трактата» [36, с. 510–511] выражает лишь удивление и недоумение наблюдательного Юма по поводу часто встречающихся в этике попыток логического выведения морально должного (обязательного) из сущего. Юм искренне хотел понять основания таких попыток: он сформулировал проблему, оставив ее открытой, и пригласил коллег обратить на нее самое пристальное внимание. Коллеги же, обратив на нее внимание, тут же ее «закрыли», приписав Юму ее отрицательное решение – «логического следования должного из сущего нет и быть не может в принципе». В отличие от Юма Мур сам принял отрицательное решение – «логического следования положительно ценного (хорошего) из сущего нет и быть не может в принципе» [28; 29].

В логико-философской литературе последнего времени появились исследования, результаты которых устанавливают формально определенное ограничение области уместной применимости «тезисов Юма-Мура» об отсутствии отношения логического следования между суждениями о сущем и суждениями о должном или морально ценном [23; 26]. Область уместной применимости этих отрицательных тезисов, условно именуемых здесь «тезисами Юма-Мура», сводится к эмпирическому знанию фактов исключительно: за пределами сферы апостериорного знания эти принципы неадекватны; в сфере апри-

орного знания *необходимости* отношение логического следования между суждениями о *необходимо сущем* и *необходимо положительно ценном* вполне может быть, и нередко имеет место [23; 26; 50].

Итак, на мой взгляд, принцип ($\square p \leftrightarrow \square Gp$) достоин самого серьезного отношения и тщательного изучения. Однако поскольку предубеждения против этого естественно-правового принципа в среде юристов-позитивистов очень сильны, постольку далее в работе целесообразно применить более сильные средства убеждения. Предлагая качественно новое нетривиальное решение обсуждаемой проблемы, необходимо резко повысить уровень точности формулировок и строгости доказательств. Для этого целесообразно применить гипотетико-дедуктивный метод и искусственный язык, переведя обсуждение темы статьи с обыденного уровня на уровень точных суждений и строгих рассуждений в рамках некой формально определенной аксиоматической системы.

2. Точная формулировка предлагаемого разрешения обсуждаемой проблемы в рамках современной философии естественного права с помощью аксиоматической системы философской эпистемологии

В данной работе: символ **Кр** обозначает эпистемическую модальность «*субъект знает, что p*», где **p** – некое высказывание; **Ар** обозначает эпистемическую модальность «*субъект a-priori знает, что p*»; **Ер** – «*субъект a-posteriori знает, что p*» или (что то же самое) «*знание (что p) является эмпирическим*»; **Sp** – «*при некоторых условиях в некоем пространстве-времени некий субъект (непосредственно или с помощью неких инструментов и приборов) чувственно воспринимает (имеет ощущение) что p*»; **Тр** – «*истинно, что p*»; **Др** – «*доказуемо, что p*»; **Мр** – «*существует алгоритм (может быть построена машина) для установления, что p*». **Ор** – «*обязательно, что p*» или «*яв-*

ляется нормой (долгом) что p . Gp – «хорошо (положительно ценно), что p ».

Символы \leftrightarrow , \neg , $\&$, \vee , \supset обозначают классические логические операции «эквивалентность», «отрицание», «конъюнкция», «слабая (неисключающая) дизъюнкция», «импликация», соответственно. Символы \square и \diamond – алетические модальности «необходимо, что p » и «возможно, что p », соответственно.

В данной работе модальности Ap и Ep точно определяются следующими ниже аксиомами АХ-1 и АХ-2. Аксиомы, теоремы и правила вывода классической логики (тоже принадлежащие множеству аксиом, теорем и правил вывода рассматриваемой аксиоматической системы философской эпистемологии) здесь неявно подразумеваются в качестве вполне адекватных и общеизвестных (и поэтому не формулируются явно). Сказанное относится также к аксиомам, теоремам и правилам вывода модальной логики: они не формулируются явно, но подразумеваются и используются. *Собственные* аксиомы философской эпистемологии (АХ-1 и АХ-2) явно формулируются ниже. Первая попытка представить философскую эпистемологию в виде системы ее *собственных* аксиом была осуществлена в статье [23]. Затем эта попытка аксиоматизации была развита далее (добавлены новые важные аксиомы) в серии статей и докладов на конференциях, например, в [24–26]. Нас в данной работе будут интересовать только следующие две аксиомы упомянутой аксиоматической системы эпистемологии (от остальных аксиом мы в этой статье отвлекаемся).

АХ-1: $Ap \leftrightarrow (Kp \& (\square\neg Sp \& \square(p \leftrightarrow \square p) \& \square(p \leftrightarrow Tp) \& \square(p \leftrightarrow Dp) \& \square(p \leftrightarrow Mp) \& \square(p \leftrightarrow Op) \& \square(p \leftrightarrow Gp)))$.

АХ-2: $Ep \leftrightarrow (Kp \& (\diamond Sp \vee \neg\square(p \leftrightarrow \square p) \vee \neg\square(p \leftrightarrow Tp) \vee \neg\square(p \leftrightarrow Dp) \vee \neg\square(p \leftrightarrow Mp) \vee \neg\square(p \leftrightarrow Op) \vee \neg\square(p \leftrightarrow Gp)))$.

Примерно в 1671 г. в неоконченной работе «Элементы естественного права» («*Elementa Juris Naturalis*») Г.В. Лейбниц впервые высказал принцип формального

единства Аристотелевских (алетических) и юридических модальностей [44, р. 466, 480, 481]. В XX веке Г.Х. Вригт интерпретировал этот принцип Лейбница как принцип *не эквивалентности, а аналогии (сходства)* алетических и деонтических модальностей [59, р. 100–103].

По моему мнению, разработанная Вригтом [56–59] интерпретация (модернизация) логико-философско-правовой концепции Лейбница [14–19; 44] спорна во многих отношениях. В частности, она нарушает принцип историзма, искажая смысл источника: Лейбниц жил и творил в «золотую эпоху европейской естественно-правовой мысли» (17 и 18 века); созданная им ярко выраженной *естественно-правовой* философией рационализма [14–19; 22; 24; 25; 43–45; 51; 52] насильно укладывается Вригтом в «прокрустово ложе» доминировавшего в XX веке логического эмпиризма и юридического позитивизма как командно-административного нормативизма. В результате оригинальная философско-правовая концепция Лейбница оказывается основательно изуродованной.

Все, что у Лейбница было в духе его времени, но казалось Вригту ошибочным, старомодным, «лишним» (не укладывалось в «прокрустово ложе» духа, доминировавшего в XX веке), Вригт «обрезал бритвой Оккама», применив «научную абстракцию». Поэтому, на мой взгляд, руководствуясь принципом историзма, целесообразно «порыться в корзине для отбросов (обрезков)» и попытаться «пришить обратно» кое-что из того, что Вригт в нее выбросил. Что именно?

В связи с этим вопросом, прежде всего, целесообразно обратить внимание на то, что в своей вольной интерпретации «Элементов Естественного Права» Лейбница Вригт без достаточного на то основания заменяет (подменяет) термин Лейбница «юридические модальности» на «деонтические (нормативные) модальности», отождествляя значения этих терминов в духе доминировавшей в XX веке парадигмы юридического позитивизма и нор-

мативизма. Но в естественно-правовой теории Лейбница, находившейся в полном соответствии с «Дигестами» Юстиниана, «юридические модальности» не исчерпываются «деонтическими (нормативными)», а включают в себя еще и «аксиологические (оценочные) модальности» – «хорошо (добро)» и «плохо (зло)». Добро и зло у Лейбница – *собственно юридические* понятия. Это важное обстоятельство подтверждается не только «Элементами Естественного Права», но и другими философско-юридическими трудами автора «Предустановленной гармонии», получившего систематическое базовое *юридическое* образование в университете Лейпцига, а также написавшего и защитившего диссертацию по теории права в Нюрнбергском университете в Альтдорфе.

Если высказанное в адрес Вригта критическое замечание принять всерьез, то нужно будет исправить (компенсировать) искажающую смысл принципа Лейбница вригтовскую его интерпретацию, добавив к ней еще и следующий важный тезис: *между соответствующими алетическими (Аристотелевскими) и аксиологическими (оценочными) модальностями юриспруденции имеется фундаментальное структурно-функциональное единство*. Философствуя в своем духе, Вригт назвал бы это единство *аналогией* (не более чем *просто сходством*). А по моему мнению, руководствуясь принципом историзма и стремясь философствовать в духе *рационализма* Лейбница, естественно предположить, что, рассуждая о единстве алетических и юридических (в частности, *оценочных*) модальностей, он имел в виду *нечто большее, чем просто сходство*, а именно, *эквивалентность*.

3. Строгое формальное обоснование (дедуктивный вывод) предлагаемого разрешения проблемы в рамках аксиоматической системы философской эпистемологии

Допустим, что некий достаточно объективный исследователь заинтересовался

развиваемой в данной статье не деонтической, а аксиологической (ценностной) интерпретацией гениальной интуиции Лейбница о фундаментальном формальном единстве Аристотелевских (алетических) и юридических (в данном случае *ценностных*) модальностей, но хотел бы познакомиться с доказательствами. Можно ли предоставить такому исследователю строгое формальное доказательство именно *эквивалентности* соответствующих оценочных (аксиологических) и алетических модальностей?

В данной работе дается положительный ответ на этот вопрос: да, такое формальное доказательство может быть дано. Чтобы построить его ниже в данной статье, во-первых, необходимо принять сформулированное выше точное формальное определение (ограничение) области уместности принципа эквивалентности модальностей G и \square . А именно, применение этого принципа совершенно уместно, если и только если он применяется исключительно к *априорному* знанию (следовательно, применение этого принципа к знанию *фактов*, т. е. *случайных истин*, неуместно). Во-вторых, чтобы построить упомянутое формальное доказательство, необходимо обеспечить соответствующий уровень точности и строгости дедуктивного дискурса. Поэтому для достижения формальной определенности и строгости доказательства многозначное в естественном языке философов словосочетание «априорное знание» уточняется с помощью данной выше аксиоматической системы эпистемологии. Если указанные условия выполняются, то с помощью данных выше точных формальных дефиниций обсуждаемый общий принцип эквивалентности G и \square может быть дедуктивно обоснован следующим образом.

1. $A_p \leftrightarrow (K_p \& (\square \neg S_p \& \square(p \leftrightarrow \square p) \& \square(p \leftrightarrow T_p) \& \square(p \leftrightarrow D_p) \& \square(p \leftrightarrow M_p) \& \square(p \leftrightarrow O_p) \& \square(p \leftrightarrow G_p)))$: аксиома AX-1.
2. A_p : допущение.

3. $(Kp \& (\neg Sp \& \Box(p \leftrightarrow \Box p) \& \Box(p \leftrightarrow Tp) \& \Box(p \leftrightarrow Dp) \& \Box(p \leftrightarrow Mp) \& \Box(p \leftrightarrow Op) \& \Box(p \leftrightarrow Gp)))$: из 1 и 2 согласно пропозициональной логике.
4. $\Box(p \leftrightarrow Gp)$: из 3 по правилу удаления $\&$.
5. $(p \leftrightarrow Gp)$: из 4 по правилу удаления \Box .
6. $\Box(p \leftrightarrow \Box p)$: из 3 по правилу удаления $\&$.
7. $(p \leftrightarrow \Box p)$: из 6 по правилу удаления \Box .
8. $(Gp \leftrightarrow p)$: из 5 по коммутативности \leftrightarrow .
9. $(Gp \leftrightarrow \Box p)$: из 7 и 8 по транзитивности \leftrightarrow .

Что и требовалось доказать! Посредством формального вывода 1–9 обсуждаемый принцип эквивалентности соответствующих аксиологических (оценочных) и алетических модальностей логически дедуцирован (в рамках предложенной аксиоматической системы) из допущения априорности знания (Ap).

Однако основным предметом исследования в настоящей статье является принцип $(\Box p \leftrightarrow \Box Gp)$. Нельзя ли и его тоже строго логически вывести (в рамках предложенной аксиоматической системы) из допущения априорности знания (Ap)? По моему мнению, это тоже может быть сделано. Для демонстрации сказанного продолжим последовательность 1–9 следующим образом.

10. $(\Box(\lambda \leftrightarrow \beta) \supset (\Box\lambda \leftrightarrow \Box\beta))$: схема теорем алетической модальной логики [32, с. 48].
11. $(\Box(p \leftrightarrow Gp) \supset (\Box p \leftrightarrow \Box Gp))$: из 10 с помощью подстановки: p вместо λ ; Gp вместо β .
12. $(\Box p \leftrightarrow \Box Gp)$: из 11 и 4 по правилу *modus ponens*.

Что и требовалось доказать! Посредством формального вывода 1–12 обсуждаемый принцип $(\Box p \leftrightarrow \Box Gp)$ логически дедуцирован (в рамках предложенной аксиоматической системы) из допущения априорности знания (Ap).

Таким образом, строго доказано, что в сфере априорного знания (и только в ней) естественная необходимость (абсолютно универсальный закон природы) и необходимо всеобщее благо (абсолютное добро) эквивалентны. В свете этого нетривиального вывода логико-философский аспект системы Римского Права выглядит интеллектуально респектабельно: он представляет собой результат *прогрессивного* развития – фундаментальный синтез многообразия возможностей, а всевозможные *упрощения* этого концептуального синтеза в процессе «рецепции Римского Права» – результаты адаптации к внешней среде путем регресса. Такие упрощения теории Римского Права путем «обрезания лишнего бритвой Оккама», например, путем исключения из системы права ее формально-аксиологического аспекта, действительно способствуют адаптации к существующей внешней среде, давая ощутимую «экономия мышления», но не бесплатно: экономия покупается ценой потери универсальной приспособленности к неопределенности будущего.

Завершая работу, уместно заметить, что иногда в литературе естественное право формулируется и обсуждается не как аксиологическая (ценностная), а как деонтологическая (нормативная) система, т. е. не в *оценочных* терминах «хорошо (добро)» и «плохо (зло)», а в *нормативных* терминах «обязательно (долг)», «разрешено (право)» и др. При этом речь идет о естественном праве как вечной и неизменной системе *необходимо универсальных норм (законов)* поведения. Некоторые усматривают в *эмпирическом* различии нормативных (императивных) и оценочных категорий юриспруденции серьезную трудность, проблематичность, опасность для целостности, концептуальной гомогенности и логической непротиворечивости естественно-правовой доктрины. Но, по моему мнению, *эмпирическое* различие нормативных (императивных) и оценочных категорий юриспруденции не представляет собой зна-

чительную трудность для достаточно хорошо развитой абстрактно-всеобщей теории права. Это можно дедуктивно продемонстрировать в рамках предложенной выше аксиоматической системы эпистемологии, продолжив приведенную выше последовательность 1–12 следующим образом:

13. $(\Box(p \leftrightarrow Op) \supset (\Box p \leftrightarrow \Box Op))$: из 10 с помощью подстановки: p вместо λ ; Op вместо β .
14. $\Box(p \leftrightarrow Op)$: из 3 по правилу удаления $\&$.
15. $(\Box p \leftrightarrow \Box Op)$: из 11 и 4 по правилу *modusponens*.

Согласно 15, закон природы как необходимое бытие эквивалентен закону природы как необходимо должному (обязательному) бытию! Продолжая этот дедуктивный дискурс в рамках исследуемой аксиоматической системы эпистемологии, можно получить также следующий вывод.

16. $(\Box Op \leftrightarrow \Box p)$: из 15 на основании коммутативности операции \leftrightarrow .
17. $(\Box Op \leftrightarrow \Box Gp)$: из 16 и 12 на основании транзитивности операции \leftrightarrow .

Согласно 17, если истинно допущение Ap , то чисто аксиологическая (оценочная) и чисто деонтологическая (императивная) формулировки системы естественного права эквивалентны друг другу! Будучи системой *априорного* знания (Ap), доктрина естественного права логически непротиворечива и *однородна* (с точностью до логической эквивалентности якобы разнородных ее компонентов).

Завершая настоящую статью, рассмотрим широко распространенное убеждение юристов (и не только юристов) в том, что преднамеренное включение в систему права наряду с нормативными (деонтическими) компонентами еще и оценочных (аксиологических) компонентов делает эту систему неоднородной, лишает ее целостности, так как при этом исчезает (отсутствует) единый системообразующий фактор, т. е. такой принцип, по отношению к которому все компо-

ненты системы однородны (эквивалентны). По моему мнению это убеждение является широко распространенным предрассудком. Люди к нему привыкли и не видят достаточного основания для того, чтобы от него отказаться. Ниже в данной статье достаточное основание для отказа от этого предрассудка представлено. Оно демонстрируется следующим продолжением приведенной выше последовательности 1–17:

18. $(p \leftrightarrow Op)$: из 14 по правилу удаления \Box .
19. $(Gp \leftrightarrow Op)$: из 8 и 18 по транзитивности \leftrightarrow .

Итак, если Ap , то аксиологический и деонтический варианты формулировки системы права эквивалентны. Могут заметить, что в сфере правового *опыта*, т. е. в сфере *эмпирического* знания (где неверно, что Ap), утверждение $(Gp \leftrightarrow Op)$ может быть ложно. Да, конечно (на этот счет имеется обширная литература). Но ведь $(Gp \leftrightarrow Op)$ утверждается не по отношению к *эмпирическому* знанию правового *опыта*, а по отношению к *априорному* знанию *вечного и неизменного* естественного Закона = *необходимо всеобщего* Блага.

1. Адлер М. Шесть великих идей. М.: Изд-во: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 256 с.

2. Аристотель. Метафизика // Соч. в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. С. 63–550.

3. Аристотель. Этика // Соч. в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 295–374.

4. Ваттель Э. де. Право народов, или Принципы естественного права, примененные к поведению и делам наций и суверенов. М.: Госюриздат, 1960. 719 с.

5. Гегель Г.В.Ф. Философия права: Основания естественного права и науки о государстве. Основы философии права. М.: Мысль, 1990. 524 с.

6. Гельвеций К.-А. Истинный смысл системы природы. М.: Новая Москва, 1923. 163 с.

7. Гольбах П.-А. Система природы, или о законах мира физического и мира духовного. М.: Госиздат, 1924. 580 с.

8. Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М.: Госюриздат, 1956. 868 с.

9. Дигесты Юстиниана: Избр. фрагменты в пер. и с примеч. И.С. Перетерского. М.: Наука, 1984. 456 с.

10. Ивин А. А. Основания логики оценок. М.: МГУ, 1970. 230 с.
11. Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. 382 с.
12. Кленнер Г. От права природы к природе права. М.: Прогресс, 1988. 318 с.
13. Костюк В. Н. Элементы модальной логики. Киев: Наукова Думка, 1978. 180 с.
14. Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Г. В. Лейбниц. Соч. в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1983. С. 47–545.
15. Лейбниц Г. В. Переписка с королевой Пруссии Софией-Шарлоттой и курфюрстиной Софией // Г. В. Лейбниц. Соч. в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. С. 371–394.
16. Лейбниц Г. В. Письмо к герцогу Ганноверскому // Г. В. Лейбниц. Соч. в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. С. 491–493.
17. Лейбниц Г. В. Об универсальной науке, или философском исчислении // Г. В. Лейбниц. Соч. в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. С. 494–500.
18. Лейбниц Г. В. Общие исследования, касающиеся анализа понятий и истин // Г. В. Лейбниц. Соч. в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. С. 572–616.
19. Лейбниц Г. В. Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла // Г. В. Лейбниц. Соч. в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1989. С. 49–554.
20. Лобовиков В. О. Математическое правоведение. Часть 1: Естественное право. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия; Гуманитарный университет, 1998. 240 с.
21. Лобовиков В. О. Математическая этика, метафизика и естественное право (Алгебра метафизики как алгебра формальной аксиологии). Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2007. 408 с.
22. Лобовиков В. О. Историко-философский и логический аспекты проблемы взаимосвязи истинности и доказуемости: Г. В. Лейбниц; А. Тарский; К. Гёдель // Научный журнал «Дискурс-Пи», 2015, № 3–4. С. 65–71.
23. Лобовиков В. О. Аксиоматическая система эпистемологии // Известия Уральского Федерального университета. Общественные науки, 2016, № 1 (149). С. 5–19.
24. Лобовиков В. О. Еще одна аксиома рационалистической эпистемологии априорного знания: историко-философский и логический аспекты проблемы взаимосвязи истинности, доказуемости и алгоритмичности знания (Г. В. Лейбниц; К. Гёдель; А. Чёрч) // Научный журнал «Дискурс-Пи», 2016, № 1 (22). С. 27–34.
25. Лобовиков В. О. Две новые аксиомы рационалистической эпистемологии (взаимосвязь доказуемости, истинности, невыразимости, непоколебимой веры и непроверяемого знания: Г. В. Лейбниц; К. Гёдель; А. Тарский; Дж. Мур) // Научный журнал «Дискурс-Пи», 2016, № 2 (23). С. 82–88.
26. Лобовиков В. О. Графическое моделирование модальной логики знания a-priori и a-posteriori с помощью логического квадрата и гексагона // Тезисы докладов научной конференции «Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке» (22–24 июня 2016, Санкт-Петербург). СПб: СПбГУ, 2016. С. 85–86.
27. Морелли. Кодекс природы, или истинный дух ее законов. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 259 с.
28. Мур Дж. Э. Принципы этики. Москва: Прогресс, 1984. 326 с.
29. Мур Дж. Э. Природа моральной философии. М.: Республика, 1999. 351 с.
30. Робине Ж.-Б. О природе. М.: Соцэргиз, 1935. 555 с.
31. Спиноза Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке. М. – Л.: Соцэргиз, 1932. 223 с.
32. Фейс Р. Модальная логика. М.: Наука, 1974. 520 с.
33. Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М.: Наука, 1966. 224 с.
34. Четвернин В. А. Современные концепции естественного права. М.: Наука, 1988. 140 с.
35. Юм Д. Исследование о человеческом разумении. М.: Прогресс, 1995. 237 с.
36. Юм. Д. Трактат о человеческой природе. Мн.: Попурри, 1998. 720 с.
37. Aquinas T. St. 'The Summa Theologica. Vol. II', in Mortimer J. Adler (ed.) Great Books of the Western World. Vol. 18. Aquinas: II. Chicago; Auckland; London; Madrid: Encyclopaedia Britannica, Inc., 1994. 1085 p.
38. Connor D. J. O' Aquinas and Natural Law. N.Y.: The Macmillan Co., 1967. 324 p.
39. Dworkin Ronald A. "Natural' Law Revisited", in Hayman Robert L. and Levit N. Jurisprudence. Contemporary Readings, Problems and Narrations. St. Paul, Minn.: West Publ. Co., 1994. pp. 79–83.
40. Entreves A. P. d' Natural Law: An Historical Survey. N.Y.: The Macmillan Co., 1951. 658 p.
41. Finnis John M. Natural Law and Natural Rights. Oxford: Clarendon Press, 1980. 425 p.
42. Finnis John M. (Ed.) Natural Law (a collection of papers). Oxford: Clarendon Press, 1991. 843 p.
43. Johns Christopher. The Science of Right in Leibniz's Moral and Political Philosophy. London; New Delhi; New York; Sydney: Bloomsbury, 2013. 193 p.
44. Leibniz G. W. Elementa Juris Naturalis. In G. W. Leibniz. Philosophische Schriften. Erster Band: 1663–1672. Berlin: Akademie-Verlag. 1971. P. 431–485.
45. Lobovikov V. Discrete Mathematical Representing G. W. Leibniz' Philosophy of Law, Morals and Theology by Means of Two-valued Algebra of the Natural Law (Studying moral-legal evaluation-functions determined by two variables in algebra of formal axiology) // XI Internationaler Leibniz-Kongressunter der Schirmherreschaft des Bundespräsidenten 'Natur und Subject'. Vorträge 2. Teil Herausgegeben von Herbet Breger, Jürgen Herbst und Sven Erdner. Hannover, 26. September bis 1. October 2011. Berlin: Akademie Verlag; Bahlsen GmbH & Co. KG, 2011. P. 611–615.
46. Lobovikov V. Squares and hexagons of formal-ethical opposition in two-valued algebra of formal ethics. An algebraic system of moral-evaluation-functions: "Being", "Knowing", "Faith", "Love", et al // Aporia – Revista Internacional de Investigaciones Filosóficas (Internat

- ional Journal for Philosophical Investigations). 2014. № 8. P. 4–22.
47. Lobovikov V. Algebra of Morality and Formal Ethics // Looking Back to See the Future: Reflections on Sins and Virtues / Edited by Katarzyna Bronk. Oxford, United Kingdom: Inter-Disciplinary Press, 2014. P. 17–41.
48. Lobovikov V. 'Fear', 'Horror' and 'Terror': Not Moral-Evaluation Constants but Moral-Evaluation Functions Determined by Two Moral-Evaluation Variables in Algebra of Formal Ethics // Facing Our Darkness: Manifestations of Fear, Horror and Terror / Edited by: Laura Colmenero-Chilberg and Ferenc Mújdricza. Oxford, United Kingdom: Inter-Disciplinary Press, 2015. P. 193–203.
49. Lobovikov V. The Trinity Triangle and the Homonymy of the Word "Is" in Natural Language (A Logically Consistent Discrete Mathematical Representation of the Trinity by Means of Algebra of Morality and Formal Ethics) // Philosophy Study, July 2015, Vol. 5, No 7, pp. 327–341. (doi: 10.17265/2159–5313/2015.07.001).
50. Lobovikov V. An Equivalence of Moore's Paradox and Gödel's Incompleteness Sentence in Two-Valued Algebra of Formal Ethics // Philosophy Study, January 2016, Vol. 6, No 1, pp. 34–55. (Doi: 10.17265/2159–5313/2016.01.004).
51. Lobovikov V. Leibniz's Motto "Calceumus!" and Its Significance for Developing the Natural Law Theory as a Consistent System of Universal Values Uniting All Possible Rational Persons // "Für unser Glück oder das Glück anderer" Volträge des X. Internationalen Leibniz-Kongresses, 18. – 23. Juli 2016. Hannover. Herausgegeben von Wenchao Li in Verbindung mit Ute Beckmann, Sven Erdner, Esther-Maria Errulat, Jünger Herbst, Helena Iwasinski und Simona Noreik. Hildesheim; Zurich; New York: Georg Olms Verlag, 2016. Band I. P. 541–550.
52. Riley Patric (ed.). Leibniz: Political Writings. Cambridge: The University Press, 1988. 249 p.
53. Waddicor M.H. Montesquieu and the philosophy of natural law. Hague: The Univ. Press, 1970. 192 p.
54. Weinreb Lloyd L. Natural Law and Justice. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1987. 320 p.
55. Wright G. H. An Essay in Modal Logic. Amsterdam: North-Holland Publ. Co., 1951. 90 p.
56. Wright G. H. Norm and Action: A Logical Enquiry. New York: Humanities Press, 1963. 214 p.
57. Essay in Deontic Logic and the General Theory of Action. Amsterdam: North-Holland Publ. Co., 1968. 112 p.
58. Wright G.H. "A New System of Deontic Logic." Danish Yearbook of Philosophy, 1971. № 1. P. 173–182.
59. Wright G. H. Philosophical Papers. Vol. I: Practical Reason. Oxford: Basil Blackwell, 1983. 214 p.
1. Adler M. Shest' velikix idej. M.: Izd-vo: Mann, Ivanov i Ferber, 2015. 256 s.
2. Aristotel'. Metafizika // Soch. v 4-x t. T. 1. M.: Mysl', 1975. S. 63–550.
3. Aristotel'. E'tika // Soch. v 4-x t. T. 4. M.: Mysl', 1983. S. 295–374.
4. Vattel' E'. de. Pravo narodov, ili Principy estestvennogo prava, primenennye k povedeniyu i delam nacij i suverenov. M.: Gosyurizdat, 1960. 719 s.
5. Gegel' G.V.F. Filosofiya prava: Osnovaniya estestvennogo prava i nauki o gosudarstve. Osnovy filosofii prava. M.: Mysl', 1990. 524 s.
6. Gel'vecij K.-A. Istinnij smysl sistemy prirody. M.: Novaya Moskva, 1923. 163 s.
7. Gol'bax P.-A. Sistema prirody, ili o zakonax mira fizicheskogo i mira duxovnogo. M.: Gosizdat, 1924. 580 s.
8. Grocij G. O prave vojny i mira. Tri knigi, v kotoryx ob'yasnyayutsya estestvennoe pravo i pravo narodov, a takzhe principy publichnogo prava. M.: Gosyurizdat, 1956. 868 s.
9. Digesty Yustiniana: Izbr. fragmenty v per. i s primech. I. S. Pereterskogo. M.: Nauka, 1984. 456 s.
10. Ivin A.A. Osnovaniya logiki ocenok. M.: MGU, 1970. 230 s.
11. Karnap R. Znachenie i neobxodimost'. Issledovanie po semantike i modal'noj logike. M.: Izd-vo inostr. lit., 1959. 382 s.
12. Klenner G. Ot prava prirody k prirode prava. M.: Progress, 1988. 318 s.
13. Kostyuk V.N. E'lementy modal'noj logiki. Kiev: Naukova Dumka, 1978. 180 s.
14. Lejbnic G.V. Novye opyty o chelovecheskom razumenii avtora sistemy predustanovlennoj garmonii // G.V. Lejbnic. Soch. v 4 t. T. 2. M.: Mysl', 1983. S. 47–545.
15. Lejbnic G.V. Perepiska s korolevoj Prussii Sofiej-Sharlottoj i kurfyrstinoj Sofiej // G.V. Lejbnic. Soch. v 4 t. T. 3. M.: Mysl', 1984. S. 371–394.
16. Lejbnic G.V. Pis'mo k gercogu Gannoverskomu // G.V. Lejbnic. Soch. v 4 t. T. 3. M.: Mysl', 1984. S. 491–493.
17. Lejbnic G.V. Ob universal'noj nauke, ili filosofskom ischislenii // G.V. Lejbnic. Soch. v 4 t. T. 3. M.: Mysl', 1984. S. 494–500.
18. Lejbnic G.V. Obshhie issledovaniya, kasayushiesya analiza ponyatij i istin // G.V. Lejbnic. Soch. v 4 t. T. 3. M.: Mysl', 1984. S. 572–616.
19. Lejbnic G.V. Opyty teodicey o blagosti Bozhiej, svobode cheloveka i nachale zla // G.V. Lejbnic. Soch. v 4 t. T. 4. M.: Mysl', 1989. S. 49–554.
20. Lobovikov V.O. Matematicheskoe pravovedenie. Chast' 1: Estestvennoe pravo. Ekaterinburg: Ural'skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya; Gumanitarnyj universitet, 1998. 240 s.
21. Lobovikov V.O. Matematicheskaya e'tika, metafizika i estestvennoe pravo (Algebra metafiziki kak algebra formal'noj aksiologii). Ekaterinburg: Institut filosofii i prava UrO RAN, 2007. 408 s.
22. Lobovikov V.O. Istoriko-filosofskij i logicheskij aspekty problemy vzaimosvyazi istinnosti i dokazuemosti: G.V. Lejbnic; A. Tarskij; K. Gyodel' // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi», 2015, № 3–4. S. 65–71.
23. Lobovikov V.O. Aksiomaticheskaya sistema e'pistemologii // Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo universiteta. Obshhestvennye nauki, 2016, № 1 (149). S. 5–19.
24. Lobovikov V.O. Eshhe odna aksioma racionalisticheskoy e'pistemologii apriornogo znaniya: istoriko-filosofskij i logicheskij aspekty problemy vzaimosvyazi istinnosti, dokazuemosti i algoritmichnosti znaniya (G.V. Lejbnic; K. Gyodel'; A. Chyorch) // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi», 2016, № 1 (22). S. 27–34.

25. Lobovikov V.O. Dve novye aksiomy racionalisticheskoy e'pistemologii (vzaimosvyaz' dokazuemosti, istinnosti, nevyrazimosti, nepokolebimoy very i neoproverzhimogo znaniya: G. V. Lejbnic; K. Gyodel'; A. Tarskij; Dzh. Mur) // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi», 2016, № 2 (23). S. 82–88.
26. Lobovikov V.O. Graficheskoe modelirovanie modal'noj logiki znaniya a-priori i a-posteriori s pomoshh'yu logicheskogo kvadrata i geksagona // Tezisy dokladov nauchnoj konferencii «Sovremennaya logika: problemy teorii, istorii i primeneniya v nauke» (22–24 iyunya 2016, Sankt-Peterburg). SPb: SPbGU, 2016. S. 85–86.
27. Morelli. Kodeks prirody, ili istinnyj dux ee zakonov. M. – L.: Izd-vo AN SSSR, 1938. 259 s.
28. Mur Dzh. E'. Principy e'tiki. Moskva: Progress, 1984. 326 s.
29. Mur Dzh. E'. Priroda moral'noj filosofii. M.: Respublika, 1999. 351 s.
30. Robine Zh.-B. O prirode. M.: Soce'kgiz, 1935. 555 s.
31. Spinoza B. E'tika, dokazannaya v geometricheskom poryadke. M. – L.: Soce'kgiz, 1932. 223 s.
32. Fejs R. Modal'naya logika. M.: Nauka, 1974. 520 s.
33. Ciceron. Dialogi. O gosudarstve. O zakonax. M.: Nauka, 1966. 224 s.
34. Chetvernin V.A. Sovremennye koncepcii estestvennogo prava. M.: Nauka, 1988. 140 s.
35. Yum D. Issledovanie o chelovecheskom razumenii. M.: Progress, 1995. 237 s.
36. Yum. D. Traktat o chelovecheskoj prirode. Mn.: Popurri, 1998. 720 s.
37. Aquinas T. St. 'The Summa Theologica. Vol. II', in Mortimer J. Adler (ed.) Great Books of the Western World. Vol. 18. Aquinas: II. Chicago; Auckland; London; Madrid: Encyclopaedia Britannica, Inc., 1994. 1085 p.
38. Connor D.J.O' Aquinas and Natural Law. N.Y.: The Macmillan Co., 1967. 324 p.
39. Dworkin Ronald A. "'Natural' Law Revisited", in Hayman Robert L. and Levit N. Jurisprudence. Contemporary Readings, Problems and Narrations. St. Paul, Minn.: West Publ. Co., 1994. pp. 79–83.
40. Entreves A.P. d' Natural Law: An Historical Survey. N.Y.: The Macmillan Co., 1951. 658 p.
41. Finnis John M. Natural Law and Natural Rights. Oxford: Clarendon Press, 1980. 425 p.
42. Finnis John M. (Ed.) Natural Law (a collection of papers). Oxford: Clarendon Press, 1991. 843 p.
43. Johns Christopher. The Science of Right in Leibniz's Moral and Political Philosophy. London; New Delhi; New York; Sydney: Bloomsbury, 2013. 193 p.
44. Leibniz G.W. Elementa Juris Naturalis. In G.W. Leibniz. Philosophische Schriften. Erster Band: 1663–1672. Berlin: Akademie-Verlag, 1971. P. 431–485.
45. Lobovikov V. Discrete Mathematical Representing G.W. Leibniz' Philosophy of Law, Morals and Theology by Means of Two-valued Algebra of the Natural Law (Studying moral-legal evaluation-functions determined by two variables in algebra of formal axiology) // XI Internationaler Leibniz-Kongressunter der Schirmherrschaft des Bundespräsidenten 'Natur und Subject'. Vorträge 2. Teil Herausgegeben von Herbet Breger, Jürgen Herbst und Sven Erdner. Hannover, 26. September bis 1. October 2011. Berlin: Akademie Verlag; Bahlsen GmbH & Co. KG, 2011. P. 611–615.
46. Lobovikov V. Squares and hexagons of formal-ethical opposition in two-valued algebra of formal ethics. An algebraic system of moral-evaluation-functions: "Being", "Knowing", "Faith", "Love", et al // Aporia – Revista Internacional de Investigaciones Filosóficas (International Journal for Philosophical Investigations). 2014. № 8. P. 4–22.
47. Lobovikov V. Algebra of Morality and Formal Ethics // Looking Back to See the Future: Reflections on Sins and Virtues / Edited by Katarzyna Bronk. Oxford, United Kingdom: Inter-Disciplinary Press, 2014. P. 17–41.
48. Lobovikov V. 'Fear', 'Horror' and 'Terror': Not Moral-Evaluation Constants but Moral-Evaluation Functions Determined by Two Moral-Evaluation Variables in Algebra of Formal Ethics // Facing Our Darkness: Manifestations of Fear, Horror and Terror / Edited by: Laura Colmenero-Chilberg and Ferenc Müjdricza. Oxford, United Kingdom: Inter-Disciplinary Press, 2015. P. 193–203.
49. Lobovikov V. The Trinity Triangle and the Homonymy of the Word "Is" in Natural Language (A Logically Consistent Discrete Mathematical Representation of the Trinity by Means of Algebra of Morality and Formal Ethics) // Philosophy Study, July 2015, Vol. 5, No 7, pp. 327–341. (doi: 10.17265/2159–5313/2015.07.001).
50. Lobovikov V. An Equivalence of Moore's Paradox and Gödel's Incompleteness Sentence in Two-Valued Algebra of Formal Ethics // Philosophy Study, January 2016, Vol. 6, No 1, pp. 34–55. (Doi: 10.17265/2159–5313/2016.01.004).
51. Lobovikov V. Leibniz's Motto "Calculemus!" and Its Significance for Developing the Natural Law Theory as a Consistent System of Universal Values Uniting All Possible Rational Persons // "Für unser Glück oder das Glück anderer" Volträge des X. Internationalen Leibniz-Kongresses, 18.– 23. Juli 2016. Hannover. Herausgegeben von Wenchao Li in Verbindung mit Ute Beckmann, Sven Erdner, Esther-Maria Errulat, Jünger Herbst, Helena Iwasinski und Simona Noreik. Hildesheim; Zurich; New York: Georg Olms Verlag, 2016. Band I. P. 541–550.
52. Riley Patric (ed.). Leibniz: Political Writings. Cambridge: The University Press, 1988. 249 p.
53. Waddicor M.H. Montesquieu and the philosophy of natural law. Hague: The Univ. Press, 1970. 192 p.
54. Weinreb Lloyd L. Natural Law and Justice. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1987. 320 p.
55. Wright G.H. An Essay in Modal Logic. Amsterdam: North-Holland Publ. Co., 1951. 90 p.
56. Wright G.H. Norm and Action: A Logical Enquiry. New York: Humanities Press, 1963. 214 p.
57. Essay in Deontic Logic and the General Theory of Action. Amsterdam: North-Holland Publ. Co., 1968. 112 p.
58. Wright G.H. "A New System of Deontic Logic." Danish Yearbook of Philosophy, 1971. № 1. P. 173–182.
59. Wright G.H. Philosophical Papers. Vol. I: Practical Reason. Oxford: Basil Blackwell, 1983. 214 p.

UDC 16+17+1(091)+340.1(091)

AXIOMATIZING EPISTEMOLOGY AS A MEANS FOR EXPLICATING LAW THEORY: «DIGESTA» IUSTINIANI AND A PROBLEM OF HOMOGENEITY OF THE NATURAL LAW

Lobovikov Vladimir Olegovich,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: vlobovikov@mail.ru

Annotation

The subject-matter of investigation – a structural-functional aspect of axiology of law as a system: the paper submits studying that fragment of the law system as a whole which is a system of evaluative notions «good» and «bad (evil)». Especially important is precise formulating, accurate investigating and rigorous substantiating an equivalence of the mentioned system of evaluative notions and the system of laws of nature as alethic necessity which equivalence makes up the logic foundation of rational philosophy of the natural law. In the paper the hypothetic-deductive (axiomatic) method and the one of modeling are exploited along with the principle of historicism. The scientific novelty of the investigation results: for the first time in scientific literature a precise formulation is given for the problem of equivalence of the evaluative and the alethic modalities of law: (1) at the level of the natural language of «Digesta» Iustiniani, and (2) at the level of an artificial language of axiomatic system of philosophical epistemology. For the first time in world literature a manifestly formulated solution of this hitherto not recognized but very important problem is submitted and also a strict deductive demonstration of this solution is given in the axiomatic system of philosophical epistemology.

Key words:

the-natural-right, good, necessarily-common-good, law-of-nature, alethic-necessity, knowledge, a-priori, a-posteriori.

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ «ДИСКУРСОЛОГИЯ:
ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ».
28–29 СЕНТЯБРЯ 2016 ГОДА
(г. Ялта, Республика Крым)**

ЯЛТИНСКИЙ ДИСКУРСОЛОГИЧЕСКИЙ КРУЖОК

Доклады

УДК 81.32

**ФОРМИРОВАНИЕ ФЕНОМЕНА ЭТНОГЕНДЕРА
С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ ЭТНИЧНОСТИ**

Олянич Андрей Владимирович,

Волгоградский государственный аграрный университет,
доктор филологических наук, профессор,
Волгоград, Россия,
E-mail: aolyanitch@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются различные концепции этногендерной маркированности языка и дискурса, взаимодействия языка и этнических форм мышления. Выделяются лингвистические направления исследования гендерного фактора, исследуется его зависимость от этнического происхождения носителя языка, перечисляются проблемы, возникающие при контаминации этнических и гендерных факторов коммуникации. К исследованию системности поло-ролевого или гендерно обусловленного коммуникативного поведения этногендера применяется логическое понятие эргодичности. Автор утверждает, что этнос как система обладает свойством эргодичности, поэтому и развивается по законам последней. Эти динамические изменения касаются всего «семиотического поля» этноса, в том числе и специфичности его коммуникативного поведения.

Ключевые слова:

гендер, дискурс, дискурсоразвертывание, семиотика, система, эргодичность, этногендер, этнос.

Согласно концепции А. А. Потебни, наблюдается взаимодействие и взаимовлияние означивания и формы означивания, т. е. взаимодействие структуры языка и этнических форм мышления. Феномен языка в исследованиях мыслителя самым тесным образом связан с культурой народа. Он видит в нем механизм зарождения мысли, в котором изначально присутствует творческий потенциал: «Язык есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее, он не отражение сложившегося мирозерцания, а слагающая его деятельность» [16, с. 230].

Эти идеи ученого высказаны солидарно с концепцией Вильгельма фон Гумбольдта об одновременном универсализме и идиоэтнолизме языка в целом. Как полагает Г. В. Рамишвили, исследователь творчества этого немецкого ученого, «... Гумбольдт считает «нацию» (для него по существу это то же самое, что и «народ») такой «формой индивидуализации человеческого духа», которая имеет «языковой» статус. Считая нацию «духовной формой человечества, имеющей языковую определенность», специфику этой формы он усматривает главным образом в языке, хотя при этом подчеркивает, что в формировании нации, помимо языка, участвуют и другие факторы: «если нами нации назывались духовной формой человечества, то этим совершенно не отрицались их реальность и их земное бытие; такое выражение мы выбрали только потому, что здесь вопрос касался рассмотрения их (наций) интеллектуального аспекта». Обусловленное языком естественное деление человечества на народы, хотя и имеет силу естественной необходимости, но проводится у Гумбольдта не по биологическим, расовым и тому подобным признакам, а по более высокому принципу, создающему основные и необходимые – «охарактеризованные языком» – условия человеческого бытия, возвышающие человека до решения задач своего историко-культурного назначения» [18, с. 10].

Таким образом, оба эти ученые выявили стойкую связь «... между уникальностью любого национального языка и его культурой, которая представляется как совокупность образцов предметно-практического и духовно-теоретического поведения людей, формирующаяся в процессе социально-исторического развития народа. Продолжаются исследования вопросов связи языка с обществом и культурой, влияния социо семиотических и социокультурных факторов на построение речи, взаимодействия культурных кодов с естественным языком как вербальной семиотической системой. Предстоит определить факторы, влияющие на этнически специфичную речевую деятельность, параметры отличия речевого общения одного лингвосоциума от другого, установить влияние этого отличия для осуществления адекватного общения на языке одного из них, обозначить причины национально-культурных столкновений при коммуникации» [24, с. 106].

Идеи идиоэтнолизма человеческого языка сегодня необыкновенно популярны в исследованиях по лингвокультурологии в связи с изучением этнических сходств и различий в языковых и речевых экспликациях мировых культур: этничность лингвокультур вызывает живейший интерес исследователей вследствие явного влияния этнического признака на коммуникативное поведение как этноса в целом (этносоциума), так и его отдельных представителей. Ушли в прошлое упреки Вильгельму фон Гумбольдту со стороны не понявших его труды критиков вроде Г. Штайнталя по поводу его якобы «расистских» высказываний относительно того, что язык является отличительной чертой отдельной нации, характеризующей состояние и специфику национального и расового менталитета. Как в этой связи сетует В. А. Звегинцев, «... в упрек некоторым авторам надо поставить то, что они свои выводы и достаточно категорические заключения строят на основе знакомства лишь с одной-

единственной работой В. Гумбольдта – «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода» [9].

Сегодня весьма релевантны для лингвокультурологии во многом перекликающиеся друг с другом идеи академика Ю. В. Бромлея и Л. Н. Гумилева относительно теории этничности в отношении человеческого поведения и коммуникации. Понятие «этничности» вычленяется «...в качестве признака или их совокупности у каждого индивидуума, входящего в различные социальные группы, с которыми индивидуум себя идентифицирует. В рамках теории этничности рассматривается «этнический менталитет», то есть, существующие в данном хронологическом срезе этнические стереотипы поведения» [23]. Ю. В. Бромлеем была предложена схема социально-экономической трансформации этноса, переходящего из одной общественно-экономической формации к другой: «племя» – «народность» – «нация» [2]. Классификация этнических феноменов (или иерархия этнических структур) в теории этноса Ю. В. Бромлея оказалась практически идентичной той, которая на полтора десятилетия ранее была разработана Л. Н. Гумилевым. В современной российской этнологии (этнографии) теория этничности и теория этноса являются просто различными уровнями единого мировоззрения на природу этноса и всего этнического (национального).

В теории этногенеза, созданной Л. Н. Гумилевым, исходной абстракцией исследования взято понятие «этнос». Все живое в мире группируется в таксоны, связанные с «месторазвитием» (т. е. «имеет родину») и местообитанием, т. е. с кормящим, вмещающим ландшафтом. В теории Л. Н. Гумилева весь наблюдаемый Всемирной историей антропогенез рассыпается на серию дискретных этногенезов, что объясняет различные пути развития каждой конкретной человеческой общности, формирование раз-

личных типов культуры. Единицы (люди), составляющие блоки (конвексии и консорции) персистентной этнической структуры, ее subsystemы, при следующем взрыве этногенеза (в результате мутации и появившейся новой популяции) вовлекались в его орбиту, обогащая новослагавшуюся этническую систему сохранившимися достижениями своей культуры. Этнос – не только система, но сложно структурированная система, ибо сложные системы намного более устойчивы. Более того, «...этнос закрепляет себя в социальных структурах» [7].

Понимая под системой «...известным образом организованное (т. е. упорядоченное) иерархическое целое, обладающее структурой и воплощающее данную структуру в данную субстанцию для выполнения определенных целей» [15, с. 30], т. е. функциональное образование, мы, вслед за многочисленными исследователями, отмечаем такое важное системное свойство, как динамизм, т. е. способность к самоорганизации и адаптации. Язык, как известно, относится к таким динамическим системам. Любая динамическая система обладает специальным свойством эргодичности.

Понятие эргодичности тесно связано с идеей развития: в процессе динамических изменений в какой-либо системе (т. е. в процессе эволюции) почти каждая точка системы с определенной правильностью располагается вблизи любой другой точки этой системы [14]. Это означает, что вся система членится на некоторые подсистемы, и, в соответствии с принципом эргодичности «...многообразие состояний различных подсистем в данный момент времени должно совпасть с многообразием состояний, которые примет одна выделенная подсистема с течением времени» [1, с. 11]. В применении к языку эргодичность интерпретируется как такое положение дел в языковой системе, при котором выполняется следующее условие: *если в одной части (мысленно выделенной)*

языковой системы осуществилась комбинация элементов определенного типа, то она осуществима в любой другой части системы [1. Ibid.].

Возникает вопрос о пределах распространения свойства эргодичности. В самом деле, возможна ситуация, когда комбинация элементов определенного типа, осуществившаяся в одной части системы, в другой ее части: а) осуществима со значительными отклонениями; б) не осуществима совсем. Случай (а) допустимо интерпретировать следующим образом: система перестает быть однородной, т. е. в ней регистрируется точка (подсистема), параметры которой (резко) отличаются от параметров большинства точек (подсистем), хотя некоторое соприкосновение этой точки с остальными все же имеет место. Случай (б) интерпретируется как элиминация свойства эргодичности: внутри системы регистрируются точки, которые полностью (по всем параметрам) отличаются от остальных. Они образуют систему, независимую от основной.

Как представляется, этнос как система также обладает свойством эргодичности, поэтому и развивается по законам последней. Эти динамические изменения касаются всего «семиотического поля» этноса, в том числе и, возможно, в первую очередь, специфичности его коммуникативного поведения. В нашем случае речь должна идти об эргодичности поло-ролевого или гендерно обусловленного коммуникативного поведения – *этногендера*. Предлагаемая научной общественности статья имеет своей цели подойти к обоснованию этой категории с логико-лингвистических позиций и обозначить вехи дальнейшего изучения этого феномена с позиций лингвокультурологии и дискурсологии.

Как известно, в задачи современной гендерологии сегодня входит целый спектр системных исследований языкового и коммуникативного (дискурсивного) материала. Сегодня осуществляется систематическое

описание коммуникативного поведения национальных лингвокультурных общностей; гендерной специфики общения профессиональных и возрастных групп; особенностей коммуникативного поведения разнополых агентов и клиентов различных типов дискурса; коммуникативных стратегий мужчин и женщин в сети Интернет; гендерной специфики бытового дискурса белых представителей среднего класса; гендерных маркеров коммуникативного поведения политиков; вербального поведения мужчин и женщин в неофициальной коммуникативной ситуации; гендерной специфики поэтического текста; гендерно ориентированной вербализации эмоций в художественной прозе; коммуникативной интеракции мужчин и женщин в семье; гендерной специфики массово-информационного дискурса в рамках анализа гендерных стереотипов; вербализации отношения журналистов к женской теме, к ролям женщин и мужчин в современном российском обществе; специфики дискурсо-развертывания журналистов-мужчин и женщин в информационных текстах с гендерно нейтральной тематикой.

В то же время, проблема гендера пока не увязывалась с этноспецифическими особенностями говорящего социума и системно никем из ученых не рассматривалась. Кроме того, этногендерные маркеры коммуникативного поведения лиц разного пола и принадлежности к разным этническим группам никем не изучались ни в отечественной гендерологии, ни в зарубежной коммуникативистике, связанной с гендерными отношениями в политической среде.

«Понятие «этногендер» обозначает этническую специфичность социокультурного проявления пола, его «региональную» детерминированность. На самом деле, универсальное понятие «гендер» соткано из множества конкретизированных этнокультурных воплощений, обусловленных национальными традициями, историческими условиями, этико-эстетическими предписаниями определенно-

го народа. Знак равенства никак невозможно поставить между гендерными картинками мира, к примеру, итальянки, американки и чеченки. В этих условиях, на наш взгляд, актуальным и более продуктивным представляется изучение не общего «знаменателя» гендера, а множества его модификационных «числителей», то есть этнокультурно преломленных вариантов в разных национальных мирах» [6, с. 3–4].

Известная российская исследовательница-гендеролог, автор многочисленных работ по «истории женщин» Н. Л. Пушкарева выделяет четыре основных этапа развития этногендерных исследований. Первый (ранний или феминистический, 1970-е гг.) этап отмечен тем, что фактор различия полов введен в традиционный социальный, в том числе социально-стратификационный анализ. В этот период социальному знанию – истории, философии, литературоведению, психологии – были возвращены женские имена; созданы предпосылки для перехода от анализа больших структур и социальных общностей к антропологически-ориентированным социальным наукам, интересующимся жизнью отдельных людей; поставлен вопрос о разных научных стилях написания исследований мужчиной и женщиной; введено гендерное измерение в социально-экономическую историю; обоснована историчность двух взаимодополняющих социальных сфер – публичной – «мужской» и частной – «женской» и равную значимость частной сферы для функционирования общества и т. д.

Признание «женских исследований», возникновение «мужских» (андрологии) в 1980-е гг. – вторая стадия развития гендерных исследований. На этом этапе становится ясно, что простого «добавления» женских имен, механического включения в исследования данных о женщинах недостаточно для того, чтобы изменить представления о роли женщин в целом, убедить в различности социального опыта представителей разных полов. Приверженцы «мужских исследований»

увидели общность своих целей с феминистками. «Женские» и «мужские» исследователи добились в гендерных исследованиях роста значимости качественных методов в социологии, этнологии; поставили как особую научную проблему исследование тела и телесности социальными науками в ее гендерном аспекте; сумели придать гендерный ракурс биографическому и автобиографическому методам, обратив внимание на несходство мужской и женской индивидуальной и коллективной памяти, особенностей фиксации и осмысления увиденного.

Третья стадия (1990-е гг.) отмечена расширением содержания гендерных исследований, включивших проблемы маскулинности и сексуальности. От анализа патриархата и свойственной ему политики подавления и дискриминации гендерологи перешли к анализу гендерных систем – выявлению и анализу разных аспектов социальной и культуры в их гендерном измерении. Концепция гендера в этот период своего развития перестала связывать его исключительно с женским опытом. Под гендером стала пониматься система отношений, которая является основой стратификации общества по признаку пола.

Четвертая стадия развития гендерных исследований – эпоха глобализации (конец 1990-х гг. – первое десятилетие XXI века). Гендерологи этой эпохи используют гендерный подход к анализу социальных явлений для того, чтобы исследовать все виды социальных практик женских сообществ; позиционировать женщин как «ключевых информаторов»; преодолеть андроцентризм, категорический отказ от «смешения» мужских и женских нарративов при реконструкции жизни отдельных этносов; отдельно документировать мужские и женские жизни и практики при анализе образа жизни любого этноса; обучить «изучаемые объекты» методам анализа их собственных жизней, формулированию целей и жизненных задач, связанных с устранением неполноправия;

проявляют внимание к гендерным различиям, отдельному изложению жизненных практик мужчин и женщин и др. [17, с. 435].

К выделенным Н.Л. Пушкаревой стадиям мы бы добавили стадию пятую, характеризующуюся пристальным вниманием исследователей ко «второй реальности», т. е. к художественному тексту, воспринимаемому как источник этногендерных знаний. При отсутствии пока больших обобщающих работ на данном этапе появляется много аналитических статей, где на конкретном материале решаются конкретные вопросы, связанные с гендерной экспертизой фольклорных и литературных текстов, определением онтологического и гендерного статуса персонажей произведения, выявлением особенностей гендерной поэтики того или иного автора.

Авторы учебно-методической разработки для вузов по основным проблемам этнологии пишут об актуальности этногендерных исследований и их значении в понимании природы политического поведения и власти, социального поведения людей [8, с. 6].

Сфера этногендера ранее исследовалась исключительно в социокультурном аспекте: так, З.Ю. Тугуз анализирует этногендерные аспекты семейно-брачных, личностных и хозяйственных отношений титульного населения Республики Адыгея. Автор описывает выявленные в ходе социологического исследования особенности гендерной иерархии в семье, гендерное разделение домашнего труда, проявление этнических традиций и этикетных норм в процессе формирования семьи и межличностного взаимодействия. З.Ю. Тугуз отмечает, что «...теоретическая и практическая востребованность анализа этнокультурных особенностей гендерных отношений объясняется тем, что в качестве критериев модернизационного процесса, ожидаемых векторов социальной трансформации общества выделяются преобразования в экономической и социально-политической сферах» [20, с. 3].

Р.А. Ханаху, изучая гендерно маркированное коммуникативное поведение северокавказских сообществ, этногендерные отношения также ассоциирует с важнейшим агентом воспроизводства традиционных культур этого региона – с семьей, в рамках которой осуществляются два вида гендерно ориентированной социализации – современная, снимающая доминирование маскулинного начала, и традиционная, по-прежнему предполагающая подчиненное положение начала феминного [22].

В некоторых работах (например, в [13]) этногендер как социальная категория исследуется с точки зрения стереотипизации представлений об этносоциумах в воззрениях их типичных представителей как у мужчин, так и у женщин. Ряд исследований этногендера направлен на осмысление этого феномена в культуре и технике как институциональных сферах деятельности человека. В работах по социологии этногендер изучается, в том числе, и как специфика самосознания среди русской молодежи [12].

Ирина Жеребкина, главный редактор журнала «Гендерные исследования», при Интернет-обсуждении темы «Проблемы и перспективы развития гендерных исследований в бывшем СССР» со своими коллегами историком Натальей Пушкаревой, сексологом Игорем Коном и журналистом Анной Темкиной (см. электронный ресурс: <http://www.kcgs.org.ua/RUSSIAN/qaz.html>) отмечает явную неисследованность этногендерных проблем, приводя в пример ситуацию с изучением русской гендерной идентичности. Она свидетельствует: «Как этнограф я не могу не быть обеспокоена отсутствием исследований по теме «Гендер и русская национальная идентичность», хотя в Институте этнологии и антропологии РАН, в котором я работаю, есть целый Сектор этногендерных исследований. Своеобразие российской гендерной системы (патриархатной, с сильной материнской властью, с несостоявшейся мужественностью и прочим, и прочим)

не рассматривается в связи с конструированием/деконструкцией русской национальной идентичности. А ведь тема лежит на поверхности, будучи слегка затронутой современными российскими философами (О. В. Рябов) и давно облюбованной для спекуляций зарубежными интерпретаторами нашего социального и индивидуального опыта. Сотрудники Сектора этногендерных исследований, как один, занимаются проблемами не традиционной этнологии, а этносоциологии, то есть исторический аспект вышеставленной темы не разрабатывается абсолютно».

Этногендер исследуется в рамках дидактики истории: так, дисциплина «Гендерные исследования в этнологии и социальной антропологии», занимающая особое место в подготовке магистров-историков Тверского государственного университета, нацелена на формирование профессиональной компетентности будущих магистров истории в сфере гендерной экспертизы социально-исторических явлений в области истории этнокультурных и межконфессиональных отношений [21]. В рамках дисциплины осуществляются дидактические действия по ознакомлению магистрантов со следующими концепциями этногендера:

– гендерная теория и методология в области исторической этнологии и социальной антропологии;

– проблемы зарождения гендерной концепции в этнологии и социальной антропологии;

– изучение структуралистского проекта в этнологии и социальной антропологии, возникновения феминистской этнологии и ее основных принципов, методов феминистского этнологического исследования, постструктуралистских инноваций в феминистской этнологии и социальной антропологии и их рецепциям историками;

– проблемы господства универсалистского подхода в науках о народах – общий взгляд на женщин в разных этносах как на «экзотику», «жертв», «аномалии»;

– проблемы «мужского перекося» в этнологии (модели описания народов и их взаимоотношений через описание доминирующих социальных групп, т. е. мужчин, в качестве основных и главных);

– развитие феминистского проекта в этнологии и антропологии и его влияние на исторические науки;

– концепция соотношения «природного» и «культурного» (исследование причин близости женщины к природе; функции женского тела как «более природные»; социальные позиции, которые продолжают эти функции; социальные роли, которые порождаются этими позициями; опасности наложения западных культурных координат на общества другого типа и релятивизация доселе существовавших оценок антропологов; цивилизационная миссия как миссия «окультуривания» и ее связь с экспансионизмом и осуждением «менее развитых» и «диких» этносов; концепты экофеминизма, т. е. потребительское отношение к природе и притеснение женщин в культуре – как следствие развития феминистского проекта);

– концепция гендерной стратификации (женская домашняя работа и концепция «разделенных сфер»; теория гендерной стратификации и амбивалентность понятия социального прогресса, т. е. «чем совершеннее орудия труда, чем быстрее «прогресс», тем очевиднее ухудшение социального статуса женщин»; связь между гендерной стратификацией и поддержанием баланса как «патриархатного порядка» в обществе;

– исследование **основных принципов феминистской этнологии** (преодоление андроцентризма, категорический отказ от «смешения» мужских и женских нарративов при реконструкции жизни отдельных этносов; неформальное внимание к гендерным различиям, раздельное изложение жизненных практик мужчин и женщин; документирование женских жизней и практик при анализе образа жизни любого этноса, позиционирование женщин как «ключевых информато-

ров»; специальное исследование всех видов социальных практик женских сообществ; особое внимание фиксации женского опыта, совмещенного с попытками понять его с точки зрения самих носительниц, их жизненной перспективы; концептуализация женского поведения как влияния разных социальных и исторических контекстов; умение прислушиваться к собственным эмоциональным реакциям, сопоставлять свой жизненный опыт с опытом информатора, проблема «доверия» своим эмоциям, а не элиминации их; фиксация аспектов, которые не всегда ставятся или вовсе не ставятся мужчинами-исследователями – роль дочери в семье, практики женской повседневности в гигиене и лечении женских болезней и т. п.; личная ангажированность, вовлеченность исследователя в женское движение, согласие с феминистской перспективой;

– изучение попыток слома самовоспроизводящейся системы «язык / власть» через усиленное внимание к ранее «молчаливым» акторам повседневной жизни этносов – от исследований женских миров – к изучению всех скрытых от глаз общества сфер жизни индивидов, их «опытов» и «практик»;

– исследование влияния феминистского постструктурализма: переход от стремления достичь «объективного знания» к признанию значимости личного опыта исследователей для анализа тех или иных форм и практик жизни информаторов, к умению исследователей говорить «от имени самих себя», с позиций своего опыта и жизненного участия, которые не являются гендерно-нейтральными; «личное – это политическое»;

– сопоставление информации об одном и том же явлении, сообщенной мужскими и женскими информаторами, и реконструкция «мужского» и «женского» дискурсов;

– интерес к проблеме механизмов воспроизводства власти (в том числе через невербальные практики) и гендерной асимметрии в обладании ею;

– изучение культур разных этносов как исторически обусловленных «способов жизни», без попыток выделить «наиболее типичский», «самый характерный» и выстроить иерархии; от исследований «общественного сознания» – к изучению «социального бессознательного» [21].

С. В. Латина, исследуя взаимосвязь между культурой, этногендером и властью, утверждает: «В современной науке этногендерный подход к анализу социальных и культурных явлений и процессов используется очень широко. При проведении этногендерных исследований чаще всего рассматриваются роли, нормы, ценности, черты характера, которые этносоциум предписывает женщинам и мужчинам через системы социализации, разделения труда, культурные ценности и символы для того, чтобы охарактеризовать традиционную гендерную асимметрию и иерархию власти. Понятие о том, что этногендер включает социокультурное разделение между мужчинами и женщинами, устоялось в различных этнокультурных практиках, которые, войдя в повседневную жизнь, укрепляют мнение о естественности главенствующего положения мужчины в этнокультуре и этносоциуме. Использование этногендерного подхода применительно к исследованию культуры помогает обнаружению и анализу иерархического разделения между мужчинами и женщинами, прочно вошедшего в современную жизнь и укоренившегося в институтах различных этносоциумов. Применение этногендерного подхода в науках о культуре (культурологии, антропологии, истории и др.) также позволяет изучить установки, стереотипы, формы дискриминации, предрассудки, социальное восприятие, связанные с понятиями мужского (маскулинного) и женского (феминного)» [11, с. 1134].

В. И. Шаховский, основатель лингвистической дисциплины «эмотиология», предложил исследовать роль эмоций в формировании гендерных различий в сопоставительном аспекте – через изучение этнических особен-

ностей носителей лингвокультур. Его ученице Е. В. Сурковой удалось выявить качественную и количественную разницу гендерных различий при описании эмоционального состояния персонажа с учетом принадлежности автора к немецкой или русской лингвокультуре [19]. Автор подтвердил следующие гипотезы: 1. Авторская репрезентация эмоций культурно обусловлена и гендерно маркирована. 2. Коммуникативное поведение персонажей, в том числе и эмоциональное, определяется лингвокультурной и гендерной принадлежностью автора. 3. Авторское описание невербального коммуникативного поведения мужчин и женщин отражает существующие гендерные стереотипы и репродуцирует их в той или иной лингвокультуре [19, с. 6]. Таким образом, впервые в лингвистике был поставлен вопрос об эмоциональном характере категории «этногендер».

Н. В. Буренина, характеризуя состояние лингвистических исследований в сфере гендерологии, среди прочих трендов отмечает аксиоматическую необходимость в изучении этногендера; исследователь пишет: «Основой методологического подхода являются положения, которые многие ученые принимают в настоящее время как аксиомы: 1) гендер является социокультурным конструктом; 2) изучение гендерной специфики речевой коммуникации должно включать в себя учет таких параметров коммуникативной ситуации, как социальный статус коммуникантов, стиль общения (формальный/неформальный), степень социальной солидарности общающихся, функциональная направленность коммуникации; 3) изучение гендера невозможно без учета этнокультурных традиций» (курсив наш. – А. О.) [3, с. 61].

Исследование этногендера включено в кросскультурные, лингвокультурологические исследования, в теорию гендерных субкультур (Debra Tannen, Penelope Brown, Susanne Günthner, Helga Kotthoff, Luise F. Pusch, Ruth Wodak, H. Giles, R. Bourhis, D. Taylor, V. Norton и др.).

На важность изучения эмотивных флуктуаций языка и дискурса в контексте этногендера обращали внимание Жан Курто (Jean Courteau), Саймон Грин (Simon Greene) и Эванс Элдридж (Evans Eldredge). Как пишет Стивен Макони, лингвокультуролог из Университета штата Пенсильвания, характеризуя достижения этих лингвистов, «...they foreground the importance not only of studying ethnicity and language historically, but of stressing the intersection between language, ethnicity, and gender relationships, which become clearer when studied over the longue dure.e. Epistemologically, studying the intersection between ethnicity and gender and language is an important departure, because gender and ethnicity have tended to be treated as separate fields in Western linguistics. It is doubtful whether the separation is a viable way of proceeding when studying ethnicity in colonial and post-colonial contexts» [40, с. 239]. Ученый добавляет к сказанному следующее важное замечание по поводу необходимости совместного исследования этничности и гендера: «It might also be necessary to conflate distinctions between ethnicity and gender rather than studying them as separate areas, as has traditionally been the case» [40, с. 239].

Иан Кешке, исследователь из Университета Нью-Йорк в Олбани, отрицательно характеризуя теорию соответствий в описании коммуникативных процессов, все же отмечает, что, отбросив чистый психологизм этой теории, следовало бы обратить внимание на социальный аспект взаимосвязи языка, этноса и гендера [35, с. 690].

Значительное количество исследований этногендера располагается в поле лингводидактики: ученые изучают особенности актуализации этой категории при обучении второму иностранному языку ([29]; [40]; [32]; [46]; [41]; [42]; [43]).

Этногендер оказывается в центре внимания лингвопрагматики, при этом акцент делается на интерпретативных особенностях медиа-текстов с точки зрения смыс-

лообразования в его зависимости от этногендерных особенностей менталитета и продуцируемой речи. Этот процесс, отмечается шведским лингвистом Карлом Клаусом Шрёдером: «People also belong to interpretive communities (constituted by such factors as class, ethnicity, gender, age, profession, location, etc.) in which meanings are shared to a large extent. Therefore, a purely textual analysis of a media text can still be justified, as long as the analytical findings are offered cautiously as potential meanings, or made on behalf of a specific interpretive community whose sign universe makes these meanings plausible» [46].

Этногендер изучается с точки зрения инноваций в языке и дискурсе, происходящих в лингвокультурной среде суб- и контр сообществ, при этом обращается внимание на наличие определенных смысловых признаков этногендера как явления в языке представителей суб- и контркультур. Кеннет Катлер (университет Стоуни Брук, штат Нью-Йорк) в этой связи фиксирует наличие этногендерных признаков, которые У. Лабов называл социальными маркерами: «The increasingly broad scope of what counts as a subculture has led some researchers to question its utility and to call for a reconceptualization or replacement of the term The breakdown of identities rooted in class, ethnicity, gender, and locality has led to the emergence of more fleeting, temporal 'tribal' identities (подчеркнуто нами. – А.О.). Contemporary style-based youth cultures lack the forms of organization, cohesiveness, and stability of subcultures and should more accurately be called 'neo-tribes.' Setting aside theoretical debates about the continued efficacy of the term, we can identify several general categories of people who are labeled with it: those who are oriented to a set of shared ethnic practices (e. g., Italian Americans), those who are oriented to a set of beliefs or values rooted in religious beliefs (e. g., Janists, Sunni Muslims), those whose members share a number of regional cultural practices (e. g., Bavarians

in Germany), and those who are defined largely in terms of fashion, music, and lifestyle consumption patterns (e. g., Goths, video gamers, ravers, straight edge). Subcultures (and countercultures) often have distinctive language patterns. The way people talk expresses an affiliation with a certain group and set of social practices, and a simultaneous rejection of others. *Speech markers (speech features that carry social significance) are one of the ways that members of a subculture can signal their affiliation with the group* (курсив наш. – А.О.). Speech markers may include an argot or a set of words and expressions unique to the group. Surfers have special terms like 'dropping in' to describe the act of stealing someone else's wave. Heroin addicts refer their drugs as 'shit' or 'junk'. In other cases, the language marking a subculture may also include phonological, morphosyntactic, prosodic, and paralinguistic patterns. Aside from a whole set of hip-hop terms, some hip-hoppers use grammatical forms that originate in African-American English, such as the zero copula (e. g., You ___ the man). Immigrant subcultures have speech patterns that reflect their native language heritage as well as different patterns of social interaction. The r-less pronunciation of 'car' and 'cart' in New York City is indicative of lower-class speech» [29, с. 238].

Такие маркеры социального типа еще в конце XX столетия были описаны известным британским лингвистом Уильямом Лабов [38]. Нам представляется, что кроме социально ориентированных знаков речь непременно фиксирует знаки этногендерного свойства. В следующей серии статей предполагается обсуждение этих единиц, которым мы присвоили терминозначение *этногендерных маркеров*. Этногендерно маркирована также коммуникация в сети Интернет: особенности этнически и гендерно обусловленной интеракции пользователей сети подробно рассматриваются в работах Е.И. Горошко [4], И. Гофмана [5], А.В. Кириловой [10] и американского лингвиста К. Бассета [25].

В начале третьего тысячелетия роль этногендера лингвисты начали рассматривать применительно к политической коммуникации, поскольку именно в этой среде стали обнаруживаться этногендерные различия, часто парадоксального характера. Вот как об этом пишет К. Крамш, профессор-лингвист из университета Беркли (Калифорния): «The paradox is that once a person has been stripped of her national culture and been made into a free-standing, rational, autonomous agent, the burden is on her to maintain her integrity and free will against the enormous pressure to conform to the will of the marketing industry and the demands of the national political majority. In the United States, the nationalistic discourse of ‘freedom,’ ‘democracy,’ and ‘homeland security’ is equally constraining. Membership in a cultural group seems to be the only safeguard left against the domination of the market and the tyranny of the majority. Hence the growing demands for political recognition of individuals who define themselves not as free-standing individuals, but as members of cultural groups characterized by race, ethnicity, gender, occupation, sexual preferences, regional affiliation, etc.» (подчеркнуто нами. – А.О.) [37, с. 238].

В этой цитате показательно местоимение *her*, поскольку выше речь идет о Хилари Клинтон, которая будучи госсекретарем США, пыталась сбалансировать этнические и гендерные отношения в стране и в своем офисе.

На связь этногендера и политической коммуникации указывает также испанский лингвист из университета Мадрида Луис Мартин Рохо, при этом исследователь отмечает, что женщины этнических корней практически стопроцентно подвергаются давлению мужчин в дискурсивных практиках и не допускаются к институтам власти из-за маскулинного доминирования во властных структурах: «The very lack of women in government and parliaments explains in part the lack of research done on gender and political

discourse, conclusive figures from all continents around the world can be found. In fact, most countries that acknowledge the objective of promoting equality between women and men do not have parity governments, and only in a very few exceptional cases do women even comprise 40% of parliament. The fact that women’s social position is not as strong as men’s, despite progress made in certain areas of the world, has been linked to masculinist hegemony, which in turn is connected to social class and ethnic differences in different ways in different places. Masculinist hegemony is diffuse since it is embedded in impersonal discursive practices and institutional structures that are historically associated with men (подчеркнуто нами. – А.О.). Indeed, when statistics are broken down by gender in the areas of education, health, economic participation, or wages, women as a group are still at a disadvantage. The fact that women’s social position remains weak, although to varying degrees in different countries around the world, explains why women encounter resistance and difficulties in joining the political sphere and other prestigious areas of society such as business or academia» [45, с. 743].

В североамериканской политической среде изложенные этногендерные факты подтверждаются сугубой семиотикой «цифр»: так, в кабинете Барака Обамы присутствуют всего три женщины-министра, остальные – мужчины. Обратим также внимание на то, что в кабинете президента США всего один афро-американец – это сам президент; остальные же члены кабинета принадлежат белой расе (Caucasian).

На необходимость комплексного изучения лингвистики этногендерных отношений в аспекте их взаимосвязи с социальными феноменами (идеологией, политикой) еще в 1972 г. указывали основатели прагматической теории коммуникации и социалингвистики Джон Гумперц и Делл Хаймс [32]. Характеризуя исследования в области антропологии и прагматики рубежа двух тысячелетий, Уильям Кояма

делает акцент именно на этногендерный тренд этих работ, состоявшихся в русле идей Джона Гумперца и Делла Хаймса: «John Gumperz and Dell Hymes's theory of communication, called the 'ethnography of speaking,' gained momentum in the 1970s, a decade that saw the hermeneutic (i. e., interpretive, contextual, or (neo-) pragmatic) turn in the social sciences. This turn provided the historic conditions for a revival of the Boasian tradition in contemporary North American linguistic anthropology, *locating language squarely at the intersection of history, ideology, and practice. Here, the historic, ideological, and pragmatic aspects of language, including not only grammar, but also (con) textualization, language change and variation, standardization, rationalization, modernization, linguistic nationalism and imperialism, language purism, feminism and gender, literalism, and other cultural ideologies and practices, seen in their sociohistoric context, are cosmographically studied in a social-scientific framework* (курсив наш. – А.О.). Their discovery of the (re) formations of group identities and power relations and sociocultural conflicts as happening in, and being constituted by, language as the central element thus converges with the social drift of contemporary critical pragmatics» [36, с. 311].

На способность гендерных отношений модифицировать и дифференцировать коммуникативные способности политизированных этносов обращает внимание Дж. Дж. Корбетт. Исследователь отмечает следующее: «*Gender is a feature of special interest because it provides a dramatic demonstration of just how different languages in ethnic-based political practices can be* (курсив наш. – А.О.). For many of the Indo-European languages it is an important feature that is realized in a high proportion of politically burdened utterances» [26, с. 749].

Жан-Жак Корбетт, однофамилец предыдущего упомянутого ученого, в своей статье из «Энциклопедии лингвистики» [31] «Жанр и жанровый анализ» («Genre and Genre

Analysis») вводит понятие дискурсивного политизированного сообщества, дает его характеристики и отмечает, что его члены могут быть далеко отдалены друг от друга по принадлежности к разным социальным классам, убеждениям и этногендерному признаку: «In a discourse politicized community, *the members may be dispersed widely and of different social classes, genders, and ethnicities* (курсив наш. – А.О.), but they are linked by a common set of communicative purposes. Discourse politicized communities have six identifying characteristics: 1. A discourse politicized community has a broadly agreed set of common public goals. 2. A discourse politicized community has mechanisms of intercommunication among its members. 3. A discourse politicized community uses its participatory mechanisms primarily to provide information and feedback. 4. A discourse politicized community uses and hence possesses one or more genres in the communicative furtherance of its aims. 5. In addition to owning genres, a discourse politicized community has acquired some specific lexis. 6. A discourse politicized community has a threshold level of members with a suitable degree of relevant content and discursal expertise» [27, с. 27].

Дж.И. Джозеф, рассуждая о взаимосвязях этногендерной идентичности и языка, обращает внимание на яркость проявления этногендерных различий в англоязычной политической коммуникации, ссылаясь при этом на исследование Робин Лакофф, профессора лингвистики из Университета Беркли (штат Калифорния): «In the meantime, one particular identity focus – gender – led the way in directing attention to the reading of identity in language. Lakoff (1973) argued that, in both structure and use, languages mark an inferior social role for women and bind them to it. Gender politics is incorporated directly into the pronoun systems of English and many other languages, through the use of the masculine as the 'unmarked' gender (as in 'Everyone take his seat'). Lakoff points to features that occur more frequently

in women's than in men's English, such as tag questions, hedges, intensifiers, and pause markers, which as marks of insecurity and of the role women are expected to occupy are fundamental to maintaining the status quo in gender politics. As the notion of separate men's and women's language was accepted, the more general notion of the language–identity link was let in through the back door, leaving the way open for the study of group identities of all sorts beyond those national and ethnic ones traditionally associated with language difference. This was a challenge to a sociolinguistics that had been fixated on class differences» [34, с. 488].

Обратим внимание на упомянутое исследование Р. Лакоффа, представленное в изложении автора сетевой энциклопедии «Википедия»: «Lakoff proposes that women's speech can be distinguished from that of men in a number of ways (part of gender deficient model), including: Hedges: Phrases like «sort of», «kind of», «it seems like»; Empty adjectives: «divine», «adorable», «gorgeous»; Super-polite forms: «Would you mind...» «... if it's not too much to ask» «Is it o.k if...?»; Apologize more: «I'm sorry, but I think that...»; Speak less frequently; Avoid coarse language or expletives; Tag questions: «You don't mind eating this, do you?»; Hyper-correct grammar and pronunciation: Use of prestige grammar and clear articulation; Indirect requests: «Wow, I'm so thirsty.» – really asking for a drink; Speak in italics: Use tone to emphasis certain words, e.g., «so», «very», «quite»» (www.wikipedia.org).

Подводя итоги предлагаемой обзорной статьи, отметим следующее.

Проблема гендера с совершенной очевидностью должна увязываться с этноспецифическими особенностями говорящего социума. Кроме того, этно-гендерные маркеры коммуникативного поведения людей разного пола и принадлежности к разным этническим группам никем не рассматривались, что, таким образом, определяет актуальность проблемы этногендера. Актуальным также представляется изучение гендерной

специфики языковой реализации текстов, продуцируемых коммуникантами разных сфер, например – политической; актуально также проведение анализа влияния этнических факторов и гендерных признаков на речемыслительную деятельность и дискурсоразвертывание в целом.

В качестве рабочей гипотезы для дальнейших исследований этногендера предлагается проверка следующего тезиса: этно-гендерная маркированность коммуникативного поведения проявляется, во-первых, в семиотических различиях невербального публичного общения; во-вторых, – в наличии специфики дискурсоразвертывания на всех языковых уровнях; в-третьих, – в разной степени дискурсивной эмоциогенности и экспрессивности.

1. Арапов М.В. Квантитативная лингвистика. – М.: Наука, 1988. – 185 с.
2. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
3. Буренина Н.В. Гендерные стереотипы речевой коммуникации: результаты интервью в Кентербери (Великобритания) / Н.В. Буренина // Доклады Второй международной конференции «Гендер: Язык, Культура, Коммуникация», Москва, 22–23 ноября 2001. – М., 2002. – С. 61–65.
4. Горошко Е.И. Языковое сознание: гендерная парадигма / Е.И. Горошко. – М. – Харьков, 2003. – 440 с.
5. Гофман И. Гендерный дисплей // Введение в гендерные исследования. Часть II., Харьков, СПб, 2001.
6. Гулиева З.Х. Поэзия Танзили Зумакуловой: этно-гендерный аспект. – Дисс. канд. филол. наук. – Специальность 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа). – Нальчик, 2015. – 182 с.
7. Гумилев Л.Н. О термине этнос. Этнос как явление // Докл. отделений и комиссий ГО СССР. Л., 1967. Вып. 3. С. 13–17, 90–107.
8. Дынин В.И., Винников А.З. Основные проблемы современной этнологии: учебно-методическая разработка для вузов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2013. – 98 с.
9. Звегинцев В.А. О научном наследии Вильгельма фон Гумбольдта: см. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – С. 356–363.
10. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты: монография. – М., 1999.
11. Латина С.В. К вопросу об инкорпорировании гендерных исследований в науки о культуре // Молодой ученый. – 2014. – № 4. – С. 1153–1156.
12. Латина С.В. Гендерные исследования в науках о культуре: дисс. канд. культурологии. – Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры. – Латина Светлана Викторовна. – Комсомольск-на-Амуре, 2011. – 196 с.

13. Лескинен М.В. «Прекрасная полька» в русском воплощении: эволюция этногендерных стереотипов в образах и нарративах второй половины XIX в. // Россия – Польша: два аспекта европейской культуры. Царское село, 2012. С. 334–346.
14. Математическая энциклопедия. – Т. 5: Слу – Я. – М.: Советская энциклопедия, 1985.
15. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М.: Наука, 1972. – 565 с.
16. Потебня А.А. Мысль и язык. – Харьков, 1892. – 340 с.
17. Пушкарёва Н. Гендерная теория и историческое знание. – СПб., 2007.
18. Рамишвили Г.В. Вильгельм фон Гумбольдт – основоположник теоретического языкознания. – В кн.: В. фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
19. Суркова Е.В. Гендерные особенности авторской репрезентации эмоций персонажей (на материале современной массовой литературы России и Германии). – Дисс. канд. филол. наук. – Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое, сопоставительное языкознание. – Волгоград, 2005. – 191 с.
20. Тугуз З.Ю. Этнокультурные особенности гендерных отношений в республике Адыгея. – Автореф. дисс. канд. социол. наук. – Специальность 22.00.06 – Социология культуры. – Майкоп, 2012. – 25 с.
21. Учебно-методический комплекс по дисциплине «Гендерные исследования в этнологии и социальной антропологии». – 030600.68 «История»; специализированная программа «История этнокультурных и межконфессиональных отношений». – Составитель: Белова А.В. – Тверь, 2014. – 13 с.
22. Ханаху Р.А. Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени (социально-философский анализ). Ростов н/Д., 2001. 119 с.
23. Шевченко Ю.Ю. Теория этничности или феномен Л.Н. Гумилева [Электронный ресурс]. – URL: <http://levgumilev.spbu.ru/node/128> (дата обращения: 05.04.2015).
24. Щенникова Н.В. Специфика английской речи носителей русского языка: когнитивный аспект. – Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 2. С. 106–116.
25. Bassett C. Virtually gendered: life in an on-line world. – In Gelder K & Thornton S (eds.), 1995. P. 537–550.
26. Corbett G.G. Gender, Grammatical. – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 749–756.
27. Corbett J.J. Genre and Genre Analysis. – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 26–32.
28. Courteau J. 'Language and ethnicity: the case of Rosalia de Castro.' In Dow J R (ed.) Language and ethnicity. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1991. P. 83–94.
29. Cutler C. Subcultures and Countercultures. – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 326.
30. Ehrlich S. Gender as social practice: Implications for second language acquisition. Studies in Second Language Acquisition 19, 1997. P. 421–446.
31. Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006.
32. Gumperz J.J., Hymes D. Directions in sociolinguistics. – Oxford: Basil Blackwell, 1972. – 450 p.
33. Ibrahim A. Becoming black: Rap and hip-hop, race, gender, identity, and the politics of ESL learning. TESOL Quarterly 33 (3), 1999. – P. 349–391.
34. Joseph J.E. Identity and Language. – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 486–492.
35. Kecskes I. Communicative Principle and Communication. – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 239, 690.
36. Koyama W. Anthropology and Pragmatics. – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 304–311.
37. Kramersch C. Culture in Language Teaching – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 238.
38. Labov W. Sociolinguistic patterns. – Philadelphia: Hurst Publications, 1972.
39. Lakoff R. 'Language and woman's place.' Language in Society 2, 1973. – P. 45–80. (Repr. as Language and woman's place, New York: Harper & Row, 1975).
40. Makoni S. Ethnicity. – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 239.
41. Morgan B. 'Identity and intonation: Linking dynamic processes in an ESL classroom.' TESOL Quarterly 31 (3), 1997. – P. 431–450.
42. Norton B. Identity and language learning: gender, ethnicity and educational change. London: Longman, 2000.
43. Norton B., Pavlenko A. Gender and English language learners. Alexandria, VA: Teachers of English to Speakers of Other Languages, 2004.
44. Pavlenko A. 'Gender and sexuality in foreign and second language education: Critical and feminist approaches.' In Norton B & Toohey K (eds.), 2004. – P. 53–71.
45. Rojo Martin L. Gender and Political Discourse. – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 743–790.
46. Schröder K.C. Audience semiotics, interpretive communities and the "ethnographic turn" in media research. – Media, Culture & Society 16, 1994, P. 337–347.
47. Taylor L. 'Creating a community of difference: understanding gender and race in a high school antidiscrimination camp.' In Norton B & Pavlenko A (eds.), 2004. – P. 95–109.
1. Arapov M.V. Kvantitativnaya lingvistika. – М.: Nauka, 1988.– 185 s.
2. Bromlej Yu. V. Oчерki teorii e'tnosa. М., 1983.
3. Burenina N.V. Gendernye stereotipy rechevoj kommunikacii: rezul'taty interv'yu v Kenterberi (Velikobritaniya) / N.V. Burenina // Doklady Vtoroj mezhdunarodnoj konferencii «Gender: Yazyk, Kul'tura, Kommunikaciya», Moskva, 22–23 noyabrya 2001. – М., 2002. – S. 61–65.
4. Goroshko E.I. Yazykovoe soznanie: gendernaya paradigma / E.I. Goroshko. – М. – Xar'kov, 2003. – 440 s.
5. Gofman I. Gendernyj displej // Vvedenie v gendernye issledovaniya. Chast' II., Xar'kov, SPb, 2001.
6. Gulieva Z.X. Poe'ziya Tanzili Zumakulovoj: e'tnogendernyj aspekt. – Diss. kand. filol. nauk. – Special'nost' 10.01.02 – Literatura narodov Rossijskoj Federacii (literatura narodov Severnogo Kavkaza). – Nal'chik, 2015. – 182 s.

7. Gumilev L.N. O termine e'tnos. E'tnos kak yavlenie // Dokl. otdelenij i komissij GO SSSR. L., 1967. Vyp. 3. S. 13–17, 90–107.
8. Dynin V.I., Vinnikov A.Z. Osnovnye problemy sovremennoj e'tnologii: uchebno-metodicheskaya razrabotka dlya vuzov. – Voronezh: Izd-vo VGU, 2013. – 98 s.
9. Zvegincev V.A. O nauchnom nasledii Vil'gel'ma fon Gumbol'dta: sm. Gumbol'dt V. Izbrannye trudy po yazykoznaniju. – M., 1984. – S. 356–363.
10. Kirilina A.V. Gender: lingvisticheskie aspekty: monografiya. – M., 1999.
11. Latina S.V. K voprosu ob inkorporirovanii gendernyx issledovanij v nauki o kul'ture // Molodoj uchenyj. – 2014. – № 4. – S. 1153–1156.
12. Latina S.V. Gendernye issledovaniya v naukax o kul'ture: diss. kand. kul'turologii. – Special'nost' 24.00.01 – Teoriya i istoriya kul'tury. – Latina Svetlana Viktorovna. – Komsomol'sk-na-Amure, 2011. – 196 s.
13. Leskinen M.V. «Prekrasnaya pol'ka» v russkom voploshhenii: e'voljuciya e'tnogendernyx stereotipov v obrazax i narrativax vtoroj poloviny XIX v. // Rossiya – Pol'sha: dva aspekta evropejskoj kul'tury. Carskoe selo, 2012. S. 334–346.
14. Matematicheskaya e'nciklopediya. – T. 5: Slu – Ya. – M.: Sovetskaya e'nciklopediya, 1985.
15. Obshhee yazykoznanie. Vnutrennyaya struktura yazyka. – M.: Nauka, 1972. – 565 s.
16. Potebnaya A.A. Mysl' i yazyk. – Xar'kov, 1892. – 340 s.
17. Pushkaryova N. Gendernaya teoriya i istoricheskoe znanie. – SPb., 2007.
18. Ramishvili G.V. Vil'gel'm fon Gumbol'dt – osnovopolozhnik teoreticheskogo yazykoznanija. – V kn.: V. fon Gumbol'dt. Izbrannye trudy po yazykoznaniju. M., 1984.
19. Surkova E.V. Gendernye osobennosti avtorskoj reprezentacii e'mocij personazhej (na materiale sovremennoj massovoj literatury Rossii i Germanii). – Diss. kand. filol. nauk. – Special'nost' 10.02.20 – Sravnitel'no-istoricheskoe, tipologicheskoe, sopostavitel'noe yazykoznanie. – Volgograd, 2005. – 191 s.
20. Tuguz Z. Yu. E'tnokul'turnye osobennosti gendernyx otnoshenij v respublike Adygeya. – Avtoref. diss. kand. sociol. nauk. – Special'nost' 22.00.06 – Sociologiya kul'tury. – Majkop, 2012. – 25 s.
21. Uchebno-metodicheskij kompleks po discipline «Gendernye issledovaniya v e'tnologii i social'noj antropologii. – 030600.68 «Istoriya»; specializirovannaya programma «Istoriya e'tnokul'turnyx i mezhhkonnessional'nyx otnoshenij». – Sostavitel': Belova A.V. – Tver', 2014. – 13 s.
22. Xanaxu R.A. Tradicionnaya kul'tura Severnogo Kavkaza: vyzovy vremeni (social'no-filosofskij analiz). Rostov n/D., 2001. 119 s.
23. Shevchenko Yu. Yu. Teoriya e'tnichnosti ili fenomen L.N. Gumileva [E'lektronnyj resurs]. – URL: <http://levgumilev.spbu.ru/node/128> (data obrashheniya: 05.04.2015).
24. Shhennikova N.V. Specifika anglijskoj rechi nositelej russkogo yazyka: kognitivnyj aspekt. – Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. 2014. Vyp. 2. S. 106–116.
25. Bassett C. Virtually gendered: life in an on-line world. – In Gelder K & Thornton S (eds.), 1995. P. 537–550.
26. Corbett G.G. Gender, Grammatical. – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 749–756.
27. Corbett J.J. Genre and Genre Analysis. – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 26–32.
28. Courteau J. 'Language and ethnicity: the case of Rosalia de Castro.' In Dow J R (ed.) Language and ethnicity. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1991. P. 83–94.
29. Cutler C. Subcultures and Countercultures. – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 326.
30. Ehrlich S. Gender as social practice: Implications for second language acquisition. Studies in Second Language Acquisition 19, 1997. P. 421–446.
31. Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006.
32. Gumperz J.J., Hymes D. Directions in sociolinguistics. – Oxford: Basil Blackwell, 1972. – 450 p.
33. Ibrahim A. Becoming black: Rap and hip-hop, race, gender, identity, and the politics of ESL learning. TESOL Quarterly 33 (3), 1999. – P. 349–391.
34. Joseph J.E. Identity and Language. – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 486–492.
35. Kecse I. Communicative Principle and Communication. – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 239, 690.
36. Koyama W. Anthropology and Pragmatics. – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 304–311.
37. Kramsch C. Culture in Language Teaching – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 238.
38. Labov W. Sociolinguistic patterns. – Philadelphia: Hurst Publications, 1972.
39. Lakoff R. 'Language and woman's place.' Language in Society 2, 1973. – P. 45–80. (Repr. as Language and woman's place, New York: Harper & Row, 1975).
40. Makoni S. Ethnicity. – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 239.
41. Morgan B. 'Identity and intonation: Linking dynamic processes in an ESL classroom.' TESOL Quarterly 31 (3), 1997. – P. 431–450.
42. Norton B. Identity and language learning: gender, ethnicity and educational change. London: Longman, 2000.
43. Norton B., Pavlenko A. Gender and English language learners. Alexandria, VA: Teachers of English to Speakers of Other Languages, 2004.
44. Pavlenko A. 'Gender and sexuality in foreign and second language education: Critical and feminist approaches.' In Norton B & Toohey K (eds.), 2004. – P. 53–71.
45. Rojo Martin L. Gender and Political Discourse. – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 743–790.
46. Schröder K.C. Audience semiotics, interpretive communities and the "ethnographic turn" in media research. – Media, Culture & Society 16, 1994, P. 337–347.
47. Taylor L. 'Creating a community of difference: understanding gender and race in a high school antidiscrimination camp.' In Norton B & Pavlenko A (eds.), 2004. – P. 95–109.

UDC 81.32

FORMATION OF THE ETHNO-GENDER PHENOMENON FROM THE ETHNICITY THEORY POINT

Olyanich Andrey Vladimirovich,

Volgograd State Agricultural University,
Doctor of Philology, Professor,
Volgograd, Russia,
E-mail: aolyanitch@mail.ru

Annotation

The article considers various concepts of ethnogender marker of language and a discourse, interaction of language and ethnic forms of thinking. Linguistic directions of research of the gender factor are allocated, its dependence on an ethnic origin of the native speaker is investigated, the problems arising at contamination of ethnic and gender factors of communications are listed. To research of systematic order of gender-role or gender caused communicative behaviour of ethnogender the logic concept of ergodicity is applied. The author affirms, that the ethnos as a system possesses property of ergodicity, therefore develops under laws of last. These dynamic changes concern of all « semiotics field» of ethnos, including to specificity of its communicative behaviour.

Key words:

gender, discourse, discourse-expending, semiotics, system, ergodicity, ethnogender, ethnos.

УДК 81.32

КОНЦЕПТОСФЕРА И ДИСКУРС СИЛЫ В НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ¹

Степанов Валентин Николаевич,

Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ),
заведующий кафедрой массовых коммуникаций,
проректор по управлению знаниями,
доктор филологических наук, профессор,
Ярославль, Россия,
E-mail: stepanov@mubint.ru

Аннотация

В статье концепт силы («Kraft») описывается на материале текстов классической немецкой философии последней трети XVIII и первой трети XIX вв. (философская традиция), толковых словарей, зафиксировавших словарный состав немецкого языка на рубеже XVIII–XIX вв. Это позволяет, по мнению автора, обозначить предметную сферу (концептосферу) концепта «Kraft» в период зарождения немецкой философской традиции.

Ключевые слова:

сила, Kraft, философия, концепт, фрейм, онтология, концептосфера, дискурс.

В качестве инструмента предпринятого нами анализа концептосферы силы выбрана методика концептуального анализа – описание семантики лингвальных сетей (СЛС) С. А. Жаботинской [3], что позволяет описать язык в его соотношении с мышлением – концептуальными структурами и когнитивными операциями. Для построения моделей сетей используется набор обобщенных понятийных структур (базисные пропозиции), отслеживаемых в значениях и формах языковых единиц разных уровней. Базисные пропозиции выделяются с опорой на лексическое значение слов и контексты их употребления, имеют наивысший уровень обобщения, или схемности,

представляют собой изначальные категории мышления и типы отношений между ними. Тип пропозициональной схемы определяется по ее принадлежности к одному из пяти базисных фреймов – предметному, акциональному, посессивному, идентификационному, компаративному.

Семантика лингвальных сетей позволяет охватить онтологию предметной сферы (в близком инженерии знания понимании) и наметить очертания концептосферы силы (Kraft): «Онтология как концептуальная модель предметной области состоит из иерархии понятий предметной области, связей между ними и законов, которые действуют в рам-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «От контекстов употребления к концептосфере: философская традиция интерпретации понятия Kraft («сила»)» № 15–03–00537/15.

ках этой модели» [2, с. 566]. Концептосферой в этом ключе будет называться все структурируемое семантическое пространство.

В *предметном фрейме* репрезентации силы (Kraft) группируются по общим для философской традиции и наивной картины мира в немецком языке категориям: выделяются виды сил (силы живые и мертвые, единичные и множественные), отмечается их активность, наличие у них количественных и качественных показателей, присутствует поуровневая организация – «личностные», «надличностные», «сверхличностные», «внеличностные».

В философской традиции и наивной картине мира в немецком языке указываются общность действия сил и наличие у них временного измерения (первозданная, первоначальная сила/силы). Уникально для философской традиции указание на независимость сил, их стремление к выражению и означиванию.

В *акциональном фрейме* репрезентации силы (Kraft) характеризуются по общим для философской традиции и наивной картины мира в немецком языке категориям: силы обладают активностью, способностью направленно воздействовать, обратимостью (реципрокностью) своего действия, их действие носит опосредованный (инструментальный, медиаторный) характер и проявляется на разных уровнях организации мира – «личностном», «надличностном», «сверхличностном», «внеличностном»).

Общим для характеристики силы (Kraft) в философской традиции и наивной картины мира в немецком языке является указание на способность сил целенаправленно изменять поведение человека и наличие у сил предела.

Уникальным для философской традиции является указание на особую роль сил в формировании «надличностного» уровня – в обществе и человеческих сообществах.

В *посессивном фрейме* репрезентации силы (Kraft) характеризуются по общим для философской традиции и наивной картины

мира в немецком языке категориям: «собственниками», или субъектами силы, выступают человек, природа, дух. В философской традиции этот ряд представлен богаче: помимо явлений собственно личностного уровня упоминаются сущности «сверхличностные» (дух, гений), «внеличностные» (природа, животное, Единичное), «надличностные» (поколение).

В философской традиции встречается единственный пример *идентификации (персонификации)* силы (Kraft) через имя перво-человека (согласно древнеиндийской мифологии) – *Пуруша*: «die Purusha-Kraft». Вильгельм фон Гумбольдт характеризует Пуруши как *высшего, вечного, божественного, древнего, первоначального, абсолютного духа* [49, S. 214].

Общей *компаративной схемой* в концептосфере силы (Kraft) в философской традиции и наивной картине мира в немецком языке является тождество (метаморфоза): сила как воплощение высшего, вечного, божественного, древнего, первоначального, абсолютного духа; сила как ноги бегущего животного.

Ряд исследований были посвящены нами другим концептам в структуре концептосферы силы (Kraft): «δύναμις» («сила») в трудах Платона [44]; «Kraft» («сила»), «Geist» («дух»), «Genie» («гений»), «Genius» («гений») в трудах Вильгельма фон Гумбольдта [5; 6; 7; 45].

Концепты «Kraft» («сила»), «Geist» («дух»), «Genie» («гений»), «Genius» («гений») встречаются у Гумбольдта в одних и тех же или близких лексических и грамматических контекстах с гомогенной референцией, по отношению к одному и тому же (или смежным) субъекту, источнику или объекту, что позволило нам сделать предположение об их гомогенности и рассматривать их как *транспарентные* по отношению друг к другу, т. е. имеющие близкую ментальную структуру. Соотношение концептов «Kraft», «Geist», «Genie», «Genius» в рамках общей концептосферы отражено на рисунке 1.

Актуализация личностного начала в трудах Вильгельма фон Гумбольдта с помощью

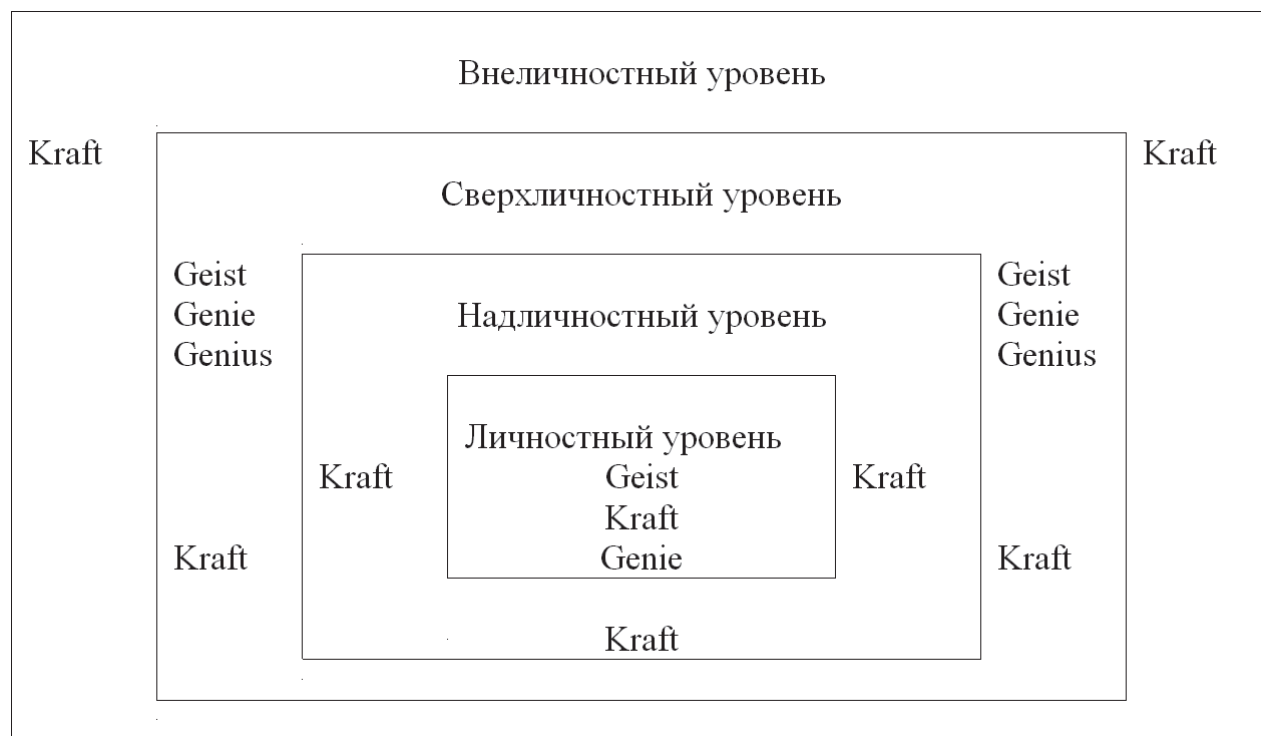

Рисунок 1 – Соотношение концептов «Kraft», «Geist», «Genie», «Genius» в рамках общей концептосферы.

концептов «Kraft», «Geist», «Genie», «Genius» происходит поуровнево, в соответствии с описанной нами выше структурой концептосферы – на личностном, надличностном, сверхличностном и внеличностном уровнях.

На личностном уровне концепты «Kraft», «Geist», «Genie» обладают близкой (прозрачной) референцией и обозначают сугубо человеческие признаки. Для обозначения надличностных образований Гумбольдт использует преимущественно слово «Kraft»; для обозначения сверхличностных существ Гумбольдт используются все концепты: «Kraft», «Geist», «Genie», «Genius»; для обозначения неодушевленных или мертвых, умерших существ, а также животных (на внеличностном уровне) Гумбольдт использует слово «Kraft». Существительное «силы» (Kräfte) используется для синекдохального наименования человека, растения, нации, поколения, народа. В качестве определений слова «Genie» в трудах Гумбольдта

используются дериваты имени собственно-го («гений Канта», «гений Гомера», «гений Корнелия»).

Концептосфера Kraft составляют амбивалентные когнитивные феномены, получившие различное наименование в национальных языках: в древнегреческом – «δύναμις», в латинском – «potential», «vis», в итальянском – «forza», в английском и французском – «force». Самое большое разнообразие (вариативность) наблюдается, на наш взгляд, в немецком – «Kraft», «Geist», «Genie», «Genius», «Macht», «Gewalt», «Herrschaft», «Intentionalität». Мы полагаем, что этот список далеко не полный. Он отражает сложную и разветвленную структуру семантического поля силы.

Авторы статьи о «Kraft» в историческом философском словаре [22] прослеживают историю изучения категории силы, ее дискурс, начиная с мифологии Древнего Египта и Древней Греции, в трудах древнегреческих

философов Фалеса, Анаксимена, Эмпедокла, Аристотеля, средневековых схоластов, ученых Нового времени – Кеплера, Ньютона, Гельмгольца, Эйнштейна, Лейбница, Кондильяка, Канта, Шопенгауэра, Юма и др. В состав трудов о дискурсе силы, по нашему мнению, вписываются работы Платона [44], Аврелия Августина [1], Гегеля [20; 21], Штейнтала [43].

Дискурс силы в рамках немецкой философской традиции развивается в русле наук, которые традиционно относят к наукам «о духе» (Geisteswissenschaft): классическая философия Канта [17; 27; 28; 29], Гегеля [20; 21], Вильгельма фон Гумбольдта [25; 48; 49; 50; 51], феноменология Эдмунда Гуссерля и его учителя Франца Brentano [10; 24; 26; 42; 46; 52], аналитическая философия Джона Серля [41], политическая философия в целом [31; 32; 33]; взгляды Ханны Арендт [11], Генриха Попитца [40], Вальтера Беньямина [14], Макса Мюллера [38], учение Никласа Лумана [30], социальная психология Пауля Тиллиха [34], социология [9; 18; 19; 35; 39], история [15], антропология [36], права [37] и беллетристика [13; 23]. В этом же ряду находятся труды отечественного философа и литературоведа Михаила Бахтина по теории речевых жанров, в которой исследователь, как мы показали [44], оперирует понятием речевой воли говорящего, определяющей речевое поведение и литературное творчество человека.

Проведенный (далеко не полный и не совершенный) анализ текстов, относящихся к немецкой философской традиции, репрезентирующих наивную картину мира в немецком языке (дискурс силы), позволяет обозначить структурированное семантическое пространство (концептосферу) силы (Kraft), представить его концептуальную модель (онтологию).

Анализ собранного языкового материала по пяти базисным фреймам – предметному, акциональному, посессивному, идентификационному и компаративному –

помог выявлять общие параметры описания силы (Kraft).

Репрезентации силы группируются по общим для философской традиции и наивной картины мира в немецком языке параметрам: выделяются виды сил (силы живые и мертвые, единичные и множественные), отмечается их активность, наличие у них количественных и качественных показателей, присутствует поуровневая организация сил – «личностные», «надличностные», «сверхличностные», «внеличностные»).

В соответствии с представлениями, зафиксированными в философской традиции и наивной картине мира в немецком языке, силы обладают активностью, способностью направленно воздействовать, обратимостью (реципрокностью) своего действия, их действие носит опосредованный (инструментальный, медиаторный) характер и проявляется на разных уровнях организации мира.

Субъектами, или «собственниками», силы выступают человек, природа, дух. В текстах философской традиции этот ряд представлен богаче: помимо явлений собственно «личностного» уровня упоминаются сущности «сверхличностные» (гений), «внеличностные» (животное, Единичное), «надличностные» (поколение).

Общим местом в философской традиции и наивной картине мира в немецком языке является характеристика сил как когнитивных и физических способностей и поведения человека, основания когнитивных, физических, социальных действий и явлений, а также констатация общности действия сил и наличие у них временного измерения (первозданная, первоначальная сила/силы), способности сил целенаправленно изменять поведение человека и наличие у сил предела,

Для философской традиции уникально указание на независимость сил, их стремление к выражению и означиванию, на особую роль сил в формировании «надличностного» уровня – в обществе и человеческих сообществах. Сила классифицируется через смежные

категории бога, духа, единого (единичного), материи.

Описание системы и структуры концептосферы силы (Kraft) с учетом, по возможности, полного списка ее конституэнтов в немецкой и других национальных философских традициях, изучение научных трудов, посвященных исследованию тех или иных аспектов силы (того, что мы называем дискурсом силы) в разных национальных школах, составляет перспективу дальнейшего исследования, направленного на структурирование концептосферы дискурса силы, изучение его онтологии.

1. Августин. О диалектике. Электронный философский журнал Vox / Голос: <http://vox-journal.org>. Выпуск 20, июнь 2016.

2. Воинов А.В. Онтология как холистическая модель слабо структурированной предметной области / А.В. Воинов, Т.А. Гаврилова // Третья междунар. конф. По когнитивной науке. Москва, 20–25 июня, 2008 г.: тезисы докл. – Том 1. – 2008. – С. 566–567.

3. Жаботинская С.А. Имя как текст: концептуальная сеть лексического значения (анализ имени эмоции) // Когниция, коммуникация, дискурс. – 2013. – № 6. – С. 47–76. – Режим доступа: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/vypusk-nob-2013/zabotinskaa-s-a> (дата обращения: 01.06.2016).

4. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М.: Академия, 2005. 640 с.

5. Степанов В.Н. Интерпретация понятия Kraft («сила») в трудах Вильгельма фон Гумбольдта // Иностранные языки в высшей школе. – № 2 (29). – Рязань 2014. – С. 5–14.

6. Степанов В.Н. 'Kraft' ('сила') и 'Geist' ('дух') как концепты актуализации личностного и сверхличностного в философии Вильгельма фон Гумбольдта // Ярославский педагогический вестник – 2015. – № 2 – Том I (Культурология). – С. 74–81.

7. Степанов В.Н. 'Kraft' («сила»), 'Geist' («дух»), 'Genie' и 'Genius' («гений») как транспарентные концепты в философии Вильгельма фон Гумбольдта // Иностранные языки в высшей школе. – № 1 (32). – Рязань, 2015. – С. 35–41.

8. Adelung, Johann Christoph, 1811, "Das Grammatisch-kritische Wörterbuch der hochdeutschen Mundart". URL: http://lexika.digitale-sammlungen.de/adelung/lemma/bsb00009132_2_0_949 (дата обращения: 01.06.2016).

9. Anter, Andreas. Theorien der Macht zur Einführung. Hamburg: Junius, 2012. 171 S.

10. Anzenbacher, Arno. Die Intentionalität bei Thomas von Aquin und Edmund Husserl. Wien, München: Oldenbourg, 1972, 234 S.

11. Arendt, Hannah. Macht und Gewalt. München: Piper, 1971. 135 S.

12. Baberowski, Jörg. Macht ohne Grenzen: Herrschaft und Terror im Stalinismus. Frankfurt am Main [u.a.]: Campus-Verl., 2014. 223 S.

13. Barbusse, Henri. Kraft. Berlin: Verl. die Schmiede; Hellerau: Hegner, 1926. 246 S.

14. Benjamin, Walter. Zur Kritik der Gewalt und andere Aufsätze. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1978. 106 S.

15. Berle, Adolf Augustus. Macht: die treibende Kraft der Geschichte. Hamburg: Hoffmann & Campe, 1973. 594 S.

16. Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. 16 Bde. in 32 Teilbänden. Leipzig 1854–1961.

17. Die Kraft: eine real-monetische Weltanschauung / von J.G. Vogt. Leipzig: Haupt & Tischler, 1878.

18. Hammer, Felix. Macht: Wesen, Formen, Grenzen. Königstein/Ts.: Hanstein, 1979. 93 S.

19. Haferkamp, Hans. Soziologie der Herrschaft: Analyse von Struktur, Entwicklung u. Zustand von Herrschaftszusammenhängen. Opladen: Westdt. Verl., 1983. 321 S.

20. Hegel, Georg Wilhelm Friedrich. Phänomenologie des Geistes // Werke / Georg Wilhelm Friedrich Hegel. [Red. Eva Moldenhauer...]; Bd. 3. Suhrkamp-Taschenbuch Wissenschaft: Stw. – Berlin: Suhrkamp, 1970; 603.

21. Hegel-Lexikon / Hrsg. Von Paul Cobben, Paul Cruysberghs, Peter Jonkers und Du De Vos. Darmstadt: Wiss. Buchges., 2006, 552 S.

22. Historisches Wörterbuch der Philosophie / in Verbindung mit Günther Bien ... hrsg. von Joachim Ritter und Karlfried Gründer. Bd. 3: G. Basel [u.a.]: Schwabe, 1974. 1272 S.

23. Horkheimer, Max. Kraft // Gesammelte Schriften, Bd.1: Aus der Pubertät. Novellen und Tadebuchblätter, 1914–1918. Frankfurt am Main: S. Fischer, 1988. S. 120–125.

24. Hoyos Vásquez, Guillermo. Intentionalität als Verantwortung: Geschichtsteleologie und Teleologie der Intentionalität bei Husserl. Den Haag: Nijhoff, 1976. VII, 212 S.

25. Humboldt, Wilhelm von. Gesammelte Schriften (Hrsg. Albert Leitzmann u.a.). 17 Bde. Berlin: Behr (Nachdruck Berlin: de Gruyter, 1968), 1903–36.

26. Intentionalität / hrsg. von Wilhelm Baumgartner ... In Verbindung mit der Franz Brentano Foundation / Baumgartner, Wilhelm. Dettelbach: Röhl, 1991. 274 S.

27. Jammer, Max. Concepts of force; A study in the foundations of dynamics. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Pr., 1957. 269 S.

28. Kant, Immanuel. Kritik der Urteilskraft / Hrsg. Von Wilhelm Weischedel. Frankfurt am Mein: Suhrkamp, 1974. 468 S.

29. Kant-Lexikon: Nachschlagewerk zu Kants sämtlichen Schriften, Briefen und handschriftlichem Nachlaß / Rudolf Eisler, Eisler, Rudolf, 1873–1926, Nachdr. der Ausg. Berlin, Mittler [u.a.], 1930, Darmstadt: Wiss. Buchges., 2008, 642 S.

30. Luhmann, Niklas. Macht. Stuttgart: Lucius & Lucius, 2003. 156 S.

31. Macht / Berger, Wilhelm; Liessmann, Konrad Paul. 1. Aufl. Wien: Facultas Wuv, 2009. 115 S.

32. Macht: Begriff und Wirkung in der politischen Philosophie der Gegenwart / Ralf Krause; Marc Rölli (Hg.) Bielefeld: Transcript, c 2008. 282 S.
33. Macht: Performativität, Performanz und Polittheater seit 1990 / hrsg. von Birgit Haas. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2005. 305 S.
34. Macht und Gewalt: Annäherungen im Horizont des Denkens von Paul Tillich / Werner Schüssler, Erdmann Sturm (Hg.) Münster: Lit, 2005 / 123 S.
35. Maurer, Andrea. Herrschaftssoziologie: eine Einführung. Frankfurt/Main [u.a.]: Campus-Verl., 2004. 172 S.
36. Menke, Christoph. Kraft: ein Grundbegriff ästhetischer Anthropologie. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2008. 155 S.
37. Menke, Christoph. Recht und Gewalt. Köln [u.a.]: August-Verl., 2011. 108 S.
38. Müller, Max. Macht und Gewalt: Prolegomena einer politischen Philosophie / Hrsg. und kommentiert von Anton Bösl. Freiburg [u.a.]: Alber, 1999. 192 S.
39. Pachtner, Fritz. Kraft: vom Kampf der Menschen um die Krafterzeugung. München: Knorr & Hirth, 1943. 241 S.
40. Popitz, Heinrich. Phänomene der Macht: Autorität, Herrschaft, Gewalt, Technik. Tübingen: Mohr, 1986. 129 S.
41. Searle, John R. Intentionalität: e. Abh. zur Philosophie d. Geistes Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1987. 352 S.
42. Staub, Christoph. Leerintentionen und leere Namen: eine semantische Untersuchung zur Phänomenologie Husserls. Sankt Augustin: Academia-Verl., 2003. 160 S.
43. Steinthal, Heymann. Die Sprachwissenschaft Wilhelm v [on] Humboldt's und die Hegel'sche Philosophie. Reprograf. Nachdr. d. Ausg. Berlin 1848. Hildesheim, New York: Olms, 1971. 170 S.
44. Stepanov, V.N. Dimensions of the concept δύναμις in the course of the history of linguistics. In: Gerda Haßler (Hrsg.) Nationale und transnationale Perspektiven der Geschichte der Sprachwissenschaft. Beiträge zur XI. Internationalen Konferenz zur Geschichte der Sprachwissenschaften (ICHoLS) – Potsdam, 28.8.–2.9.2008. Juli 2011, xx, 350 S. Münster: Nodus Publikationen, 2011. S. 203–210.
45. Stepanov, V.N. Die Verwendung und Bedeutung des Konzepts Kraft bei Wilhelm von Humboldt // Annalidei Dipartimento di Studi Letterari, Linguistici e Comparati, N.S. IV, 2015. P. 245–262.
46. The history of intentionality: theories of consciousness from Brentano to Husserl. London: Continuum Publishing, 2007. VIII, 172 S.
47. Theorien der Gewalt zur Einführung / Teresa Koloma Beck; Klaus Schlichte. Hamburg: Junius, c 2014. 187 S.
48. Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 1: 1785–1795 / Wilhelm von Humboldt. Berlin: Behr, 1903. 438 S.
49. Wilhelm von Humboldts gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 2: 1796–1799 / Wilhelm von Humboldt. Berlin: Behr, 1904. 407 S.
50. Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 5: 1823–1826 / Wilhelm von Humboldt. Berlin 1906. – 481 S.
51. Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 7. Hälfte 1: Einleitung zum Kawiwerk / Wilhelm von Humboldt. Berlin: Behr, 1907. 351 S.
52. Wörterbuch der phänomenologischen Begriffe / unter Mitarb. von ... hrsg. von Helmuth Vetter. Hamburg: Meiner, 2004. IX, 699 S.
-
1. Avgustin. O dialektike. E'lektronnyj filosofskij zhurnal Vox / Golos: <http://vox-journal.org>. Vypusk 20, iyun' 2016.
2. Voinov A. V. Ontologiya kak xolisticheskaya model' slabo strukturirovannoj predmetnoj oblasti / A. V. Voinov, T. A. Gavrilova // Tret'ya mezhdunar. konf. Po kognitivnoj nauke. Moskva, 20–25 iyunya, 2008 g.: tezisy dokl. – Tom 1. – 2008. – S. 566–567.
3. Zhabotinskaya S. A. Imya kak tekst: konceptual'naya set' leksicheskogo znacheniya (analiz imeni e'mocii) // Kogniciya, kommunikaciya, diskurs. – 2013. – № 6. – S. 47–76. – Rezhim dostupa: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/vypusk-no6-2013/zabotinskaa-s-a> (data obrashheniya: 01.06.2016).
4. Ryabceva N. K. Yazyk i estestvennyj intellekt. M.: Akademiya, 2005. 640 s.
5. Stepanov V. N. Interpretaciya ponyatiya Kraft («sila») v trudax Vil'gel'ma fon Gumbol'dta // Inostrannye yazyki v vysshej shkole. – № 2 (29). – Ryazan' 2014. – S. 5–14.
6. Stepanov V. N. 'Kraft' ('sila') i 'Geist' ('dux') kak koncepty aktualizacii lichnostnogo i sverlichnostnogo filosofii Vil'gel'ma fon Gumbol'dta // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik – 2015. – № 2 – Tom I (Kul'turologiya). – S. 74–81.
7. Stepanov V. N. 'Kraft' («sila»), 'Geist' («dux»), 'Genie' i 'Genius' («genij») kak transparentnye koncepty v filosofii Vil'gel'ma fon Gumbol'dta // Inostrannye yazyki v vysshej shkole. – № 1 (32). – Ryazan', 2015. – S. 35–41.
8. Adelung, Johann Christoph, 1811, "Das Grammatisch-kritische Wörterbuch der hochdeutschen Mundart". URL: http://lexika.digitale-sammlungen.de/adelung/lemma/bsb00009132_2_0_949 (data obrashheniya: 01.06.2016).
9. Anter, Andreas. Theorien der Macht zur Einführung. Hamburg: Junius, 2012. 171 S.
10. Anzenbacher, Arno. Die Intentionalität bei Thomas von Aquin und Edmund Husserl. Wien, München: Oldenbourg, 1972, 234 S.
11. Arendt, Hannah. Macht und Gewalt. München: Piper, 1971. 135 S.
12. Baberowski, Jörg. Macht ohne Grenzen: Herrschaft und Terror im Stalinismus. Frankfurt am Main [u.a.]: Campus-Verl., 2014. 223 S.
13. Barbusse, Henri. Kraft. Berlin: Verl. die Schmiede; Hellerau: Hegner, 1926. 246 S.
14. Benjamin, Walter. Zur Kritik der Gewalt und andere Aufsätze. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1978. 106 S.
15. Berle, Adolf Augustus. Macht: die treibende Kraft der Geschichte. Hamburg: Hoffmann & Campe, 1973. 594 S.
16. Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm

- Grimm. 16 Bde. in 32 Teilbänden. Leipzig 1854–1961.
17. Die Kraft: eine real-monetistische Weltanschauung / von J.G. Vogt. Leipzig: Haupt & Tischler, 1878.
 18. Hammer, Felix. Macht: Wesen, Formen, Grenzen. Königstein/Ts.: Hanstein, 1979. 93 S.
 19. Haferkamp, Hans. Soziologie der Herrschaft: Analyse von Struktur, Entwicklung u. Zustand von Herrschaftszusammenhängen. Opladen: Westdt. Verl., 1983. 321 S.
 20. Hegel, Georg Wilhelm Friedrich. Phänomenologie des Geistes // Werke / Georg Wilhelm Friedrich Hegel. [Red. Eva Moldenhauer...]; Bd. 3. Suhrkamp-Taschenbuch Wissenschaft: Stw. – Berlin: Suhrkamp, 1970; 603.
 21. Hegel-Lexikon / Hrsg. Von Paul Cobben, Paul Cruysberghs, Peter Jonkers und Du De Vos. Darmstadt: Wiss. Buchges., 2006, 552 S.
 22. Historisches Wörterbuch der Philosophie / in Verbindung mit Günther Bien ... hrsg. von Joachim Ritter und Karlfried Gründer. Bd. 3: G. Basel [u.a.]: Schwabe, 1974. 1272 S.
 23. Horkheimer, Max. Kraft // Gesammelte Schriften, Bd.1: Aus der Pubertät. Novellen und Tadebuchblätter, 1914–1918. Frankfurt am Main: S. Fischer, 1988. S. 120–125.
 24. Hoyos Vásquez, Guillermo. Intentionalität als Verantwortung: Geschichtsteologie und Teleologie der Intentionalität bei Husserl. Den Haag: Nijhoff, 1976. VII, 212 S.
 25. Humboldt, Wilhelm von. Gesammelte Schriften (Hrsg. Albert Leitzmann u. a.). 17 Bde. Berlin: Behr (Nachdruck Berlin: de Gruyter, 1968), 1903–36.
 26. Intentionalität / hrsg. von Wilhelm Baumgartner ... In Verbindung mit der Franz Brentano Foundation / Baumgartner, Wilhelm. Dettelbach: Röhl, 1991. 274 S.
 27. Jammer, Max. Concepts of force; A study in the foundations of dynamics. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Pr., 1957. 269 S.
 28. Kant, Immanuel. Kritik der Urteilskraft / Hrsg. Von Wilhelm Weischedel. Frankfurt am Mein: Suhrkamp, 1974. 468 S.
 29. Kant-Lexikon: Nachschlagewerk zu Kants sämtlichen Schriften, Briefen und handschriftlichem Nachlaß / Rudolf Eisler, Eisler, Rudolf, 1873–1926, Nachdr. der Ausg. Berlin, Mittler [u.a.], 1930, Darmstadt: Wiss. Buchges., 2008, 642 S.
 30. Luhmann, Niklas. Macht. Stuttgart: Lucius & Lucius, 2003. 156 S.
 31. Macht / Berger, Wilhelm; Liessmann, Konrad Paul. 1. Aufl. Wien: Facultas Wuv, 2009. 115 S.
 32. Macht: Begriff und Wirkung in der politischen Philosophie der Gegenwart / Ralf Krause; Marc Rölli (Hg.) Bielefeld: Transcript, c 2008. 282 S.
 33. Macht: Performativität, Performanz und Polittheater seit 1990 / hrsg. von Birgit Haas. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2005. 305 S.
 34. Macht und Gewalt: Annäherungen im Horizont des Denkens von Paul Tillich / Werner Schüssler, Erdmann Sturm (Hg.) Münster: Lit, 2005/ 123 S.
 35. Maurer, Andrea. Herrschaftssoziologie: eine Einführung. Frankfurt/Main [u.a.]: Campus-Verl., 2004. 172 S.
 36. Menke, Christoph. Kraft: ein Grundbegriff ästhetischer Anthropologie. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2008. 155 S.
 37. Menke, Christoph. Recht und Gewalt. Köln [u.a.]: August-Verl., 2011. 108 S.
 38. Müller, Max. Macht und Gewalt: Prolegomena einer politischen Philosophie / Hrsg. und kommentiert von Anton Bösl. Freiburg [u.a.]: Alber, 1999. 192 S.
 39. Pachtner, Fritz. Kraft: vom Kampf der Menschen um die Krafterzeugung. München: Knorr & Hirth, 1943. 241 S.
 40. Popitz, Heinrich. Phänomene der Macht: Autorität, Herrschaft, Gewalt, Technik. Tübingen: Mohr, 1986. 129 S.
 41. Searle, John R. Intentionalität: e. Abh. zur Philosophie d. Geistes Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1987. 352 S.
 42. Staub, Christoph. Leerintentionen und leere Namen: eine semantische Untersuchung zur Phänomenologie Husserls. Sankt Augustin: Academia-Verl., 2003. 160 S.
 43. Steinthal, Heymann. Die Sprachwissenschaft Wilhelm v [on] Humboldt's und die Hegel'sche Philosophie. Reprograf. Nachdr. d. Ausg. Berlin 1848. Hildesheim, New York: Olms, 1971. 170 S.
 44. Stepanov, V.N. Dimensions of the concept δύναμις in the course of the history of linguistics. In: Gerda Haßler (Hrsg.) Nationale und transnationale Perspektiven der Geschichte der Sprachwissenschaft. Beiträge zur XI. Internationalen Konferenz zur Geschichte der Sprachwissenschaften (ICHoS) – Potsdam, 28.8.–2.9.2008. Juli 2011, xx, 350 S. Münster: Nodus Publikationen, 2011. S. 203–210.
 45. Stepanov, V.N. Die Verwendung und Bedeutung des Konzepts Kraft bei Wilhelm von Humboldt // Annalidei Dipartimento di Studi Letterari, Linguistici e Comparati, N.S. IV, 2015. P. 245–262.
 46. The history of intentionality: theories of consciousness from Brentano to Husserl. London: Continuum Publishing, 2007. VIII, 172 S.
 47. Theorien der Gewalt zur Einführung / Teresa Koloma Beck; Klaus Schlichte. Hamburg: Junius, c 2014. 187 S.
 48. Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 1: 1785–1795 / Wilhelm von Humboldt. Berlin: Behr, 1903. 438 S.
 49. Wilhelm von Humboldts gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 2: 1796–1799 / Wilhelm von Humboldt. Berlin: Behr, 1904. 407 S.
 50. Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 5: 1823–1826 / Wilhelm von Humboldt. Berlin 1906. – 481 S.
 51. Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 7. Hälfte 1: Einleitung zum Kawiwerk / Wilhelm von Humboldt. Berlin, 1907. 351 S.
 52. Wörterbuch der phänomenologischen Begriffe / unter Mitarb. von ... hrsg. von Helmuth Vetter. Hamburg: Meiner, 2004. IX, 699 S.

UDC 81.32

CONCEPTOSPHERE AND A FORCE DISCOURSE IN GERMAN PHILOSOPHICAL TRADITION

Stepanov Valentine Nikolaevich,

The international academy of business and new technologies (MUBiNT),
Managing chair of mass communications,
The pro-rector on management of knowledge,
Doctor of Philology, professor,
Yaroslavl, Russia,
E-mail: stepanov@mubint.ru

Annotation

In the article the concept of force («Kraft») is described on a material of texts of classical German philosophy of last third XVIII and first third XIX centuries (philosophical tradition), the explanatory dictionaries which have fixed dictionary structure of German language on boundary XVIII-XIX centuries. It allows, according to the author, to designate subject sphere (conceptosphere) of the concept «Kraft» in origin of German philosophical tradition.

Key words:

force, 'Kraft', philosophy, concept, frame, ontology, conceptosphere, discourse.

УДК 82-54

ИССЛЕДОВАНИЕ ДИСКУРСА ЭЛИТЫ В СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Островская Татьяна Александровна,

Адыгейский государственный университет,
доцент кафедры английской филологии,
доктор филологических наук,
Майкоп, Россия,
E-mail: ostrovskaya.t@mail.ru

Аннотация

Описываются теоретические аспекты исследования дискурса элиты в эпоху постмодерна. В триаде «элита – постмодерн – дискурс» в синергетической парадигме элита рассматривается как культурная универсалия, обладающая концептосферой. Приводится горизонтальная и вертикальная классификация элиты в постиндустриальную эпоху. Освещаются подходы к исследованию элиты с точки зрения современной лингвистической науки. Проводится параллель между постнеклассической наукой принципиальными методологическими установками постмодернизма. Подчеркивается, что единым унифицирующим элементом в лингвистике служит информация, которая формируется и потребляется в процессе коммуникации. Описываются характерные признаки эпохи «текущей современности». Дается определение элиты и дискурса элиты. Рассматривается соотношение категорий «текст» и «дискурс». Приводится перечень дискурсообразующих концептов элиты и выявляется дискурсообразующий потенциал её базовых и периферийных концептов.

Ключевые слова:

элита, дискурс, постмодерн, дискурсообразующие концепты.

Два противоборствующих принципа правят миром испокон веков, и эта борьба продолжается и поныне. Один из них – всеобщее право человечества, а другой – божественное право королей.

Авраам Линкольн

Бурное развитие в последние десятилетия дискурсивных исследований в языке по времени совпало с не менее активными изысканиями в области элитологии. Исследование дискурса элиты логично осуществлять исходя

из примата концепции о социальной сущности человека как носителя языка и отталкиваться от характеристик элиты как макросоциальной группы, обладающей некими признаками и концептосферой. Элитарная языковая личность порождает текст в процессе дискурсивных практик в определенном социальном окружении. Таким образом, последовательность исследования выстраивается следующим образом: социальное окружение – дискурсивные практики – текст, рожденный в процессе дискурсивных практик.

Исследования элиты, помещенные во временные рамки периода, известного как постмодерн, образовали триаду «дискурс – элита – постмодерн». Основной проблемой, как показывает практика исследования, является философская неопределенность и онтологическая незавершенность всех составляющих этой триады: каждое из рассматриваемых понятий имеет в науке огромное количество определений и толкований – от упрощенных, метафоризированных, до сугубо академических.

Рассматриваемые элементы триады вызывают острые дискуссии как в узкопрофессиональных кругах, так и в популярных аудиториях. Термины дискурс, постмодерн, элита широко употребляются не только в научной, но и наивной картине мира.

Сам мир вокруг нас всегда разный и зависит (как известно из основ семиотики) от интерпретатора, что ставит исследователя в практически агностическую позицию: а возможно ли вообще категоризировать такие ускользающие понятия как дискурс, элита, да еще в столь сложном временном слое?

Очевидно, что ключевым компонентом в триаде является элита, культурная универсалия, онтологическое явление. Без понимания сущности этого явления невозможны попытки классификации элиты. Первые классические концепции элит, относящиеся к новому времени, возникли в конце XIX начале XX в. и связаны с именами Гаэтано Моски, Вильфредо Парето и Роберта Михельса. Существенной для современного понимания является широко известная классификация американского социолога Дениэла Белла, предложенная им в 2004 году. Она выглядит следующим образом:

«элита крови» (аристократическая элита соответствует рабовладельческому и феодальному, т. е. «доиндустриальному» обществам);

«элита богатства» (капиталистическая элита «индустриального общества»);

«элита знаний» (соответствует «постиндустриальному обществу») [3, с. 454].

«В условиях постиндустриального общества (текущего времени) экономические отношения оттесняются на второй план и решающую роль начинают играть эксперты, т. е. на первое место выходит процесс «производства знаний». Отсюда и гегемония должна принадлежать элите знаний – самым способным, наиболее полезным в обществе людям. Меритократия – это «люди, признанные лучшими в своей сфере», «достойные восхищения», законно пользующиеся почетом и престижем» С момента становления меритократии искусство измерения заслуги приобретает статус науки, где действует так называемая «формула заслуги»: «Intelligence and Effort together make up Merit: I + E = M» (Интеллект + Достижения = Заслуги) [3].

Исходя из практических интересов лингвистического исследования элиты, предлагается вертикальная классификация (концепт стратификации элиты) и горизонтальная классификация (концепт таксономии элиты).

Вертикальная классификация элиты выглядит следующим образом:

1. Элита крови;
2. Элита богатства;
3. Элита знаний (меритократия).

Горизонтальная классификация элиты подразумевает деление элиты на:

1. Финансовую;
2. Политическую;
3. Военную;
4. Религиозную;
5. Интеллектуально-творческую.

Особое место занимает не включенная ни в одну из классификаций эрзац-элита, исследование которой представляется полезным, поскольку некоторые признаки дискурса элиты ярче проявляются при контрастивном анализе оппозиций – элита

vs эрзац-элита¹. Это способствует более точному определению границ когнитивно-дискурсивного пространства элиты, которое рассматривалось с позиций синергетики.

Таким образом, при таком подходе к исследованию дискурса элиты логично осветить следующие вопросы и подходы к изучению элиты с точки зрения современной лингвистической науки:

1. Каковы параметры элитарной личности, и каковы различия между языковой и дискурсивной элитарной личностью?

2. Каковы общефилософский, общелингвистический и частный уровни осмысления понятия «элита» и «эрзац-элита»?

3. Каковы критерии элитарности в свете исследования дискурсивной элитарной личности?

4. Что представляет собой дискурсивное пространство элиты?

5. Что представляет собой элитарное сознание и его роль в формировании элитарной дискурсивной языковой личности?

6. Существует ли идеальная дискурсивная элитарная личность?

Второй компонент исследуемой триады – эпоха постмодерна.

Проблема корреляции постмодернизма и современной науки была поставлена Жаном-Франсуа Лиотаром в книге «Состояние постмодерна. Доклад о знании» [7]. Сегодня совершенно очевидно существование параллелей между постнеклассической наукой с ее неопределенностью, неполнотой, неверифицируемостью и принципиальными методологическими установками постмодернизма. Постмодернизм представляет обширное

явление в жизни и культуре, стиль в художественном искусстве, влияющий на тенденции в развитии общества.

Термин «постмодернизм», впервые использованный Р. Ранвицем в книге «Кризис европейской культуры» еще в 1917 году, получил распространение спустя почти полвека, в 60–70-х годах 20 века.

Стилистика постмодерна «выражается в мультиплицировании смыслов, повышенной степени метафоризации, ироничности оценок, высоком уровне интертекстуальности, в установке на непрерывный креатив и сенсационность» [9, с. 17]. «Мне кажется, – пишет Зигмунд Бауман, известный современный исследователь эпохи постмодерна, – что самая важная черта современного периода состоит *вне направленности перемен*. Сегодня, как никогда, сложно сказать о том, что происходящие перемены имеют какое-то заранее определенное направление, они застают нас врасплох, мы их не ожидаем и не предвидим. Таким образом, на смену обществу модерна пришла эпоха постмодерна, эпоха «текучей современности», где равновесие и устойчивость перестают восприниматься как «норма». Наука сегодня говорит о случайностях и хаосе, неопределенности и непредсказуемости событий. На сцену выходят новые концепты: одиночество, ощущение ненадежности, неуверенности, отсутствия безопасности» [2].

Очевидно, что одним из базовых концептов дискурса элиты эпохи постмодерна наряду с концептом «доминирование», становится концепт «мобильность» как воплощение основной характеристики рассматриваемого периода – временно-пространственной динамичности, отсутствия привязанности к определенному месту. В этой связи на первое место выдвигается важный вопрос философии лингвистики: определение взаимоотношения «объективного» и «субъективного» (человеческого) начала в дискурсе.

1 «Исходя из следующих критериев – характер установки, направленный на удовлетворение сугубо личных интересов, низкая вариативность поведения, связанная с построением ограниченной модели мира, конформистский характер социальной адаптации, – можно выделить тип людей, который мы назвали эрзац-элитой («Эрзац» от нем. «Ersatz» – неполноценный заменитель чего-либо, суррогат)» [Васильева, 2011: 9].

Антропный принцип в физике гласит: вселенная построена сообразно с человеческим фактором. «Вселенная» дискурса существует в соответствии с антропным принципом», справедливо замечает О. Ревзина [8, с. 68].

Авторитетный исследователь в области элитологии Г.К. Ашин считает, что «элитологию в предельно широком смысле можно рассматривать как науку о дифференциации и иерархизации бытия, его упорядоченности, структурализации и эволюции. Но, пожалуй, точнее – элитология в широком смысле основывается на законах термодинамики (энтропии и негэнтропии), синергетике» [1].

Анализ явлений и открытий в естествознании показывает, что все они объединяются единым унифицирующим элементом, который сохраняется при самых различных преобразованиях – это *энергия*. В лингвистике таким элементом служит *информация*, которая формируется, обрабатывается и потребляется в процессе коммуникации. Информация является одним из важнейших параметров функционирования общества. Процессы производства и потребления информации через тексты суть дискурсивные практики. Изучение модификации дискурсивных практик позволяет исследователям предугадывать тенденции социального развития так же уверенно, как и ученым в области естественных наук открывать проявления законов природы.

Синергетический подход к теории элит органично дополняет все уже имеющиеся традиционные подходы, а исследование дискурса элиты в данной работе проводится в русле интегрального синергетического подхода, в рамках которого соотносятся «ценности человеческого поведения» (по Пиаже) с реакциями энергетического обмена со средой, и это выражается через когнитивный аспект поведения.

Таким образом, «элитой являются индивиды, которые обладают такими качествами, как высокая вариативность поведения, высо-

кая когнитивная структурированность мышления, ярко выраженная способность к социальной адаптации, социально значимым характером установки. Можно утверждать, что в русле синергетической парадигмы элита отбирает информацию, которая приносит социуму, к которому она принадлежит, максимальную пользу» [4] и актуализирует полученную информацию в элитарном речевом поведении, т.е. в дискурсивных практиках, характерных для элитарной личности.

Опираясь на приведенные классификации различных видов элиты, мы считаем, что дискурс элиты относится к *над-институциональному типу дискурса*, так как в нем отражаются дискурсивные и социальные практики, характерные для личностей, принадлежащих к различным социальным институтам, но объединенных общим элитарным сознанием и спецификой его вербализации. В широком смысле – дискурс элиты есть над-институциональный конструкт, представляющий собой комплекс дискурсивных практик элитарных личностей-репрезентантов различных социальных институтов.

Третий компонент исследуемой триады – дискурс – в работе рассматривается с позиций его взаимоотношений с текстом и с концептом. Вопрос о соотношении категорий «текст» и «дискурс» широко обсуждается в лингвистике, социолингвистике и других смежных дисциплинах. В сжатом виде соотношение категорий «текст» и «дискурс» можно представить тремя моментами:

- текст не тождественен дискурсу;
- текст тождественен дискурсу;
- текст и дискурс взаимозависимы.

По нашему мнению, в зависимости от фокуса исследования, все эти точки зрения могут считаться справедливыми.

При исследовании дискурса элиты логично рассматривать текст в его широком, постнеклассическом толковании.

Трудно не согласиться с утверждением Е. С. Кубряковой в том, что «нет таких текстов, которые не явились бы также конечным итогом дискурсивной, т. е. социально ориентированной и социально обусловленной коммуникативной деятельности. Практически все тексты являются конечным итогом дискурсивной деятельности, которая всегда социально ориентирована и обусловлена в процессе коммуникации» [6, с. 516].

Отношения концепта и дискурса носят двунаправленный характер: не только тот или иной тип дискурса объединяет в себе определенные концепты, но и концепты, неся на себе отпечаток того дискурса, к которому они по преимуществу принадлежат, обладают способностью некоторым образом направлять коммуникацию, порождая вокруг себя определенный дискурс» [5, с. 255–256].

Иными словами, дискурс – репрезентация социальной ситуации через термины, понятия, законы некоего предмета обсуждения, окрашенного определенной идеологией.

Таким образом, дискурс предстаёт как сложное коммуникативное явление, в котором важную роль играет как ситуация производства текста, так и зависимость создаваемого речевого произведения от большого количества экстралингвистических обстоятельств, эксплицитно или имплицитно присутствующих в дискурсивных практиках, – знаний об окружающем мире, мнений, установок и интенций говорящего, причем вся совокупность этих обстоятельств и знаний подобна айсбергу, где его верхушка – это речевое поведение дискурсивной личности в момент общения, а его подводная часть – поведенческая модель участника коммуникации в хронотопе (в расширенном временном и пространственном объеме). То есть дискурс элиты представляется как правила порождения смыслов дискурсивной элитарной личностью, определенный тип высказывания, присущий элитарной личности; как когнитивное пространство, об-

разованное вокруг макроконцепта ЭЛИТА, предопределяющего и создающего предметную сферу дискурса элиты, его смысловое содержание, включающее в себя информацию о субъектах, объектах, обстоятельствах и пространственно-временных координатах, отражающих окружающий мир и создающих присущий элите способ видения мира и упорядочения действительности; это вербализация элитарной ментальности, отражающей окружающий мир и создающей присущий элите способ видения мира и упорядочения действительности; это отражение понятия «элита» в когнитивном сознании носителей языка в виде когнитивных стереотипов.

Одним из основных признаков дискурса является его онтологическая незавершенность: социальное явление никогда не бывает законченным или полным. Значение, в конечном счете, никогда не может быть фиксированным, и это открывает путь к непрерывной социальной борьбе за то, *как* определить общество и идентичность в конкретный период времени.

Незавершенность дискурса, с одной стороны, является его самой сложной составляющей характеристикой, с другой стороны, – стимулом для дальнейшего изучения этого многозначного явления, нового взгляда на перспективы исследования.

Таким образом, дискурсивная элитарная личность представляет собой индивидуум, обладающий всеми признаками, которые актуализируются набором дискурсообразующих концептов дискурса элиты. Базовые и периферийные концепты дискурсивной элитарной личности варьируются в зависимости от хронотопа дискурса элиты. Другими словами, любая языковая личность, действующая в определенном социальном контексте, квалифицируется как дискурсивная личность. Такая точка зрения принята исходя из эмпирических целей исследования. Очевидно, что любая языковая личность (ЯЛ) *всегда* действует в социальном контексте,

однако исследовательская практика может фокусироваться в большей или меньшей степени на аспектах социализации языковой личности, выделяя сугубо языковые или более широкие, прагматические характеристики ЯЛ.

Дискурс элиты характеризуется высокой степенью концептуальности и является доменом для множества *идеологических* концептов: для исследования его семиотики важно выявить дискурсообразующий потенциал базовых и периферийных концептов. К ним можно отнести следующие концепты: «избранность», «власть», «доминирование», «честь, достоинство», «публичность», «социальная значимость», «привилегированное положение», «политическое влияние», «компетентность», «профессионализм», «ответственность», «успех», «материальное благосостояние (деньги)», «нравственность и сохранение традиций», «целеустремленность», «космополитизм», «цинизм», «люмпенизация», «рациональность», «снобизм», «харизматичность», «консюмеризм», «интеллигентность», «свобода».

Каждый из концептов способен образовывать субдискурсы, которые в свою очередь формируют строй дискурсов. Их борьба за гегемонию приводит к временным ситуациям доминирования определенных дискурсов, что представляет интерес и открывает широкие перспективы для дальнейших исследований в этой области.

ции в концептообразовании и исследовании концептов / Н.В. Крючкова // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Междунар. конгресс исследователей русского языка. Секция VI. Концепты и русское языковое сознание, 23 марта 2010 г. Москва / Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2010. – С. 255–25.

6. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

7. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: АЛТЕЯ, 1998. – 160 с.

8. Ревзина О.Г. Дискурс и дискурсивные формации / О.Г. Ревзина // Критика и семиотика. – Новосибирск, 2005. – Вып. 8. – С. 66–78.

9. Синельникова Л.Н. Концепт «дискурсивная личность»: междисциплинарная параметризация / Л.Н. Синельникова // Грани познания: электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ. – 2013. – Февраль, № 1 (21). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1368528198.pdf>.

1. Ashin G. A. Kurs istorii e'litologii. M.: MGIMO (U), 2003. – 302 s.

2. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost' / Z. Bauman; per. s angl. pod red. Yu. V. Asochakova. – SPb.: Piter, 2008. – 240 s.

3. Bell D. Gryadushhee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya: per. s angl. / D. Bell. – 2-e izd., ispr. i dop. – M.: Academia, 2004. – 790 s.

4. Vasil'eva L.N. Teoriya e'lit: sociologiya politiki / L.N. Vasil'eva. – M.: Socium, 2011. – 208 s.

5. Kryuchkova N.V. Rol' referencii i kommunikacii v konceptoobrazovanii i issledovanii konceptov / N.V. Kryuchkova // Russkij yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': IV Mezhdunar. kongress issledovatelej russkogo yazyka. Sekciya VI. Koncepty i russkoe yazykovoe soznanie, 23 marta 2010 g. Moskva / Filol. f-t MGU im. M. V. Lomonosova. – M., 2010. – S. 255–25.

6. Kubryakova E.S. Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke. Chasti rechi s kognitivnoj točki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira / E.S. Kubryakova. – M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. – 560 s.

7. Liotar Zh.-F. Sostoyanie postmoderna. M.: Institut e'ksperimental'noj sociologii, SPb.: ALETEYA, 1998. – 160 s.

8. Revzina O.G. Diskurs i diskursivnye formacii / O.G. Revzina // Kritika i semiotika. – Novosibirsk, 2005. – Вып. 8. – С. 66–78.

9. Sinel'nikova L.N. Koncept «diskursivnaya lichnost'»: mezhdisciplinarnaya parametrizaciya / L.N. Sinel'nikova // Grani poznaniya: e'lektronnyj nauchno-образovatel'nyj zhurnal VGSPU. – 2013. – Fevral', № 1 (21). [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1368528198.pdf>.

1. Ашин Г.А. Курс истории элитологии. М.: МГИМО (У), 2003. – 302 с.

2. Бауман З. Текущая современность / З. Бауман; пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования: пер. с англ. / Д. Белл. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Academia, 2004. – 790 с.

4. Васильева Л.Н. Теория элит: социология политики / Л.Н. Васильева. – М.: Социум, 2011. – 208 с.

5. Крючкова Н.В. Роль референции и коммуника-

UDC 82-54

RESEARCHES OF THE ELITE DISCOURSE IN THE SYNERGETIC PARADIGM

Ostrovskaya Tatjana Aleksandrovna

Adygea state university,
Senior lecturer of chair of English philology,
Doctor of Philology,
Maikop, Russia,
E-mail: ostrovska.t@mail.ru

Annotation

The article deals with theoretical aspects of the study of the elite discourse in the late modernity. Within the triad 'elite - postmodern - discourse' viewed in the synergistic paradigm, the elite is seen as a cultural universal with its specific conceptual sphere. The author provides horizontal and vertical classification of the elite in the post-industrial era and gives her approach to the study of elites from the point of view of the modern linguistic science. A parallel between postnonclassical science and fundamental methodological orientations of postmodernism is drawn. It is emphasized that a single unifying element in linguistics is 'information' that is generated and consumed in the process of communication. The features of the era of «liquid modernity» are described. The definition of the elite and the elite discourse are given in the paper. The correlation of the categories of «text» and «discourse» is viewed. A list of elite discourse forming concepts is provided.

Key words:

elite, discourse, late modernity, discourse forming concepts.

УДК 301

ООН: МОСТ ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Ивонина Ольга Ивановна,

Новосибирский государственный университет экономики и управления,
заведующая кафедрой международных отношений,
доктор исторических наук, профессор,
Новосибирск, Россия,
E-mail: ivonina@ngs.ru

Аннотация

Статья призвана проследить изменение образа ООН на протяжении 70 лет ее существования в качестве единственной универсальной международной организации. В своем обзоре автор прослеживает эволюцию различных подходов к оценке ООН и ее роли в системе нового миропорядка.

Общим вектором дискуссий стала смена представлений об ООН – не только как универсальной межправительственной организации, но и как об институте глобального управления.

Такая эволюция исследовательских подходов отразила изменение повестки дня международной безопасности, вынудив современных авторов сосредоточиться на изучении операций по поддержанию мира, финансовых и гуманитарных аспектов, роли неправительственных акторов в деятельности Организации.

В заключении автор приходит к выводу, что изменения в структуре, функциях и повестке дня ООН делают Организацию своеобразным мостом из прошлого в будущее международного права.

Ключевые слова:

ООН, международное право, новый миропорядок, негосударственные акторы, международные организации.

В среде экспертов и практиков давно идут дискуссии по вопросу о роли Организации Объединенных Наций в созидании, развитии и упрочении международного правопорядка.

По мнению ряда исследователей, за время, прошедшее после создания в 1945 году Организации Объединенных Наций, она не претерпела радикальных изменений и по-прежнему отражает исторические обстоятельства своего возникновения, а именно – безусловное доминирование стран анти-

гитлеровской коалиции к моменту окончания Второй мировой войны. Продолжавшийся в течение всей послевоенной истории процесс возвышения и упадка наций не получил адекватного отражения в структуре и принципах деятельности Совета Безопасности как высшей инстанции по проведению политики обеспечения мира. Единственное признание изменений политической карты мира произошло в 1965 году, когда число членов СБ было увеличено с 11 до 15, причем новые места были представлены странам из категории

«непостоянных членов», которые входят в состав Совета Безопасности более двух лет.

Несоответствие СБ потенциальной роли инструмента управления мировым сообществом в решающих вопросах войны и мира связано с полномочиями внутреннего круга постоянных членов. Постоянная оккупация этих мест в течение неограниченного времени свидетельствует, по мнению экспертов, как о неосновательном приписывании себе некоторыми обладателями права вето неизменно сохраняющихся способностей и силы воздействия на мировые процессы, так и о пренебрежении демократическими принципами и мнением остального мира. Государства, которые давно утратили статус великой державы, который только и оправдывал их постоянное место в СБ, сегодня изо всех сил цепляются за свои привилегии в ООН, будучи не в силах смириться с трагическим изменением своего ранга в структурах глобальной политики.

Профессор университета им. Дж. Вашингтона Джеймс Розенау предпринял сравнительное исследование подходов юристов-международников к роли ООН и пришел к выводу о наличии двух десятков функциональных определений этого института многосторонней дипломатии. Подавляющее большинство американских юристов считают ООН в первую очередь устоявшейся рутинной организацией, раздираемой противоречиями национальных интересов и ценностей ее членов-государств настолько, что в целом она не в состоянии предпринимать решительные действия, не соответствующие букве Устава. Важным мотивом критики ООН является ее зачисление в разряд недемократичных структур, т. к. входящие в ее состав крупные и сильные государства – державы глобального и/или регионального масштаба обладают большей властью, чем малые и слабые для защиты собственных национальных интересов и повышения международного престижа [2, с. 11].

Существенные разногласия обнаруживаются в среде экспертов-международников по проблеме традиционности («исторично-

сти») ООН. Признавая факт создания ООН в качестве очередной попытки западных демократий обеспечить мир международному сообществу, многие авторы признают ее неудачной. ООН не спасла мир от продолжительной «холодной войны» и многочисленных «горячих» конфликтов, подобно тому, как образование Лиги Наций не смогло предотвратить Вторую мировую войну. Предпринятые «голубыми касками» операции в Корее (1950–1953), Персидском заливе (1990–1991), Косово (1999) хотя и сыграли важную роль в деле силового обеспечения мира, были осуществлены по следам событий, *post factum*, т. е. тогда, когда агрессия уже состоялась. Таким образом, основная задача ООН по предотвращению агрессии и недопущению применения силы или угрозы силой не была реализована.

Причиной низкой адаптации Организации Объединенных Наций к вызовам современности профессор Техасского университета У. Росту (в прошлом – глава Комитета политического планирования госдепартамента) считает инерцию следования историческим образцам международного права. Созданная в результате послевоенного баланса между державами-победительницами во Второй мировой войне, ООН по-прежнему исходит из доктрины национально-государственного суверенитета и равновесия сил между основными акторами мировой политики. В условиях растущей глобальной взаимозависимости роль ООН как единственного (по существу монопольного) международного института легального разрешения межгосударственных конфликтов, по мнению Росту, уже не так эффективна, как во времена Ялтинско-Потсдамской системы [5, с. 140].

Кроме того, за последнее время существенно изменился сам характер угроз миру и безопасности: многочисленные конфликты происходят сегодня уже не между суверенными государствами на почве пограничных и территориальных разногласий, а разворачиваются внутри государств, принимая форму

гражданских войн, межконфессиональных и межэтнических столкновений. Прежняя задача Совета Безопасности ООН заключалась в том, чтобы обезопасить мир от войны и вооруженного насилия, поэтому авангардная роль СБ как органа, занимающегося вопросами возникновения риска войны между отдельными государствами была вполне оправдана и соответствовала нормам Устава ООН. Сегодня, когда происходит формирование нового понятия политики безопасности как действий по защите в первую очередь людей, а не только государств и территорий, от агрессии, геноцида, бедности, экологической опасности и экономических рисков, роль Совета Безопасности должна измениться.

Перечисленные обстоятельства стали одним из побудительных мотивов выдвижения различных планов реформирования ООН. В ходе обсуждения проблем реформирования ООН мнения разделились. Отвечая на вопрос о том, нужны ли вообще структурные реформы ООН, сторонники функциональной концепции международных отношений полагают, что Организация Объединенных Наций в целом справляется с задачами, заложенными в ее Уставе – обеспечение мира, защита прав человека, решение международных проблем социально-экономического и гуманитарного характера. В рамках своей ограниченной компетенции ООН даже в изменившихся условиях от Ялтинско-Потсдамской к новой постбиполярной международной системе проделала значительную работу по анализу проблем, разработке концептуальных решений и их практической реализации.

Однако если исходить из понимания новых вызовов и угроз мировому сообществу, превентивную дипломатию и миротворческие операции Организации Объединенных Наций следует признать недостаточно эффективными, т. к. компетенция ООН пока не позволяет ей стать управляющим органом «мирового сообщества», своеобразным мировым правительством. По мнению большинства юристов-международников, в прошлом ни Лига Наций,

ни ООН не выполняли возложенной на них учредительными документами функции превенции международных правонарушений. Лига Наций не сумела предотвратить Вторую мировую войну, по окончании которой мир почти сразу же столкнулся с противостоянием держав в «холодной войне».

Однако, по мнению У. Ростоу, у Организации Объединенных Наций сохраняется шанс на то, что третья попытка создания «мирового правительства» цивилизованных народов окажется более успешной. Свои надежды на адаптацию ООН к меняющимся глобальным обстоятельствам автор связывает с изменением повестки дня этого «международного форума», способной привлечь внимание к проблемам миграций, беженцев и вынужденных переселенцев; угрозе окружающей среде и здоровью людей, нуждам развития, политическим правам и свободам; вопросам борьбы с наркотрафиком и распространением оружия массового поражения. В этом случае ООН станет конкретным выражением той формирующейся цельности, которая именуется «международным сообществом» и выступает основным вкладчиком в эволюцию новых глобальных норм и инновационных решений [5, с. 143].

Начиная с 90-х гг. XX в., ООН начинает прибегать к использованию гуманитарных интервенций: вмешиваясь во внутренние межэтнические и гражданские конфликты, она ставила перед собой, по существу, не свойственные ранее никакой международной организации амбициозные задачи полного восстановления политических, экономических и социальных структур, т. е. выступала в роли оккупационной силы. По мнению специалистов эти новые цели ООН не всегда подкреплялись необходимыми для их выполнения ресурсами и легитимным мандатом. Так, миротворческие силы ООН, размещенные в зоне гуманитарной интервенции, зачастую не имели соответствующего военно-политической ситуации оснащения и вооружения, их численность была недостаточной, не решалась

проблема передачи национальных военных соединений под командование ООН. Из-за отсутствия согласия в Совете Безопасности мандат миротворческих сил формулировался нечетко. Это объясняется переходным статусом современных миротворческих операций ООН: от допускаемого международным правом применения силы для защиты гражданского населения в районах вооруженных конфликтов до создания миротворцами квазигосударственных структур на контролируемых ими территориях.

Проблема реформирования ООН стала ключевой в процессе обсуждения международниками вопросов соотношения национального и международного права, способов преодоления коллизии норм внутреннего, регионального и универсального законодательства, противоречий международной и национальной юрисдикции.

Новые угрозы миру и новые функции Совета Безопасности ООН

Устав ООН, в котором сохраняется принцип государственного суверенитета, санкционирует вооруженную интервенцию внутри какого-то государства лишь в том случае, если возникшая в нем ситуация представляет угрозу миру. Поэтому до тех пор, пока ситуация в какой-либо стране не начнет оказывать трансграничного воздействия, никто не вправе вынуждать Совет Безопасности прибегать к вооруженному вмешательству в интересах людей, даже если их права нарушены, а действия правонарушителей (правительств, политических и этнических групп) могут квалифицироваться как международные преступления.

По мнению ряда международников, интересам мирового сообщества в целом и принципу верховенства права пошло бы на пользу дополнение Устава ООН формальным указанием на необходимость интервенций силами ООН с целью защиты людей от грубого нарушения их безопасности даже

в том случае, когда это нарушение не имеет никаких международных последствий. Четкое определение обстоятельств, которые оправдывают гуманитарную интервенцию (т.е. такое легальное вмешательство мирового сообщества во внутреннюю компетенцию государства, которое призвано пресечь нарушение прав человека), могло бы содействовать формированию универсальных, общеобязательных и общепринятых критериев, а не произвольных и не выбранных по случаю (ad hoc) участниками процесса принятия решений в Совете Безопасности.

То обстоятельство, что СБ, принимая решения о необходимости, либо, напротив, нецелесообразности осуществления гуманитарной интервенции, демонстрирует неодинаковый подход к аналогичным случаям, объясняется сочетанием в Совете Безопасности двух компетенций правосудия.

С одной стороны, поскольку лишь Совет Безопасности выносит суждение по вопросу факта – имело ли место нарушение права, которое делает оправданным применение санкций, постольку этот орган ООН выполняет роль всемирного интервенционного суда. С другой стороны, признав факт правонарушения, Совет Безопасности принимает решение о применении силы и осуществляет миротворческие операции, т.е. выступает в роли мирового полицейского.

Функционируя одновременно и как всемирный суд, и как мировая полиция, Совет Безопасности ООН подчиняется политической логике. Применение же норм права, при котором аналогичные случаи рассматриваются на основе равного подхода, предполагает юридическую логику. Для того чтобы СБ направлял урегулирование конфликтов в цивилизованное русло, т.е. чтобы при применении норм права аналогичные случаи рассматривались на базе равного подхода, необходим орган, способный принимать решения не из политических, а из чисто юридических соображений. Это значит, что вопрос должен рассматриваться не на основе определенных

политических интересов и политических оценок, что в силу различий между участниками Совета приведет к взаимному блокированию позиций и сделает невозможным принятие общего решения, а на основе заранее согласованных правовых норм, чтобы любой конкретный случай можно бы было квалифицировать юридически. Одним словом, в правоприменительной практике ООН должен возобладать принцип «law by reason» над логикой «law by power» [6, с. 243].

Этот тезис можно считать манифестацией нового подхода к международному праву со стороны молодого поколения международников в лице А.М. Слэйтер и Дж. Айкенберри. По их мнению, неоднократно повторявшийся постулат о взаимосвязи действенности права и стоящей над ним силы является эмпирическим преувеличением. Монополия силы – лишь один из факторов, определяющих эффективность правоприменения. Соблюдение правовых норм должно обеспечиваться, в первую очередь, легитимностью правовых норм и легитимностью их применения. Легитимность, в свою очередь, зависит от системности и универсальности международного права, признаваемого всеми его адресатами, что гарантирует равное право для всех [6].

Таким образом, в идеале эффективное выполнение Организацией Объединенных Наций своей роли гаранта стабильности мирового правопорядка требует выполнения двух условий. Во-первых, ООН должна руководствоваться системой норм международного права, которые признаются и выполняются всеми участниками мирового правопорядка, а во-вторых, системой правоприменения, основанной на существовании процессуальных и материальных норм международного правосудия.

Однако, по общему признанию юристов-международников, именно последняя до сих пор слабо разработана, что проявилось в применении силы со стороны НАТО против Югославии, мотивированном нарушением

прав человека в Косово; в операции США против Ирака, мотивированной тем, что – в нарушение резолюции ООН – эта страна продолжала разработку и накопление оружия массового уничтожения. В первом случае был создан опасный для мирового сообщества прецедент несанкционированного ООН вмешательства региональной организации во внутреннюю компетенцию суверенного государства, во втором – был осуществлен возврат к политике и логике «сила против права».

ООН как «организация-форум»

Успех нового правопорядка зачастую связывают с превращением Организации Объединенных Наций в широкий политический форум, на котором конкурируют различные модели обеспечения национальной и коллективной безопасности, представляющие интересы суверенных государств, коалиций, альянсов и региональных союзов. Превращение ООН в «организацию-форум» позволит создать такую систему представительства интересов ведущих акторов мировой политики, которая адекватно отражает самые разные и противоречивые тенденции современного развития.

Реформа представительства в ООН должна учитывать как становление новых национальных центров мировой системы в лице Германии, Италии, Индии, Японии, Кореи, Индонезии, Бразилии, Мексики, Египта, Нигерии, ЮАР, так и возрастающее влияние региональных блюстителей миропорядка в лице ОБСЕ, ЕС и других МПО. В идеале, постоянные члены Совета Безопасности должны представлять в этой универсальной международной организации все «релевантные группы» интересов, а не горстку «богатых и сильных государств».

Предоставление региональным союзам места постоянных членов в Совете Безопасности сделало бы ООН организацией, способной адекватно реагировать на вызовы глобализации: осуществлять борьбу с тер-

роризмом, международной преступностью, предотвращать возникновение международных и внутригосударственных конфликтов. В то же время встраивание в систему органов ООН региональных структур снизит риск того, что какая-то группа заинтересованных государств попытается, руководствуясь этническими или политическими интересами, вынудить ООН предпринять интервенцию от имени всего мирового сообщества.

В настоящее время ООН представляет собой организацию переходного типа. С одной стороны, Организация Объединенных Наций является структурообразующим элементом классической системы международных отношений, основанной на принципах суверенного равенства входящих в нее государств, с другой – демонстрирует стремление адаптировать свою структуру и функции к вызовам глобализации. В итоге сегодня ООН принадлежит двум мирам глобальной политики – исторически сложившейся мир-системе государств и становящейся системе глобального миропорядка. Развиваясь одновременно в двух мирах, ООН вплоть до настоящего времени является единственным глобальным механизмом поддержания как правопреемственности норм международного права, так и их прогрессивного развития.

Различные оценки настоящего и будущего Организации Объединенных Наций зависят от того, что воспринимается в качестве ведущей тенденции мировой политики – преемственность или трансформация.

Отправным моментом обсуждения новой архитектуры международных отношений стало признание факта необратимого распада Вестфальской системы, составлявшей основу прежнего миропорядка и международного права. Как известно, система мирных договоров 1648 г., завершивших 30-летнюю войну, стала точкой отсчета для существования современного «государства-территории» как главного участника международных отношений и основного актора международного права. Признанием суверенитета каждого

государства в сфере внутренней и внешней политики было положено начало становлению основополагающих принципов международного права – невмешательства государств во внутреннюю компетенцию друг друга (*domain reserve*), уважения свободы и равноправия, мирного сосуществования народов независимо от конфессиональной принадлежности их суверенов. Вестфальский мир содержал специальную оговорку, направленную против возможных претензий со стороны универсальных политических сил – имперских правителей тогдашней Европы (Папы Римского и Императора Священной Римской империи германской нации) по наведению порядка на территориях государств-участников договора. Тем самым, он стал первым в истории западных государств соглашением антиимперского, антигегемонистского характера.

В современных условиях глобализации, динамичного расширения новых областей и участников транснациональных отношений неограниченный суверенитет государства превращается в фикцию, резко уменьшая его способность осуществлять контроль над населением, территорией и ресурсами средствами национальной политики и на основе норм национального права [1].

Национальное правительство начинает делиться монополией на управление (как основой суверенности) с транснациональными корпорациями, традиционными межправительственными международными организациями (ООН, МВФ, ВТО), а в последнее время и с международными неправительственными организациями. Об этом свидетельствует неуклонно возрастающий международный авторитет таких МНО, как «Гринпис», «Международная амнистия», «Врачи без границ», «Комиссия наблюдателей за соблюдением прав человека», суждения которых заслушиваются конференциями и специальными органами ООН.

Межправительственные организации как обладатели делегированных им отдельными государствами полномочий оперируют

нормами поведения государств: принимают на себя обязательства и несут ответственность за их недолжное исполнение или нарушение. Таким образом, сфера и характер деятельности МПО регулируется их учредительными документами. Деятельность МНО и ТНК, напротив, остается вне пределов досягаемости национального государства.

При оценке влияния отмеченных процессов и преобразований на деятельность ООН самая большая трудность возникает в определении роли, компетенции и суверенитета государств. Движущие силы глобализации делают границы более прозрачными, юрисдикции менее определенными, государственный суверенитет менее значимым, а национальное управление менее эффективным. Воспринимая подобные метаморфозы международной правосубъектности как временные аномалии, многие специалисты отказываются примириться с мыслью о том, что государство отныне не обладает монополией контроля за территорией, населением и ресурсами как главным атрибутом суверенности, а поэтому должно во все большей степени разделять власть с другими участниками на субнациональном, транснациональном и наднациональном уровнях. Они признают факт снижения суверенитета, предвидят разделение полномочий государств с МНО в будущем, однако настаивают на том, что государства и в новых условиях обладают исключительным правом принуждения и свободой действий по отношению к другим участникам мирового процесса, а потому по-прежнему выступают главными акторами мирового правопорядка [7].

Политическая культура ООН во многом продолжает ориентироваться на суверенитет и доминирующую роль государств в процессе международного общения, т. е. поддерживает исторически сложившиеся контуры мирового правопорядка. С другой стороны, вовлекаясь во внутригосударственные конфликты, наряду с конфликтами международными, осуществляя миротворческую и гуманитарную деятельность, ООН демонстрирует способ-

ность откликаться на перемены. Признаком формирующейся новой политической культуры ООН аналитики считают все большую озабоченность большинства ее членов проблематикой прав человека и демократического правления. По этим вопросам государства все более склоняются к признанию того, что все, происходящее в данной сфере, легитимно становится общим делом. В итоге глобальная политическая культура основывается на понятии сопутствующих юрисдикций, когда первоочередные задачи по защите прав человека и демократии сохраняются за отдельными государствами, а Организация Объединенных Наций имеет право подключаться к их выполнению даже с использованием силы, если сами государства не выполняют своих обязательств в этой области.

Подобному сдвигу в соотношении национальных юрисдикций и международного правосудия сопутствовало изменение политической и правовой культуры государств, новому пониманию их суверенных прерогатив и компетенции ООН. Если в первые десятилетия существования ООН инициаторами применения санкций к нарушителям норм международного права выступали отдельные государства, то позднее государства стали сторонами, реагирующими на инициативы основных структур и органов ООН. Ментальность типа «суверенное государство дает согласие» постепенно заменилась новым принципом принятия решений по общезначимым для всего мирового сообщества вопросам – «все государства должны двигаться в заданном направлении». Понимание ограниченности возможностей решения глобальных проблем и противостояния глобальным угрозам вынуждает государства разрешать ООН в соответствии с новыми задачами и сознательно отказываться от части своих суверенных прав в пользу этого пока еще символа всемирного управления.

Подобный сдвиг в культуре ООН эксперты считают важным показателем большей чем прежде готовности государств к многосторон-

нему сотрудничеству в решении глобальных проблем. ООН пока не стала, и вряд ли когда-нибудь станет мировым правительством, но уже достигла такой стадии своего развития, когда государства ищут ее одобрения за те действия, которые еще недавно считались их суверенными прерогативами.

Необходимость коллективных действий и глобальной кооперации способствует исчезновению прежних барьеров восприятия государствами друг друга сквозь призму цивилизационных и статусных параметров. Не случаен акцент представителей современной международно-правовой доктрины на постепенно формирующемся ценностном единстве различных акторов мировой политики в постбиполярном мире, где значение идейных и политических барьеров сведено к минимуму, а различие статусных параметров нивелируется глобальной взаимозависимостью [3].

Итак, несмотря на противоречивые последствия глобализации для формирования новой институциональной и нормативной базы мирового правопорядка, невзирая на рецидивы прежней политики, в которой решающая роль принадлежит государствам, настаивающим на своем суверенитете и национальном интересе, ООН стала мостом через пролив, соединяющий два мира мировой политики. Этот мост обеспечивает доступ МНО и отдельным индивидам в мир-систему государств и доступ национальных государств в многополярный мир, способствуя созидательной конкуренции различных способов обеспечения мира и безопасности, прав и свобод человека.

МНПО и проблема демократизации мирового правопорядка

Обсуждение проблем эффективности новых принципов международного права отразило наличие в среде экспертов-международников двух противоположных подходов к пониманию структуры мирового правопорядка в условиях глобализации. Адепты традиционной

теории международной правосубъектности, основанной на общей способности субъекта иметь международные права и обязанности, придерживаются государственнической парадигмы, полагая, что дальнейшее развитие права коллективной безопасности, гуманитарного вмешательства и международного уголовного правосудия будет сосуществовать с принципами суверенного равенства и независимости государств, сохраняя превосходство «силы права» над «правом силы» [4, с. 65].

Сторонники расширения структуры миропорядка за счет включения в него новых акторов, участвующих в механизмах создания, утверждения и пополнения права (ТНК, МНПО, индивиды), полагают, что это приведет к расширению среды применения отдельных норм международного права, а главное – к изменению нормативных и институциональных структур мирового сообщества.

Главной движущей силой транзита мирового сообщества в направлении адаптации и приспособления к вызовам глобализации считаются МНПО (международные неправительственные организации). Они не обременены инерцией истории и сложившихся образцов поведения на международной арене, а потому активно осваивают новые сферы международной коммуникации, содействуя становлению новых отраслей и институтов международного публичного и частного права. Наиболее существен их вклад в дело «расширения и содействия демократии»: проведение мониторинга выборов, контроль за состоянием и соблюдением прав человека, подготовка проекта Конституций, обучение менеджменту, содействие размещению беженцев и вынужденных переселенцев и т. д.

Центральная роль МНПО в мировом политическом процессе проявилась в их регулярном участии в конференциях ООН по вопросам состояния окружающей среды, проблемам устойчивого развития, по правам человека. Члены МНПО официально представлены в таких структурах Организации, как МОТ, ОЭСР, ЮНЕСКО, ЭКОСОС.

Заслугой МНПО можно считать поставленную ими проблему «дефицита демократии» в деятельности международных межправительственных организаций и на глобальном уровне принятия решений в целом. В условиях широкого распространения ценностей демократии и прав человека требование МНПО сделать прозрачным процесс принятия решений за счет выработки четких процедур воспринимается как голос мировой общественности.

Действительно, по многим ключевым проблемам мировой политики до сих пор нет четких ответов на вопрос о том, кто выносит суждение в споре двух или нескольких государств по различным проблемам (пограничного размежевания, определения размера ущерба, причиненного трансграничным загрязнением и т. д.), кто формирует повестку дня ООН, выделяя приоритетные проблемы мирового развития, кто обеспечивает финансовые, материальные и кадровые ресурсы для решения глобальных проблем, наконец, кто применяет силу или порицание к предполагаемым или признанным нарушителям норм международного права. Решения, как правило, принимаются должностными лицами ООН и многочисленной бюрократией ее структурных подразделений, не считающих себя обязанными отвечать, чьи интересы они продвигают. Тем самым, МНПО выполняют не только функцию общественного контроля за принятием решений по глобальным вопросам, но выступают в роли своеобразных сдержек и противовесов по отношению к государствам как главным акторам традиционного миропорядка.

Конструктивная роль МНПО в переходе к новым принципам деятельности ООН проявляется в обнаружении ими альтернативных путей разрешения глобальных проблем на конференциях по вопросам экологии, прав человека, народонаселению, в обеспечении информацией, предложениях обсуждения новых направлений и путей международного сотрудничества. Таким образом, МНПО как не-

государственные участники мирового процесса не только заполняют пробелы в международном праве, которые национальные правительства и наднациональные структуры не могут осуществить сами, но во многом и корректируют повестку дня глобального сообщества.

В условиях расширения функций ООН как гаранта прогрессивного развития международного права важно следовать правилу «золотой середины»: неукоснительное соблюдение международных обязательств государствами-членами ООН должно сочетаться с повышением их ответственности за судьбы мира как главной, а, возможно, и единственной, универсальной ценности, формирующей основу современного и будущего международного правопорядка.

1. Ивонина О.И. (Новосибирск). От «вечного» к «либеральному миру»: судьба Кантовского проекта в современных теориях международного права // <http://www.rapn.ru/?grup=75&doc=142>.

2. Between sovereignty and global governance: the UN, the state and civil society. – N-Y., 1998.

3. Carothers Th. Promoting Democracy and Fighting Terror // Foreign Affairs. Jan. – Febr. – 2003.

4. Dupont P. La guerre et le droit: qu'elle espoir pour le XXI siecle? // Defence national. – 2001. – № 1.

5. From globalism to regionalism: new perspectives on U.S. foreign and defense policy. – Wash., 1999.

6. Gray Chr. International Law and the Use of Force. – Oxford, 2000.

7. McFaul M. The Liberty Doctrine // Policy Review. – № 112. April-May, 2002.

1. Ivonina O.I. (Novosibirsk). Ot «vechnogo» k «liberal'nomu miru»: sud'ba Kantovskogo proekta v sovremennyx teoriyax mezhdunarodnogo prava // <http://www.rapn.ru/?grup=75&doc=142>.

2. Between sovereignty and global governance: the UN, the state and civil society. – N-Y., 1998.

3. Carothers Th. Promoting Democracy and Fighting Terror // Foreign Affairs. Jan. – Febr. – 2003.

4. Dupont P. La guerre et le droit: qu'elle espoir pour le XXI siecle? // Defence national. – 2001. – № 1.

5. From globalism to regionalism: new perspectives on U.S. foreign and defense policy. – Wash., 1999.

6. Gray Chr. International Law and the Use of Force. – Oxford, 2000.

7. McFaul M. The Liberty Doctrine // Policy Review. – № 112. April-May, 2002.

UDC 301

THE UNITED NATIONS: A BRIDGE FROM THE PAST TO THE FUTURE OF INTERNATIONAL LAW

Ivonina Olga Ivanovna,

Novosibirsk State University of Economy and Management,
managing chair of international relations,
doctor of historical sciences, professor,
Novosibirsk, Russia,
E-mail: ivonina@ngs.ru

Annotation

The article provides an overview of different approaches to the UN and its role in the New World Order.

The author defines the general trend of research of the UN, transitioning from the handling of the UN as universal intergovernmental organization to its understanding as an institution of global governance. This trend was determined by changes in international security agenda.

Contemporary authors have focused on the financial and humanitarian aspects, peace-building, climate change and participation of non-state actors in UN activities.

The author concludes that the change in the structure, functions and agenda of the UN makes it a bridge from the past to the future of International Law.

Key words:

United Nations, International law, New World Order, non-state actors, international organizations.

УДК 659.4

ПАРАДОКС ЦЕЛОСТНОСТИ PR-ДИСКУРСА

Селезнева Лариса Васильевна,

Российский государственный социальный университет,
доцент кафедры русского языка и литературы,
кандидат филологических наук,
Москва, Россия,
E-mail: loramyz@yandex.ru

Аннотация

В статье ставятся вопросы, связанные с определением категории целостности, при исследовании которой в PR-дискурсе возникают трудности. Трудности обусловлены особенностями PR-дискурса: отсутствие единой предметной прикрепленности дискурса, тематического репертуара, стилистического единства, широкий спектр социальных сфер, в которых создаются объекты PR. Решение данной проблемы потребовало осмысления такого понятия, как архитектура дискурса. Автор предпринимает попытку рассмотреть PR-дискурс как генерирующий процесс создания PR-текстов, который проявляется в последовательном образовании и смене высказываний, создаваемых и контролируемых корпорацией.

Ключевые слова:

дискурс, дискурсивная формация, целостность, архитектура, креатор, референт, реципиент.

Подробности разбирают – целостность впечатляет.

Рубина Д. Синдром Петрушки

В работах по теории дискурса вопрос о целостности уже является общим местом, и достаточно полная разработка данной категории показала, что это конститутивное качество дискурса, которое придает ему характер упорядоченности, организованности, единства. Однако когда исследователь сталкивается с конкретными дискурсивными практиками, которые не соответствуют этим характеристикам, то этот вопрос становится актуальным. В частности, объектом нашего исследования является PR-дискурс, к особенностям которого можно отнести отсутствие

единой предметной прикрепленности дискурса, тематического репертуара, стилистического единства. Петербургский ученый С. А. Глазкова отмечает у PR-дискурса внутреннюю несогласованность и отсутствие единства [4]. Это приводит к парадоксальной ситуации: целостность является конститутивным свойством любого дискурса как системы, в то же время в первом приближении к объекту исследования создается впечатление, что целостность в PR-дискурсе отсутствует.

Если употреблять PR-дискурс как когерентный смысловой блок, который формируется по отношению к конкретным объектам в определенной обстановке, например, коммуникативное событие, которое манифестировано одним текстом, когда мож-

но определить границы каждого дискурса, то наблюдается тематическое, стилистическое, и структурное единство, обусловленное общей темой высказываний, относящихся к одному объекту; структурное единство, проявляющееся в триаде «креатор – референт – рецептор», репрезентирующих неизменные субъект – объект – адресат высказывания и стилистическое единообразие высказываний, т. е. в данном случае нет оснований для констатации «внутренней несогласованности» PR-дискурса.

Если же мы рассматриваем дискурс как комплексное коммуникативное событие в широком пространственном, временном и социальном контексте (как тип разговора, жанр или социальная формация, по Т. ван Дейку), то в данном случае сложно говорить о целостности PR-дискурса. Ведь Public Relations используется практически во всех сферах общественной жизни (политика, медицина, наука, образование, культура, спорт, туризм, экономика, бизнес и т. п.), соответственно, предметы и явления данных социальных сфер выступают в качестве объектов PR-дискурса. В связи с этим PR-дискурс не обладает собственным предметным критерием, т. е. содержанием высказываний выступает не Public Relations, а та сфера общественной жизни, в которой используется данная профессиональная практика.

PR-дискурс не обладает и единым тематическим репертуаром, который, вслед за Т. ван Дейком, понимают как диапазон возможных тем. Так, например, медицинская профессиональная практика связана со здоровьем человека, поэтому тематический репертуар медицинского дискурса ограничен темами, связанными с лечением и профилактикой заболеваний, укреплением здоровья и т. п. Тематический репертуар PR-дискурса разнообразен и зависит от того, в каких социальных сферах представлен PR как дискурсивные практики, формирующие объекты, о которых говорят. При этом ограничение тематического репертуара в PR-дискурсе зависит как

от «интересов, ценностей и социокультурных норм» [6] той социальной сферы, в которой используются PR-практики, так и от норм и ценностей самой сферы Public Relations.

PR-дискурс не обладает и стилистическим единством, которое выражается в жанрово-стилистических категориях, характеризующих тексты «в плане их соответствия функциональным разновидностям речи (стилевая принадлежность, жанровый канон, клишированность, степень амплификации / компрессии)» [7].

Сопоставим бекграундеры двух компаний ПАО «ФСК ЕЭС» (текст 1) и Royal event (текст 2).

1. О компании. Публичное акционерное общество «Федеральная сетевая компания Единой энергетической системы» (ПАО «ФСК ЕЭС») создано в соответствии с программой реформирования электроэнергетики Российской Федерации как организация по управлению Единой национальной (общероссийской) электрической сетью (ЕНЭС) с целью ее сохранения и развития.

Постановлением Правительства РФ от 11.07.2001 № 526 «О реформировании электроэнергетики Российской Федерации» Единая энергетическая система России признана «общенациональным достоянием и гарантией энергетической безопасности» государства. Основной ее частью «является единая национальная энергетическая сеть, включающая в себя систему магистральных линий электропередачи, объединяющих большинство регионов страны и представляющая собой один из элементов гарантии целостности государства». Для ее «сохранения и укрепления, обеспечения единства технологического управления и реализации государственной политики в электроэнергетике» было предусмотрено создание ФСК ЕЭС.

В постановлении Правительства Российской Федерации от 21.12.2001 № 881 были утверждены критерии отнесения к ЕНЭС магистральных линий электропередачи и объектов электросетевого хозяйства.

Уставный капитал ПАО «ФСК ЕЭС» составляет 633 570 508 рублей 00 копеек и разделен на 1 274 665 323 063 штук обыкновенных акций номинальной стоимостью 50 копеек каждая.

В собственности ОАО «Россети» находятся 80,13% размещенных акций ПАО «ФСК ЕЭС», в собственности миноритарных акционеров – 19,28% акций Федеральной сетевой компании, Росимущество – 0,59%. (<http://www.fsk-ees.ru/about/> (дата обращения: 11.07.2015)).

2. О нас: Вам хочется роскошного и неповторимого праздника? Вы на верном пути! Компания Royal-event возьмет на себя все заботы о проведении любого торжества, и вам не придется беспокоиться ни об одной, даже самой маленькой детали.

Наша компания образовалась в 2007 году, и с тех пор с каждым днем мы растем и развиваемся. Каждый новый клиент помогает нам расширять границы наших возможностей и способностей, и каждый очередной заказ – это новое испытание и новая игра для всех членов нашей команды. Мы работаем только с профессионалами. Если кондитеры – то те, у которых самые вкусные торты в городе, если фотографы – то те, за чьи снимки нам непременно скажут спасибо, если музыканты – то настоящие звезды.

Мы действительно можем пригласить на ваше торжество звезд любой величины – и тогда ваш праздник превратится в настоящее Событие – такое, о котором потом еще долго будут вспоминать ваши друзья и знакомые. А если ваша страсть – не музыка, а, например, кино, мы организуем для вас игру в настоящие киносъемки, и снимать свой собственный фильм вам помогут лучшие профессионалы в этой области.

Но конечно же, Royal-event – это не только кино и музыка. Мы организуем свадьбы в любой стране мира и в самых разных традициях. Мы берем на себя все – от букета невесты до свадебного оркестра, от оформле-

ния авиабилетов для ваших гостей до дизайна гостевых карточек, которыми будет украшен свадебный стол. Мы знаем, что вы – люди занятые, поэтому делаем так, чтобы вы потратили на подготовку мероприятия минимум времени и усилий, и никогда не беспокоим вас по пустякам. Мы внимательно выслушиваем ваши пожелания и с радостью исполняем ваши капризы, а в случае, если вы пока что не очень хорошо представляете себе, чего бы вам хотелось, с удовольствием даем советы – уж что-что, а свадьбы и другие праздники – это наш конек, и в этом деле мы знаем буквально все!

Мы организуем как частные, так и корпоративные мероприятия, и каждый праздник, устроенный нами, неповторим и уникален. Вы можете придумать для своего юбилея, корпоратива, выезда на team-building или детского дня рождения любую тему, и мы поможем вам осуществить свои самые яркие мечты. Если же четкого плана у вас нет – не беспокойтесь, мы составим его сами!

Ждем Вас в офисе, который находится по адресу: г. Москва, ул. Тверская д. 24/2.

Звоните по телефонам +8 (495) 545–16–91, +8 (916) 620–00–26, +8 (916) 919–59–09 или пишите нам на корпоративную почту: info@r-event.ru.

Коллектив компании «Royal-event» (<http://r-event.ru/o-nas> (дата обращения: 29.06.2015)).

Данные тексты размещаются на корпоративных сайтах в рубриках «О нас», «О компании», и в соответствии с жанровыми канонами их можно отнести к бекграундерам. Бекграундер представляет собой жанр PR-тестов, нарративная структура которого включает информацию об организации, историю ее возникновения и развития. При этом тексты стилистически разнородны.

Текст 1 отличается минимальной степенью выраженности авторского «я», официальностью, для него характерна точность в изложении фактов, ссылки на официаль-

ные документы, цифры, что характерно для формата делового дискурса. Для текста 2 характерно проявление авторского «я», субъективная модальность и оценочность. Данный бекграундер построен на диалоге с вымышленным читателем – предполагаемым клиентом, поэтому лексико-грамматические особенности данного текста (например, разговорные слова и выражение, типа *наш конек, компания образовалась, вы потратили минимум время и усилий, организовываем и т. п.*) близки разговорному дискурсу, а использование приемов привлечения внимания сближает текст с рекламным дискурсом. Если в тексте 1 формируется имидж компании как одной из крупнейших организаций России, которая является «общенациональным достоянием и гарантией энергетической безопасности» государства, то в тексте 2 – имидж друга и помощника в проведении праздника. Легко увидеть в текстах различные лексико-грамматические черты и разный набор разительных средств.

Таким образом, PR-дискурс в первом приближении представляет собой некую совокупность разрозненных элементов, в которых отсутствует тематическое и стилистическое единство, и данный факт нацеливает нас на выявление закономерностей (правила, отношения) между его элементами, которые и создают его целостность. При этом необходимо не только анализ отношений между инстанциями, но и определение основополагающего принципа (или принципов), о котором справедливо пишет Е. В. Сидоров, отмечая, что «целостность системы выражается не столько в связи подсистем между собой, сколько в наличии единого общесистемного функционального и одновременно прагматического отношения, связывающего подсистемы» [11, с. 72].

Нам известно всего лишь несколько работ, рассматривающих PR-дискурс в целостности и идентичности его природы, как комплексный объект дискурсивного анализа [16; 4; 8; 10; 12]. При этом PR-дискурс рассматри-

вают, с одной стороны, как единую знаковую систему [8; 10], с другой – как совокупность дискурсивных практик, т. е. как специфический способ и правила организации коммуникации определенного вида [16; 4; 12]. Так, В. Н. Степанов в качестве базовой категории PR-дискурса использует провокативность, которая формируется в результате процесса провоцирования. Схему этого процесса автор изображает как логическую цепочку: потребность > интенциональное состояние > намерение репрезентировать (продемонстрировать) интенциональное состояние (намерение подразумевания) > коммуникативное намерение (иллокутивная цель) [12, с. 147]. Безусловно, PR-дискурс, как и любой дискурс, оказывает воздействие на адресата и элементы провокативности как передачи психологических состояний аудитории используются в нем. Однако, на наш взгляд, провокативность не является базовой категорией PR-дискурса, поскольку в дискурсе реализуется главная стратегия PR – стратегия комплиментности, или доверия [3].

Итак, речь идет об определении основополагающего принципа, на основе которого можно говорить о целостности дискурса. Мы рассматриваем целостность дискурса, вслед за французской лингвистической школой, не в его замкнутости, а в его пространственной и темпоральной дискретности, воспринимаемая дискурсивные формации в их расчлененности, открытости и неоднородности. Как отмечал М. Фуко: «Дискурсы должны рассматриваться как прерывные практики, которые перекрещиваются, иногда соседствуют друг с другом, но также и игнорируют или исключают друг друга» [15, с. 79].

Лингвистика традиционно соотносила качество целостности с текстом и трактовала его как содержательную категорию, как «соответствие содержания текста его форме в объеме, определяемом создателем текста, его транслятором или промежуточным потребителем для выполнения установленных ими коммуникативных целей» [2, с. 18].

Безусловно, рассматривая текст как «информационный след дискурса», мы интуитивно переносим качество целостности и на дискурс. Однако целостность дискурса и целостность текста – понятия взаимообусловленные, но разные: целостность текста представляет собой целостность объекта как системы, а целостность дискурса – это целостность генеративного, структуропорождающего процесса.

Поэтому проблема целостности дискурса потребовала осмысления таких понятий, как архитектура дискурса. Понятие «архитектура» обычно относят к художественному целому, которое представляет собой не только построение художественного произведения, но и взаимодействие его частей. Введенное в дискурс-анализ данное понятие представляет собой некую конфигурацию «таких моментов целого, которые ни в каком частном случае не могут быть сняты, вынесены за скобки, элиминированы» [13]. К таким моментам дискурса, а лучше сказать инстанциям, относятся адресант (креатор), объект (референт) и адресат (рецептор).

Данные инстанции составляют коммуникативную структуру дискурса, и взаимосвязь между ними, реализуемая в дискурсе, – это его архитектура. Учитывая, что главной целью Public Relations является установление гармоничных отношений с аудиторией, можно предположить, что «взаимодействие сознающих мир субъектов» является онтологической природой PR-дискурса, и анализ архитектуры позволяет выявить закономерности PR-дискурса и говорить о его целостности. PR-дискурс рассматривается как процесс текстообразования (и его продукт) и структурообразования в рамках определенной корпорации.

Корпорация является одной из основных способов организации деятельности людей, по которому строятся различные политические, социальные общества, объединения, финансовые и бизнес-структуры. Именно корпорация, выступающая в качестве креа-

тора и референта, стала тем типологическим звеном в архитектонике PR-дискурса, которое позволило определить закономерности и правила формирования PR-дискурса, представить совокупность PR-текстов в целостности как систему, а также учесть особенности Public Relations.

Процесс порождения текста на дискурсивном уровне представляется сменой фаз, обусловленных триадой интенций: креативной, рецептивной и референтной. Креативная фаза опосредована действиями адресанта (создателя высказывания) и состоит в направленности на использование языка, при этом предполагается активная позиция говорящего в какой-либо предметно-смысловой сфере. Рецептивная фаза – это фаза восприятия текста, в которой проявляется активная позиция адресата, и которая состоит «в рефлексивной направленности на самое сознание» [13, с. 81]. На этой фазе реципиент воспринимает то, что произведено в рамках креативной составляющей. В основе референтной фазы лежит референтная интенциональность дискурса, которая состоит, по точному описанию В. И. Тюпы, «в направленности взаимодействующих субъектов сознания на некоторый объект» [13, с. 81]. На данной фазе объект действительности становится темой и высказывание (текст) приобретает относительную предметно-смысловую завершенность, т. к. высказывание создается «в определенных условиях, при определенном положении вопроса, на определенном материале, при данных, поставленных автором целей, т. е. уже в пределах определенного авторского замысла» [1, с. 270].

При этом для дискурса онтологическим признаком являются коммуникативные компетенции, т. е. возможности дискурса, которые находят свое применение в каждой конкретной дискурсивной формации и определяют отношения дискурса с языком, сознанием и реальным миром. Коммуникативные компетенции, разработанные А. Ж. Греймасом [5] и выводимые им из имманентной организации высказывания как непосредственно при-

надлежащие к тому или иному типу дискурса, определяют параметры каждой инстанции.

Креативная компетенция – это некая инвариантная форма авторства. Она может быть представлена многообразными профессиональными формами авторства, о которых писал еще М.М. Бахтин [1] и актуализирована в дискурсивной формации как узурпированная и условная, индивидуальная или коллективная и т. п. форма авторства.

Когда мы говорим о дискурсивной формации PR, то в ней преобладает коллективно-протагонистическая форма авторства, которая обусловлена главной ролью корпорации и ее функцией как инициатора общения. Индивидуальная форма авторства в PR-дискурсе возможна лишь в некоторых случаях, когда автор имеет высший статус в корпорации. Все остальные формы представляют собой узурпированные и условные, когда автор пишет от лица кого-то, сохраняя его тон, стиль, либо автор указан, но он выражает позицию корпорации, а не личную точку зрения. Важным компонентом, определяющим целостность дискурса, выступает единая позиция автора, представленная в разных формах авторства.

Под позицией автора мы понимаем точку зрения, которая экстраполирована корпорацией и представлена в дискурсивной формации как единая и независимая от модификаций базовых форм авторства. Процедуру перехода в дискурсивную позицию М. Пеше описывает следующим образом: «Обращение к индивиду как к субъекту его речи осуществляется путем идентификации (субъекта) с дискурсивной формацией, которая над ним господствует (иными словами, в которой он создается как субъект» [9, с. 268]. Позиция автора – это выраженное отношение к чему-то: к действительности, к собственному сообщению. Поэтому важным компонентом дискурса выступает модальность высказывания, которая и определяется отношением к действительности (объективная модальность) и к сообщаемому (субъективная мо-

дальность). Смысловую основу субъективной модальности образует понятие оценки в широком смысле слова, которое рассматривается нами в PR-дискурсе как его важная категория.

Рецептивная компетенция дискурса, носителем которой выступает текст, проявляется на рецептивной фазе дискурса и представляет собой соотношенность двух сознаний: субъекта и адресата. При этом рецептивную компетенцию дискурса можно считать ведущей, т. к., во-первых, дискурс всегда ориентирован на определенного адресата как на участника коммуникации, который воспринимает текст; во-вторых, исходя из своих представлений об адресате, креатор выбирает ту или иную стратегию при построении текста, тем самым реализуя базовую интенцию адресованности (термин В.И. Тюпы).

Референтная компетенция дискурса определяет его отношение с действительностью и «режим существования объекта», т. е. те правила, по которым факты отбираются и становятся объектами дискурса вообще, и в частности PR-дискурса. Корпорация выступает не только субъектом дискурса, но и объектом, т. е. референтом дискурса. Формирование объектов PR-дискурса происходит в процессе создания совокупности высказываний как некоего единства, которое складывается, с одной стороны, в результате отбора объектов действительности, так называемого процесса спецификации (по М. Фуко), а с другой – в результате работы с языковым материалом. Объект действительности становится темой, и высказывание (текст) приобретает относительную предметно-смысловую завершенность, т. к. высказывание создается «в определенных условиях, при определенном положении вопроса, на определенном материале, при данных, поставленных автором целях, т. е. уже в пределах определенного авторского замысла» [1, с. 270]. Это референтная фаза формирования дискурса, в процессе которой креатор в результате отбора формирует объектное поле дискурса, которое должно

способствовать положительному имиджу корпорации. Объект недискурсивной формации становится объектом PR-дискурса, если он связан с корпорацией.

Подводя итог нашим рассуждениям, можно сказать, что целостность PR-дискурса формируется в результате конфигурации инстанций (креатор – референт – реципиент) и представляет собой процесс порождения текста как смену креативной, рецептивной и референтной фаз. В данном аспекте мы понимаем PR-дискурс как генерирующий процесс создания PR-текстов, который проявляется в последовательном образовании и смене высказываний, образуемых и контролируемых корпорацией.

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
2. Богданов В.В. Текст и текстовое общение. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет. – 1993. – 68 с.
3. Буари Ф.А. Паблик рилейшнз или стратегия доверия. – М.: Инфра-М, ИМИДЖ-Контакт, 2001. – 178 с.
4. Глазкова С.А. «PR-общественность» или «целевая аудитория: проблемы дискурса паблик рилейшнз // Петербургская школа PR и рекламы: от теории к практике. Вып. 4: Сб. статей / Отв. ред. А.Д. Кривоносов. – СПб.: Роза мира, 2006. – с. 44–52.
5. Греймас А.-Ж. Структурная семантика: Поиск метода. – М.: Академический Проект, 2004. – 368 с.
6. Дейк, ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: пер с англ. / Т.А. ван Дейк / сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова; Вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
8. Оломская Н.Н. Прагматические и функциональные аспекты формирования дискурса PR (на материале исследований теледискурса, радиодискурса, компьютерного дискурса и рекламного дискурса): Монография. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, Просвещение-Юг, 2011. – 329 с.
9. Пешё М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 1999. – С. 225–290.
10. Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR-дискурс: теоретико-методологический анализ. – Екатеринбург: УрО РАН, Институт международных связей, 2008. – 340 с.
11. Сидоров Е.В. Порядок текста: монография. – М.: изд-во РГСУ, 2011. – 208 с.
12. Степанов В.Н. К дефиниции категории «PR-дискурс» // Петербургская школа PR: от теории к практике. Вып. 4: Сб. статей / Отв. ред. А.Д. Кривоносов. – СПб.:

Роза мира, 2006. – С. 142–149.

13. Тюпа В.И. Архитектоника коммуникативного события (к первоосновам коммуникативной дидактики) // ДИСКУРС – 1/96. [Электронный ресурс]. URL: http://nsu.ru/education/virtual/discourse1_6.htm.

14. Тюпа В.И. Дискурсивные формации. Очерки по компаративной риторике. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 320 с.

15. Фуко М. Порядок дискурса. Инаугурационная лекция в Колледж де Франс, прочитанная 2 декабря 1970 года // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996. – с. 49–96.

16. Bhatia V.K. Interdiscursivity in professional communication // Discourse & Communication. – Vol. 4. – № 1. – February 2010. – pp. 32–50.

1. Baxtin M.M. E'stetika slovesnogo tvorchestva / Sost. S.G. Bocharov. – M.: Iskusstvo, 1986. – 445 s.

2. Bogdanov V.V. Tekst i tekstovoe obshhenie. – SPb.: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet. – 1993. – 68 s.

3. Buari F.A. Pablik rileyshnz ili strategiya doveriya. – M.: Infra-M, IMIDZh-Kontakt, 2001. – 178 s.

4. Glazkova S.A. «PR-obshhestvennost'» ili «celevaya auditoriya: problemy diskursa pablik rileyshnz // Peterburgskaya shkola PR i reklamy: ot teorii k praktike. Vyp. 4: Sb. statej / Otv. red. A.D. Krivonosov. – SPb: Roza mira, 2006. – S. 44–52.

5. Grejmas A.-Zh. Strukturnaya semantika: Poisk metoda. – M.: Akademicheskij Proekt, 2004. – 368 s.

6. Dejk, van T.A. Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya: per s angl. / T.A. van Dejk / sost. V.V. Petrova; pod red. V.I. Gerasimova; Vstup. st. Yu.N. Karaulova i V.V. Petrova. – M.: Progress, 1989. – 312 s.

7. Karasik V.I. Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002. – 477 s.

8. Olomskaya N.N. Pragmaticheskie i funkcional'nye aspekty formirovaniya diskursa PR (na materiale issledovaniy telediskursa, radiodiskursa, komp'yuternogo diskursa i reklamnogo diskursa): Monografiya. – Krasnodar: Kubanskij gos. un-t, Prosveshhenie-Yug, 2011. – 329 s.

9. Peshyo M. Propisnye istiny. Lingvistika, semantika, filosofiya // Kvadratura smysla: Francuzskaya shkola analiza diskursa. – M.: Progress, 1999. – S. 225–290.

10. Rusakova O.F., Rusakov V.M. PR-diskurs: teoretiko-metodologicheskij analiz. – Ekaterinburg: UrO RAN, Institut mezhdunarodnyx svyazej, 2008. – 340 s.

11. Sidorov E.V. Poryadok teksta: monografiya. – M.: izd-vo RGSU, 2011. – 208 s.

12. Stepanov V.N. K definicii kategorii «PR-diskurs» // Peterburgskaya shkola PR: ot teorii k praktike. Vyp. 4: Sb. statej / Otv. red. A.D. Krivonosov. – SPb.: Roza mira, 2006. – S. 142–149.

13. Tyupa V.I. Arxitektonika kommunikativnogo sobytiya (k pervoosnovam kommunikativnoj didaktiki) // DISKURS – 1/96. [E'lektronnyj resurs]. URL: http://nsu.ru/education/virtual/discourse1_6.htm.

14. Tyupa V.I. Diskursivnye formacii. Oчерки

po komparativnoj ritorike. – M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2010. – 320 s.

15. Fuko M. Poryadok diskursa. Inauguracionnaya lekcija v Kolledzh de Frans, pročitannaya 2 dekabrya 1970 goda // Fuko M. Volya k istine: po tu storonu znaniya,

vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyx let. – M.: Kastal', 1996. – s. 49–96.

16. Bhatia V.K. Interdiscursivity in professional communication // Discourse & Communication. – Vol. 4. – № 1. – February 2010. – pp. 32–50.

UDC 659.4

THE PARADOX OF THE INTEGRITY OF PR-DISCOURSE

Selezneva Larisa Vasilievna,

Russian State Social University,
Senior lecturer of chair,
Candidate of Philological Sciences,
Moscow, Russia,
E-mail: loramyz@yandex.ru

Annotation

The article raises questions related to the definition of the category of integrity, during the study of which in the PR-discourse difficulties arise. The difficulties are due to the peculiarities of PR-discourse: the lack of a single subject of attachment discourse, thematic repertoire, stylistic unity, a wide range of social sectors, in which objects of PR are created. The solution of this problem required the understanding of such concepts as the architectonics of discourse. The author attempts to consider the PR discourse as a generating process of creating the PR-texts, which manifests itself in the sequential formation and change of statements generated and controlled corporation.

Key words:

discourse, discursive formation, integrity, architectonics, creator, referent, recipient.

УДК 81.32

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ АГРИКУЛЬТУРЫ: КРИТЕРИИ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Сухова Елена Александровна,

Волгоградский государственный аграрный университет,
доцент кафедры иностранных языков,
кандидат филологических наук,
Волгоград, Россия,
E-mail: elenasukhovavolgau@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются практики аграрного или сельского хозяйственного дискурса, понимаемого как личностно-ориентированный и институциональный типы коммуникации в сфере взаимодействия производителей сельскохозяйственной продукции как участников агросферы – одной из областей производства, обработки и потребления сельскохозяйственной продукции (агрономия, растениеводство, садоводство, ветеринария, зоотехния, механизация и электрификация сельского хозяйства, мелиорация и орошение сельскохозяйственных земель, экология почв и водной среды, аква- и ихтиокультура, агротуризм). Изучается когнитивная модель данного типа дискурса, исследуются знаки-прагматонимы, получающие лингвосемиотическую актуализацию в агро- или сельскохозяйственном дискурсе. Предлагается типология данной дискурсивной сферы, которая детерминирована критериями наличия исследовательской составляющей в лингвосемиотическом пространстве описания дискурсивной практики; рефлексией планирования результатов сельскохозяйственного труда в институтах, регулирующих аграрное производство; рефлексии собственно результатов агропроизводства в масс-медиа, социальных сетях, интервью с агропроизводителями и т. п.

Ключевые слова:

агрикультура, дискурс, знак, лингвосемиотика, прагматоним.

Агродискурс или сельскохозяйственный дискурс представляет собой личностно-ориентированный и институциональный типы коммуникации в сфере взаимодействия производителей сельскохозяйственной продукции как участников агросферы – одной из областей производства, обработки и потребления сельскохозяйственной продукции (агрономия, растениеводство, садоводство, ветеринария, зоотехния, механизация и электрификация

сельского хозяйства, мелиорация и орошение сельскохозяйственных земель, экология почв и водной среды, аква- и ихтиокультура, агротуризм) [2].

Таким образом, понятно, что дискурс агрикультуры – явление отнюдь не монолитное: он представляет собой конгломерат различных типов и видов дискурсов – агрономического, ветеринарного, экономического, агротехнологического (механизации сельско-

го хозяйства), эколого-гидромелиоративного, электро-технологического, а также дискурса агротуризма. Это обстоятельство заставляет говорить не просто об отдельном типе дискурса, но о дискурсивных практиках, детерминирующих его агрегатное состояние: права О. С. Иссерс, когда отмечает, что «... применительно к дискурсивным практикам речь может идти о появлении новых коммуникационных каналов, смешении дискурсов и кодов (интердискурсивность, поликодовость), а также формировании новых идентичностей и идеологий, стимулирующих трансформацию дискурсов» [1, с. 231].

Понятие *дискурсивной практики* Мишелем Фуко дефинируется как «...совокупность анонимных исторических правил, всегда определённых во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического пространства условия выполнения функции высказывания» [5, с. 117]. Следуя этой дефиниции дискурсивных практик, К. М. Шилихина утверждает, что «...наличие системы правил организации дискурса с точки зрения говорящего и правил интерпретации высказываний как действий определённого типа является необходимым условием для общения и создания взаимоотношений. Понятие дискурсивной практики может быть применено к фрагменту дискурса любого объёма: от реплики в диалоге до нарратива. Важно, что в этих фрагментах создаётся один и тот же тип отношений между участниками дискурса, поскольку участники коммуникации «играют» по общим правилам создания и интерпретации дискурса» [6, с. 185].

Когнитивная модель данного типа дискурса цементирует весь пласт *агрикультуры* как семиотического образования, составляющего значительную часть общечеловеческой культуры (не путать с *агрокультурой* – научным агрономическим термином, обозначающим классификационный тип или вид

возделываемого человеком растения – злака, огородных или садовых растительных культур), и включает в себя соответствующий хронотоп, участников (агенты и клиенты – производители и потребители агропродукции), инструменты, объекты и условия выращивания, добычи, переработки и потребления. В рамках этой модели в дискурсе происходит лингвосомиотическая актуализация *знаков-прагматонимов* (термин Н. В. Подольской [3] и А. В. Суперанской [4]), понимаемых как «... условно объединяемые группы номинативных единиц, имеющих денотаты в прагматической сфере деятельности человека: предметы домашней утвари, мебель, продукты питания, одежда, точки питания» [3, с. 110] и образующих систему концептов и номинаций агропромышленной тематики.

К знакам-прагматонимам, получающим лингвосомиотическую актуализацию в агроили сельскохозяйственном дискурсе, относятся следующие, вербально эксплицированные образования.

Во-первых, это собственно прагмаконцепт «Земля», который представляет собой универсальный концепт, содержащий топографические (территория посевов, огородов, садов, зоны выращивания и культивирования аква- и ихтиокультур, выпаса скота), агрономические (культивация растений) и институциональные (легитимность прав собственности на землю) аспекты [2, с. 147]. Он фиксирует, с одной стороны, общечеловеческие ценности, связанные с существованием *Homo sapiens* как биологического вида в ракурсе его потребности в выживании, а с другой – этноспецифичность ценностей и своеобразие той или иной этнокультуры в целом, рефлектируя особенности ментальности того или иного этноса, что позволило считать данный концепт универсальным, общечивилизационным и этноспецифическим концептом, ключевым для любой лингвокультуры. Кроме того, он является ключевым для объемного участка картины мира, исследуемого и осваиваемого

этносоциумами. Его номинативными экспликациями выступают такие прагматонимы, как *поле, пашня, почва, луг, выпас, борозда, грядка, ряд, чеки* и т. п. Данный концепт входит своей частью в топос описываемого здесь дискурса.

Во-вторых, это знаки-ресурсонимы, денотирующие производимые в ходе функционирования сельскохозяйственных организаций и объединений (фермерских хозяйств, частных и государственных владений земель) продовольственные продукты. К ним относятся: а) агрикультурные номинации продовольственных растений (*зерно, рис, пшеница, рожь, просо, горох, нут, сорго, чечевица, фасоль, бобовые, ячмень, овёс* и т. д.); б) агрикультурные номинации плодовоовощных агрикультур (*яблоки, сливы, виноград, абрикосы, морковь, капуста, баклажаны, томаты, огурцы, арбузы, тыква, кабачки* и т. п.); в) номинации *сельскохозяйственных животных*, выращиваемых для мясной и молочной промышленности по переработке мяса и молока, а также птицы, выращиваемой для производства и переработки мяса и получения яиц; г) номинации *рыб, моллюсков и ракообразных*, вылавливаемых в естественных и разводимых в искусственных условиях для продовольственного потребления; д) номинации видов производств, на которых хранится, обрабатывается и производится продукция агропромышленного комплекса (*элеватор, ферма, птицефабрика, ток, цех, бойня, молокозавод* и т. п.).

В-третьих, это знаки-инструментативы как номинации инструментов обработки земли и производства сельскохозяйственной продукции. К ним относятся: а) инструменты и механизмы подготовки почвы к севу, сева зерновых и сбора их урожая (*борона, сеялка, комбайн, трактор, культиватор, картофелеуборщик, плуг, грабли, тяпка* и т. п.); б) инструменты для дойки коров и последующей переработки молока и создания молочных продуктов (*дойный аппарат, се-*

парат и т. п.); в) электрооборудование для выполнения сельхозработ; г) лекарственные средства для лечения и ухода за сельскохозяйственными животными; д) теплицы для выращивания и культивирования сельскохозяйственных растений и цветов; е) бассейны и аппаратура для выращивания молоди рыб, моллюсков, ракообразных и лягушек на экспорт во Францию; ж) ульи и оборудование для промышленных пчел как средств производства мёда; з) удобрения и средства химической обработки растений против насекомых-вредителей, диких птиц и грызунов; и) оборудование для полива посевов и гидромелиоративное оборудование; к) винодельческое оборудование (орудия обработки виноградников и средства производства вина и коньяка – *бочки, давилни, прессы, перегонные кубы* и пр.).

В-четвертых, в агрикультурном дискурсообразовании и дискурсоразвертывании участвуют знаки экономического кластера; они используются для ведения учета доходов и расходов в агрикультурной сфере.

В-пятых, участниками агрикультурного дискурсообразования и дискурсоразвертывания выступают его агенты – работники агро-сферы (*комбайнеры, водители, операторы машинного доения, птичники, ихтиологи, агрономы, механики, электрики, сотрудники биохимических лабораторий, ветеринары, зоотехники, сенозаготовители, экономисты, руководящий состав ферм* и государственных предприятий, ранее в советское время имевших наименование колхозов и совхозов, а в пост-перестроечный период в России получивших статус акционерных обществ или обществ с ограниченной ответственностью). В определенном смысле участниками агрикультурного дискурсообразования и дискурсоразвертывания выступают *дачники* – население городов, имеющее участки земли в садоводческих и огороднических товариществах. Клиентами данного типа дискурса выступают сами *потребители* сельскохозяй-

ственной продукции и *работники торговых предприятий*, осуществляющих поставку и продажу сельскохозяйственной продукции потребителям.

В рамках российского агрикультурного общения интенсивно эксплуатируются диалектные формы речевого взаимодействия жителей той или иной сельской местности, где они ведут свою трудовую деятельность. В русскоязычный агрикультурный дискурс повсеместно сегодня вовлекаются креативные элементы народного устного творчества (байки, частушки, народные песни, присказки, народные сказы и сказки, мифы и легенды), предрассудочные феномены, народные приметы и предубеждения, а также художественные народные элементы (народные ремесла, народные танцы, одежда), формы сельского досуга (сбор ягод и грибов, рыбалка и охота, посещение сельского клуба или дискотеки, «хождение в гости», «посиделки на завалинке» и т. п.) и гастрономическая (глуттономическая) составляющая (крестьянская еда, народные блюда).

У агро- или сельскохозяйственного дискурса наличествуют тесные связи с *научным дискурсом*, поскольку в сельском хозяйстве и агросфере в целом присутствуют и когнитивно осваиваются знания о земле, её биосфере, почве, природных ресурсах, экономике хозяйствования и гуманитарного аспекта проживания в сельской местности. Кроме того, в последнее время прослеживается взаимосвязь с *туристическим дискурсом*, поскольку в сельской местности стали открываться маршруты агротуризма и сельского туризма, появились сельские гостевые дома и крестьянские этноусадьбы. Любопытство посещающих эти маршруты провоцирует также гастрономическое этнодискурсоразвертывание, поскольку велик интерес к блюдам, приготовляемым в конкретной сельской местности и из специфических для нее продуктов.

Дискурсивные практики агрикультуры, таким образом, складываются в целую

лингвосемиотическую систему научных и практических знаний, получающих дискурсоразвертывание в виде специфических нарративов, смысловой «рисунк» которых базируется на знаках-прагматонимах соответствующей подсистемы знаний – агрономической, ветеринарной, экономической, агротехнологической (механизации сельского хозяйства), эколого-гидромелиоративной, электро-технологической и агротуристической.

Подобная когнитивная системность аграрных нарративов дает возможность типологизации собственно дискурсивных практик агрикультуры; как представляется, типология данной сферы зиждется на следующих критериях:

– наличие исследовательской составляющей в лингвосемиотическом пространстве описания дискурсивной практики;

– рефлексия планирования результатов сельскохозяйственного труда в институтах, регулирующих аграрное производство;

– рефлексия собственно результатов агропроизводства в масс-медиа, социальных сетях, интервью с агропроизводителями и т. п.

Ниже приведем примеры актуализации англоязычных дискурсивных практик с исследовательской составляющей.

1. Сфера агротехнологии. В приводимом отрывке из учебника по механизации сельского хозяйства реализованы дискурсивные практики дескрипции трактора как инструмента сельскохозяйственного производства, точнее, дескрипции его конструкции (выделены жирным), его функций (подчеркнуты в тексте) и его типы в зависимости от выполнения этих функций (выделены курсивом):

The tractor is a basic and most useful machine. At present the main function of tractors is to provide mobile power for a wide range of agricultural operations and all principal industries. Tractors may be used for numerous tasks in agriculture such as plowing, planting, cultivating, fertilizing, harvesting as well as for

transport and to supply power for machinery through the PTO-shaft.

It is impossible to design a tractor performing all these jobs with the same efficiency and economy. That's why tractors are provided with certain features. All modern tractors can be classified according to the work they perform. The main groups are *agricultural tractors, powerful road transport tractors and special tractors*. Tractors may be also classified as *wheel tractors* and *track laying tractors*. *Agricultural tractors* include general-purpose or *row-crop tractors* and *garden tractors*. *General-purpose tractors* can pull agricultural mounted or trailed machinery. Various implements are adjusted on the tractor by means of **3-point linkage**. Tractors operate **with plows, drillers, mowers, harrows**, etc. *Row-crop tractors* include both **three wheel and four-wheel machines**, which are able to operate between crops drilled in rows. They are designed for planting, cultivating and harvesting corn, cotton and vegetable crops. *Garden tractors* are constructed for work in gardens and orchards. They are lower than the standard four-wheel tractors in order to operate closer to trees and vines. And the **tyres are made of smaller diameter** because orchard soils are light and loose. *Powerful transport tractors* have higher road speed. They are equipped with **load carrying platforms**. *Special tractors* are equipped with **auxiliary devices, such as graders, blades, scoops, diggers**, etc. Tractors can differ in model and in size, but they must have some typical constructional features. They are: **a powerful engine, a transmission system, a drawbar, a 3-point linkage to mount implements, a hydraulic system to lift and lower machinery, a PTO-shaft to drive machines, and pneumatic wheels or tracks.**

2. *Сфера производства продуктов из агросырья*. Здесь исследовательская составляющая реализована при помощи дискурсивной практики дескрипции технологии изготовления продукта потребления:

TECHNOLOGY OF BREADMAKING

Bread is a valuable food. Excellent bread can be made with flour, yeast, salt and water. Other ingredients may be added, such as sugar, fat, eggs, milk, nuts and fruit. The first basic step in the production of bread is the mixing of the ingredients to form a dough. This process takes place in mixers. The mixed dough undergoes the second main stage of bread production called fermentation. At this time the yeast changes sugar to carbon dioxide and alcohol and the volume of the dough increases. The fermented dough is cut into pieces by a dividing machine. The dough pieces are taken to the next machine called a rounder. The function of this machine is to round the dough pieces into the form of a ball. The rounded dough balls are then subjected to a short fermentation period called intermediate proofing. After that a special moulding machine shapes the dough pieces into a loaf form. The moulded dough pieces undergo the final proofing in large chambers called oof boxes. The last and most important step in the production of bread is the baking process, which is performed in the ovens.

В основе этой практики лежит актуализация значений знаков-прагматонимов: наименований а) ингредиентов конечного продукта (flour, yeast, salt, water, sugar, fat, eggs, milk, nuts, fruit); б) этапов производства и процессов, их сопровождающих (mixing of the ingredients to form a dough; fermentation; dividing; intermediate proofing; moulding; final proofing; baking).

3. *Эколого-гидромелиоративная сфера*. Дискурсивная практика в данной сфере сводится к дескрипции видов и типов ирригации как важного процесса подготовки почвы к сельскохозяйственным операциям; типы и виды ирригации оязыковлены в соответствующем исследовательском дискурсе в виде знаков-прагматонимов (подчеркнуты):

IRRIGATION

There are three general methods of applying irrigation water to the land. In the surface irrigation the water either is ponded on the soil or allowed to flow continuously over the soil surface for the duration of the irrigation. In sprinkler irrigation the water is conveyed above the field in pipes, and the soil acts as a storage reservoir. In subirrigation the water flows underground, and the capillary water moves upward toward the surface of the land. Surface irrigation includes the general methods of flood and furrow and corrugation irrigation. In flood irrigation, water is permitted to cover the surface of the land in a continuous sheet. Flood irrigation includes several methods: border strip, basin, contour or bench border irrigation, wild flooding and others. The object of border strip irrigation is to advance a sheet of water down a narrow strip between low ridges or borders and to get the water into the soil as the sheet advances. The ridges should be low and rounded so they can be planted with the strips and no land lost to production. Border strip irrigation is well adapted for all close – growing crops and is used for some row crops, such as cotton.

Basin irrigation is adapted especially to flat lands. It consists of quickly filling a diked area with water to the desired depth and allowing the water to percolate into the soil. It is desirable for close – growing crops and orchards and for rice. Contour, or bench border, irrigation is adapted to fairly uniform, moderate slopes. Border strips are laid out across the slope and the ridges are constructed parallel to each other. In wild flooding the stream of water is diverted from its course and allowed to spread out over the field at random. It is not recommended, because the low spots in the field will get too much water and the high spots will receive none. Furrow irrigation is the most common method of applying water to row crops. Water is applied in the furrows between the rows of plants. As water runs down the row, parts of it is being absorbed all along the furrow. It is adapted

to all row crops, truck crops, orchards, vineyards, and berry patches on gentle slopes. Corrugation irrigation is well adapted to close – growing crops on sloping lands and to soil slow to take water. The water is applied in small furrows running down the slope from the head ditch. Corrugation irrigation provides uniform wetting and prevents erosive water accumulation on land too steep for borders or basins and make use of small irrigation streams.

4. Агрономическая сфера. Ниже приводится фрагмент агрономического дискурса, в котором реализована дискурсивная практика результатов возделывания овса в Великобритании, основанного на исследованиях ученых:

CULTIVATION OF OATS

The cultivation of oats may take place on a wide range of soil types with a reasonable degree of success. Oats can be found on all the light to medium soils in the higher rainfall areas and will give high yielding crops of good quality can also produce good crops on some of the heavier, clay and silts, in the drier areas of Britain where there significant moisture reserves in the soil which can be drawn upon during a particularly dry time. It is true that oats will grow well where barley will fail completely and wheat produces only moderate crops but extreme acidity even with oats cannot be tolerated. The oat crop is particularly suited to the cooler, humid climate of the western and northern regions of in where growth is relatively slow and as a result the grains have plenty of time to fill out to produce good plump samples. Oat crops which do not suffer through lack of moisture will produce high grain yields of good quality and on the average the straw will weigh slightly more than the grain. Most of the world's oats are supposed to be produced at elevations below 2,000 feet and probably half below 1,000 feet. Oats are said to be the best cereal to follow the plowing up of grassland but

this is only true if the grass is turned in timely and well, the furrow slice being properly inverted and no large air pockets left which tend to accentuate drying out. Plowing depths should be 6 inches except where grass or surface trash need to be buried deeper and then 8–9 inches plough depths may be required. Where early plowing has been carried out it is often only necessary to give the land a light-medium harrowing to obtain the desired tilth in the top 3 inches of the soil. Optimum drilling depth with oats lies in region of 1.5–2 inches. When seed-beds have an irregular surface tilth, drilling depth becomes uneven and in order to ensure that all the seed is covered, it will often go in well below the optimum in many areas and this will be responsible for patchy stands.

Смыслы научного нарратива индуцированы знаками-прагматонимами терминологического (агрономического) характера (подчеркнуты), в результате возникает лингвосемиотическая картина всего процесса культивации овса.

5. Зооветеринарная сфера. В приводимом отрывке мы обнаруживаем такую же дискурсивную практику, носящую исследовательский характер; она обеспечивается включением в нарратив знаков-прагматонимов, обеспечивающих передачу смысла применяемого метода кормления телят (подчеркнуты):

FEEDING AND MANAGEMENT OF DAIRY STOCK

In farming practice the majority of calves are born to dairy cows kept for the production of milk for sale. Therefore, in order to rear calves it is frequently necessary to» deprive them of their natural feeding and environment and to rear them in some artificial way. As soon as the calf is removed from its mother, it is important that there is a dry bedding of straw for the calf to lie on and for it to be well away from draughts. The first milk, or colostrums, produced by the cow after calving has been designed

by nature as a food most suited to the needs of the young calf. If the calf is left with its mother, it will start to suckle almost as soon as it can stand. With calves being removed from their mothers, the first milk must be provided regularly for at least the first 3 or 4 days. The first 6 months or so in the life of a calf, whether it is ultimately for beef or dairy, is the most important time in the rearing program. Good feeding and management at this stage are the best means of ensuring the calf grow quickly for production and profit. Here is one example of a method of feeding giving good results with calves from such breeds as the Yorkshire, Friesian and Shorthorn, or cross-bred calves from these breeds. The calves are removed from their dams within 12 hours of birth and fed colostrums from a bucket. After a few days the colostrums is changed to milk, and whole milk feeding is continued until the end of the second week, that is to 14 days of age. During the third week the feed is half milk and half milk substitute mixed with 0.5 gal of warm water and fed twice a day. By about the beginning of the fourth week the change-over to milk substitute will be completed. A little good hay and concentrates should be offered from about 3 weeks of age. The calf born in autumn will get most of its food from good nutritious grazing during the first summer. The calves certainly grow faster with some grain, and are also better able to resist disease and parasitic troubles. Up to about 2 lb (0–9 kg) of a mainly cereal mixture per head per day is quite adequate. At the same time, a mineral supplement can conveniently be added to the concentrates. A clean water supply is most important.

В дискурсивных практиках агрикультуры присутствует также и институциональный компонент: сельское хозяйство всегда было в центре внимания института власти и масс-медиа. Потенциальный урожай властями всегда планируется, результаты его сбора подвергаются оценке СМИ. Так, ситуация с урожаем может получить негативную

аксиологию, что в приведенном ниже дискурсивном фрагменте достигается за счет лексики с негативной коннотацией (выделено курсивом):

ВЕСТИ С ПОЛЕЙ: СИТУАЦИЯ С УБОРКОЙ УРОЖАЯ КРИТИЧЕСКАЯ¹

Ситуация с уборкой урожая названа *критической* во всем Центре России, и во Владимирской области в частности. Наши колхозники собрали всего 30 про-

картофелеуборочный комбайн тоже *на приколе*. Не потому, что горючего нет или работать некому. Въехать в залитое водой поле *не способна* даже самая современная техника. В своих бедах селяне *винят* мэра Москвы. Говорят, Лужков все тучи от столицы в провинцию согнал. К уборке картофеля колхозники еще *не приступали*. Богатый урожай *гниет на корню*. Сохранить такую картошку можно будет только в специальных условиях – дома *сгниет*. Природа берет реванш за 2 засушливых лета – сетует председатель. Он родился

центов зерновых и 10 процентов картофеля. В прошлом году в это же время уборка подходила к концу. Причина – *неблагоприятная погода*. За полмесяца выпала тройная норма осадков. Крестьяне прогнозируют рост цен на хлеб и овощи, и просят горожан помочь селу.

Уборочные машины СПК Ставровский *простаивают* на главной усадьбе. Новенький

на селе, и такого *кризиса* не помнит с далекого 46-го года. Глава хозяйства вспоминает, что тогда из-за непогоды тоже урожай в земле сгноили, а на будущий год *голодали* – только в его колхозе *умерли* 250 человек. Сегодня *голод* россиянам не грозит, но *роста цен* на основные продукты *не избежать*.

Вести с полей звучат как *фронтовые сводки*. Хорошее зерно в Центре России уже *не собрать*. Агрономы *горюют* – засеяли поле высокосортной пшеницей, мука из такой лучше южной получается. Мало того, что колосья

¹ Анастасия Рюмцева, Евгений Журавлев. ТВ-6, Владимир. URL: <http://www.6tv.ru/news/view/2485/>.

полегли, так зерно все *проросло* – теперь оно годится только на *низкокачественный фураж*. *Убытки* крестьян с трудом поддаются подсчету. Руководители мечтают собрать хотя бы семена. *Задержки зарплаты* на селе сейчас достигают 3-х месяцев. Если *не удастся* отвоевать урожай, денег сельхозработники так и *не увидят*. Как манны небесной колхозники просят у природы 3–4 солнечных дня. Тогда можно будет выпустить в поле технику. Собрать картошку вручную, как предлагают сегодня областные начальники, *абсолютно невозможно*. Но после прохода по полям тракторов сельхозпредприятиям понадобится помощь горожан.

Подведем итоги.

Дискурс агрикультуры представляет собой конгломерат различных типов и видов дискурсов: агрономический, ветеринарный, экономический, агротехнологический (механизация сельского хозяйства), эколого-гидромелиоративный, электро-технологический, а также дискурс агротуризма. Это обстоятельство заставляет говорить не просто об отдельном типе дискурса, но о дискурсивных практиках, детерминирующих его агрегатное состояние.

Дискурсивные практики агрикультуры образуют лингвосемиотическую систему научных и практических знаний, получающих дискурсоразвертывание в виде специфических нарративов, смыслы которых транслируются за счет знаков-прагматонимов соответствующей подсистемы знаний – агрономической, ветеринарной, экономической, агротехнологической (механизации сельского хозяйства), эколого-гидромелиоративной, электро-технологической и агротуристической.

В аграрном дискурсе происходит лингвосемиотическая актуализация знаков-прагматонимов, образующих систему концептов и номинаций агропромышленной тематики, а также обеспечивающих когнитивную системность соответствующих нарративов,

которые составляют отдельные дискурсивные практики агрикультуры.

Когнитивная системность аграрных нарративов дает возможность типологизации собственно дискурсивных практик агрикультуры; типология данной сферы зиждется на наличии исследовательской составляющей в лингвосемиотическом пространстве описания дискурсивной практики; на рефлексии планирования результатов сельскохозяйственного труда в институтах, регулирующих аграрное производство, и собственно результатов агропроизводства в масс-медиа.

1. Иссерс О.С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность // Вестн. Ом. ун-та. 2011. № 4. С. 227–232.

2. Олянич А.В., Сухова Е.А. Концептосфера «Земля» в англоязычной агрикультуре: монография. – Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2012. – 184 с.

3. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии [Текст] / Н.В. Подольская; отв. ред. А.В. Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 187 с.

4. Суперанская А.В. V. Blonar. Teoria vlastneho mena: Recenziya [Текст] / А.В. Суперанская // Вопросы языкознания. – 1999. – № 3. – С. 43–50.

5. Фуко М. Археология знания / М. Фуко. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.

6. Шилихина К.М. Ирония как способ повышения авторитетности // Серия «Аспекты языка и коммуникации». Выпуск 4. – Воронеж: Воронежский государственный университет; Издательский дом Алейниковых, 2008. – С. 184–194.

1. Issers O.S. Diskursivnaya praktika kak nablyudaemaya real'nost' // Vestn. Om. un-ta. 2011. № 4. S. 227–232.

2. Olyanich A.V., Suxova E.A. Konzeptosfera «Zemlya» v angloyazychnoj agrikul'ture: monografiya. – Volgograd: Volgogradskij GAU, 2012. – 184 s.

3. Podol'skaya N.V. Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii [Tekst] / N.V. Podol'skaya; отв. ред. A.V. Superanskaya; AN SSSR, In-t yazykoznanija. – 2-e izd., pererab. i dop. – M.: Nauka, 1988. – 187 s.

4. Superanskaya A.V. V. Blonar. Teoria vlastneho mena: Recenziya [Tekst] / A.V. Superanskaya // Voprosy yazykoznanija. – 1999. – № 3. – S. 43–50.

5. Fuko M. Arxeologiya znaniya / M. Fuko. – Kiev: Nika-Centr, 1996. – 208 s.

6. Shilixina K.M. Ironiya kak sposob povysheniya avtoritetnosti // Seriya «Aspekty yazyka i kommunikacii». Vypusk 4. – Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet; Izdatel'skij dom Alejnikovyx, 2008. – S. 184–194.

UDC 81.32

DISCURSIVE PRACTICES IN AGRICULTURE: THE CRITERIA OF TYPOLOGICAL DESCRIPTION

Sukhova Elena Aleksandrovna,

Volgograd State Agrarian University,
Senior lecturer of chair of foreign languages,
Candidate of Philological Sciences,
Volgograd, Russia,
E-mail: elenasukhovavolgau@mail.ru

Annotation

The article deals with the practice of agricultural and rural economic discourse which is understood as a person-centered and institutional communication types in the sphere of interaction of agricultural producers as participants in the agricultural sphere - one of the areas of production, processing and consumption of agricultural products (agriculture, floriculture, horticulture, veterinary medicine, animal science, mechanization and electrification of agriculture, land reclamation and irrigation of agricultural land, ecology of soil and water pollution, aqua- and ichthyo-culture, agrotourism). We study the cognitive model of this type of discourse, researched are pragmatonyms as signs receiving semiolinguistic mainstreaming in agricultural or agro discourse. The typology of the discursive sphere, which is determined by the criteria, such as having a research component in the description of the semiolinguistic space discursive practices, the reflection of planning agricultural work results in the institutions that govern agricultural production; the actual reflection of agricultural production results in the mass media, social networks, interviews with agricultural producers, etc.

Key words:

agriculture, discourse, pragmatonym, semio-linguistics, sign.

УДК 811.1

ОЦЕНКА И ЕЕ ФУНКЦИИ В КРЕОЛИЗОВАННОМ ТЕКСТЕ КАРИКАТУРЫ

Вольская Надежда Николаевна,

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
факультет журналистики,
кафедра семиотики русского языка,
кандидат филологических наук, доцент,
Москва, Россия,
E-mail: navolskaya@yandex.ru

Аннотация

Изучение феномена оценки, процессов и механизмов оценивания осуществляется в рамках различных гуманитарных дисциплин: логики, философии, психологии, социологии, лингвистики, психолингвистики, теории информации. Категория оценки является одной из дискуссионных проблем современной лингвистики. В современном отечественном языкознании существуют различные подходы к рассмотрению категории оценки. Общим для всех определений оценки является указание на отношение говорящего к сообщаемому. Формирование оценки высказывания, которая формируется креолизированным текстом и исподволь внушается адресату, можно считать одним из эффективных приемов манипулирования. Визуально-вербальная метафора, обладая манипулятивным потенциалом, выполняет суггестивную функцию в креолизированном тексте карикатуры. Креолизацию можно рассматривать как манипулятивный способ подачи информации в массмедиа.

Ключевые слова:

оценка, карикатура, креолизированный текст, манипулирование.

Современные концепции когнитивной семантики постулируют, что мышление человека по своему методу и уровню знания мира является преимущественно оценочным, т. е. мыслительная деятельность в большей своей части совершается на уровне и в форме оценок [17, с. 71]. Так, для человеческого сознания, помимо номинативно-классифицирующей деятельности, «столь же естественно реагировать на мир эмоционально» [21, с. 5–36]. Оценивание, согласно этой концепции, признается «важнейшей функцией сознания», а оценка определяется

как одна из центральных операций сознания, своеобразная по цели, средствам и методу [11, с. 103].

Исследование взаимоотношений человека с миром предполагает рассматривать оценку в качестве одной из основополагающих категорий сознания индивида. «Оценка содержится повсюду, где происходит какое бы то ни было соприкосновение субъекта познания с объективным миром» [12, с. 142].

Изучение феномена оценки, процессов и механизмов оценивания осуществляется в рамках различных гуманитарных дисци-

плин: логики, философии, психологии, социологии, лингвистики, психолингвистики, теории информации.

Осмысливая и оценивая явления и события окружающей действительности, реципиент формирует мысль и выражает ее посредством различных знаков. Результаты оценочной деятельности индивида вербализуются, закрепляясь в языке. Именно поэтому вопросы, связанные с оценочным отображением действительности, выдвигаются на одно из центральных мест в лингвистической науке, а их исследованию посвящены труды известных отечественных ученых: Г.В. Колшанского [12], Н.Д. Арутюновой [2], Е.М. Вольф [5], В.Н. Телии [21] и др.

Категория оценки является одной из дискуссионных проблем современной лингвистики. Понятие оценки было заимствовано из раздела логики, занимающегося изучением логической структуры и логических связей оценочных высказываний. Логика оценки, будучи ветвью модальной логики, состоит из логики абсолютных оценок, формулируемых с помощью понятий «хорошо», «плохо», «оценочно / безразлично», и логики сравнительных оценок, в которых используются понятия «лучше», «хуже» и «равноценно».

В современном отечественном языкознании существуют различные подходы к рассмотрению категории оценки. Кожина М.Н. [9], Стернин И.А. [20] характеризуют оценку как составляющую лексического значения слова. Маркелова Т.В. [15], Пермякова Т.М. [18] придают оценке категориальный статус. Бондарко А.В. [22] определяет оценку как периферию функционально-семантических полей модальности. Арутюнова Н.Д. [2], Вольф Е.М. [5], Лопатинская Л.В. [14] считают оценку видом субъективной модальности. В журналистике оценка определяется как «установление соответствия или несоответствия тех или иных явлений потребностям, интересам, представлениям (критериям оценки) тех или

иных людей» [23, с. 28]. Общим для всех определений является указание на отношение говорящего к сообщаемому.

Публикация карикатур всегда осуществляется в намерении художника и редакции СМИ оказать воздействие на аудиторию, вследствие чего карикатуру можно определить как реализацию «манипулятивной стратегии утверждения определенных идей» [10]. Манипулятивность карикатуры выражается в ее свойстве выступать инструментом скрытой оценки общественного явления или события, поскольку критика в карикатуре носит завуалированный характер и декодирование имплицитного смысла карикатуры происходит при соотношении ее содержания с тем явлением или событием, на которое она направлена [4, с. 80–85]. Значение карикатуры заключено в наглядности информации, т.к. «визуальные средства, в отличие от вербальных, позволяют человеку практически мгновенно воспринимать запрограммированное воздействие (хотя сработать оно может значительно позднее), причем это воздействие является и более глубоким, поскольку визуальные системы влияют не только на интеллект, но и на эмоционально-чувственный базис человека» [19, с. 26]. Специфика восприятия карикатуры заключается в том, что «прежде, чем приступить к чтению текста, сопровождающего изображение, реципиент обращает внимание на изображение. Изображения «ограничивают» вербальное содержание, сужают его многозначность, уменьшают субъективность при его восприятии» [6].

Воздействие карикатуры в персуазивных целях реализуется путем аргументации адресанта в пользу его мнений, суждений и оценки в отношении фактов и явлений действительности. Стратегия оценки является главной составляющей персуазивной стратегии, в которой адресант выступает в качестве субъекта оценки, тема сообщения – в качестве объекта оценки, а реципиент является адресатом оценки. Тактиками аргу-

ментации и оценки, реализующими персуазивные цели карикатуры, на невербальном уровне являются:

– тактика изменения характеристик объекта с помощью преувеличения его недостатков посредством особого типа изображения, имеющего отличительные внешние признаки визуальных знаков – средств выражения оценки объектов;

– тактика приписывания объекту несуществующих негативных характеристик посредством визуально-вербальной метафоры.

На вербальном уровне в качестве тактики, подчиненной персуазивным целям текста карикатуры, выступает использование сатиры и иронии. Иронический смысл в карикатуре достигается противоречием между содержанием вербального компонента и содержанием изображения.

Персуазивное воздействие на реципиента с помощью карикатуры, реализация ее коммуникативной направленности обусловлены такой категорией текста, как диалогичность, которая проявляется в цепочке взаимоотношений автор – текст – реципиент. В этой цепочке текст, независимо от способа его кодирования, выступает проводником от авторского сознания к сознанию адресата, и через текст автор вступает в диалог с реципиентом.

В современных исследованиях языка СМИ отмечается, что «отличительной чертой новейшей журналистики является отход от открытой пропаганды и использование старательно завуалированного манипулирования общественным сознанием» [10, с. 24]. Одним из эффективных приемов подобного манипулирования можно считать формирование оценки высказывания, которая «навязана» текстом и исподволь внушается адресату. Поскольку печатные СМИ сегодня представляют собой креолизованный текст, для которого характерно сочетание вербальной и невербальной (иконической) составляющей, то на адресата оказывается комплексное воздействие, зачастую не осоз-

знаваемое им: «влияние иллюстрации практически никогда не осознается реципиентами. Создание содержания креолизованного текста, отличного от содержания как вербального текста, так и изображения в отдельности, происходит неосознанно. При этом выпадает важная составляющая процесса восприятия, заключающаяся в оценке реципиентом получаемой информации. А поскольку именно отношение к сообщаемому во многом определяет протекание процесса восприятия информации, можно утверждать, что некритичное восприятие креолизованного текста открывает простор для различных манипуляций».

Рассмотрим на конкретном примере, как сочетание вербальной и иконической составляющих креолизованного текста способствует формированию определенной оценки получаемой адресатом информации: «Московский комсомолец» № 27123 от 10.06.2016 года, статья Юлии Калининой «От каких расходов государство может отказаться?».

Подзаголовок: «МК» нашел прибавку для крымских пенсионеров». Лид: «Просто денег нет», – сказал премьер Медведев, отвечая на вопросы крымских пенсионеров, и его слова мгновенно превратились в крылатые. Потому что денег у государства нет на индексацию пенсий. А на многое другое – есть. В том числе на бессмысленное, ненужное и даже абсурдное». Информация в лиде выражена в форме мнения автора статьи, который иронично рефлексировал по поводу излагаемой новости. Ирония здесь создается с помощью лексики – оценочных прилагательных «бессмысленный», «ненужный», «абсурдный», а также с помощью синтаксиса – приема парцелляции. В высказывании формируется логическая оппозиция *мы* – *они*, которая имплицитно подводит читателя к оценке «Мы – хорошие, они – плохие». «Мы» – это МК в лице Юлии Калининой, «они» – это государство и весь государственный аппарат. Далее автор статьи

переходит к высказыванию мнения, которое субъективно-оценочно: «Мы выбрали несколько примеров бюджетных расходов подобного рода. Они перетекают из одного бюджетного года в другой, потому что соответствующая статья есть в бюджете – региона или министерства. Чтоб ее убрать, нужно просто включить здравый смысл и подивиться нецелесообразности трат. Приведенные

и на мелочах». Вербальная составляющая данного текста пронизана авторской оценкой журналиста и негативным отношением к описываемой новости (фразеологизмы *включить здравый смысл, раствориться в оффшорах, заливание денег*; слова *нецелесообразность, ненужность, сомнительный* и т. д.).

Вербальный текст сопровождается карикатурой, на которой изображены персонажи

Фото: Алексей Меринов.

примеры «ненужностей» – далеко не самые большие траты бюджетных денег. Это мелочи по сравнению с госпрограммами, которые не исполняются из года в год, «антикризисным» заливанием денег в банки, которые потом растворяются в оффшорах, и выделением миллиардов на сомнительные инновационные проекты, эффект от которых оказывается чуть больше нуля. Но можно ведь экономить

сказки А. Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино»: Карабас-Барабас, сидящий в небрежной позе в кресле с сигарой, и Буратино в образе лакея с недоумевающим лицом, склонившийся в подобострастном поклоне перед синьором Карабасом-Барабасом. Филактер к карикатуре содержит прямую речь от лица Карабаса-Барабаса: «Слышишь, дерево, мне бы Мальвину те-

перь...». Карикатура представляет собой визуально-вербальную метафору, основанную на синтезе визуального и вербального образов. Используя определенную метафорическую модель, автор способен построить выгодную ему картину мира в сознании реципиента [16, с. 123]. «Активное использование метафоры с ее способностью воздействовать на восприятие действительности под определенным углом зрения является ярким примером отказа от открытой пропаганды тех или иных идей и перехода к завуалированному манипулированию массовым сознанием» [3, с. 17–19]. Автор, создавая текст, интерпретирует действительность через художественные образы, которые воплощают его мироощущение и оценку. Художественный образ – особая форма отражения реальной действительности; специфика художественного образа состоит в том, что, давая человеку новое познание мира, он одновременно передает и определенное отношение к отражаемому. Кроме того, образы обладают суггесторным значением и порождают цепную реакцию воображения. Наравне с логосферой в культуре можно выделить особый мир графических и живописных форм, воспринимаемых с помощью зрения, – эйдосферу...» [8, с. 99]. На образах основана сила воздействия всех поликодовых текстов, в частности креолизованных. «Воздействуя через разные каналы восприятия, сообщение, «упакованное» в разные типы знаков, способно длительное время поддерживать интерес и внимание человека. Поэтому эффективность его проникновения в сознание и подсознание несравненно выше...» [8, с. 99]. Так, Буратино – символ глупого, доверчивого народа, который готов сделать все – даже в ущерб себе самому, лишь бы угодить злобному, наглому и жадному Карабасу-Барабасу, символизирующему государство. При целостном восприятии рисунка и текста статьи, новость – заявление Д. А. Медведева – уходит на второй план, поскольку главные акценты вербальными и не-

вербальными средствами данного креолизованного текста сделаны на другом – на оценке слов премьера Д. А. Медведева.

Подводя итоги, скажем, что оценка как специфическое свойство человеческого мышления (оценивающая способность) является не просто одним из важнейших компонентов в структуре отражающей деятельности сознания реципиента, но и его основополагающей категорией. Восприятие креолизованного текста способствует формированию оценки фактов, мнения, изложенных журналистом. Оценка формируется при комплексном восприятии читателем как иконической, так и вербальной составляющей креолизованного текста. Иконическая составляющая предваряет и подготавливает восприятие вербального текста, создает определенный эмоциональный настрой, а при вторичном обращении к ней, после прочтения вербального текста, усиливает подготовленное автором статьи восприятие всего креолизованного текста. Визуально-вербальная метафора, обладая манипулятивным потенциалом, выполняет суггестивную функцию в креолизованном тексте карикатуры, поэтому креолизацию можно рассматривать как манипулятивный способ подачи информации в массмедиа.

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. М., 1990. С. 74.

2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Язык русской культуры, 1999. 896 с.

3. Байгарина Г. П. Оценочность как универсалия публицистического текста // Текст: Проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как национального: Мат-лы III Междунар. научно-метод. конф.-и. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 17–19.

4. Вольская Н. Н. Метафорический образ рубля в текстах карикатур (на примере карикатур газеты «Московский комсомолец» // Медиа@льманах. Изд-во НП «Партнерство факультета журналистики». – М., том 66, № 1. – С. 80–85.

5. Вольф Е. М. Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. – С. 52–65.

6. Головина Л. В. Взаимовлияние иконических и вербальных знаков при смысловом восприятии текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 1986.

7. Ивин А. А. Основания логики оценок /

- А. А. Ивин. – М., 1970. – 230 с. – С. 71.
8. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 99.
 9. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – 1983. – 223 С. – С. 5–36.
 10. Клушина Н.И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2008. С. 24.
 11. Колесов Д.В. Оценка (психология и прагматика оценки). М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та, 2006. С. 103.
 12. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975. С. 142.
 13. Кондаков Н.И. Логический словарь / Н.И. Кондаков. – М., 1971. – 637 с. – С. 103.
 14. Лопатинская Л.В. Семантико-синтаксический аспект обращения с модальной оценочностью: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 1997. – 22 с.
 15. Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 1996. – 45 с.
 16. Михалева О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004. С. 123.
 17. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. 277 с. С. 71.
 18. Пермьякова Т.М. Динамика соотношения категорий оценки и аргументации в газетных текстах 1980–1990-х гг. под влиянием социальных факторов (на материале газет русского и английского языков: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Пермь, 1997. – 22 с.
 19. Розин В.М. Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и воспринимает мир. М., 2006. С. 26.
 20. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж, 1985. – 171 с.
 21. Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая организация. М.: Наука, 1991. С. 5–36.
 22. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Отв. ред. А.В. Бондарко. – Л., 1990. – 263 с.
 23. Тертычный А.А. Жанры периодической печати: учебное пособие. М., 2000. – 312 с. – С. 28.
 24. Третьякова Д.В. Формирование оценки в газетном креолизованном тексте // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Литературоведение. Межкультурная коммуникация. – № 4–2. С. 962–964.
-
1. Arnol'd I.V. Stilistika sovremennogo anglijskogo yazyka. M., 1990. S. 74.
 2. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1999. 896 s.
 3. Bajgarina G.P. Ocenochnost' kak universalija publicisticheskogo teksta // Tekst: Problemy i perspektivy. Aspekty izucheniya v celyax prepodavaniya russkogo yazyka kak nacional'nogo: Mat-ly III Mezhdunar. nauchno-metod. konf-i. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2004. S. 17–19.
 4. Vol'skaya N.N. Metaforicheskij obraz rublya v tekstax karikatur (na primere karikatur gazety «Moskovskij komsomolec» // Media@l'manax. Izd-vo NP «Partnerstvo fakul'teta zhurnalistiki». – M., tom 66, № 1. – S. 80–85.
 5. Vol'f E.M. Metafora v yazyke i tekste. M.: Nauka, 1988. – S. 52–65.
 6. Golovina L.V. Vzaimovliyanie ikonicheskix i verbal'nyx znakov pri smyslovom vospriyatii teksta: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. M., 1986.
 7. Ivin A.A. Osnovaniya logiki ocenok / A.A. Ivin. – M., 1970. – 230 s. – S. 71.
 8. Kara-Murza S.G. Manipulyaciya soznaniem. M.: E'KSMO-Press, 2001. S. 99.
 9. Kozhina M.N. Stilistika russkogo yazyka. – 1983. – 223 S. – S. 5–36.
 10. Klushina N.I. Intencional'nye kategorii publicisticheskogo teksta (na materiale periodicheskix izdaniy 2000–2008 gg.): avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk. M., 2008. S. 24.
 11. Kolesov D.V. Ocenka (psixologiya i pragmatika ocenki). M.: Izd-vo Mosk. psixologo-social'nogo in-ta, 2006. S. 103.
 12. Kolshanskij G.V. Sootnoshenie sub"ektivnyx i ob"ektivnyx faktorov v yazyke. M.: Nauka, 1975. S. 142.
 13. Kondakov N.I. Logicheskij slovar' / N.I. Kondakov. – M., 1971. – 637 s. – S. 103.
 14. Lopatinskaya L.V. Semantiko-sintaksicheskij aspekt obrashheniya s modal'noj ocenochnost'yu: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. – Krasnodar, 1997. – 22 s.
 15. Markelova T.V. Semantika ocenki i sredstva ee vyrazheniya v russkom yazyke: avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk. – M., 1996. – 45 s.
 16. Mixaleva O.L. Politicheskij diskurs kak sfera realizacii manipulyativnogo vozdejstviya: diss. ... kand. filol. nauk. Irkutsk, 2004. S. 123.
 17. Nikitin M.V. Osnovaniya kognitivnoj semantiki. SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gercena, 2003. 277 s. S. 71.
 18. Permyakova T.M. Dinamika sootnosheniya kategorij ocenki i argumentacii v gazetnyx tekstax 1980–1990-x gg. pod vliyaniem social'nyx faktorov (na materiale gazet russkogo i anglijskogo yazykov: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. – Perm', 1997. – 22 s.
 19. Rozin V.M. Vizual'naya kul'tura i vospriyatie. Kak chelovek vidit i vospriimaet mir. M., 2006. S. 26.
 20. Sternin I.A. Leksicheskoe znachenie slova v rechi. – Voronezh, 1985. – 171 s.
 21. Teliya V.N. E'kspressivnost' kak proyavlenie sub"ektivnogo faktora v yazyke i ee pragmaticheskaya organizaciya. M.: Nauka, 1991. S. 5–36.
 22. Teoriya funkcional'noj grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'. Otв. red. A. V. Bondarko. – L., 1990. – 263 s.
 23. Tertychnyj A.A. Zhanry periodicheskoy pechati: uchebnoe posobie. M., 2000. – 312 s. – S. 28.
 24. Tret'yakova D.V. Formirovanie ocenki v gazetnom kreolizovannom tekste // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Literaturovedenie. Mezhkul'turnaya kommunikaciya. – № 4–2. S. 962–964.

UDC 811.1

ASSESSMENT AND ITS FUNCTIONS IN THE CREOLIZED TEXT OF A CARTOON

Volskaya Natalja Nikolaevna,

Lomonosov Moscow State University,
Journalist faculty,
Chair of semiotics of Russian language,
Cand. Phil. Sci., the senior lecture,
Moscow, Russia,
E-mail: navolskaya@yandex.ru

Annotation

The study of the phenomenon of evaluation processes and mechanisms of evaluation carried out within various Humanities disciplines: logic, philosophy, psychology, sociology, linguistics, psycholinguistics, and information theory. The assessment category is one of the controversial problems of modern linguistics. In modern Russian linguistics, there are different approaches to the consideration of the assessment categories. Common to all definitions of evaluation is an indication of the attitude of the speaker to inform. Formation evaluation statements, which formed a creolized text and gradually inspired to the addressee, can be considered one of the effective methods of manipulation. Visual-verbal metaphor, having a manipulative potential, performs a suggestive feature in the creolized text cartoons. Creolization can be seen as a manipulative way of presenting information in mass media.

Key words:

assessment, cartoons, creolized text, manipulation.

УДК 81.32

ТИПОЛОГИЯ ЛИНГВОКРЕАТЕМ В НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Рыльщикова Любовь Михайловна,

Волгоградский государственный аграрный университет,
кафедра иностранных языков,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель,
Волгоград, Россия,
E-mail: rylshchikova.lubov@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются понятия лингвистической и лингвосомиотической креативности применительно к научно-фантастическому дискурсу; обсуждается и дефинируется понятие лингвокреатема как базовой единицы лексико-семантической системы научно-фантастического дискурса. Описывается лингвосомиотический принцип ее выделения; представлены основания для такого выделения: 1) экспликация креативной функции языка и речи в разноуровневых невербальных знаках (типологию лингвокреатем на данном основании можно, таким образом, именовать семиотическим уровнем); 2) основание для типологизации лингвокреатем, базирующееся на экспликации смысла, т. е. семантический уровень типологии; 3) наличие в смысловом содержании лингвокреатем компонента зрелищности, отвечающего за эффективность вербального воздействия (прагматический уровень типологии). В статье производится типологизация лингвокреатем и выделяется пять их типов – лингвокреатема действий и состояний, лингвокреатема объектов и предметов, лингвокреатема измерений расстояний и времени, терминологические лингвокреатема, институциональные и социальные лингвокреатема. Даются определения каждого выделенного типа лингвокреатем.

Ключевые слова:

дискурс, знак, лингвокреатема, лингвосомиотика, номинация.

Несомненна связь научно-фантастического дискурса с потребностями: известно, что человеческие нужды имеют тенденцию к возвышению и понижению. Однако, как правило, и как показывает сегодняшняя реальность, потребности – главным образом витальные, демонстрируют склонность к росту, усложнению и трансформации [3]. Их удовлетворение требует поиска новых средств и инструментов, что влечет за собой необходимость в информированности о будущей возможности такого удовлетворения.

Так рождаются прогноз и информация о будущем как когнитивно-ментальные сущности – как концепты. В сознании человека как вида возникают образы будущего, способного дать ему то, чего у него нет в наличии в данный момент, но нехватка этих сущностей им уже ощущается.

Эти образы (концепты) опираются на текущую информацию о возможностях трансформации реальности до гиперреальности будущего – информацию, которая эксплицирована лингвосомиотически, при

помощи вербальных и невербальных знаков. В случае, когда существующие знаки реальности не конгруэнтны образу грядущей потребности, человек «включает» когнитивные механизмы номинации и в своем воображении создает новый семиотический конгломерат, актуализируемый в дискурсе фикции – т. е. в научно-фантастическом дискурсе, опираясь на категорию *лингвосемиотической креативности*.

Данная категория находится в ряду других типов и видов креативности: последняя предполагает проявление когнитивных (в том числе и психологических) способностей человека к творчеству, к ментальному переосмыслению реальности и созданию чего-то нового, ранее не имевшего место в материальной действительности или духовно-социальном пространстве общества. Лингвосемиотическая креативность представляется одним из видов языковой (лингвистической) креативности – феномена, который уже неоднократно оказывался в сфере изучения исследователей филологического, психологического и педагогического научных направлений.

Лингвосемиотическая креативность языковой личности представляет собой способность творческой персоны (писателя и рассказчика) создавать языковые знаки фантастической реальности (гиперреальности будущего) – лингвокреатемы, давать им функционально нагруженные определения и формировать для их актуализации особую коммуникативную среду (художественные произведения научно-фантастической тематики).

Некоторые исследователи, признавая за лингвистической креативностью статус категории, считают возможным выделить ее функциональные единицы; так, Г. А. Копнина и А. П. Сквородников подобной единицей предлагают считать лингвокреатему: «Центральным в стилистике креатива является понятие креатемы. Креатемой называют преднамеренно отобранные или преобразованные средства языка, а также новообразо-

вания, нацеленные на создание эстетического впечатления. Однако поскольку понятие креатемы приложимо к творческой продукции любой сферы деятельности, предлагаем уточняющий термин «лингвокреатема» для обозначения языковых / речевых единиц, рождающихся в результате творческой речевой деятельности. Лингвокреатемой может выступать слово, словосочетание, предложение, фрагмент текста (прежде всего сложное синтаксическое целое)» [1, с. 101]. Таким образом, номинации мира фантастики мы будем именовать в дальнейшем лингвокреатемами.

Под лингвокреатемой предлагается понимать *мельчайшую информационную единицу лингвосемиотической деятельности писателя-фантаста, представляющую собой сложный лингвосемиотический (знаковый) комплекс, состоящий из когнитивно освоенных этим субъектом концептов и образов окружающего мира и переданный другому субъекту – читателю – в ходе коммуникации с данным субъектом с целью художественного воздействия на него. Процесс коммуникации может быть представлен в виде разворачивающейся во времени и в пространстве последовательности лингвокреатем как сугубо семиотически (визуально), так и дискурсивно (преимущественно вербально)*. Разумеется, выделяемую единицу, прежде всего, следует считать эпистемологической единицей – инструментом лингвистического описания.

Естественным образом встает вопрос о предельности / непредельности и о воспроизводимости / невозможности выделяемой единицы дискурса. Поскольку под лингвокреатемой понимается единица художественного воздействия писателя-фантаста, ее законченность может измеряться самим результатом воздействия – реакцией возбудимого (читателя) – и убежденностью воздействующего в том, что цель его воздействия достигнута (удовлетворение интенции воздействия). Специфика лингвокреатемы как комплексного знака состоит в его триадном

характере: с одной стороны, это лингвистический знак или совокупность лингвистических знаков; с другой же стороны – это коммуникативная единица, реализующая в речи (дискурсе) заложенную в нее информацию, когнитивно освоенную коммуникантом, ее передающим; третья сторона этого лингвосемиотического и коммуникативно-информационного образования – интенция воздействующего коммуниканта. Цельность лингвокреатемы как предельного и воспроизводимого в дискурсе сложного комплекса знаков разного качества определяется как раз наличием этой, онтологически важной для его существования, природы.

Полагая, что лингвокреатема – это, прежде всего, комплексный знак, базовым принципом ее выделения нам представляется именно *лингвосемиотический принцип*. Лингвосемиотический подход к выделению лингвокреатемы как эпистемологической единицы позволяет выявить группы концептов и образов, а также отражающих их знаков и символов, находящихся между собой в определенных отношениях и соположенных друг с другом. Разные конфигурации самих знаков и разные связи между ними дают возможность типологизации. Базовой функцией лингвокреатемы является передача и фиксация в сознании объекта когнитивного воздействия представления о концептах и образах, присущего субъекту когнитивного воздействия. В связи с этим исполнение данной функции в коммуникативном пространстве делает возможным типологизацию лингвокреатем.

Лингвосемиотический подход к типологизации лингвокреатем, объяснительная сила и типологизирующий потенциал которого, прежде всего, заключаются в возможности определить наличие / отсутствие вербальной составляющей вовлеченного в коммуникацию комплекса знаков, позволяет уже по этому параметру выделить пять типов лингвокреатем – *лингвокреатемы действий и состояний, лингвокреатемы объектов и предметов, лингвокреатемы измерений расстояний и вре-*

мени, терминологические лингвокреатемы, институциональные и социальные лингвокреатемы (см. схему ниже). Лингвокреатемы представлены номинациями и выявляются нами при помощи ряда оснований. Такими основаниями, на наш взгляд, являются:

1. *Экспликация креативной функции языка и речи в разноуровневых невербальных знаках* (типологию лингвокреатем на данном основании можно, таким образом, именовать *семиотическим уровнем*).

2. *Основание для типологизации лингвокреатем, базирующееся на экспликации смысла, т. е. семантический уровень типологии*. Лингвокреатемы подвергаются типологизации, исходя из присущей им разной степени информативной насыщенности¹ различной градации.

3. *Наличие в смысловом содержании лингвокреатем компонента зрелищности, отвечающего за эффективность вербального воздействия (прагматический уровень типологии)*. На данном основании типологизация лингвокреатем производится в зависимости от того, как выражены в смысловом содержании лингвокреатем ролевая, эмотивная и хронотопическая составляющие.

Коммуникативной средой научно-фантастического дискурса выступает лексико-семантическая система лингвокреатем – лексических знаков-номинаций, структурированная в виде тематических номинативных кластеров «Действия и состояния», «Объекты

¹ Термин «информативная насыщенность» был введен Е.И. Шейгал и А.В. Оляничем в их совместном исследовании английских глаголов прекращения жизни в связи с проблемами их перевода [6]. По мнению исследователей, «...информативная насыщенность как категория по преимуществу семантическая вполне подходит для описания смысловой наполненности образа, ибо образ получает двойное воплощение при его трансляции в социальное сознание: вначале он формируется ментально, и его компоненты приобретают информационную структуру, а затем сформированный информационный кластер вербализуется, т. е. получает языковое выражение (лексика) и реализуется в речи / тексте / дискурсе (словосочетания, предложения, фразы, сверхфразовые единства – коммуникативные или дискурсивные ситуации)» (Цит. по: [4, с. 234]).

и предметы», «Институциональные установления», «Измерения времени и пространства», «Социальные отношения» и «Термины освоения космического пространства». Кластеры семантически взаимосвязаны отношениями соподчинения и пересечения, единицы кластеров находятся между собой в отношениях функционального взаимодействия.

В лингвистическом отношении лингвокреатемы научно-фантастического дискурса носят статус неологизмов и окказионализмов, которые имеют индивидуально-авторский характер, созданы писателями-фантастами для денотации предметов, объектов, субъектов, процессов, действий и состояний, в целом – явлений ирреальности, гиперреальности и квазиреальности отдаленного будущего.

В том, что лингвокреатемы научно-фантастического дискурса образуют именно лексико-семантическую систему, убеждают следующие факты.

Во-первых, хорошо известно, что значения лексем как элементов «плана содержания» слова не существуют изолированно, а находятся в разнообразных и разнонаправленных связях / отношениях с другими значениями как той же лексемы – если она олиго (мало) / поли (много) / эврисемантична (широкозначна), – так и со значениями других лексических единиц.

Во-вторых, семантический ярус (уровень) языка представляет собой не беспорядочное множество значений, а их упорядоченную систему, элементы которой находятся в отношениях взаимосвязи и взаимообусловленности. Когда говорят о лексико-семантической системе языка, то имеют в виду связи между значениями лексем.

В-третьих, лексема как единица лексико-семантической системы рефлектирует окружающую действительность, и с этой точки зрения системность лексем есть не что иное как рефлексия системности мира. Такая системность видима, воспринимаема, «лежит на поверхности», поэтому ряд лингвистов возражают против идеи системной орга-

низации лексики на том основании, что ее системность обусловлена отношениями между явлениями самой действительности, т.е. она якобы не имеет отношения к языку, забывая при этом, что сама лексика образует систему форм, единиц, организуемую для передачи системы феноменов окружающего мира. Таким образом, лексико-семантический уровень языка представляет собой двойную систему, стороны которой взаимодействуют, взаимосвязаны, они не могут быть разделены на систему собственно содержания и систему организации этого содержания.

Как отмечают Г. В. Степанова и А. Н. Шрамм, «...лексико-семантическая система не столь очевидна, не так бросается в глаза, как, например, грамматическая или фонетическая системы. Она носит скрытый характер. Лексико-семантическая система – система не жесткая: словарный состав больше грамматики и фонетики зависим от воздействия внелингвистических причин. Лексико-семантическая система состоит из пересекающихся и взаимозависимых подсистем, что создает дополнительные трудности при ее изучении» [5, с. 24].

Основная причина сложности этой системы – во взаимодействии собственно лингвистических и внелингвистических элементов. Любой рефлектируемый феномен репрезентирован в форме того или иного языка. Это как раз тот случай, когда невозможно содержание (рефлектируемую действительность) и форму (значение лексемы) отделить друг от друга. С этой особенностью лексико-семантической системы связан такой важный аспект языка, как номинирование. Существующие лексеммы принадлежат к различным частям речи, и каждая часть речи репрезентирована определенным набором значений, «...которые регулярно передаются и могут быть переданы и новыми названиями с помощью особых материальных средств» [2, с. 95]. Системность научно-фантастической лексики дает возможность ее типологизации по вышеперечисленным основаниям. Для

Схема 1 – Типы лингвокреатем в научно-фантастическом дискурсе.

типологизации единиц лингвосомиотической креативности – лингвокреатем – применен соответствующий принцип, заключающийся в последовательно реализуемой возможности определить наличие / отсутствие вербальной составляющей вовлеченного в коммуникацию комплекса знаков.

Актуализация действия и состояния в научно-фантастическом дискурсе осуществляется при помощи таких знаков-лингвокреатем, как андро-информативы (лексемы, содержащие в своих схемах информацию о человеке, формирующем среду и регулирующие события вокруг него); бехабетивы (лексемы, рефлектирующие поведение человека в среде будущего); коммуникативы (лексемы, рефлектирующие действия по налаживанию связей с себе подобными и окружающей реальностью); прогномимы (лексемы, которые содержат прогноз совершаемого действия или наступающего состояния в будущем); фантомы (лексемы, не имеющие в своем значении связи с настоящим, не способные актуализироваться в будущем как реальные действия / состояния); футуронимы (лексемы, рефлектирующие феномены будущего и не имею-

щие семантических связей с настоящим); хабитативы (лексемы, рефлектирующие среду будущего, среду проживания или бытования субъектов научно-фантастического дискурса).

Лингвокреатемы, номинирующие объекты и предметы в научно-фантастическом дискурсе, сводятся к таким типам, как инструментативы (знаки, рефлектирующие неодушевленного участника ситуации, с помощью которого производится некоторое действие или оказывается некоторое воздействие); прагмонимы (названия вещей и товаров, занимающие промежуточное положение между именами собственными и именами нарицательными); топонимы (имена собственные, обозначающие собственные названия географических объектов); урбанонимы (собственные имена любых внутригородских топографических объектов, в том числе: агоронимы – названия городских площадей и рынков, годонимы – названия улиц); космонимы (названия зон космического пространства, галактики, звёздные системы, созвездия); астронимы (названия отдельных небесных тел, в том числе звёзд, планет, комет, астероидов); хоронимы (класс топонима, собственное имя территории,

имеющей определенные границы: небольшого пространства, исторической области, административного района или страны); гидронимы (один из классов топонимов, денотирующих названия водных объектов); локативы – знаки, которые когнитивно детерминируют и семиотизируют внутреннее пространство, денотируют направление движения к его объектам, их местоположение и их социальную значимость; ресурсонимы – знаки, обеспечивающие денотацию удовлетворения потребности в поддержании нормального функционирования жизненных систем, здоровья человека, сохранения и поддержания его сил.

Лингвосемиотическая креативность проявляется в научно-фантастическом дискурсе как способ создания новых единиц измерения расстояния: так, в нашем материале мы встретили такие знаки-лингвокреатемы, которые условно терминологизированы как псевдодистанционимы. Измерение времени в научно-фантастическом дискурсе осуществляется при помощи знаков-хрононимов; в то же время, лингвосемиотическая креативность здесь проявляется как оперирование трудно постижимыми разумом человека величинами времени, которые абсолютно реальны для участников научно-фантастического дискурса: отсчет времени ведется при помощи знаков-псевдохрононимов.

Значительную долю лингвокреатем, связанных с измерением и семиотизацией времени как феномена будущего, составляют знаки-хронофантомы, которые существуют исключительно в воображении экспериментирующих авторов-фантастов и практически не поддаются достаточно четкому описанию / дефинированию. Одни номинированы префиксальной частицей «хроно-», детерминирующей значение (сильно размытое и трудно поддающееся определению) следующей за ней привычной основы, что делает результирующие единицы лингвокреатемой («хронокарман», «хроновыверт», «хроноускоритель», «хронобур» и т. д.); другие же единицы

ирреальны и фантомны, хотя их значения более прозрачны («тоннель, ведущий в прошлое», «петля времени», «антивремя», «мнимое время», «преобразованное время»).

В нашем исследовании выделены такие типы терминологических лингвокреатем научно-фантастического дискурса, как технонимы, т. е. знаки технологических устройств инновационного типа; транспонимы, т. е. знаки инновационной транспортировки; сайентонимы, т. е. знаки, денотирующие новые области науки и научной теории; бионимы, т. е. знаки, рефлектирующие объекты биологического вида в целом, подвергаемые изучению ученых будущего; зоонимы, подтип бионимов – лексемы, семиотизирующие разнообразие фауны на других планетах; флоронимы, подтип бионимов – лексемы, семиотизирующие разнообразие растений на других планетах. Наиболее частотными в нашем материале оказались лингвокреатемы-технонимы, денотирующие разнообразные космические приборы, устройства обеспечения технической поддержки космических полетов, аксессуары космонавтов, аппараты и конструкции будущего, существующие пока только в воображении агентов дискурса.

В научно-фантастическом дискурсе институциональность актуализируется при помощи соответствующих знаков, созданных воображением его агентов и имеющих статус лингвокреатем. Выделяются следующие типы знаков: алиенативы, т. е. знаки, денотирующие институционалов-инопланетян, как правило, противостоящих землянам или неприязненно к ним относящихся; институционимы, т. е. знаки, семиотизирующие институты, организации, правовые и иные социально значимые установления, регулирующие общественные процессы; знаки, денотирующие важные и социально значимые понятия и концепты; мифонимы, т. е. ирреальные знаки-референты социальных мифов инопланетного пространства; профессионализмы, т. е. знаки, денотирующие разнообразные фантастические профессии и занятия протагонистов дискурса;

псевдоэтнонимы, т. е. знаки, денотирующие ирреальную принадлежность протагонистов к неким «расам», «народам», космическим «этносам»; статонимы, т. е. знаки социального или институционального статуса героев дискурса.

как экспликация креативной функции языка и речи в разноуровневых вербальных и невербальных знаках (семиотический уровень); экспликация смысла (семантический уровень); наличие в смысловом содержании лингвокреатива компонента зрелищности,

Подводя итоги, отметим, что для типологизации единиц лингвосемиотической креативности – лингвокреатива – применен соответствующий принцип, заключающийся в последовательно реализуемой возможности определить наличие / отсутствие вербальной составляющей вовлеченного в коммуникацию комплекса знаков, что в результате позволило по этому параметру выделить пять типов лингвокреатива – лингвокреативы действий и состояний, лингвокреативы объектов и предметов, лингвокреативы измерений расстояний и времени, терминологические лингвокреативы, институциональные и социальные лингвокреативы. Лингвокреативы представлены номинациями и выявляются нами при помощи ряда оснований, таких

отвечающего за эффективность вербального воздействия (прагматический уровень).

1. Копнина Г.А., Сквородников, А.П. Стилистика креатива и эколлингвистика: точки соприкосновения / Г.А. Копнина, А.П. Сквородников // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (38): в 2-х ч. Ч. I. С. 101–104.
2. Кубрякова Е.С. Части речи в ономазиологическом освещении: Монография. – М.: Наука, 1978. – 114 с.
3. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография / А.В. Олянич. – Волгоград: Парадигма, 2004. – 507 с.
4. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса / А.В. Олянич. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2007, 407 с.
5. Степанова Г.В., Шрамм А.Н. Введение в семиологию русского языка / Г.В. Степанова, А.Н. Шрамм. – Калининград: КГУ, 1980. – 159 с.
6. Шейгал Е.И., Олянич А.В. Типы семантических перегруппировок при переводе информативно-насыщенных глаголов / Е.И. Шейгал, А.В. Олянич //

Переводческие аспекты сопоставительных исследований.
Пермь, 1988. С. 45–55.

1. Koptina G.A., Skovorodnikov, A.P. Stilistika kreativna i e'kologingvistika: tochki soprikosnoveniya / G.A. Koptina, A.P. Skovorodnikov // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2014. № 8 (38): v 2-x ch. Ch. I. С. 101–104.

2. Kubryakova E.S. Chasti rechi v onomasiologicheskom osveshhenii: Monografiya. – M.: Nauka, 1978. – 114 s.

3. Olyanich A.V. Prezentacionnaya teoriya diskursa: monografiya / A.V. Olyanich. – Volgograd: Paradigma, 2004. – 507 s.

4. Olyanich A.V. Prezentacionnaya teoriya diskursa / A.V. Olyanich. – M.: ITDGK «Gnozis», 2007, 407 s.

5. Stepanova G.V., Shramm A.N. Vvedenie v semasiologiyu russkogo yazyka / G.V. Stepanova, A.N. Shramm. – Kaliningrad: KGU, 1980. – 159 s.

6. Shejgal E.I., Olyanich A.V. Tipy semanticheskix peregruppirovok pri perevode informativno-nasyshennyx glagolov / E.I. Shejgal, A.V. Olyanich // Perevodcheskie aspekty sopostavitel'nyx issledovanij. Perm', 1988. S. 45–55.

UDC 81.32

THE TYPOLOGY OF LINGUA-CREATEMS IN SCI-FI-DISCOURSE

Rylschikova Lubov Mikhajlovna,

Volgograd State Agrarian University,
Senior lecturer of chair of foreign languages,
Candidate of Philological Sciences,
Volgograd, Russia,
E-mail: rylshchikova.lubov@mail.ru

Annotation

The article deals with the concept of linguistic and semio-linguistic creativity in relation to the discourse of science fiction; discussed and defined is the concept of lingua-createm as the basic unit of the lexical-semantic system of science-fiction discourse. Described is the semio-linguistic principle of its allocation; presented are the reasons for this selection: 1) the explication of the creative function of language and speech in a multi-level non-verbal signs (lingua-createm typology on this basis can thus be called a semiotic level); 2) the basis for lingua-createm typology, based on the explication of meaning, i. e., semantic level typology; 3) the presence of the entertainment component within the lingua-createm semantic content, responsible for the effectiveness of the verbal action (pragmatic level typology). The article offers the lingua-createm typology containing five types – lingua-createm-actions and lingua-createm-conditions, lingua-createm-objects and measuring distances, lingua-createms of time, lingua-createms of terminology, institutional and social lingua-createms. We give the definition of each selected type.

Key words:

discourse, sign, lingua-createm, nomination, semio-linguistics.

УДК 81.32

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ АКВА- И ИХТИОКУЛЬТУРЫ: КРИТЕРИИ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Захарова Алла Сергеевна,

Волгоградский государственный аграрный университет,
кафедра иностранных языков,
старший преподаватель,
Волгоград, Россия,
E-mail: allazakharova2010@mail.ru

Аннотация

В статье обсуждаются дискурсивные практики аква- и ихтиокультуры; дается определение аква- и ихтиокультуре, предлагается описание их лингвосемиотической структуры. Исследуются знаки аква- и ихтиокультуры в статусе прагматонимов (аквонимы и ихтионимы), изучается их бытование в соответствующих дискурсах – научном, рыболовном и гастрономическом (глуттоническом). Рассматривается понятие дискурсивной практики в целом и её актуализация применительно к данным типам дискурсивного пространства; предлагаются способы и критерии типологизации соответствующих дискурсивных практик. Дается типология дискурсивных практик аква- и ихтиокультуры в научном, рыболовном и гастрономическом (глуттоническом) дискурсивных пространствах. Делается вывод о динамизме дискурсивных практик аква- и ихтиокультуры, проявляющемся в расширении репертуара вовлекаемых в коммуникацию знаков и в проникновении прагматонимов (аквонимов и ихтионимов) в иные дискурсивные пространства с течением времени.

Ключевые слова:

аквакультура, дискурс, знак, ихтиокультура, лингвосемиотика.

Как известно, дискурсивные практики представляют собой категорию, «...которая обозначает речевую деятельность, осуществляемую в соответствии с требованиями определенного типа дискурса в процессе его производства и воспроизводства. Данная категория подразумевает наличие в нашей повседневной реальности не одного, но множества самых различных типов и видов дискурсов, функционирующих одновременно и пронизывающих социальное пространство в виде

автономных, гетерогенных и непрерывных информационных потоков» [15, с. 288]. В то же время, О.С. Иссерс справедливо отмечает, что «...само определение понятия «дискурсивная практика» не отличается терминологической четкостью, по-видимому, в силу того, что научное и «наивное» понимание «практики» не слишком различаются <...> Как в научных определениях данного понятия, так и в лексическом значении слова «практика» ключевыми являются идеи «деятельности»

и «опыта» (как умения, навыка и обычая) <...> Применительно к дискурсивным практикам речь может идти о появлении новых коммуникационных каналов, смещении дискурсов и кодов (интердискурсивность, поликодовость), а также формировании новых идентичностей и идеологий, стимулирующих трансформацию дискурсов» [7, с. 231].

Несмотря на терминологическую размытость понятия «дискурсивные практики», можно предположить, что этот феномен есть не что иное, как речевое явление, лингвосомиотически рефлектирующее тот или иной тип / вид культуры или даже включенное в него и его характеризующее. Исходя из такого предположения, можно обозначить ряд возникающих проблем, а именно:

- проблему типологизации соответствующих той или иной культуре дискурсивных практик;
- проблему выделения и типологического описания единиц, включенных в дискурсивные практики той или иной культуры;
- проблему возникновения и проявления динамизма дискурсивных практик.

Предлагаемая статья нацелена на поиск критериев типологизации дискурсивных практик аква- и ихтиокультуры, а также лингвосомиотического описания знаков-номинаций, включенных в дискурсивное пространство данных типов культуры.

Лингвосомиотическое пространство аква- и ихтиокультуры представляет собой, с одной стороны, широкую сферу агрикультуры, поскольку добыча, производство и содержание рыбы и иных водных (прудовых, речных и морских) продуктов протекают в сельской местности, являясь частью аграрного процесса как феномена производства, так и феномена научной сферы; с другой стороны, оно составляет обширную зону актуализации витальных потребностей, связанную с глуттоническими (гастрономическими) процессами потребления представителей ихтио- и аквакультур – добычей, обработкой, приготовления и подачи на стол.

Это пространство наполнено системой знаков номинативного характера, имеющих прагматические свойства, такие как, во-первых, отнесенность к практической области деятельности Homo consummatus – Человека потребляющего; во-вторых, соотносённость с зоной потребительских водных ресурсов среды обитания рыбных и ракообразных особей как объектов добычи и обработки; в-третьих, включённость в процессы добычи, воспроизведения и обработки широкой зоны знаков инструментального типа. Таким образом, можно говорить о разветвленной типологии знаков-номинаций, чей статус носит прагматический характер и позволяет именовать их при помощи зонтичного термина «прагматоним».

Под понятием «прагматонимы» мыслятся «... условно объединяемые группы номинативных единиц, имеющих денотаты в прагматической сфере деятельности человека: предметы домашней утвари, мебель, продукты питания, одежда, точки питания» [11, с. 110]. Как отмечает Л. Р. Ермакова, «... прагматический аспект человеческой экзистенции в сфере потребления манифестируется в соответствующих данной области языковых формах и структурах, частью которых являются прагматонимы. Коннотативная семантика данного вида языковых единиц понимается как система семантических следствий, культурных предпочтений носителей языка, необходимых для выяснения «коннотативного репертуара» (термин Ю. А. Сорокина) той или иной лингвокультурной общности в реальных условиях общения» [4, с. 7].

Прагматонимы как группа номинативных единиц изучались в различных аспектах и на материале ряда языков: русского [12; 6], немецкого [2; 9], английского [5], в сопоставлении русского и чешского [13], азербайджанского и турецкого [8], а также калмыцкого, русского и немецкого языков [1]. Термин «ресурсоним» как объединяющий номинации источников жизнеобеспечения и питания введен Т. Н. Некрасовой и А. В. Оляничем [10]. Ресурсонимы глуттонического типа вместе

с другими классами прагматонимов (например, виверонимы как знаки продуктов выживания и питания) изучались также Н.И. Дороховой в диахроническом аспекте на материале древнеанглийского и среднеанглийского языка [3].

Перечисленные типы знаков в силу их поливекторной природы активно включаются в различные типы дискурсов: с одной стороны, являясь объектами изучения биологии, агрономии и ихтиологии, такие знаки являются операциональными единицами дискурсивных практик науки; с другой стороны, будучи вовлеченными в коммуникацию, основанную на удовлетворении потребностей, они представляют собой операциональные единицы таких потребностно ориентированных дискурсов, как рыболовный и глуттонический (гастрономический), и оказываются вовлеченными в соответствующие дискурсивные практики.

Таким образом, типологизация дискурсивных практик аква- и ихтиокультуры подчиняется таким критериям, как а) наличие признака исследовательской рефлексии окружающей действительности («что это такое, как оно устроено и как бытует / работает»), и тогда определяется научный тип дискурсивных практик; б) наличие признака детерминации витальной потребности («как добыть, чтобы потребить и, соответственно выжить»), в этом случае формируется потребностный тип дискурсивных практик.

Характерными признаками научного типа дискурсивных практик аква- и ихтиокультуры выступают:

– наличие латиноязычных классификационных терминов (например, в дискурсе англоязычной ихтиологии присутствуют такие латиноязычные номинации, как **actinopterygii (ray-finned fishes)**, лучеперые) – *holostei*: the gars and bowfins; *osteoglossiformes*: the bony-tongued fishes; *elopomorpha*: tarpon, bonefishes, eels, and gulpers; *clupeomorpha*: herrings, anchovies; *ostariophysii*: milkfishes, carp, danios, goldfishes, loaches, minnows, characins, piranhas, tetras, knifefishes, and catfishes; *salmoniformes*: salmon and trout; *esociformes*: pike and pickerel;

osmeriformes: smelts and galaxiids; *stomiiformes*: bristlemouths and marine hatchetfishes; *myctophiformes*: lanternfishes; *lampriiformes*: oarfish, opah, and ribbonfishes; *polymixiiformes*: beardfishes; *percopsiformes*: including cavefishes and trout-perches; *batrachoidiformes*: toadfishes; *lophiiformes*: anglerfishes; *gadiformes*: cods; *ophidiiformes*: pearlfishes; *mugiliformes*: the mullets; *atheriniformes*: silversides and rainbowfishes; *beloniformes*: flyingfishes; *cetomimiformes*: whalefishes; *cyprinodontiformes*: livebearers, killifishes; *stephanoberyciformes*: ridgeheads; *beryciformes*: fangtooths and pinecone fishes; *zeiformes*: dories; *gobiesociformes*: clingfishes; *gasterosteiformes*: sticklebacks; *syngnathiformes*: seahorses and pipefishes; *synbranchiformes*: swamp eels; *tetraodontiformes*: triggerfishes, filefishes and pufferfishes; *pleuronectiformes*: flounders and flatfishes; *scorpaeniformes*: scorpionfishes and sculpins; *perciformes*: anabantids, basses and sunfish, cichlids, gobies, gouramis, mackerel, tuna, perches, scats, whiting, wrasses)¹;

– присутствие последовательной характеристики того или иного класса рыб с описанием устройства их тела, специфики строения скелета, приспособленности к окружающей среде, особенностей питания и т.п. (например, как в следующем дискурсивном фрагменте: *Ray-finned fishes (Actinopterygii) are the most diverse of the major groups of fishes, containing more than 25,000 species such as gars, bowfin, eels, salmon, trout, catfish, piranhas, lanternfish, cods, anglerfish, tarpon, basses, cichlids, butterflyfish, wrasses, parrotfish, and many others. Ray-finned fishes share a set of basic characteristics, including a skeleton made up of true bone (although cartilage is also present in many places), an upper jaw that consists of two bones (the maxilla and premaxilla),*

1 Обратим особое внимание на то, что для научных дискурсивных практик аква- и ихтиокультуры характерна лингвосемиотическая номинативная ситуация использования латиноязычных терминов в качестве знаково-классификаторов, а их англоязычных эквивалентов – в качестве знаково-прагматонимов, когнитивно освоенных как научной (ученые-ихтиологи), так и широкой общественностью (рыбаки, потребители).

and fins that are supported by a set of bony spines and rays covered with a thin layer of skin. The skull of ray-finned fishes is extremely diverse and highly adaptable. It contains a large number of different mechanisms for enhancing bite force and jaw protrusion, resulting in a wide range of feeding adaptations and ecological roles for the actinopterygian fishes).

Для дискурсивных практик рыболовства характерно широкое использование, прагматонимов-ресурсонимов сферы «Хабитат», т. е. среда обитания и вылова / добычи, например, таких как английские номинации *river, creek, pond, lake, bay, sea, ocean, fiord, gulf* (их русскоязычные эквиваленты *река, ручей, пруд, озеро, залив, море, океан, фьорд, пролив*). К сфере «Среда обитания» также относятся знаки-номинации территории выращивания (культивации) ихтио- (рыба, моллюски, ракообразные) и аквакультур (морские водоросли, морская капуста и т. п., английские вербалии типа *fishfarm, clamsfarm, shrimpsfarm* и их русские эквиваленты например, *рыбо-завод* и *форелевое (осетровое) хозяйство*). Кроме того, рыборазведение в России и англоязычных странах оказывается возможным в искусственных прудах и запрудах, а также в искусственных водоёмах у дамб и гидроэлектростанций (см. английские номинации и их русские эквиваленты: *dam* – плотина, дамба, запруда, перемычка, матка, мол; *dike* – дамба, дайка, плотина, ров, защитная дамба, запруда; *dyke* – дамба, дайка, плотина, дейк, ров, запруда; *pond* – пруд, водоем, бассейн, садок, запруда; *weir* – плотина, водослив, запруда; *bay* – бухта, залив, губа, запруда; *barrage* – заграждение, плотина, барраж, запруда; *hatch* – шлюз, запруда; *lasher* – водослив, плотина, запруда; *wear* – запруда).

Ловля и добыча ихтиокультур вместе с аквакультурами осуществляется при помощи особых, приспособленных для этого судов (номинация *траулер*, англ. *trawler*), на борту которых зачастую происходят обработка и переработка рыбопродуктов для доставки их потребителю в виде полуфабрикатов.

Промышленный лов рыбы осуществляется при помощи сетей и тралов (англ. номинации *trawl, net*); при любительском лове используют удочки (английская номинация *fishingrod*), спиннинги (английская номинация *spinning*), закидные (английская номинация *pullingnet*) и завозные сети (английская номинация *deliverynet*); последние, как правило, являются браконьерским способом лова и запрещены в цивилизованных странах. Для лова ракообразных и моллюсков часто используются сетчатые ловушки (*catch*).

В любительском лове ихтиокультур также принимают участие ныряльщики (англ. номинация *divers*) и охотники с подводными ружьями (английская номинация *speargun divers*) или острогами (см. синонимичные номинации *spear* – копьё, гарпун, дротик, острога; *lance* – копьё, пика, острога; *fizgig* – острога, гарпун; *gig* – острога; *harpoon* – гарпун, острога, багор; *gaff* – багор, острога, гафель; *leister* – острога; *fishspear* – острога; *fishfork* – острога; *fish-gig* – гарпун, острога).

Для дискурсивных рыболовных практик характерны дескрипции повадок и привычек рыбных особей, главные из которых включают в себя территориальные и сезонные предпочтения; Л. П. Сабанеев, например, так дискурсивно фиксирует предпочтения сазана (подчеркнуты ниже):

«Мелкий сазан, до 3-летнего возраста, постоянно живет по плесам и заливам, выбирая такие, которые изобилуют камышом (очеретом). Здесь он и зимует, но весной также выходит на разливы – не для нереста, а ради более обильного корма на займище и по причине сильного течения в русле реки во время водополья. Взрослый же сазан редко избирает своим местопребыванием такие плесы и заливы, хотя и выходит туда жировать. Как в открытой реке, так и в больших проточных прудах пристанищем его служат более или менее глубокие (в несколько сажен) ямы, недоступные неводу. Крупные сазаны живут всегда в больших ямах, заваленных ломом (щепой) и корягами. Горбатый вариант сазана, известный на Волге,

Сердобе и других реках под названием горбыля, а местами (по Северному Донцу) неправильно называемый коропом, всегда предпочитает подобные неприступные убежища. Вообще сазаны в реке, кроме горбылей, избегают слишком иловатых или песчаных мест и избирают своим местопребыванием ямы с глинистым дном – по той причине, что такие ямы расположены почти всегда уступами или имеют много глыб; эти уступы и глыбы заменяют недостающие коряги. Большую часть такие ямы бывают под обрывами и крутоярами, в изгибе, делаемом рекой. В озерах и прудах карп предпочитает ямам плавучие берега, а иногда держится и в камышках. В небольших реках он часто живет под мостами, где обыкновенно бывает глубоко между сваями» [14, с. 35].

В рыболовные дискурсивные практики также входят дескрипции способов ловли и денотации соответствующего ловле времени, что фиксируется в дискурсе при помощи прагматонимов-инструментативов (см. ниже – выделены курсивом) и прагматонимов-хрономимов (см. ниже – подчеркнуты):

«Лучшее время дня для ловли карпа, бесспорно, раннее утро, особенно летом. В жаркое время карп, как было уже замечено, жирует и ночью, но так как ужение его на донную неудобно и малоупотребительно, то ночная ловля почти вовсе неизвестна и имеет случайный характер, тем более что ловить приходится в неглубоких заводях или даже на мелях. Впрочем, я полагаю, что в мае и в июне можно ловить почти всю ночь с поплавками, надевая на них черные бумажные кружочки, достаточно заметные на более светлом фоне поверхности воды. Н. Домбровский, придавая очень важное значение ночному ужению, советует ловить

с фонарем, с сильным рефлектором, освещающим поплавки. Я имею основание думать, что утренний клев сазана летом на своих обычных местах, т. е. в глубоких ямах с слабым течением, может быть разделен на ранний – от рассвета до восхода и поздний – с 6 до 8 или 9 часов утра. В первом случае карпы берут приманку, возвращаясь с ночной жировки, во втором – отправляясь на утреннюю кормежку. Самые крупные сазаны берут почти исключительно ранним утром или даже на рассвете. Большинство рыболовов, кажется, не пользуется ранним клевом по многим причинам, хотя сазан до восхода берет гораздо решительнее и смелее, чем

когда совсем ободняет. Продолжительным бросанием привады в известные утренние или вечерние часы можно приучить карпов посещать прикармливаемое место и в не совсем урочное время, а этих рыб очень редко ловят без предварительной прикормки. Но вечерний клев почти всегда бывает хуже утреннего, и вечерами обыкновенно вдет на удочку мелкий карп. Вообще, вечерный клев неправилен и непостоянен: в одних местах карпы берут с 2–3 часов пополудни до 6, в других – от 6 до 8. В конце лета и в начале осени, т. е. в августе и сентябре, когда вода похолодеет, сазаны нередко всего лучше ловятся на удочку с 9 часов утра до 11» [14, с. 36].

Для глоттонических (гастрономических) дискурсивных практик аква- и ихтиосферы регулярно употребление аква- и ихтиономинаний в контекстах переработки, подачи и потребления рыб, моллюсков и ракообразных, т. е. в контекстах кулинарных рецептов и этноспецифических текстах масс-медиа (травелоги, телепередачи о кулинарных путешествиях, Интернет-блоги и проч.). Зачастую гастроно-

мические дискурсивные практики аква- и ихтиокультуры совмещают лингвосомиотическую репрезентацию данной номинативной сферы, например, кулинарный рецепт помещают в контекст этноспецифического кулинарного травелога:

«Начнем наш кулинарно-сомовий экскурс с Америки. Странные люди, эти американцы. Похоже, сома они ни чуточки не боятся, за длинные усы (сом с усом) прозвали «рыбой-котом» (catfish) и разводят «рыбокота» на фермах аж в 34 штатах (главный – Миссисипи). Научили их этому, скорее всего, индейцы – в жаркое время, когда пруды, где живут сомы, начинали высыхать, южные племена без труда запасались рыбой впрок. Американские сомы очень распространены в современной кухне США – их варят, тушат, запекают, кладут в сэндвичи, готовят по-каджунски, «обугливая» до черноты на раскаленной сковороде. В южных штатах даже Страстную пятницу часто называют Catfish Friday, так как в этот день принято есть рыбу и чаще всего – именно сома.

Как-то мне попалось на глаза меню обеда, которым Буш на своем тexasском ранчо потчевал нашего Путина. Этот знаменитый обед готовился под руководством известного тexasского ковбоя-гастронома Тома Перини, который иногда поставляет тexasскую еду в Белый дом. Не так давно Перини приезжал в Питер, познакомился с Ильей Лазерсоном, поведал ему про то самое меню, но секретов своих так и не выдал. С Ильей такие штучки не проходят – разузнает всенепременно. Довольно скоро он волею случая оказался в Техасе, и поскольку политика его интересует меньше, чем кулинария, то не у Буша, а на соседнем ранчо – у Тома. Деваться Тому было некуда (гостям тexasцы никогда не отказывают), и Илья вернулся домой с победой – вооруженный всеми деталями президентской трапезы, в том числе, и рецептом... жареного «рыбокота» по-тexasски, который пришелся по вкусу нашему президенту:

Тexasский жареный сом по-президентски.

1 сом весом 1,5–2 кг. Для льезона: 3/4 стакана молока; 1 яйцо; 2 ч. л. соли; 1/2 ч. л. дро-

бленого белого перца. Для панировки: 2 стакана кукурузной муки, 1/4 стакана пшеничной муки; 1 ч. л. молотого сухого кайенского перца; 1/2 ч. л. молотого черного перца; 1 ч. л. соли; 1/4 ч. л. лукового порошка; 1/4 ч. л. чесночного порошка. Сома разделать на филе без кожи, нарезать ломтиками (как спичечный коробок, только немного тоньше). Приготовить льезон, смешать все ингредиенты для панировки. Погрузить ломтики рыбы в льезон, запанировать и жарить в полуфритюре до готовности» [Гастрономъ].

Как видим, основным лингвосомиотическим параметром гастрономической дискурсивной практики аква- и ихтиокультуры оказывается инсталляция аква- или ихтиознака (в нашем случае это прагматоним «сом» – catfish) в этнокультурную среду (культура США – «южные штаты», «Миссисипи», «индейцы», «готовить по-каджунски», «сом по-тexasски», специфическое название Страстной пятницы «Catfish Friday»). Добавим, что этнокультурный контекст гастрономии способен обогащаться за счет дискурсивных практик иных типов коммуникации; в нашем случае это коммуникация политическая (прием президентом Бушем Владимира Путина на своем тexasском ранчо, поставка тexasской еды в Белый дом, президентская трапеза). Наконец, смысл, денотируемый аква- или ихтиознаком, детерминирует этноспецифику собственно кулинарного рецепта как неотъемлемой составляющей общего контекста данной дискурсивной практики.

Подведем итоги.

Типологизация дискурсивных практик аква- и ихтиокультуры может быть осуществлена при помощи таких критериев, как наличие признака исследовательской рефлексии окружающей действительности (определяется научный тип дискурсивных практик), а также наличие признака детерминации витальной потребности (уточняются потребностные типы дискурсивных практик, такие как рыболовный и гастрономический / глоттонический).

Признаками научного типа дискурсивных практик аква- и ихтиокультуры выступают

наличие латиноязычных классификационных терминов и присутствие последовательной характеристики того или иного класса рыб, моллюсков и ракообразных.

В дискурсивных практиках рыболовства регистрируется широкое использование прагматонимов-ресурсонимов сферы «Хабитат», т.е. среды обитания и вылова / добычи элементов аква- и ихтиокультуры; имеют место дескрипции их повадок, привычек, способов их ловли; детерминируются денотации соответствующего ловле времени, дискурсивно фиксируемые при помощи прагматонимов-инструментативов и прагматонимов-хрононимов.

Гастрономические дискурсивные практики аква- и ихтиокультуры предусматривают совмещение разножанровых контекстов (кулинарный рецепт и кулинарный этногастролог) в лингвосемиотической репрезентации данной номинативной сферы, при этом этнокультурный контекст гастрономии способен обогащаться за счет дискурсивных практик иных типов коммуникации (например, политической).

1. Боваева Г.М., Олянич А.В. Лингвокультурная специфика знаков этнических пищевых предпочтений калмыцкого, русского и немецкоязычных народов: монография [Текст] / А.В. Олянич, Г.М. Боваева. – Волгоград: Изд-во ВолГАУ, 2013. – 220 с.

2. Быкова О.И. Этнокультурный репертуар немецких прагмонимов [Текст] / О.И. Быкова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – № 2. – С. 5–15.

3. Дорохова Н.И. Лингвосемиотика социальной дифференциации среды обитания англосаксонского и англо-норманнского этносов (V–XV вв.) [Текст] / Наталья Ивановна Дорохова. – Дисс. канд. филол. наук. – Специальность 10.02.04 – германские языки. – Волгоград, 2013. – 240 с.

4. Ермакова Л.Р. Глуттонические прагматонимы и национальный характер (на материале русской и английской лингвокультуры) [Текст] / Лариса Робертовна Ермакова. – Дисс. канд. филол. наук. – Специальность 10.02.19 – теория языка. – Белгород, 2010. – 239 с.

5. Захаров С.В. Лингвосемиотика англосаксонской институциональной глуттонии [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки / С.В. Захаров; Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград, 2008. – 20 с.

6. Исакова А.А. Эволюция прагмонимического пространства: структура, семантика, прагматика: на материале соврем. механонимии [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: специальность 10.02.19 / А.А. Исакова; [Кубан. гос.

ун-т]. – Краснодар, 2008. – 46 с.

7. Иссерс О.С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность // Вестн. Ом. ун-та. 2011. № 4. С. 227–232.

8. Олянич А.В., Бараташвили Э.Э. Лингвокультура тюркоязычного гастрономического общения: монография [Текст] // А.В. Олянич, Э.Э. Бараташвили. – Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2012. – 152 с.

9. Олянич А.В., Головницкая Н.П. Лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса: монография [Текст] / А.В. Олянич, Н.П. Головницкая. – Волгоград: ИПК ФГОУ ВПО ВГСХА «Нива», 2008. – 180 с.

10. Олянич А.В., Некрасова Т.Н. Лингвосемиотика глуттонии в автомобильном путешествии // Дискурс, социум, креативность: коллективная монография [Текст] / А.В. Олянич, Т.Н. Некрасова. – Отв. ред. М.Ю. Олешков. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2012. – 510 с. (Серия «Язык и дискурс». Вып. 4). – С. 107–116.

11. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии [Текст] / Н.В. Подольская; отв. ред. А.В. Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 187 с.

12. Романова Т.П. Система способов словообразования рекламных собственных имен [Текст] / Т.П. Романова // Вестник Самарского государственного университета. Гуманит. вып. – Самара, 2007. – № 5/2 (55). – С. 204–214.

13. Рябова Л. Русская и чешская цибонимия в лингвокультурологическом аспекте [Текст]: дис. ... magisterartium (славян. филология). – Тарту, 2005. – 240 с.

14. Сабанеев Л.П. Рыбы России (Том второй) / Л.П. Сабанеев. – М.: ТЕРА, 1993.

15. Сарна А.Я. Дискурсивные практики // Социология: Энциклопедия. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом. / Ред. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. 2003. – 1312 с.

1. Bovaeva G.M., Olyanich A.V. Lingvokul'turnaya specifika znakov e'tnicheskix pishhevyyh predpochtenij kalmyckogo, russkogo i nemeckoyazychnyx narodov: monografiya [Tekst] / A.V. Olyanich, G.M. Bovaeva. – Volgograd: Izd-vo VolGAU, 2013. – 220 s.

2. Bykova O.I. E'tnokul'turnyj repertuar nemeckix pragmonimov [Tekst] / O.I. Bykova // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. – 2005. – № 2. – S. 5–15.

3. Doroxova N.I. Lingvosemiotika social'noj differenciacii sredy obitaniya anglosaksonskogo i anglo-normannskogo e'tnosov (V–XV vv.) [Tekst] / Natal'ya Ivanovna Doroxova. – Diss. kand. filol. nauk. – Special'nost' 10.02.04 – germanskijeazyki. – Volgograd, 2013. – 240 s.

4. Ermakova L.R. Glyuttonicheskie pragmatonimy i nacional'nyj karakter (na materiale russkoj i anglijskoj lingvokul'tur) [Tekst] / Larisa Robertovna Ermakova. – Diss. kand. filol. nauk. – Special'nost' 10.02.19 – teoriya yazyka. – Belgorod, 2010. – 239 s.

5. Zaxarov S.V. Lingvosemiotika anglosaksonskoj institucional'noj glyuttonii [Tekst]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04 – germanskijeazyki / S.V. Zaxarov; Volgogr. gos. un-t. – Volgograd, 2008. – 20 s.

6. Isakova A.A. E'voljuciya pragmonimicheskogo prostranstva: struktura, semantika, pragmatika: na materiale sovrem. mexanonimii [Tekst]: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: special'nost' 10.02.19 / A.A. Isakova; [Kuban. gos. un-t]. – Krasnodar, 2008. – 46 s.
7. Issers O.S. Diskursivnaya praktika kak nablyudaemaya real'nost' // Vestn. Om. un-ta. 2011. № 4. S. 227–232.
8. Olyanich A.V., Baratashvili E'E'. Lingvokul'tura tyurkoyazychnogo gastronomicheskogo obshheniya: monografiya [Tekst] // A.V. Olyanich, E'E'. Baratashvili. – Volgograd: Volgogradskij GAU, 2012. – 152 s.
9. Olyanich A.V., Golovnickaya N.P. Lingvokul'turnye karakteristiki nemeckoyazychnogo gastronomicheskogo diskursa: monografiya [Tekst] / A.V. Olyanich, N.P. Golovnickaya. – Volgograd: IPK FGOU VPO VGSXA «Niva», 2008. – 180 s.
10. Olyanich A.V., Nekrasova T.N. Lingvosemiotika glyuttonii v avtomobil'nom puteshestvii // Diskurs, socium, kreativnost': kollektivnaya monografiya [Tekst] / A.V. Olyanich, T.N. Nekrasova. – Otv. red. M. Yu. Oleshkov. – Nizhnij Tagil: NTGSPA, 2012. – 510 s. (Seriya «Yazyk i diskurs». Vyp. 4). – S. 107–116.
11. Podol'skaya N.V. Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii [Tekst] / N.V. Podol'skaya; otv. red. A.V. Superanskaya; AN SSSR, In-t yazykoznaniya. – 2-e izd., pererab. i dop. – M.: Nauka, 1988. – 187 s.
12. Romanova T.P. Sistema sposobov slovoobrazovaniya reklamnyx sobstvennyx imen [Tekst] / T.P. Romanova // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanit. vyp. – Samara, 2007. – № 5/2 (55). – S. 204–214.
13. Ryabova L. Russkaya i cheshskaya cibonimiya v lingvokul'turologicheskom aspekte [Tekst]: dis. ... magisterartium (slavyan. filologiya). – Tartu, 2005. – 240 s.
14. Sabaneev L.P. Ryby Rossii (Tom vtoroj) / L.P. Sabaneev. – M.: TERRA, 1993.
15. Sarna A.Ya. Diskursivnye praktiki // Sociologiya: E'nciklopediya. – Minsk: Interpresservis; Knizhnyj Dom. / Red. A.A. Gricanov, V.L. Abushenko, G.M. Evel'kin, G.N. Sokolova, O.V. Tereshhenko. 2003. – 1312 c.

UDC 81.32

DISCURSIVE PRACTICES IN AQUA- AND ICHTHYO-CULTURES: THE CRITERIA OF A TYPOLOGICAL DESCRIPTION

Zakharova Alla Sergeevna,

Volgograd State Agrarian University,
Senior lecturer of the chair of foreign languages,
Volgograd, Russia,
E-mail: allazakharova2010@mail.ru

Annotation

The article discusses the discursive practices in aqua- ichthyo-cultures; defined are the aqua- and ichthyo-culture; it is proposed the semio-linguistic description of their structure. We study the signs of aqua- and ichthyo-cultures as obtaining the status of pragmatonyms (aquaonyms and ichthyonyms), studied is their existence in the respective discourses – scientific, fishing and gastronomic (gluttony) ones. The concept of discursive practices in general and its actualization in relation to these types of discursive space are being discussed; provided are methods and typology criteria relevant to certain discursive practices. We give a typology of discursive practices of aqua-and ichthyo-cultures in the scientific, fishing and gastronomic (gluttony) discursive spaces. It is concluded that the dynamism of discursive practices of aqua- and ichthyo-cultures is manifested in the expansion of the repertoire of signs involved in the communication and in the penetration of pragmatonyms (aquaonyms and ichthyonyms) in other discursive space over time.

Key words:

aqua-culture, discourse, ichthyo-culture, semio-linguistics, sign.

УДК 811.161.1'42

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНОЙ ГАСТРОНОМИИ В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

Шахнубарян Елена Гаврошевна,

Волгоградский государственный аграрный университет,
кафедра иностранных языков,
старший преподаватель,
Волгоград, Россия,
E-mail: elena-shakhnubarjan@rambler.ru

Аннотация

Статья посвящена актуализации знаков глоттонии (гастрономии), составляющих этнолингвокультуру русскоязычного и англоязычного народов в их древние времена (англосаксы и старославянский этнос), в соответствующих дискурсивных практиках лингводидактического дискурса. Знаки еды и продуктов питания (блюд) включены в достаточно стройную лингвосемиотическую систему. Рассматриваются и анализируются разные типы и виды кластеров знаков – номинаций в статусе прагматонимов (виверонимы, вендонимы, ресурсонимы, соционимы, глоттонимы, агронимы, ихтионимы и др.).

Ключевые слова:

агрикультура, знак, глоттония, глоттоним, прагматоним, вивероним, вендоним, ресурсоним, соционим, агроним, ихтионим.

Территория проживания англосаксонского этноса являлась основным источником жизнеобеспечения, природный ареал которой как раз и служил базовым ресурсом существования этноса, для обозначения которого использовался целый репертуар знаков-номинаций, которые мы предлагаем именовать обобщающим термином «*прагматонимы*» (т.е. знаки среды обитания, жизни и быта человека – [Дорохова, Олянич; Ермакова, Седых; Подольская; Суперанская]), а их частные случаи, связанные с питанием как способом выжить – термином «*вивероним*» (лат.

vivere – жить, выживать). В англосаксонской системе глоттонии (термин А.В. Олянич для обозначения системы знаков добычи, обработки, приготовления, подачи и потребления пищи – [Олянич]) преобладали естественные источники пищи, в пространстве которых добывался зверь на еду и пушнину, собирались грибы, ягоды, желуди для кормления свиней (номинация *áccærn m asoɽn* – желуди), лекарственные травы, выкашивалось сено, выращивались агрикультуры (леса, долины, плодородные пахотные земли); водные ресурсы (реки, озера, моря как источники добычи

рыбы и морепродуктов); ресурсы питьевой воды (ключи, колодцы, подземные водные резервуары); воздушное пространство, в котором охотники-лучники и королевские фальконьеры (охотники с хищными птицами – ястребами, соколами и орлами) били дичь на лету.

Дичь являлась важным ресурсом жизнеобеспечения: владелец трофеев всегда был вельможным охотником. На охоте королем и его приближенными добывались дикие животные, обозначаемые как *номинации-вендонимы*: дикая свинья (**swín**, *n* wild-boar, pig, hog); кабан (**wildeswín** *m* wild boar); дикие быки (**úr** *m* bison, aurochs; **wesend** *m* bison); архары и туры (**wedder**, *m* wether, sheep, ram); олени (**hrán** *m* reindeer); дикие козы (**ræge** *f* roe, a wild she-goat); дикие козлы (**wudubucca**, *m* wild buck, wild goat); дикие гуси (**wildgós** *f* wild goose).

Рыба и морепродукты также были чрезвычайно важным элементом в рационе англосаксов; они отправлялись на стол знати и присутствовали в рационе несвободных и бедных англосаксов; многие виды рыбы потреблялись знатью и бедняками; рыба и морепродукты имели и экономическую ценность: они являлись объектом дани зависимых рыбаков королю и другим их хозяевам (например, *ихтионим gafolfisc* *m* fish paid as rent). Водная среда обитания англосаксов среди своих даров содержала: 1) *речную и озерную рыбу* (обобщающий иктионим **éafisc** *m* a river fish; иктионимы угорь – **æl** *m* eel; налим – **éleþúte** *f* eel-pout, burbot; окунь – **bærs** *m* perch; сельдь – **grindle** *f* herring; линь – **slíw** *m* tench; голянь, пескарь, голец – **myne** *m* minnow; пузанка, алоза – **sceadd** *m* shad; минога – **lamrede**, **lempedu** *f* lamprey; щука – **hacod** *m* pike; 2) *рыбу, обитающую в морской (соленой) и речной (пресной) воде* (обобщающий вивероним **scealga** *m* sea- and riverfish; форель – **sceota** *m* trout; сельдь – **háring**, *m* herring; осетр – **styria** *m* sturgeon; лосось – **leax** *m* salmon; 3) *морскую рыбу* (обобщающая номинация **wæterléod** *m* fish); камбала **facg** *m* plaice; **flóc** *n* flat fish, flounder; кефаль – **heardhara** *m*

mullet; мурена – **merenæddra** *m* the murena; морской угорь – **sææþel** *m* sea-eel; скат – **ruhha** *m* ray (fish); сардина – **smelt** *m* sardine, smelt; треска – **codd** *m* cod; рыба-игла – **spicing** *m* spike; 4) *морских животных* – членистоногих (краб – **crabba** *m* crab; **wæterhæfern** *m* crab; **loppestre** *f* lobster; lopust); 5) *моллюскообразных* (моллюски – **muscelle**, **muscule** *f* shell-fish, mussel; устрицы – **ostre** *f* oyster; **sæostre** *f* sea-oyster; гребешки – **sæcocc** *m* cockle; **giðrife** *f* cockle; мидии – **sciellfisc** *m* shellfish; литорина (моллюск) – **winewincle** *f* periwinkle (shell-fish).

Кроме природных ресурсов англосаксы создавали ресурсы рукотворные – источники жизнеобеспечения, которые организовывались резидентами хабитата. Речь идет о культивации пахотной земли для получения урожаев зерновых культур и льна, который шел на изготовление одежды; о разбивке садов и огородов для получения урожаев фруктов и овощей; о выращивании домашних животных – коров, свиней, коз и овец, дающих мясо, молоко, масло, пахту, шкуры, костный материал для изготовления костяных украшений и инструментов для шитья и скорняжного дела; о выращивании лошадей как главных помощников англосаксов в хозяйстве и на поле брани, мулов и быков, которых использовали как тягловую силу; о выращивании домашней птицы – кур, гусей, уток, цесарок – на еду, на производство потомства и сбор яиц.

Пахотная земля давала зерновые (*номинации-агронимы* **wæte** *m* wheat; **ríp** *n* 1. reaping, harvest; 2. what is reaped or gathered in, cut corn, sheaf) как ресурсные элементы выживания; их количество и качество их запасов определяли социальный статус обладателя (**béow** *n* barley; **bere** *m* barley; **corn**, *n* corn, grain; **cornsæd** *n* a grain of corn; **dærst** *f* leaven; barm; **fahame** *n* peeled barley, pearl-barley [polentum]; **ryge**, *m* rye; **spelt** *m* spelt, corn).

Англосаксонский лексикон представлен номинациями-агронимами съедобных рас-

тений, культивируемых в садах и огородах Британских островов, таких как 1) **фрукты** – яблоки (**æppel** *m* apple, any kind of fruit, fruit in general; **æppelcynn** *n* kind of apple; **æppelcyrnel** *n* apple-pip, pomegranate); айва-«божий плод» (**coddæppel**, **godæppel** *m* quince); сливы (**plúmbled** *a*, **plúme** *a* plum); груши (**peru** *f* pear [L *pirum*]; **balsméde** *f* bergamot); вишни (**ciseræppel** *m* cherry); терн (**sláh**, **sláhþorn** *f* sloe blackthorn); 2) **разнообразные ягоды** – **beger**, **berig** *n* berry – виноград (**berie** *f* grape; *cine*); черника (**brémelæppel** *m*, **brémelberie** *f* blackberry); шелковица (**byrigberge** *f* mulberry); ежевика (**háþberie** *f* whortleberry); малина (**hindberge** *f* raspberry); клубника (**stréawberige**, **eorðberge** *f* strawberry); персики (**persic** *m* peach); 3) **орехи и иные скорлупковые** – миндаль (**ámigdal** *m* almond); орех лещина (**hæselhnutu** *f* hazel-nut); каштаны (**wealhhnutu** *f* walnut); 4) **корнеплоды** – репа (**ancre**, **antre** *f* radish); земляной огурец, топинамбур (**eorðæppel** *m* earth-apple, cucumber); земляной орех (**eorðhnutu** *f* an earth-nut, pug-nut); пастернак (**feldmore** *f* parsnip); редис (**rædic** *m* radish; морковь (**wealhmora** *m* carrot) или похожие на нее корнеплоды (**more** *f* carrot, parsnip); турнепс, брюква (**næp** *m* turnip); свекла (**béte** *f* beet, beetroot); 5) **бобовые** – **ofett** *n* legume – горошек (**piſe**, *f* pea; **piſecynn** *n* a kind of pea); горох (**béan** *f* bean, pea, legume); 6) **салатовые растения** – салат-латук (**lactuc**, **leahtric** *m* lettuce); капуста (**cawel** *m* cole, cole-wort, cabbage); 7) **грибы** – фунги (**swamm** *m* fungus, mushroom [Ger *schwamm*]); 8) **садовые и пряные травы** – лук-порей (**brádeléac** *n* leek); репчатый лук (**cípe** *f* onion); разные виды садового лука (**holléac** *n* a kind of onion; **hramsa** *m* onion); **por**, **porléac** *n* leek; **riscléac** *n* rush leek, rush garlic; **secgléac** *n* sedge-leek, rush-garlic, chive-garlic, rush-leek; **sinfulle**, **singréne** *f* house-leek); горчица (**codic** *n* charlock); чеснок (**gárléac**, **cropléac** *n* garlic); окопник (**galloc** *m* comfrey); садовые пряные травы (**léac** *n* garden-herb; костянка – растение со вкусом костного мозга (**mearg** *n* marrow);

мускатный шалфей (**slarege** *f* clary). На кухне короля и знати использовались пряные травы, обогащавшие вкус потребляемых блюд. Ароматы пряных трав (номинации **wyrt**, *f* herb, spice; **wyrtgemang** *n* mixture of herbs, spices) способствовали ощущению наслаждения от еды, придавали еде утонченный вкус, «вкус богатства и власти». Эта их гедонистическая особенность не позволяет именовать их знаками сферы выживания; это скорее **знаки-гедонимы**, т. е. номинанты наслаждения. Основной приправой (номинации **cócnung**, **syitung** *f* seasoning) являлся уксус (**гедоним æced** *n* vinegar; **eceddrenc** *m* acid drink, vinegar, a potion in which vinegar is an ingredient), который изготовляли из сброженного вина и удобряли пахучими растениями, произрастающими на территории Британии – гедоним **spíca** *m* spikenard, any aromatic herb, spice – мятой разных сортов (**balsminte** *f* spear-mint, water-mint); кориандром (**coliadre** *f* coriander); майораном (**wurmille**, **feltwurma** *m*); тимьяном (**fille** *f* thyme); диким тимьяном (**wuducúnelle** *f* wild thyme); петрушкой (**stánmerce** *m*; **petersilie** *f* parsley); дикой петрушкой (**wudumerce** *m* wild parsley); розмарином (**sundéaw** *m*, **boðen** *m* rosemary); шалфеем (**salfie** *f* sage); водяным кресс-салатом (**fencerse**, **cærse** *f* watercress); настурцией (**léaccærse** *f* nasturtium); кервелем (**wuducerfille** *f* wood-chervil).

Важным ресурсом жизнеобеспечения в среде обитания англосаксов являлись домашние животные и домашняя птица, которые отвечали всем витальным потребностям исследуемого этноса в описываемый исторический период. В ресурсный номинативный кластер данного типа входят лексические единицы-агронимы, номинирующие таких животных, как 1) **парно- и непарнокопытные млекопитающие** – рогатый скот в целом (**orf**, **orfcynn** *n* cattle, livestock; **hriðer** *n* neat cattle, ox, bull, cow, heifer); свиньи, хряки (**bearg**, barrow pig, hog; **eoforswín** *n* boar, boar pig, male swine); коровы (**cú**, *f* cow); козы (**gát** *f*, **hæfer** *m* goat); бараны (**ramm** *m*

gam; овцы (**scéap**, *n* sheep; в том числе мясной породы на убой – **snædungscéap**, *n* sheep for slaughter to be killed for eating); коровы мясной породы на убой (**metecú** *f* cow for killing); быки (**оха**, *m* ox; **oxancealf**, *n* ox-calf); мерины, т. е. кастрированные жеребцы (**mearh**, *m* horse, steed); быки (**fearhrýðer** *n* bull); 2) **молодь скота** – телята (**cealf**, *n* calf); поросята (**fearh** *m* little pig); жеребята (**stirc** *n* a heifer); новорожденные ягнята (**purlamb** *n* lamb without blemish); 3) **любая домашняя птица** (**fugel** *m* fowl, bird) – водоплавающая в целом (**fugeldoppe** *f* water-fowl; – гуси (**gós**, *f* goose; **gósfugol**, *m* goose); утки (**duce**, *f* duck) и прочая – павлины (**práwa** *m* peacock, peahen; **préa** *m* peafowl); каплуны (**capun** *m* capon); цесарки, перепелки (**cwenfugol** *m* hen-bird); петухи (**hana**, *m* cock); куры (**henn**, *f* hen; **henna**, *m* fowl; **hennfugol**, *m* hen); цыплята (**bridd**, *m* chicken; **cicen**, *n* chicken).

Исторический лексикон англосаксонского этноса фиксирует достаточную семиотическую наполненность данного сектора ресурсного номинативного кластера. Отмечены виверонимы: 1) молока (**meolc** *f* milk) разных типов (снятое молоко – **peorf** *f* fresh, skim milk; козье молоко – **hæfermeolc** *f* goat's milk; коровье молоко – **cúmeolc** *f* cow's milk; овечье молоко – **éowumeoluc** *f* ewe's milk; сгущенное молоко – **molcen** *n* coagulated or curdled milk [Ger molke]; **fld** *n* curdled milk; молоко лося или оленя – **weorfwmwoluc** *f* milk from wild cattle, elk's or deer's); 2) молочных продуктов (масло – **butergeþwéor** *n*, **butere** *f* butter; milk for butter-making; коровье масло – **cúbutere** *f* butter [cú]; творог – **calerclympe**, **calwerclím** *m* curd; **molegn** *n* curds; **molegnstycce** *n* piece of curd; сыворожка – **cýsehwaég** *n* whey; прессованный творог – **cealer** *m* pressed curds; сметана – **fliete** *f* cream; сыр – **cýse** *m* cheese; кислое молоко – **sýrung** *f* sour milk); 3) яиц (**æg** *n* an egg) и особенно желтков – **geoloca** *m*, **ægergelu** *n* yolk of egg.

Параллельно существовавший в этот исторический период старославянский мир – мир русскоязычного этноса – также

постепенно наполнялся прагматонимами агрикультуры и глуттонии. Так, среди старославянских агронимов выделяются знакоминации зерновых и бобовых (**жито** – хлеб на корню, посева; богатство; ячмень, рожь немолотая, всякий яровой хлеб; **былие** – злак; растительная пища; **сочиво** – чечевица); номинации территорий для посадки овощей и фруктов (**вертоград** – сад, огород; **вершие** – плоды; **грезнь** – гроздь; куща деревьев или кустарников; плод, ягода).

Широко представлены вендонимы – знаки охоты и рыбной ловли (**единец** – дикий кабан; **елень** – олень; **ряп** – рябчик, куропатка; **ловь** – охота; **ловитва** – охота, рыбная ловля; **ловище** – место для звериной и рыбной охоты).

В историческом старославянском лексиконе присутствуют также наименования домашних животных (**агньць** – овца, ягненок; **коза** – коза).

Нами также отмечены номинации-глуттонимы, денотирующие обобщенно пищу и процесс еды, а также некоторые виды посуды и продуктов (**братыня** – братина, сосуд для пива; **браци** – брачный пир, пирушка; **брашно** – еда, кушанье, яство, съестное; **брячина** – пир; **выть** – еда, время еды; **гоститво** – пир; **дежа** – опара для теста, квашня; кадка, в которой месят тесто для хлеба; **ества** – еда, кушанье; **ишем** – мед, хмельной напиток; **корм** – пища; род подати, содержание; пир, угощение; **кормыхатися** – кормиться; **ласкосердие** – чревоугодие; **оцет** – уксус; **пряжити** – сушить, жарить с погружением в масло, печь; **снить** – есть, закусывать; **солило** – блюдо; **стафиле** – изюм; **сыта** – вода, подслащенная медом, разварной мед; **цежь** – кисель; **шерт** – напиток; **ядь** – еда, пища; **ясти** – есть).

Тем не менее, исторически сложилось так, что многие из продуктов питания, хорошо известные и культивируемые в англосаксонском мире в тот период (VIII–XIV вв.), благодаря успехам мореплавания и торговли Британии с Европой, просто отсутствовали

в России того времени, поскольку тогдашние славяне жили довольно обособленно, и первые устойчивые международные и торговые связи стали возникать только при Иване Калите и последующих российских государях с XV столетия. Таким образом, в лингвосомиотическом пространстве агрикультуры и глуттонии наблюдается существенный дисбаланс знаков двух языков, что и констатируется в результатах нашего исследования.

Средствами дискурсивных практик лингводидактики расширяется гастрономический кругозор студентов, что имеет мощное воспитательное воздействие: так, оказывается, что многие номинации английских блюд топологически обусловлены; например, многие старинные блюда, характеризующие определённые регионы, до сих пор популярны. В Ланкашире по рецепту XII века часто готовят “*Hindle wakes*” (цыплёнок, запечённый с черносливом и различными травами и пряностями, с уксусом и лимонным кремовым соусом). Там же были придуманы блюда “*toad-in-the-hole*” и “*Angels on horseback*”. В Ланкашире многие едят «чёрный пудинг» (“*Black pudding*”), в Нортумберленде любят кельтские “*singin’ ninnies*” – булочки с изюмом, гридле (*griddle*), также там делают “*Richmond maids of honour*” («Ричмондские фрейлины»). Рубец с луком (*tripe with onions*) популярен на всём северо-востоке Англии. Корнуолл знаменит своими пирогами с мясом и картофелем, а также “*stargazer pie*” – «пирогом мечтателя», который делают из сардин-пильчард. Йоркшир славится своим пудингом на основе сливочного масла (*butter pudding*). На острове Мэн стали делать кипперсы (*kippers*) – сельдь, копчёную на дубовых дровах [Олянич, Земскова].

Исторические сведения о британской гастрономии также значимы в культурологическом отношении: так, с живым интересом студенты воспринимают сведения о том, что весомый вклад в глуттоническую англоязычную номинацию внес Джон Монтегю, четвёртый граф Сандвичский,

живший на юго-востоке Англии в графстве Кент во второй половине XVIII века. Он был настолько азартным человеком, что, будучи не в силах отвлечься от игры в карты даже ради обеда, прямо за карточным столом ел мясо, положенное между двумя ломтиками хлеба. Такие бутерброды с начинкой стали называть сэндвичами, и постепенно они сделались обязательной составляющей английского чая, а потом завоевали весь мир. Сэндвич (*sandwich*) оказал влияние не только на англоязычную, но и на мировую систему глуттонии: знаменитые сегодня сэндвичи – основная еда в системе фаст-фуд, та самая еда, которой сегодня питаются все студенты.

Вкладом в формирование гастрономического кругозора студентов выступает лингводидактический дискурс преподавателя, наполненный глуттоническими фактами: например, копилка знаний студентов пополняется тем фактом, что ряд феноменов питания английской глуттонической системы обладает явной национальной спецификой, проявляющейся в англоязычных гастрономических пристрастиях. Так, в Великобритании популярны супы из перловой крупы, бекона, лука и овощей – «Шотландская похлёбка» (*Scotch broth*), острый и пикантный суп из копчёной трески и картофеля – «Кален скинк» (*smoked haddock and potato soup (Cullen skink)*); или тем фактом, что характерная особенность кухни Великобритании – широкое использование мясных блюд (*Irish stew, haggis, venison with cranberry sauce, rabbit with mustard, etc.*) и многочисленных десертов (*cranachan, blackberry cobber, scones, trifle, etc.*).

Перечисленные знания, транслированные в ходе актуализации лингводидактических дискурсивных практик, важны потому, что они пробуждают интерес к чужой этнокультуре, и, в то же время, заставляют обратиться к родной культуре питания, убеждают задаться вопросом, чем же интересна и специфична наша русская кухня? Этот вопрос всегда задают на занятиях по названной теме: в аудитории всегда царит восторг и не-

поддельное удивление, так как студенты, как правило, не знают, насколько богат кулинарный репертуар русской кухни. Так, часть его студентам хорошо известна (см. таблицу 1).

ном лингвосемиотическом и дискурсивном воздействии на чувства и эмоции обучаемых, с тем, чтобы в их менталитете постоянно присутствовало уважение к чужой культуре

Таблица 1 – Краткий кулинарный репертуар русскоязычного этноса: номинации базовых блюд [3].

Первые блюда (жидкие)	Вторые блюда	Блюда из молочных продуктов	Блюда из корнеплодов и овощей
Тюри. Похлебки. Окрошки. Ботвиньи. Щи. Борщ. Калья. Лапша. Рассольник. Солянка. Уха.	<i>а) рыбные</i> Балык. Рыба. Икра. Раки. Тельное рыбное. <i>б) мясные</i> Буженина. Студень. Холодец (холодное) Пельмени.	Сыры – сливочные, сметанные, губчатые. Творог. Битой творог. Пасочки творожные. Варенец. Молоко топленое. Сырники.	Драчёна из картофеля. Репница. Брюковница. Тыковник. Тебечник. Пареная репа. Пареная капуста. Редьковник.

Однако, подавляющему большинству совершенно неведомы такие названия, как *тюря, калья, тельное, драчена, ботвинья, репница, брюковница, тебечник, редьковник, шаньги, толоконник, преснухи, житник, пшеничник, мазюня, кулага, саламата, кирилки, ксени, сельдянка, тавранчук, глазуха, сбитень, взварец*.

Исторический аспект гастрономии обладает мощным воздействующим потенциалом: интерес к прошлому – чужому и своему – составляет важный компонент лингводидактического дискурса в процессе занятий по английскому языку, особенно у студентов факультета технологии переработки и товароведения аграрного вуза. Для них такие знания – ключ к освоению будущей профессии, поэтому для них важны лингвокультурологические сведения о кухне древних англосаксов и славян. Устойчивый интерес и любовь студентов к иноязычной и родной культуре не возникают сами по себе, но возникают и поддерживаются кропотливой и неустанной работой преподавателя дисциплины, воспитательная цель которого состоит в том, чтобы парадигма знаний по дисциплине существенно дополнялась воспитательными мероприятиями, заключающимися в регуляр-

и, наоборот, отсутствовало равнодушие к национальным ценностям собственного народа. Задача преподавателя состоит в том, чтобы его студенты не превращались в «Иванов, не помнящих родства».

1. Дорохова Н.И., Олянич А.В. Лингвосемиотика среды обитания англоязычного этноса V–XV столетий: монография. – Волгоград, ИПК Волгоградский ГАУ, 2014. – 200 с.

2. Ермакова Л.А., Седых А.П. Языковая картина мира и прагматонимы «каша», «porridge» и «bouillie». – Вестник ИГЛУ. – № 2. – Иркутск, 2010. – С. 30–35.

3. Олянич А.В. Потребности – дискурс – коммуникация: монография. – Изд. 2-е, стереотипн. – Волгоград, ИПК Волгоградский ГАУ, 2014. – 220 с.

4. Олянич А.В., Земскова А.Ю. Лингвосемиотика англоязычного гастрономического дискурса. – Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2015. – 260 с.

5. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – С. 110.

6. Суперанская А.В. V. Blana. Theoria vlastneyo mena: Рецензия // Вопросы языкознания. – 1999. – № 3. – С. 43–50.

1. Doroxova N.I., Olyanich A.V. Lingvosemiotika sredy obitaniya angloyazychnogo e'tnosa V–XV stoletij: monografiya. – Volgograd, IPK Volgogradskij GAU, 2014. – 200 s.

2. Ermakova L.A., Sedyx A.P. Yazykovaya kartina mira i pragmatonimy «kasha», «porridge» i «bouillie». – Vestnik IGLU. – № 2. – Irkutsk, 2010. – S. 30–35.

3. Olyanich A.V. Potrebnosti – diskurs – kommunikaciya: monografiya. – Izd. 2-e, stereotipn. – Volgograd, IPK Volgogradskij GAU, 2014. – 220 s.
4. Olyanich A.V., Zemskova A.Yu. Lingvosemiotika angloyazychnogo gastronomicheskogo diskursa. – Volgograd: Volgogradskij GAU, 2015. – 260 s.
5. Podol'skaya N.V. Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii. – Izd. 2-e, pererab. i dop. – M.: Nauka, 1988. – S. 110.
6. Superanskaya A.V. V. Blonar. Theoria vlastneyo mena: Recenziya // Voprosy yazykoznaniya. – 1999. – № 3. – S. 43–50.

UDC 811.161.1'42

ETHNIC-CULTURAL DIFFERENCES OF RUSSIAN AND ENGLISH GASTRONOMY IN DISCURSIVE PRACTICES OF LINGUA-DIDACTICS

Shahnbaryan Elena Gavroshevna,

Volgograd State Agrarian University,
Senior lecturer of chair of foreign languages,
Volgograd, Russia,
E-mail: elena-shakhnubarjan@rambler.ru

Annotation

The paper studies the signs of gluttony (gastronomy) constituting ethnic lingua-culture of Russian- and English-speaking peoples in their ancient times (the Anglo-Saxons and the Old Slavonic ethnic group) in corresponding discursive practices, namely, discursive practice of lingua-didactics. Signs of food and meals are included in a rather consistent lingua-semiotic system. The article discusses and analyzes different types and clusters of signs – nominations in status of pragmatonyms (viveronyms, vendonyms, resoursonyms, socionyms, gluttonyms, agronym, ichtyonyms et al.).

Key words:

agriculture, sign, gluttony, gluttonym, pragmatonym, viveronym, vendonym, resoursonym, socionym, gluttonym, agronym, ichtyonym.

УДК 81.32

ЗНАКИ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ В ДИСКУРСЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ АРИСТОКРАТИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Левченко Инна Алексеевна,

Волгоградский государственный аграрный университет,
кафедра иностранных языков,
старший преподаватель,
Волгоград, Россия,
E-mail: livv05@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу знаков агрикультуры и глuttonии (гастрономии), составлявших значительную часть среды обитания (хабитата) британской аристократии XI–XV вв. Знаки в ходе истории именно в этот период становления британской государственности (эпоха завоевания Британских островов норманнами и трансформация нации из англосаксов в англо-норманнов) сформировались в стройную лингвoseмиотическую систему. Также изучаются знаки исторического периода XVII–XIX столетий развития хозяйств Великобритании. Рассматриваются разные категории знаков – обозначения / номинации пищи и номинации аграрных манипуляций. Исследуется их актуализация в дискурсе повседневности и иноязычном (ангloязычном) лингводидактическом дискурсе.

Ключевые слова:

дискурс, знак, номинация, хабитат, повседневность, лингводидактический, семиотика.

В монархических государствах правящий двор детерминировал стиль эпохи и вводил новые житейские правила, в том числе и гастрономические (глuttonические¹). Часто вкусовые пристрастия тех или иных правителей и придворных особ оказывали влияние не только на культуру питания внутри страны, но и на иностранные национальные кухни. Как отмечает С.В. Захаров, «Социальная дифференциация еды, то есть еды, ориентированной

на разные социальные группы осуществляется по нескольким параметрам, среди которых можно выделить социальное и имущественное положение. Стереотипные представления о «богатой» еде – возможность питаться обильно, разнообразно, покупать дорогие экзотические продукты не только по праздникам, возможность питаться в ресторане, где подают дорогие блюда. Люди, находящиеся у власти во все времена, так или иначе, стремились поддержать хотя бы видимую пищевую стабильность, создавая тем самым иллюзию материального благополучия. Но, несмотря на это, всегда и везде существовали бедные

¹ Термин А.В. Оляничка, денотирующий отношение знаков к добыче, переработке, приготовлению и подаче продуктов питания и блюд из них [7, с. 20–22].

люди, которые никогда не ели досыта хлеба и люди богатые, сытые и не понимающие голодных. Чувство голода – одно из вечных и никогда не проходящих, и из всех присущих человеку удовольствий, удовольствие, получаемое от еды и питья относится к самым древнейшим и вечным. Столетиями радости, получаемые человеком от обеденного стола, умножаются, развиваются, но всегда остаются привилегией немногих» [5, с. 6].

С приходом норманнов на Британские острова социальная дифференциация населения только усилилась, и прежде всего, это коснулось режима питания [3, с. 107]. Именно при норманнах бурно расцвело сельское хозяйство, охота и рыболовство, поскольку чревоугодие правящей верхушки, которую составляли французская знать во главе с королем Вильгельмом, а по прошествии веков и другими членами династий Плантагенетов и Тюдоров, вошло в анналы истории и зафиксировано во множестве литературных источников и исторических документов (см. работу М. М. Бахтина о чревоугодии Гаргантюа и Пантагрюэля – [2]).

И. Ф. Янушкевич в этой связи отмечает: «Пища выступает одним из наиболее значимых концептов, предопределяющих само существование этнокультуры, и, следовательно, в значительной степени формирует ее лингвосемиотическую систему и систему коммуникации. Зарождение цивилизованного отношения к еде у англосаксов, формирующего этноспецифическую культуру потребления, неразрывно связано с постепенным образованием целой концептосферы «еда, пища», динамически получающей целую систему номинаций, лингвосемиотически отражающих ценностную, образную и понятийную стороны концепта «пища» как одного из ключевых концептов культуры. Они прямо указывают на связь концепта с процессом становления английского языка, с формированием англосаксонской лингво- и этнокультур как национальных систем ценностей и идей, с человеком эпохи англосаксонского раннего

Средневековья, с его повседневной жизнью и деятельностью» [12, с. 135].

Лингвосемиотический «набор» обеспечения глуттонической коммуникации уже у англосаксов исследуемого периода оказывается весьма разнообразным; он представлен знаками-прагматонимами, под которыми понимаются знаки, связанные со средой обитания человека и денотирующие как продукты питания, так и прочие элементы этой среды [4; 10; 11].

Уже в англосаксонский период истории аристократии Британии выделялись следующие прагматонимы-агронимы и прагматонимы-глуттонимы, список которых в дальнейшем при англо-норманнах неуклонно пополнялся, но уже за счет многочисленных заимствований из старофранцузского языка:

1) знаки-агронимы, представленные номинациями продуктов, употребляемых в пищу: 1) мясо: а) животные, употребляемые в пищу (bearg barrow pig, hog; bridd m young bird, chicken; capun m capon [L capunem]; cealf n calf; cicen n chicken; duce f duck; fearh m little pig, hog; gys f goose; gysfugol m goose; henn f hen; henna m fowl; hennfugol m hen; wesend m bison; weper m wether, sheep, ram; wildeswin m wild boar; wildgys f wild goose; wudubucca m wild buck, wild goat); б) мясные продукты и блюда (bræde, bræding f roast meat; flæscsand f portion of meat; flicce n flitch of bacon, ham; rysel m lard, fat; resin; abdomen; spic n bacon, lard, fat, the fat flesh of swine); 2) рыба и морепродукты (ælf m eel; ælfisc m eel; ælfix m eel; bærs m a fish, perch [Gerbarsch]; codd m cod, husk; bag; scrotum; crabba m crab; facg m plaice; fisc m fish; gafolfisc m fish paid as rent; giprife f cockle; grindle f herring; hacod m pike, mullet; háring m herring; heardhara m a fish, mullet; lamrede, lempedu f lamprey [L lampreda]; leax m salmon; loppestre f lobster; lopust; merenæddra m the murena, a fish of which the ancients were very fond; muscelle, muscule f shell-fish, mussel; myne m minnow; ostre f oyster [L ostrea]; sæfisc m sea-fish; sæostre f sea-oyster); 3) молочные продукты и яйца (ægergelu n yolk of egg;

ággemang n egg mixture; butere f butter; milk for butter-making [L]; cealer m pressed curds, jelly of curds or whey; ceoldre f milk-pail; meolc f milk; molcen n coagulated or curdled milk [Germolke]; molegn n curds; molegnstycce n piece of curd; weorfemeoluc f milk from wild cattle); 4) зерновые продукты (bere m barley; corn, n corn, grain; cornsæd n a grain of corn; fahame n peeled barley, pearl-barley [polentum]; foca m cake (baked on the hearth); merscmealwe f marshmallow; ryge m rye; smedma m fine flour, pollen meal, meal; spelt m spelt, corn [L]); 5) овощи, фрукты, бобы, орехи (áppel m apple, any kind of fruit, fruit in general (считается, что все лучшие сорта яблок были ввезены в Великобританию торговцем фруктами при Генрихе Восьмом)); áppelcynn n kind of apple; áppelcyrnel n apple-pip, pomegranate; ancre, antre f radish; beger n berry; berecorn n barley-corn; beresæd n barley; berie f berry; grape; cine; berig n berry; byrigberge f mulberry; cawel m cole, colewort, cabbage; codic an edible plant, charlock; eorpberge f strawberry [berie]; eorpnutu f an earth-nut, pug-nut; feldmore f parsnip; myrberie f mulberry (fruit); more f carrot, parsnip; næp m turnip, rape; 6) приправы (alewe f aloe, the aloe, bitter spice in pl aloes; æced n vinegar; balsminte f spear-mint, water-mint; cærse f cress, watercress; cyncung f seasoning; coliadre f coriander; croh m saffron; eceddrenc m acid drink, vinegar, a potion in which vinegar is an ingredient; feltwurma m wild marjoram; fencerse f water-cress; fille f thyme; gingiber f ginger; pipor m pepper [L piper]; piporcorn n pepper-corn; salfie f sage (the herb) [L salvia]; sealt n salt; senep m mustard [L sinapi]; senepsæd n mustard-seed; wyrt, f herb, vegetable, plant, spice; wyrtgemang n mixture of herbs, spices); 7) сладости (cycle m small cake; hunig n honey; wuduhunigadj wild honey);

II) прагматонимы-кваликативы, представленные номинациями признаков пищи и ее качества, столь важные для вкусов аристократии (ætlícađj eatable; ápelstenc m sweet smell, noble odor, ætlícađj eatable, anbyrignes f tasting, taste, ferscađj fresh (not salt), pure,

sweet; not salted, oferwistlicadjsupersubstantial, onbyrging f tasting, sceaddgengeadj seasonable for shad, swyt adj sweet; swytlícađj savory, sweet; swytnes f sweetness, swydstenceadj sweet-smelling, unbermedadj unleavened, unfermented, unwerodadj not sweet);

III) прагматонимы-инструментативы, представленные номинациями инструментов приготовления / потребления, места извлечения и приготовления пищи (ælnett n eel net; amber m vessel, vessel with one handle, pail, cask, pitcher, tankard; andlyman m pl utensils, implements, tools, vessels; angel m angle, hook, fish-hook, fishing hook; awel m hook, fork; brádepanne f frying-pan; canne f can, cup; cawl m basket; crocc f crock, pot, vessel; cucler m spoon, spoonful; cyncen f kitchen [cuisine]; cyncene f kitchen [coquina]; disc m dish, plate, bowl; drenc, drenccuppe f drinking-cup, a drinking-vessel, cup; elseocche f oil-strainer, a vessel for straining oil; eletredde f oil-press, press in which olives are crushed; fæt n vat, vessel, jar, cup; gabote f platter, small dish, dessert-dish, side-dish [L gabata]; gafol f fork; gellet n bowl; gripu f kettle, cauldron; handcweorn f hand-mill; hierste f frying-pan; gridiron; hierstepanne f frying-pan; horn m horn (drinking-horn); lempit f dish, basin; nett n net (for fowling, fishing, or hunting); ofenraca m oven-rake; orc m pitcher, cup; ortgeard m garden, orchard; panne f pan; piporcweorn f pepper mill, pepper-grinder; piporhorn m horn for holding pepper; platung f metal plate, a plate; scamol m stool, footstool, bench; scealu f a platter, dish, cup; scencingcuppe f jug, a cup in which drink is served; scutel m dish, platter; sopcuppe f sop-cup, a cup into which sops were put; spitu m spit (cooking); spyrte f wicker basket, eel-basket [L sporta]; stictænel m basket, a wicker basket; tigel f earthen vessel, crock, pot, potsherd; torcul n wine-press [L]; trig n wooden board, tray; wiliga m basket; windel m basket);

IV) прагматонимы-процессивы, представленные номинациями процессов приготовления / потребления пищи (æting f eating; becnedansv/t5 to knead up; bedrincansv/t3 to drink up, absorb; brádanwv/t1b to roast,

toast, bake, broil, cook; elebacenadj cooked in oil, oil-baked, baked in or with oil; etung f eating; fretansv/t5 to devour, eat, consume; gebirganwv/t1b to taste, eat; gebuterianwv/t2 to butter; gecycnianwv/t2 to season food; gecycsianwv/t2 to cook, roast; geedwistianwv/t2 to feed, support; gerystianwv/t2 to roast, dry; gesod n cooking, boiling; hierstanwv/t1b to fry, roast; indrincansv/t3 to imbibe, drink; ofdruncnianwv/t2 to get drunk (on); oferdrincansv/t3 to drink too much, get drunk; onbyrganwv/t1b to taste, eat; piporian, piprianwv/t2 to season with pepper, pepper; rystianwv/t2 to roast, dry by a fire; scencanwv/t1b to skink, pour out, pour out liquor for drinking, give drink, give to drink; sieltanwv/t1b to salt, season [sealt]; sigerianwv/int2 to be gluttonous, to act as a glutton; sittansv/i5 to sit, sit down; sittanжt to sit at meat, take a meal; spittianwv/t2 to spit (for cooking); wyrtianwv/t2 to season, spice);

V) прагматонимы-хрононимы и знаксониционы, представленные номинациями времени приема / производства пищи, ее рекреативного, институционального и сакрального статуса (áfenmete m supper, evening meat; áet m food, meat; ~ and wát food and drink; eating; andbita m the feast; blytmyna m November, the month of sacrifice [so called because at this season the heathen Saxons made a provision for winter, and offered in sacrifice many of the animals they then killed]; corngesceot n payment in corn; drinclagu f drinking-law; feorm f food, provision, entertainment, meal, feast; feormfultum m help in food; gafolbere m barley paid as rent; lencten m springtime; the fast of Lent; lenctenbere m Lent barley; lenctenbryce m breach of the Lenten fast; lenctensufel n Lent food; ofetrip n harvest; ofláete f oblation, offering; sacramental wafer [L oblate]; Rugern m rye-harvest, month of rye-harvest, August; wegnest n food for a journey; provision for a journey; wintersufel n food for winter; wistfullnes f good cheer);

VI) прагматонимы-квалификативы, представленные номинациями глуттонических состояний (frettoladj greedy, gluttonous;

indruncenadj plied with drink, wanhafolnes f want, hunger; hláenianwv/i2 to become lean; make lean, starve; hláensianwv/i2 to make lean, weaken; oferát m feasting, excess; feast; oferdruncennes f drunkenness; ofereotoladj gluttonous, oferfyll f surfeit, gluttony, excess; ofergedrync n excess in drinking; oferwist f gluttony, excess; ofhyngrianwv/i1a to be hungry; ungereordlicadj insatiable, ungereordodadj unfed, empty, wanhafolnes f want, hunger; wistfyllu f fill of food);

VII) прагматонимы-ресурсонимы общего характера, представленные обобщенными номинациями пищи как энергетического источника для человека (andleofa m nourishment, pottage, food, living, sustenance; cycermete m seasoned food; fercung f sustenance, provision, food; fláescæt m animal food; fyda m food, nourishment; fuel; fyddergiefu f food; fyddernop m sustenance; fydderegu f feeding, repast, food; fydderwela m wealth of food, provisions; fydnop m substance, food; fystrap m food; manna; friclu f appetite; gebrengnes f food, support; giefl n morsel, food; mys n food, victuals [Germus]; panmete m cooked food; onstal m provision, supply; sand f sending, service, course of food, dish of food, repast, mess, victuals; syflige, syfling f food, pap, broth, soup; seasoning, relish);

VIII) прагматонимы-персоналии, представленные номинациями деятеля – участника процесса производства / потребления съедобного продукта (ambihtmann m servant-man, servant-woman; áeta m eater; átere m eater, glutton; áetgiefa m food-giver, feeder; cyc m cook [L coquus]; discberend m dish-bearer, seneschal; drincere m drinker, drunkard, wine-bibber; druncmennen f a drunken maidservant; etend m eater, glutton; fydderbrytta m distributor of food; herdsman; oferdrincere m drunkard; siger m glutton; swelgere m glutton).

История Великобритании богата различными событиями, в том числе и процессами становления капиталистических отношений в агрикультуре, корни которых уходят в XIX-е столетие, в эдвардианскую эпоху, когда британские аристократы являлись помещиками

и стали устанавливать капиталистические формы хозяйствования на своей земле. В пост-англосаксонский период происходили бурные социальные процессы на Британских островах, которые историки именуют Британской агримакультурной революцией. Марк Овертон, известный британский экономист и историк, определяет этот период во временных рамках с 1500 по 1850 гг. Он дает следующую дефиницию данному феномену: «The English 'agricultural revolution' is defined as an increase in agricultural output and in the productivity of land and labour, accompanied by fundamental changes in agrarian structures» [13, с. 237]. Характеризуя этот период в истории сельского хозяйства Британских островов, исследователь фактически фиксирует развитие капиталистических (экономических) отношений в этой потребностной сфере, что естественным образом свидетельствует об индустриализации работ на земле, о развитии производства при помощи более современных технологий и формировании рынка как инструмента социальных отношений.

Как пишет Ольга Батлер, «В Англии не только газоны возделываются в течение веков. Безо всяких перерывов на экспроприацию здесь существует класс помещиков, у которого от прежних феодальных привилегий остались одни воспоминания, но звания и огромные угодья по-прежнему передаются по наследству <...> Золотая эдвардианская эпоха земельной аристократии прошла и стала последней, названной по имени монаршей особы. Этот мир закрыт для посторонних, даже сельские новости и сплетни приходят сюда с опозданием. Земельный аристократ хочет сохранить почти феодальную автономию и обеспечивает себя многим необходимым. Рыба – из собственной речки, дичь – из своего леса, свежие продукты – с фермы, фрукты – из оранжереи. Школа швей и собственное мебельное производство поддерживают самостоятельность этого натурального хозяйства» [1].

В период с 1815 по 1914 гг. для большинства британских аристократов, по утвержде-

нию Д. Ливена, «...крупнейшим источником дохода было, как правило, земледелие. Это вовсе не означало, что аристократы непременно сами занимались сельским хозяйством или управлением своими поместьями. Даже в 1914 г. лишь единицы из них имели специальное образование, чтобы соответствовать данной роли. Проявлять или не проявлять интерес к земледелию было личным делом богатого дворянина, имевшего возможность нанять опытного управляющего и положиться на него. Однако непосредственное участие аристократа в хозяйствовании на своей земле зависело также и от системы, в соответствии с которой в данном регионе или стране земля сдавалась в аренду и обрабатывалась» [6, с. 46].

Исторические данные о хозяйствовании британской земельной аристократии в своих поместьях представляют собой важную культурно-страноведческую информацию, которая подкрепляется иноязычным лингводидактическим дискурсом². В нем рефлексированы лексические единицы, широко используемые в пространстве занятия с элементами страноведения. К таковым А.В. Олянич и Е.А. Сухова относят:

– номинации экономической сферы агрикультуры (labour productivity – производительность труда; management and utilization of the workforce – управление и использование рабочей силы; landlease for a period of years – аренда земли с последующим выкупом через определенное количество лет; paying

2 Ср. определение: «Иноязычный лингводидактический дискурс следует считать сложным лингвотсемиотическим образованием, в котором процесс интеракции имеет целью формирование иноязычных и инокультурных компетенций у обучаемого иностранным языкам и культурам и представляет собой информационный поток, состоящий из систем вербальных и невербальных иноязычных знаков. Этот поток направлен от инструктирующего к инструктируемому, при этом иноязычные знаковые системы осваиваются последним, а при их воспроизведении инструктируемым подвергаются корректировке инструктирующего, которая может использовать знаки языка, являющегося родным для инструктора и инструктируемого» [8, с. 344].

a landrent – оплата аренды за землепользование;

– номинации законодательного характера, связанные с законодательством в области обработки и владения землей (annual value of the holding – ежегодная оценка владения; private property rights – права частной собственности; holders of commonrights – владельцы коллективной собственности на землю; exclusive rights of ownership to a particular piece of land – исключительные права землевладения; dictates of the market – требования рынка; a network of corn exchange – сеть продаж зерна);

– номинации социального характера (village communities – деревенские коммунуны; middlemen – местные производители; farmers – фермеры; husbandmen – земледельцы);

– номинации технической сферы производства (technological innovation – технологические инновации; improvement – рационализаторство; plough technology – технология производства плуга);

– номинации агрохимических процессов и процессов обогащения почв (standards of nutrition – стандарты подкормки растений; improving land – обогащение почв);

– номинации кормления животных (fodder supplies – поставки фуража; grazed the live stock on the stubble – кормить скот сеном);

– большое количество глагольных номинаций агрикультурного и экономического профиля (to invest – инвестировать; to cooperate – совместно работать; to innovate – улучшать, вносить новое; to employ – принимать на работу, нанимать; to commercialize – превращать в объект торговли, устанавливать торговые отношения; to husbandland – обрабатывать землю; to make a profit – извлекать прибыль; to increase the intensity of land use – увеличивать интенсивность землепользования; to raise land product output – увеличивать урожайность; to bring nitrogen force reals – вносить удобрения) [9, с. 118].

Важным в страноведческом и воспитательном отношении является констатация факта неприхотливости земельной британской аристократии в пище: Д. Ливен, британский культуролог, опровергает стереотипные представления об английских аристократах, якобы закатывавших оргии и пиры: «Что же касается Англии, то Гроноу, описывая «на редкость плотные, горячие и питательные» трапезы, которым английское общество предавалось во времена его юности, отмечает, что неизменными атрибутами их являлись «всеми любимым вареный картофель», приготовленное без затей мясо и «весьма неудачные попытки подражать ухищрениям континентальной кухни» [6, с. 96].

В рамках иноязычного лингводидактического дискурса занятия на страноведческую тематику (тема «Agriculture in British estates») воздействующим в воспитательном отношении потенциалом насыщаются те его этапы, на которых продвигается идея образцового эффективного хозяйствования, рачительного домоустройства, заботы о труженике и условиях его работы, быта и рекреации. В распоряжении преподавателя обширный арсенал дополнительного дидактического материала – как в виде текстов соответствующего содержания, так и в виде видеофрагментов (например, запись телепрограмм BBC «Усадьба эдвардианской эпохи», пользующихся огромной популярностью у британской телевизионной аудитории, а также популярного телешоу телекомпании Channel 4 «Что увидел дворецкий», в котором ярко подана суть этического взаимодействия между землевладельцем и его подчиненными). У последних воспитательным потенциалом наполнен также и эстетический видеоряд: в то время как эстетический вид российских сельских усадеб оставляет желать много лучшего, эстетика устройства усадьбы английского сельского аристократа привлекательна и незабываема. Вот как об этом пишет Ольга Батлер:

«Четсворт – один из самых известных помещичьих комплексов севера Англии. Его

архитектура, парковые пейзажи, лестница водяного каскада и художественные коллекции считаются первоклассной туристической достопримечательностью и просто прекрасным местом, где хочется остаться. Один посетитель написал в книге отзывов: «Надеюсь, в раю будет так же хорошо». Мастера, придумавшие водные эффекты Четсворта четыреста лет назад, максимально использовали возможности этого переменчивого элемента стихии. Тишина прудиков и слабых течений контрастирует с бурными потоками, водопадами, фонтанами – большими и малыми. Знаменитый каскад состоит из 24 каменных ступеней. Каждая – отличается от предыдущей, так же как и звук падающей с них воды. В отличие от других аристократических семейных гнезд, выхолощенных ради посещения публики, этот частный дворец хранит за своим фасадом жизнь, мало изменившуюся за несколько десятилетий. Мир поместья кажется доступным – можно купить билет и провести здесь день, прыгая по водяным ступенькам, устраивая пикники на зеленой лужайке, свободно заходя во дворец, который писатель Даниэль Дефо называл «самым великолепным зданием» [1].

Подведем итоги.

Дискурс повседневности британской аристократии во времена англосаксов и англонорманнов, а затем и в XVII–XIX столетиях был семиотически поддержан знаками хабитата, основная доля которых состояла из знаков-прагматонимов аграрного и глуттонического типа. Оказалось возможным выстроить достаточно подробную их типологию.

Иностранный язык и культура страны изучаемого языка – важный участок учебного процесса подготовки специалистов аграрных профессий. Являясь непрофильной, но вспомогательной (общеобразовательной) дисциплиной, наряду с философией, историей, политологией и правом, т. е. предметами, которые относятся к обязательному федеральному компоненту государственных образовательных стандартов по всему спектру аграрного образования, иностранный язык вместе с его

лингвокультурологической составляющей в значительной степени способствует тому, что в стенах аграрного университета формируется личность настоящего профессионала-агрария, вооруженного не только сугубо профильными знаниями, но и владеющего информацией, расширяющей его мировоззрение, научный кругозор, свободно ориентирующегося в разнообразных знаниевых парадигмах. В данном случае речь идет об историко-страноведческой информации, касающейся среды обитания, уклада жизни и быта общества страны изучаемого языка в различные периоды его исторического развития.

В рамках образовательной среды вуза эта информация актуализируется при помощи иноязычного лингводидактического дискурса, в котором рефлексированы лексические единицы, широко используемые в пространстве занятия с элементами страноведения.

1. Батлер О. Леди, лорды и остальные. – Независимая газета. – 17.06.2005 г.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Худож. литература, 1990. – 543 с.
3. Дорохова Н.И., Олянич А.В. Лингвосемиотика среды обитания англоязычного этноса V–XV столетий: монография. – Волгоград, ИПК Волгоградский ГАУ, 2014. – 200 с.
4. Ермакова Л.А., Седых А.П. Языковая картина мира и прагматонимы «каша», «porridge» и «bouillie». – Вестник ИГЛУ. – № 2. – Иркутск, 2010. – С. 30–35.
5. Захаров С.В. Лингвосемиотика англосаксонской глуттонии. – Автореф. дисс. канд. филол. н. – Специальность 10.02.04 – германские языки. – Волгоград, 2008. – 20 с.
6. Ливен Д. Аристократия в Европе 1815–1914 / Пер. с английского под ред. М.А. Шерешевской. – СПб, Академический проект, 2000. – 364 с.
7. Олянич А.В. Потребности – дискурс – коммуникация: монография. – Изд. 2-е, стереотипн. – Волгоград, ИПК Волгоградский ГАУ, 2014. – 220 с.
8. Олянич А.В., Копылова В.В. Иноязычный лингводидактический дискурс: онтологический статус и эпистемологические единицы // Человек и его дискурс-4: коллективная монография. – М.: ИЯ РАН, ИЦ Азбуковник, 2014. – 399 с.
9. Олянич А.В., Сухова Е.А. Концептосфера «Земля» в англоязычной агрикультуре: монография. – Волгоград: Волгоградский ГАУ, 2012. – 184 с.
10. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – С. 110.

11. Суперанская А.В. V. Blonar. Theoria vlastneyo mena: Recenziya // Voprosy yazykoznaniya. – 1999. – № 3. – С. 43–50.
12. Янушкевич И.В. Лингвосомиотика англосаксонской культуры. – Автореф. дисс. докт. филол. н. – Специальность 10.02.04 – германские языки. – Волгоград, 2009. – 46 с.
13. Overton, M. Agricultural Revolution in England. The transformation of the agrarian economy 1500–1850. – Cambridge, 1996. – 195 p.
1. Batler O. Ledi, lordy i ostal'nye. – Nezavisimaya gazeta. – 17.06.2005 g.
2. Baxtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa. – M.: Xudozh. literatura, 1990. – 543 с.
3. Doroxova N.I., Olyanich A.V. Lingvosemiotika srede obitaniya angloyazychnogo e'tnosa V–XV stoletij: monografiya. – Volgograd, IPK Volgogradskij GAU, 2014. – 200 s.
4. Ermakova L.A., Sedyx A.P. Yazykovaya kartina mira i pragmatonimy «kasha», «porridge» i «bouillie». – Vestnik IGLU. – № 2. – Irkutsk, 2010. – S. 30–35.
5. Zaxarov S.V. Lingvosemiotika anglosaksonskoj glyuttonii. – Avtoref. diss. kand. filol. n. – Special'nost' 10.02.04 – germanskije yazyki. – Volgograd, 2008. – 20 s.
6. Liven D. Aristokratiya v Evrope 1815–1914 / Per. s anglijskogo pod red. M.A. Shereshevskoj. – SPb, Akademicheskij proekt, 2000. – 364 s.
7. Olyanich A.V. Potrebnosti – diskurs – kommunikaciya: monografiya. – Izd. 2-e, stereotipn. – Volgograd, IPK Volgogradskij GAU, 2014. – 220 s.
8. Olyanich A.V., Kopylova V.V. Inoyazychnyj lingvodidakticheskij diskurs: ontologicheskij status i e'pistemologicheskie edinicy // Chelovek i ego diskurs-4: kollektivnaya monografiya. – M.: IYA RAN, IC Azbukovnik, 2014. – 399 s.
9. Olyanich A.V., Suxova E.A. Konceptosfera «Zemlya» v angloyazychnoj agrikul'ture: monografiya. – Volgograd: Volgogradskij GAU, 2012. – 184 s.
10. Podol'skaya N.V. Slovar' ruskij onomasticheskij terminologii. – Izd. 2-e, pererab. i dop. – M.: Nauka, 1988. – S. 110.
11. Superanskaya A.V. V. Blonar. Theoria vlastneyo mena: Recenziya // Voprosy yazykoznaniya. – 1999. – № 3. – S. 43–50.
12. Yanushkevich I.V. Lingvosemiotika anglosaksonskoj kul'tury. – Avtoref. diss. dokt. filol. n. – Special'nost' 10.02.04 – germanskije yazyki. – Volgograd, 2009. – 46 s.
13. Overton, M. Agricultural Revolution in England. The transformation of the agrarian economy 1500–1850. – Cambridge, 1996. – 195 p.

UDC 81.32

SIGNS OF A HABITAT IN EVERYDAY DISCOURSE OF THE BRITISH ARISTOCRACY

Levchenko Inna Alekseevna,

Volgograd State Agrarian University,
Senior lecturer of the chair of foreign languages,
Volgograd, Russia,
E-mail: livv05@mail.ru

Annotation

This article analyzes the signs of agriculture and gluttony (gastronomy), constituting a significant part of the habitat of the British aristocracy in XI–XV centuries. Signs were formed into a coherent semiolinguistic system in the course of history during this period of the British state (the era of the conquest of the British Isles by the Normans and the transformation of the nation from the Anglo-Saxons in the Anglo-Normans). Also studied are the signs of the historical period of XVII–XIX centuries of the development of the UK economy. We consider the different categories of signs - indications / nominations of food and nominations of agricultural procedures. We study their actualization in everyday discourse and foreign language (English-speaking) lingua-didactic discourse.

Key words:

discourse, sign nomination, habitat, daily life, lingua-didactic, semiotics.

УДК 811.161.1'42

СЕМИОТИЧЕСКОЕ «ТЕЛО» ПРЕЗЕНТАЦИОННЫХ ДИСКУРСОВ БРИТАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ МОНАРХИЙ

Храмова Оксана Владимировна,

Волгоградский государственный аграрный университет,
кафедра иностранных языков,
старший преподаватель,
Волгоград, Россия,
E-mail: khramovaov@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу креолизованных презентационных текстов с агрикультурной символикой британской и российской монархии, в лингвосемиотическом пространстве которых располагаются инструментальные, фитоморфные, колороморфные, антропоморфные, орнитоморфные и ихтиоморфные знаки (животные, рыбы, птицы, растения, сельхозинструменты). Эти единицы имеют статус прагматонимов и исполняют институциональную и презентационную функции (рефлексии могущества властных персон и регулярной регенерации власти).

Ключевые слова:

агрикультура, геральдика, знак, креолизованный, презентационный, семиотика, текст.

Презентационная функция монархической власти эксплицируется в символических, эмблематических и иконических знаках геральдики – на гербах, щитах и штандартах, поле которых представляет собой креолизованный текст¹, семиотически обремененный

различными образами (невербальные знаки) и девизами (вербальные знаки) [1; 11].

Многие такие элементы геральдики содержат знаки агрикультуры, образно рефлектирующие трудолюбие власти и обладание землей, ее недрами и всем тем, что на ней производится и произрастает. Таким образом, власть презентует свое могущество, распространяющееся как на принадлежащие ей уголья, так и на подданных, добывающих для нее пищевые ресурсы.

Прагматическая сущность геральдических знаков агрикультуры (вербально-визуальное воздействие, потребностный потенциал и рекламная аттракция) дает возможность классифицировать (типологизировать)

¹ Ср. определение: «...Под семиотическим термином «креолизованный текст» понимается текст, фактура которого состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежающей к другим знаковым системам, нежели естественный язык) <...> Креолизованный текст определяется как особый лингвизуальный феномен, в котором «вербальные» и «иконические высказывания» образуют одно визуальное целое, оказывающее комплексное прагматическое воздействие на адресата» [4, с. 98].

данные единицы как *знаки-прагматонимы*, т. е. разряд онимов, в котором «...объединены различные категории имён собственных, имеющие денотаты в прагматической сфере деятельности человека, связанные с практической, предметной областью» [12, с. 29]. Термин «прагматоним» определяет номинативную единицу, денотатом которой является предмет или явление из сферы прагматической деятельности человека: продукт питания, предмет домашней утвари, мебель, одежда и др. [10]. Эти онимы в своих денотатах обнаруживают семиотическую и этнокультурную природу и «...относятся к реальным знакам внешнего мира, вместе с тем, они обладают особым, культурно обусловленным семиотическим «зарядом». Таким образом, речь идет об этнокультурных коннотациях, вызывающих в сознании представителя того или иного этноса определенные ассоциации, обусловленные степенью его семиотической интегрированности в конкретный социокультурный континуум» [5, с. 33]. Знак-прагматоним рассматриваемой сферы эксплуатируется его создателем для достижения ряда прагматических целей, при этом структура знака и заложенные в него номинативные свойства используются по-разному.

Власть весьма часто включает сельскохозяйственные знаки в государственные символы: как отмечает И. Никольский, «...сельскохозяйственные растения – почти неперенный атрибут большинства гербов развивающихся стран. В свое время снопы пшеницы были символом достатка и благополучия. Это до сих пор актуально для многих стран, разумеется, с поправкой на географию. Страны Южной и Юго-Восточной Азии чаще всего изображают на своих гербах рис – помимо Бангладеш здесь можно упомянуть, например, Мьянму. Пшеничный снопок – сугубо европейский и, следовательно, христианский символ плодородия и благополучия – оказался настолько универсальным, что им не гнушаются и страны, в которых официальными являются другие религии. Например, на гербе

Афганистана изображение мечети окружает венок из пшеничных колосьев. В Африке самым популярным растением, изображаемым на гербах, является пальма, а также плоды кофе и какао. Например, на флаге Анголы кофе соседствует с хлопком и кукурузой. Впрочем, хлопок и кофе, встречающиеся на гербах, скорее можно назвать символами внешней торговли. Точно так же, как, например, ананасы на гербе Каймановых островов (гербы принимали еще до того, как эта британская колония стала популярным оффшором) или красное дерево на гербе Белиза. Свое уважение к некогда главному источнику дохода страны в Белизе выразили не только изображением его на гербе, но и девизом страны: «Sub umbra floreo» – «Под тенью процветаю» [9, с. 44].

В гербах представителей англосаксонской и англо-норманнской монархии широко представлена фитоморфная агрикультурная семиотика; британские исследователи в этой связи отмечают: «Plants are an essential part of the symbolism of royalty. They have been used in heraldry, royal wedding and coronation robes, and by royal herb strewers for their sweet smell. They find their way into various royal edicts from Henry II's order to eradicate corn marigolds to Elizabeth I's dislike of woad production. They continue to be part of royal courtship and wedding rituals» [15, с. 2].

Так, маргаритка (daisy) входила в гербы бабки короля Генриха VIII Маргариты Бофор и герцогини Маргариты Анжуйской; ракитник (broom) отображался на гербах представителей королевской династии Плантагенетов; боярышник (hawthorn) располагался в гербе короля Генриха VII в память о его победе над Ричардом III в битве при Босворте и том факте, когда упавшую с чела повергнутого короля корону извлекли из куста боярышника. Это поистине королевское растение: и по сей день ветку гластонберийского боярышника присылают британскому монарху на каждое рождество [15, с. 5]. Цветок календулы (marigold) являлся геральдическим символом в гербе шотландской королевы Марии Стюарт.

Семиотика дуба в изображениях его листьев и желудей имеет свою обширную геральдическую историю: как пишут исследователи, «Oak leaves and acorns are frequently used in royal and military emblems. The Cadzow oaks are the remains of a forest planted by David I of Scotland in 12th century. The Hatfield Oak is said to be where Elizabeth I was told she would be Queen. The Royal Oak of Boscobel Wood hid Charles II from Parliamentary troops and is remembered in Oak Apple or Royal Oak Day (29th May). The oak wishing tree of Loch Maree was visited by Queen Victoria. Most recently it was used as part of the coat of arms of the Middleton family» [15, с. 5]. Английская роза (rose), шотландский чертополох (thistle) и ирландский клевер (clover) – излюбленные геральдические символы британской монархии: они запечатлены в гербах этих территорий Великобритании и на личных гербах сюзеренов. Ирис или лилия (lily) – символ королевской власти, заимствованный британской короной из французской монархической системы с приходом в Англию норманнов во главе с королем Вильгельмом Завоевателем (XI в.).

Во многих гербах королевских домов и их сюзеренов присутствуют сельскохозяйственные растения; авторы A Brief Heraldic Guide to the British Armorial Bindings Database отмечают в этой связи: «Agrarian life is reflected in the fruits of agricultural labour. The wheat sheaf, known in heraldry as a garb is a very common charge. The single ear of wheat, and ear of rye are used much less frequently» [13]. Так, в гербе Уэльса изображен лук-порей; снопы пшеницы – в гербах графов Йоркских; плоды яблони и груши – в гербах баронов Ротшильдов.

В гербах использовались также и образы сельскохозяйственных инструментов – кос, лопат, серпов и плуга (plough). Об этих и других знаках англосаксонской и англо-норманнской инструментальной семиотики (крылья мельницы, крупорушка, мельнич-

ный камень, кузнечная наковальня, пчелиный улей, голубятня, бочка для вина и пилорама) читаем у авторов «A Brief Heraldic Guide to the British Armorial Bindings Database» следующее: «Agricultural implements includes cythes, sickles, dungforks, and spades are also commonly found. The manufacturing side of husbandry is represented by windmill sails, and the water millstone, which is secured to the shaft of the wheel by an iron plate pierced in the centre, its ends bifurcated, known as a millrind (or fer-de-moline). As a charge the millrind is seen both attached to the millstone and on its own. Other country pursuits and trades are reflected in the blacksmith's anvil, the beekeeper's hives, the dovecot of the dove-fancier, the vintner's or brewer's tun, and the woodman's frame-saw» (A Brief Heraldic Guide). На гербах многих сельских баронетов Британии рефлексирован плуг и легендарный образ Петра-пахаря, библейского праведника, проводящего жизнь свою в усердных трудах на своей земле [14].

В геральдической семиотике Британии широко репрезентированы фауноморфные знаки животных – млекопитающих, птиц, рыб, земноводных, моллюсков и насекомых, в том числе промысловых и сельскохозяйственных. Это олени разных видов (buck, stag, antelope, hind, reindeer) и в разных, семиотически значимых позах (at gaze, trippant, salient, lodged), собаки (talbot, greyhound, spaniel), лошади и их мифические или морские аналоги (equine, nag, mule, pegassus, unicorn, seahorse), овцы и козы (ram, Paschallamb, fleece). Семиотически важно изображение последних с мощными рогами, символизирующими храбрость и силу владельца герба.

В орнитоморфной семиотике геральдики Британии преобладают хищные птицы – орел (eagle), сокол (falcon), филин (owl) и ястреб (hawk), причем для демонстрации именитости владельца герба иногда бывает достаточно изображения только одной лапы стервятника; если к лапе привязан колоколь-

чик, это значит, что на гербе лапа сокола – именно их чаще всего использовали sovereignы на вельможных охотах. Столь же репрезентативны орнитознаки журавля (crane), цапли (heron) и аиста (stork), которые были чрезвычайно популярной дичью британских монархов и их сюзеренов.

Прочая домашняя птица (петух, куры, утки, селезни, лебеди, гуси, голуби), также рефлексирована в образах орнитоморфных знаков на гербах британской средневековой аристократии. Как отмечают авторы «A Brief Heraldic Guide to the British Armorial Bindings Database», «...the cock is usually of the farmyard variety, complete with comb, and jelloped with wattles. The wild version, the heathcock, also features in the database. The dove, symbol of peace, is traditionally depicted holding in its beak a leaf of olive or laurel. Three species of the duck family, the mallard, the shoveller, and the sheldrake are represented in the armorial. Other aquatic birds include the swan» [13].

Рыбное хозяйство представлено в британской семиотике геральдического пространства королевской власти в ихтиоморфных знаках (образах разнообразных рыб) – barbel, conger, eel, gurnard, herring, luce, roach, salmon, turbot. Что касается морепродуктов, то из всех них чаще всего в геральдике используются раковины моллюсков (гребешки), что констатируется исследователями: «Shellfish are relatively rare in heraldry, the conspicuous exception being the highly decorative scallop, known under its French name of escallop. The outside of the shell is always displayed» [13].

Русская геральдика обязана своим созданием царю Алексею Михайловичу. Если до него и существовали некоторые эмблемы, как, например, двуглавый орёл государственной печати, печати некоторых городов и тому подобное, то они не имели полноты и законченности, не приняли ещё постоянных геральдических форм. Большое значение имел труд государева печатника, боярина

Артамона Сергеевича Матвеева: «Всех великих князей московских и всея России самодержцев персоны и титула и печати» (1672 г.). Он включал в себя гербы (по сути, еще «рисунки эмблем») 33 русских земель, чьи названия входили в большой государев титул Алексея Михайловича [2].

По просьбе царя император Леопольд I прислал в Москву своего герольдмейстера Лаврентия Хурелевича или Курелича, который (в 1673 г.) написал сочинение (оставшееся в рукописи) «О родословии российских великих князей и государей, поднесенное царю Алексею Михайловичу от цесарского советника и герольдмейстера Лаврентия Курелича, с показанием имеющегося, посредством браков, сродства между Россией и восьмью европейскими державами, то есть цесарем римским и королями: английским, дацким, французским, гишпанским, польским, португальским и шведским, и с изображением оных королевских гербов, а в середине их великого князя св. Владимира, на конце же портрета царя Алексея Михайловича». Сочинение это служило важным пособием для посольского приказа (подлинник его на латинском языке и русский перевод хранились в архиве иностранных дел). Таким образом, лица эти и создали первые русскую геральдику [3]. Зарождение русской геральдики произошло во второй половине XVII века, когда под влиянием непрестанных сношений с Польшей и Западной Европой начинают создаваться гербы и в России, путём смешения двух геральдических систем, западноевропейской и польской соответственно. Как источником для польских гербов послужили знаки, помещавшиеся на знамёнах, так и у нас в основу старейших гербов легли эмблемы тех областей и городов, которые некогда составляли уделы владельцев гербов. Принцип этот сохранился отчасти и в других русских гербах; так, в гербы родов, пришлых в Россию, старались помещать эмблемы, хотя бы отчасти указывающие на происхождение рода. Рядом

с этим при составлении гербов принимались в соображение и личные заслуги. Таким образом явилась смешанная, или русская, система гербов [7].

В царствование Петра Великого приведение в порядок существовавших гербов и пожалование новых получило окончательную форму учреждением герольдии. В 1705 г. по указу императора в Амстердаме была напечатана книга «Символы и эмблемата», содержащая более 800 образцов, послуживших впоследствии примером для создания многих российских гербов. В 1726 г. при Петербургской Академии наук была учреждена кафедра геральдики. С 1797 г. составлялся «Общий гербовник дворянских родов Российской империи», включающий около 5 тысяч гербов. Начиная с XVII века в России бытовали неутвержденные дворянские гербы; их можно обнаружить на многих вещественных памятниках, произведениях искусства и в письменных источниках. Правда, атрибутировать подобные изображения и установить их владельца бывает затруднительно, а иногда совсем невозможно. Среди неутвержденных встречаются гербы родов Кваренги, Голенищевых-Кутузовых, Сперанских [8].

Историческая презентационность проявлялась российской властью в том, что, в отличие от других монархий, в презентационных целях она использовала знаки геральдики, денотирующие ее имидж как власти, близкой к народу, к сельскому труду, к родной природе, как власти «из народа». Многие такие элементы геральдики содержат знаки агрикультуры, образно рефлектирующие трудолюбие власти и обладание землей, ее недрами и всем тем, что на ней производится и произрастает. Таким образом, российская монархическая власть, так же как и британская, презентует свое могущество.

В гербах известных дворянских фамилий широко представлены такие агрознаки: так, в гербе графов Суриных репрезентированы три золотые хлебные колоса,

соединенные стеблями на середине щита; у князей Горюновых герб содержит золотой хлебный сноп, перевязанный красным; в гербе дворян Рябиковых наличествуют три зрелых хлебных колоса, поля цветов и орлиные крылья; в гербе князей Гавриловых представлены зрелый хлебный колос и поля цветов; графы Карташевы включили в свой герб три зрелых хлебных колоса.

Любовь к своей родовой усадьбе, к родовому гнезду, располагавшемуся, как правило, в сельской местности, рефлектируется и геральдикой; так, князья Милютины расположили на своем гербе в качестве знаков-хабитативов три серебряных вьюшки и между ними золотое стропило; у князей Стахиевых также в гербе рефлектировано красное стропило. Усадьбы часто располагались по берегам рек, что актуализировано в семиотике пространства герба: например, в гербе дворян Фалеевых изображена река Днепр с порогами и корабельная мачта; у князей Беличей протекает река Дунай, по которой плывет ладья.

Среди знаков агрикультуры в геральдике русского дворянства значительное место занимают садовые культуры. Мы обнаружили такие фитоморфные знаки как грушевое дерево (князья Хатовы, дворяне Черняевы, графы Комаровы, дворяне Маляковы), оливковое дерево (князья Стахиевы), лебедь с вишневой ветвью (дворяне Лебедевы), яблоневое дерево с плодами (графы Анненковы), лавровая ветвь (графы Меллер-Закомельские).

Известно, что подсолнух является символом доброго дома, и его часто выращивают на усадьбе; эта культурологическая ситуация рефлектирована в геральдике семиотически: так, дворяне Зотовы изобразили в своем гербе золотой цветок подсолнечника. Семейственность и уют символизирует капуста, что также семиотически выражено в гербе дворян Коченевских, где на голубом фоне изображены три золотых кочана этого овоща.

В гербах русских дворянских фамилий широко представлено пчеловодство, будучи важной статьей сельскохозяйственного дохода: пчела – символ трудолюбия и неутомимости вместе с ульем – символом домашнего очага присутствуют в качестве инсектоморфных знаков в гербах таких дворянских семей как Яковлевы (на серебряном поле улей, с четырех сторон вокруг него пчелы), Зерновы (улей с пчелами), Безбородко (серебряная пчела), Козодавлевы (семь летающих золотых пчел, пчельник с сидящей пчелой на его поверхности).

Среди инсектоморфных знаков, денотирующих благополучие в доме, уют и благоденствие живущих в усадьбе, наличествует паук с паутиной; его изображение в сплетенной паутине присутствует в гербе дворян Рыковых. Муравьи, символизирующие трудолюбие и настойчивость, присутствуют в качестве инсектоморфных знаков на гербе дворян Баженовых.

Весьма репрезентированы в российской геральдике ихтиознаки, поскольку дворянство в монархической России было богобоязненным, а рыба в истории христианской религии изначально представляла собой символ Иисуса Христа, о чем подробно написано в работе А. С. Захаровой и А. В. Оляничка [6]. Так, рыба присутствует в гербах князей Белосельских и графов Рындиных; в гербе графов Паниных наличествуют два серебряных кита; дворяне Морковы поместили на щит своего фамильного герба прыгающего дельфина.

Широко представлены в российской геральдике зооморфные знаки, в том числе

и на сельскохозяйственную тематику. Так, в гербе графов Валуевых золотой вол попирает ногами золотую решетку; у дворян Колокольцевых на гербе изображен вышедший наполовину из воды буйвол; у князей Мордвиновых на поле герба мы обнаруживаем тягловую белую лошадь. Вот как ярко описывает «Гербовник» Петербургской Академии наук герб графов Скорняковых: *«Половина серебряного коня с двумя передними ногами в красном каретном уборе, с завязанным назад поводом и поставленною на голове между раздвоенным страусовым красным пером такого ж цвета щеткою; у этого коня мундштук, кисть у повода и яблоко под щеткою золотые»* (цит. по: [2, с. 343]).

В российских дворянских гербах также присутствуют такие зооморфные знаки как изображения бобра, оленя, кабана, медведя, соболя, льва, леопарда. Среди орнитоморфных знаков в семиотическом поле гербов российского дворянства в качестве символов свободы, силы, мира и благоденствия зафиксированы такие знаки как изображения цапли, чижа, орла, петуха, голубя.

В гербах российского дворянства часто использовались образы сельскохозяйственных инструментов – кос, лопат, серпов и плуга. Часто используются и другие знаки инструментальной семиотики, такие как крылья мельницы, крупорушка, мельничный камень, кузнечная наковальня, голубятня, бочка для вина и пилорама.

Подведем итоги.

Характерной особенностью российской и британской абсолютной монархиче-

ской власти является их историческая (геральдическая) презентационность; для первой эта презентационность проявилась в том, что ее представители – дворянское сословие, осознавая свою непрекращающуюся связь с народом, свои изначально аграрные корни, опираясь на народную мощь и мудрость, фиксировали собственную власть сугубо семиотически – в знаках геральдического типа (фамильных гербах). Для второй основным мотивом являлась презентационность собственного трудолюбия, могущества и обладания землей.

Презентируя свою власть, британское и российское дворянство располагало на своих гербах различные типы агрознаков, среди которых нами обнаружены фитоморфные, зооморфные, орнитоморфные инсектоморфные знаки, ихтиознаки, а также знаки-инструментативы. Все эти знаки составляют «семиотическое тело» креолизованного властного текста, наполнены символическим содержанием и лингвокультурогенны.

1. Алиев О. Геральдический альбом.– [Электронный ресурс]. URL: www.live-journal.com.
2. Арсеньев Ю.В. Геральдика. Лекции, читанные в Московском Археологическом институте в 1907–1908 году. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. – 384 с. – С. 337–350.
3. Болсуновский К.В. Родовой знак Рюриковичей Великих Князей Киевских. Геральдическое исследование, предназначенное к чтению на XIV Археологическом Съезде в г. Чернигове. Киев, 1908. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book8371/473925/>.
4. Елина Е.А. Семиотика рекламы: учебное пособие. – М.: Дашков и Ко, 2012. – 136 с.
5. Ермакова Л.А., Седых А.П. Языковая картина мира и прагматонимы «каша», «porridge» и «bouillie». – Вестник ИГЛУ. – № 2. – Иркутск, 2010. – С. 30–35.
6. Захарова А.С., Олянич А.В. Англо – и русскоязычная ихтиосферы: лингвoseмиотическое исследование. – Научно-методический электронный журнал Концепт. 2015. Т. 13. С. 136–140.
7. Лакиер А.Б. Глава одиннадцатая. История русских гербов. [§ 55] История гербов в России. Откуда и когда гербы заимствованы Россией. Доказательства, что гербы существовали у нас до Петра Великого. Манифест 1798 года // Русская геральдика. – 1855.
8. Наумов О.Н. Научная геральдика России / Отв. ред. чл.-корр. РАН С.М. Каштанов. – М.: Старая Басман-

ная, 2013. – 508, VIII с.

9. Никольский И. Государственный гербарий. – Коммерсантъ Власть. – № 11 (26.03.2007). – С. 44.
10. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – С. 110.
11. Склизкова Е.В. Геральдика в аристократических культурах Британии и России. – Автореф. дисс. канд. культуролог. – Специальность 24.00.04 – прикладная культурология. – М., 2000. – 20 с.
12. Суперанская А.В. V. Blanar. Teoria vlastneho mena. Рецензия // Вопросы языкознания. – 1999. – № 3. – С. 136–144.
13. A Brief Heraldic Guide to the British Armorial Bindings Database [Электронный ресурс]. URL: <http://armorial.library.utoronto.ca/sites/default/Brief-heraldic-guide.doc.pdf>.
14. Hutchinson P. Stephen Bachiler's Coat of Arms [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hampton.lib.nh.us/hampton/biog/bachilercoatofarms.htm>.
15. Royalty Plantlife: Culture Factsheet [Электронный ресурс]. URL: <http://wildflower europe.org/wp-content/uploads/2012/11/Royalty.pdf>.

1. Aliev O. GERAL'DICHESKIJ AL'BOM. – [Elektronnyj resurs]. URL: www.live-journal.com.
2. Arsen'ev Yu.V. GERAL'DIKA. Lekcii, chitannye v Moskovskom Arxeologicheskom institute v 1907–1908 godu. – М.: TERRA – Knizhnyj klub, 2001. – 384 s. – S. 337–350.
3. Bolsunovskij K.V. Rodovoj znak Rjurikovickej Velikix Knyazej Kievskix. GERAL'DICHESKOE issledovanie, prednaznachennoe k chteniyu na XIV Arxeologicheskom S"ezde v g. Chernigove. Kiev, 1908. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book8371/473925/>.
4. Elina E. A. Semiotika reklamy: uchebnoe posobie. – М.: Dashkov i Ko, 2012. – 136 s.
5. Ermakova L. A., Sedyx A. P. Yazykovaya kartina mira i pragmatonimy «kasha», «porridge» i «bouillie». – Vestnik IGLU. – № 2. – Irkutsk, 2010. – S. 30–35.
6. Zaxarova A. S., Olyanich A. V. Anglo – i russkojazychnaya ixtiosfery: lingvosemioticheskoe issledovanie. – Nauchno-metodicheskij e'lektronnyj zhurnal Konzept. 2015. T. 13. S. 136–140.
7. Lakier A. B. Glava odinnadcataya. Istoriya russkix gerbov. [§ 55] Istoriya gerbov v Rossii. Otkuda i kogda gerby zaimstvovany Rossieyu. Dokazatel'stva, chto gerby sushhestvovali u nas do Petra Velikogo. Manifest 1798 goda // Russkaya geraldika. – 1855.
8. Naumov O. N. Nauchnaya geraldika Rossii / Otv. red. chl.-korr. RAN S. M. Kashtanov. – М.: Staraya Basmannaya, 2013. – 508, VIII s.
9. Nikol'skij I. Gosudarstvennyj gerbarij. – Kommersant "Vlast". – № 11 (26.03.2007). – S. 44.
10. Podol'skaya N. V. Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii. – Izd. 2-e, pererab. i dop. – М.: Nauka, 1988. – S. 110.
11. Sklizkova E. V. GERAL'DIKA v aristokraticeskix kul'turax Britanii i Rossii. – Avtoref. diss. kand. kul'turolog. –

Special'nost' 24.00.04 – prikladnaya kul'turologiya. – M., 2000. – 20 s.

12. Superanskaya A.V. V. Blonar. Teoria vlastneho mena. Recenziya // Voprosy yazykoznaniya. – 1999. – № 3. – S. 136–144.

13. A Brief Heraldic Guide to the British Armorial Bindings Database [E'lektronnyj resurs]. URL: [http://armorial.](http://armorial.library.utoronto.ca/sites/default/Brief-heraldic-guide.doc.pdf)

library.utoronto.ca/sites/default/Brief-heraldic-guide.doc.pdf.

14. Hutchinson P. Stephen Bachiler's Coat of Arms [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.hampton.lib.nh.us/hampton/biog/bachilercoatofarms.htm>.

15. Royalty Plantlife: Culture Factsheet [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://wildflowereurope.org/wp-content/uploads/2012/11/Royalty.pdf>.

UDC 811.161.1'42

«SEMIOTIC BODY» OF PRESENTATIONAL DISCOURSES OF ANGLO-SAXON AND RUSSIAN MONARCHIES

Khramova Oxana Vladimirovna,

Volgograd State Agrarian University,
Senior lecturer of the chair of foreign languages,
Volgograd, Russia,
E-mail: khramovaov@mail.ru

Annotation

This article analyzes the creolized presentational text with agricultural symbols of the British and the Russian monarchy, in which semiolinguistic space are located instrumental, phytomorphic, coloromorphic, anthropomorphic, ornithomorphic and ichthyomorphic signs (animals, fish, birds, plants, agrarian tools). These units obtain the status of pragmatonyms and execute institutional and presentational functions (reflection of the mightiness of men at power and regeneration of power).

Key words:

agriculture, heraldry, sign, creolized, presentation, semiotics, text.

УДК 81.32

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ ДИСКУРС: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Гермашева Татьяна Мартиросовна,

Ростовский государственный экономический университет,
кафедра иностранных языков для гуманитарных специальностей,
кандидат филологических наук, доцент,
Ростов-на-Дону, Россия,
E-mail: tani-germasheva@mail.ru

Аннотация

В статье обсуждается проблема обоснования лингвистического статуса феномена лингвокреативного дискурса; дается обзор исследований феномена лингвистической креативности и ее типов; разграничиваются понятия творчества и креативности; дается рабочее определение понятию «лингвокреативный дискурс»; излагается исследовательская программа лингвистического описания актуализации категории лингвокреативности в различных типах и видах дискурса; формулируются цели, задачи, объект, предмет и гипотеза исследования.

Ключевые слова:

дискурс, знак, креативность, лингвокреативность, прагматика, семиотика, творчество.

Креативность в гуманитарных науках обычно расценивается как экспликация когнитивных и психологических способностей человека к творчеству, к ментальному переосмыслению реальности и созданию каких-то новых феноменов, объектов, артефактов, выдвижению новых идей, конструированию новых смыслов и их воплощению в новые концепты, слова, значения, тексты, ранее не имевшие место в материальной действительности или духовно-социальном пространстве социума.

Обычно понятие креативности соотносится с понятием творчества и оба этих концепта трактуются один через другой; тем не менее, некоторые исследователи онтологически разводят их значения. Так, Н.М. Азарова считает их абсолютно различными, поскольку оба соотносятся с разными сферами бытования, и поэтому формируют семантическую и онтологическую оппозицию: «Казалось бы, в современной русской

речи бывшее семантическое поле *творчество* сливается с полем *креативности*, однако анализ сочетаемости (у *креативности* и *творчества* разная сочетаемость, и они образуют разные клише) и метаязыковой рефлексии показывает, что оппозиция *творчество* – *креативность* продолжает существовать. <...> *Творчество* и *креативность* можно противопоставить по параметрам вертикальность – горизонтальность. *Креативность* – это попытка установить горизонтальные отношения в отличие от *творчества*, сущностной характеристикой которого является вертикаль. Это легко продемонстрировать на сочетаемости со словом *власть*: можно сказать *власть творчества*, но гораздо менее приемлемо **власть креативности*. <...> *Творчество* понимается онтологически, *креативность* – социально-психологически» [1, с. 22].

Л. Т. Касперова явно отождествляет творчество и креативность; для нее онтологическое и социально-психологическое суть

синтезированные явления. Так, рассуждая об основах творчества как процесса, исследователь справедливо замечает: «Творческий процесс синтетичен: надличностное, объективированное, то есть вечное, и индивидуализированное, личное, сливаются, и происходит реализация творчества в произведении. Одним из процессов самопознания субъектом внутренних психических актов и состояний является рефлексия (лат. reflexio – обращение назад, самоанализ). Предчувствие начала рождения новой творческой мысли происходит с погружения автора в особое состояние отрешения от реальности, когда окружающий мир практически не воспринимается» [9, с. 134].

Для нашего исследования релевантно понятие лингвистической креативности, которое достаточно интенсивно изучается в наши дни. На данном этапе мы ставим своей целью определить, как лингвокреативность может быть актуализирована в дискурсивной среде: настоящая статья нацелена на обзорное изложение изученности феномена лингвистической креативности с постановкой проблемы определения лингвокреативного дискурса и представления к исследованию этого феномена в дальнейшем.

Как отмечает В.В. Фещенко, «...только в последнее время лингвокреативность приобретает статус ключевой метаязыковой единицы лингвистического анализа. Становится возможным определить понятие творчества <...> вполне рациональным научным языком филологических наук» [13, с. 92]. В своей работе «Семиотика творчества и лингвистика креативности» В.В. Фещенко констатирует: «Если в психологических и философских исследованиях творческая деятельность является весьма давним объектом изучения, то в семиотическом ключе данная проблема, насколько мне известно, до сих пор не ставилась. В свою очередь, и семиотику на всем протяжении ее развития практически не интересовала проблема знакотворчества, то есть знака со стороны его порожде-

ния (хотя отдельные прецеденты можно найти еще в работах В. Волошинова, Л. Выготского, Г. Шпета и Я. Мукаржовского)» [12, с. 143].

Лингвистическая креативность изучалась как психологический феномен, как «... способность человека игнорировать стереотипные способы мышления, как высший мыслительный процесс создания нетривиальных языковых моделей» [16]. Эта точка зрения совпадает с воззрениями таких ученых-психологов, как С.А. Медник [18], Ф. Баррон, Д. Харрингтон [17] и др. Выдающийся психолог Дж. Гилфорд определил лингвистическую креативность как «дивергентное языковое мышление» и выделил четыре основных параметра креативности:

1) оригинальность – способность устанавливать отдаленные ассоциации, оригинальные ответы;

2) семантическую гибкость – способность определить главное свойство объекта и предположить новый вариант его использования;

3) образную адаптивную гибкость – способность видоизменить стимул с целью выявить в нем новые свойства и возможности для использования;

4) семантическую спонтанную гибкость – способность генерировать разнообразные идеи в ситуации нерегламентированности [5].

В.В. Дементьев считает наиболее существенными для коммуникации такие признаки, как интерпретативная деятельность адресата, неконвенциональность, ситуативная обусловленность, лингвистическая креативность [6, с. 33].

М.А. Холодная основным свойством лингвистической креативности языковой личности называет метафоричность как умение действовать в «невозможном», фантастическом контексте, как предрасположенность к использованию символических, ассоциативных средств при выражении своих мыслей [14]. А.В. Галкина рассматривает лингвистическую креативность как

«...способность личности к использованию оригинальных, нестандартных лингвистических приемов и средств выражения мысли» [4, с. 160]. По мнению Е.Е. Щербаковой и Е.В. Левичевой, лингвистическая креативность «...реализуется на каждом уровне языковой личности посредством определенных коммуникативных стратегий. На первом уровне, вербально-семантическом, лингвистическая креативность представляет собой готовность использовать языковые средства для общения. На втором, тезаурусном, уровне лингвистическая креативность проявляется в готовности выбирать стилистические приемы, дефиниции, афоризмы, пословицы в соответствии с мировоззрением личности. Третий, мотивационный, уровень демонстрирует прагматическую функцию лингвистической креативности. Это выражается в способности говорящего осознанно варьировать языковое высказывание в соответствии с поставленной коммуникативной задачей» [15, с. 99].

Т.В. Тюленева полагает, что лингвистическая креативность есть не что иное, как «...комплекс способностей к созданию объективно и субъективно новых идеальных продуктов с помощью средств языка, продуцированию устных и письменных высказываний на основе дивергентного мышления, сопряженный со стремлением к творческой речевой деятельности; он характеризуется легкостью (скоростью) продуцирования идей и их воплощением в речевой форме, гибкостью (вариативностью) вербального мышления, нестандартностью вербального мышления, способностью к переносу знаний, умений для конструирования новых высказываний, к установлению ассоциативных связей между лексическими единицами, к доработке оригинального речевого продукта для успешной экстерииоризации замысла» [11, с. 5].

В.Б. Базилевич полагает, что лингвистическая креативность представляет собой «...систему знаний о языке, благо-

даря которой носитель языка создает новые слова, трансформирует уже существующие языковые средства с целью расширения их семантики, привлечения внимания, достижения определенного эффекта» [2, с. 21]. Исследователь, вслед за Т.А. Гридиной, полагает, что «...формой лингвокреативной деятельности, связанной с преднамеренным нарушением языковых и речевых норм и направленной на выполнение определенной функции, является языковая игра» [2, с. 21].

Е.С. Бутакова солидарна с мнением В.Б. Базилевич о понимании лингвистической креативности; исследователь лингвистическую креативность определяет как «...способность носителя языка манипулировать знаниями о языке для создания новых слов, модификации уже существующих слов и выражений с целью расширения их семантики, привлечения внимания, создания комического эффекта и пр. Иными словами, лингвистическая креативность представляет собой совокупность знаний о языке и нетривиальный подход носителя языка к их использованию» [3, с. 146].

Среди форм лингвистической креативности выделяют также фразеологическую креативность: например, И.В. Зыкова связывает ее определение с понятием макрометафорической модели: «Каждая макрометафорическая концептуальная модель в своем формировании проходит следующие этапы: из элементарных концептуальных составляющих образуются сначала более сложные концептуальные неметафорические структуры, затем – все более сложные метафорические структуры, и в итоге – целостная модель <...> Именно в силу своей сложной организации, основанной на объединении некоего множества взаимосвязанных концептуальных образований, включая главным образом различные метафорические концепты (или метафорические проекции), макрометафорическая концептуальная модель обладает креативным потенциалом, благодаря

которому она способна не только системно продуцировать образы (и, соответственно, семантику) фразеологизмов, но и обуславливать их функционирование в дискурсе, позволяя модифицировать базовые формы образов фразеологических знаков (английских и русских фразеологизмов в частности), тем самым адаптируя их к процессу построения определенного дискурса. Таким образом, исходя из полученных в исследовании результатов, нами было разработано следующее определение фразеологической креативности. С позиции дискурсивного аспекта фразеологическая креативность представляет собой способность макрометафорических концептуальных моделей, реализуемую индивидуальным сознанием (или индивидуальной личностью), к коммуникативной адаптации образов фразеологизмов к прагматическим задачам построения определенного дискурса» [8, с. 160].

Таким образом, лингвистическая креативность связана с проявлением когнитивных и творческих возможностей человека в оперировании языком в прагматических целях, «работает» исключительно с языковыми знаками. Л.М. Рыльщикова в своей кандидатской диссертации вводит понятие лингвосомиотической креативности языковой личности, которую понимает как «... способность творческой персоны (писателя и рассказчика) создавать языковые знаки – лингвокреатемы, давать им функционально нагруженные определения и формировать для их актуализации особую коммуникативную среду (художественные произведения)» [10, с. 10]. Она также оперирует языковыми знаками, однако ее базовым отличием от креативности лингвистической является ее первоочередная способность оперировать ментальными сущностями (концептами) и в том числе знаками неязыковыми.

Если лингвистическая креативность есть способность создания языковых феноменов из готового языкового материала (языковая

игра, метафоричность, тропеичность, фразеологичность, паремиологические инновации, сленг, жаргон и т.п.), то креативность лингвосомиотическая оперирует образами и воплощает эти образы всегда в новые знаки, т.е. «изобретает новую реальность», погружая их затем в дискурс, в новое коммуникативное окружение.

Итак, лингвистическая креативность – это своеобразная модификация языковых форм для речевой (дискурсивной) фиксации существующей материальной и иной действительности, в то время как креативность лингвосомиотическая – «инновационное использование имеющихся и изобретение новых языковых форм для коммуникации в инновационной (нереальной) или воображаемой среде <...> Коммуникативной средой для актуализации языковых знаков может выступать и дискурс (Подчеркнуто нами. – Т.Г.)» [10, с. 10].

В связи с последним наблюдением Л.М. Рыльщиковой важно отметить, что В.З. Демьянков соотносит творчество с языком как системой, а креативность – с речью [7]. Иными словами, исследователь допускает существование феномена дискурсивной креативности. Эти два постулата утверждают нас в существовании лингвокреативного дискурса, под которым мы предлагаем понимать *нетривиальное использование существующих языковых знаков и конструирование новых знаков в момент производства речи в условиях конкретной коммуникативной ситуации «здесь» и «сейчас»*. Ясно, что такая формулировка на данном этапе постановки проблемы является рабочей и, скорее всего, будет меняться и трансформироваться в ходе дальнейшего исследования.

В целом исследование лингвокреативного дискурса является частью большой исследовательской программы, которая состоит в следующем:

Предмет исследования: семиотические, когнитивные и прагматические аспекты ак-

туализации категории лингвокреативности в различных типах дискурса – институциональных, персональных и потребностных.

Объект исследования: категория лингвокреативности в ее различных типах и способы ее актуализации в дискурсе.

Цель исследования: уточнить семиотический, когнитивный и прагматический статус категории лингвокреативности; выявить и описать лингвокреатему как базовую единицу изучаемой категории; определить и исследовать типы лингвокреативности; изучить механизмы актуализации категории лингвокреативности в различных типах дискурса.

Задачи исследования:

1) уточнить содержание понятия «креативность» в гуманитарных науках; определить сущность и содержание понятия «лингвистическая креативность»: определить статус лингвистической креативности как категории;

2) определить семиотический, когнитивный и прагматический статусы лингвокреатемы как базовой единицы категории лингвокреативности;

3) обосновать структуру и содержание понятия «лингвокреативный дискурс»;

4) выявить и описать концептосферу лингвокреативного дискурса;

5) выявить и описать семиосферу лингвокреативного дискурса;

6) определить и исследовать типы и воздействующий потенциал лингвокреативного дискурсообразования и дискурсоразвертывания;

7) изучить и описать способы актуализации категории лингвокреативности в различных типах дискурса.

Гипотеза исследования: лингвистическая креативность представляет собой языковую и дискурсивную рефлексию творческих возможностей человека, имеет категориальный статус и проявляет себя в дискурсивном пространстве в виде лингвокреатем – знаков и концептов, способствующих процессам креативного дискурсообразования и дис-

курсоразвертывания институциональной, персональной и потребностной сфер коммуникации.

В ходе реализации этой исследовательской программы предстоит осветить следующие моменты:

– уточнить современные представления о дискурсе как об объекте лингвокреативности;

– сформулировать понятие лингвокреативного дискурса;

– выявить структуру лингвокреативного дискурса;

– определить и описать концептосферу лингвокреативного дискурса;

– описать семиосферу лингвокреативного дискурса, определить и описать типы знаков лингвокреативного дискурса и его семиотические кластеры;

– выявить прагматические основания лингвокреативного дискурсообразования и дискурсоразвертывания, определить и описать их типы, уточнить их воздействующий потенциал;

– определить параметры и способы актуализации лингвокреативности в институциональных типах дискурса (политическом, научном, массово-информационном);

– определить параметры и способы актуализации в персональных типах дискурса (художественном бытовом фатическом);

– определить параметры и способы актуализации лингвокреативности в потребностных типах (гастрономическом, вакхическом, охотничье-рыболовном).

1. Азарова Н.М. Креативность как слово и как концепт // Критика и семиотика. 2014/2. С. 21–30.

2. Базилевич В.Б. Языковая игра как форма проявления лингвистической креативности / В.Б. Базилевич // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. III. С. 20–22.

3. Бутакова Е.С. Лингвистическая креативность в томской эргонимии / Е.С. Бутакова // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2013. 3 (131). – С. 146–152.

4. Галкина А.В. Овладение лингвистической креативностью в контексте овладения иностранным языком /

- А.В. Галкина // Вестник ТГУ. 2011. Выпуск 10 (102). С. 158–164.
5. Гилфорд Дж. Психология мышления / Дж. Гилфорд. // под ред. А.М. Матюшкина. – М.: Прогресс, 1965. – 525 с.
 6. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры / В.В. Дементьев / Под ред. В.Е. Гольдина. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000.
 7. Демьянков В.З. Языковое творчество и речевая креативность // Язык как медиатор между знанием и искусством: Сб. докл. Междунар. науч. семинара / Институт русского языка им. В.В. Виноградова; под ред. Н.А. Фатеевой. М.: Азбуковник, 2009. С. 11–19.
 8. Зыкова И.В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков. – Дисс. докт. филол. наук. Специальность: 10.02.19 – Теория языка (филологические науки). – Зыкова Ирина Владимировна. – М., 2014. – 510 с.
 9. Касперова Л.Т. О природе творчества / Л.Т. Касперова // Актуальные проблемы стилистики. Ежегодный международный научный журнал. – Факультет журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. – М., 2015. № 1. – С. 134–141.
 10. Рыльщикова Л.М. Лингвосомиотическая креативность научно-фантастического дискурса. – Дисс. канд. филол. наук. Специальность 10.02.19 – Теория языка. – Рыльщикова Любовь Михайловна. – Волгоград, 2016. – 247 с.
 11. Тюленева Т.В. Формирование лингвистической креативности студентов неязыковых специальностей. – Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2012. – 24 с.
 12. Фещенко В.В. Язык как творчество и творчество в языке: к истории лингвистической идеи / В.В. Фещенко // Критика и семиотика. Вып. 17. 2012. С. 84–94.
 13. Фещенко В.В. Семиотика творчества и лингвистика креативности / В.В. Фещенко // Общественные науки и современность, № 6. 2008. С. 143–150.
 14. Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования / М.А. Холодная. – СПб.: Питер, 2002. – 368 с.
 15. Щербак Е.Е., Левичева Е.В. Феномен «лингвистическая креативность» в современной психолого-педагогической науке / Е.Е. Щербак, Е.В. Левичева // Вестник НГТУ. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». Вып. № 4. 2012. – С. 93–101.
 16. Amabile T.M. Social psychology of creativity: a consensual assessment technique // Pers. & Soc. Psychol., 1982, V. 43. P. 997–1013.
 17. Barron F., Harrington D. Creativity, intelligence and personality [Текст] // Annual Review of Psychology. 1981. V. 32. P. 439–476.
 18. Mednick S.A. The associative basis of the creative process [Текст] // Psychological Review. 1962. V. 69. № 2. P. 220–232.
-
1. Azarova N.M. Kreativnost' kak slovo i kak koncept // Kritika i semiotika. 2014/2. S. 21–30.
 2. Bazilevich V.B. Yazykovaya igra kak forma proyavleniya lingvisticheskoy kreativnosti / V.B. Bazilevich // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki Tambov: Gramota, 2015. № 8 (50): v 3-x ch. Ch. III. C. 20–22.
 3. Butakova E.S. Lingvisticheskaya kreativnost' v tomskoj e'rgonimii / E.S. Butakova // Vestnik TGPU (TSPU Bulletin). 2013. 3 (131). – S. 146–152.
 4. Galkina A. V. Ovladenie lingvisticheskoy kreativnost'yu v kontekste ovladeniya inostrannym yazykom / A. V. Galkina // Vestnik TGU. 2011. Vypusk 10 (102). S. 158–164.
 5. Gilford Dzh. Psixologiya myshleniya / Dzh. Gilford. // pod red. A. M. Matyushkina. – M.: Progress, 1965. – 525 s.
 6. Dement'ev V.V. Nepryamaya kommunikaciya i ee zhanry / V.V. Dement'ev / Pod red. V.E. Gol'dina. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2000.
 7. Dem'yankov V.Z. Yazykovoe tvorchestvo i rechevaya kreativnost' // Yazyk kak mediator mezhdru znaniam i iskusstvom: Sb. dokl. Mezhdunar. nauch. seminar / Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova; pod red. N.A. Fateevoj. M.: Azbukovnik, 2009. S. 11–19.
 8. Zykova I. V. Rol' konceptosfery kul'tury v formirovanii frazeologizmov kak kul'turno-yazykovyx znakov. – Diss. dokt. filol. nauk. Special'nost': 10.02.19 – Teoriya yazyka (filologicheskie nauki). – Zykova Irina Vladimirovna. – M., 2014. – 510 s.
 9. Kasperova L.T. O prirode tvorchestva / L.T. Kasperova // Aktual'nye problemy stilistiki. Ezhegodnyj mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal. – Fakul'tet zhurnalistiki Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M.V. Lomonosova. – M., 2015. № 1. – S. 134–141.
 10. Ryl'shhikova L.M. Lingvosemioticheskaya kreativnost' nauchno-fantasticheskogo diskursa. – Diss. kand. filol. nauk. Special'nost' 10.02.19 – Teoriya yazyka. – Ryl'shhikova Lyubov' Mixajlovna. – Volgograd, 2016. – 247 s.
 11. Tyuleneva T.V. Formirovanie lingvisticheskoy kreativnosti studentov neyazykovyx special'nostej. – Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Volgograd, 2012. – 24 s.
 12. Feshhenko V.V. Yazyk kak tvorchestvo i tvorchestvo v yazyke: k istorii lingvisticheskoy idei / V.V. Feshhenko // Kritika i semiotika. Vyp. 17. 2012. S. 84–94.
 13. Feshhenko V.V. Semiotika tvorchestva i lingvistika kreativnosti / V.V. Feshhenko // Obshhestvennye nauki i sovremennost', № 6. 2008. С. 143–150.
 14. Xolodnaya M.A. Psixologiya intellekta. Paradoksy issledovaniya / M.A. Xolodnaya. – Spb.: Piter, 2002. – 368 s.
 15. Shherbakova E.E., Levicheva E.V. Fenomen «lingvisticheskaya kreativnost'» v sovremennoj psixologopedagogicheskoy nauke / E.E. Shherbakova, E.V. Levicheva // Vestnik NGTU. Seriya «Upravlenie v social'nyx sistemax. Kommunikativnye tehnologii». Vyp. № 4. 2012. – S. 93–101.
 16. Amabile T.M. Social psychology of creativity: a consensual assessment technique // Pers. & Soc. Psychol., 1982, V. 43. P. 997–1013.
 17. Barron F., Harrington D. Creativity, intelligence and personality [Tekst] // Annual Review of Psychology. 1981. V. 32. P. 439–476.
 18. Mednick S.A. The associative basis of the creative process [Tekst] // Psychological Review. 1962. V. 69. № 2. P. 220–232.

UDC 81.32

LINGUA-CREATIVE DISCOURSE: ON FORWARDING THE PROBLEM

Germasheva Tatiana Martirosovna,

Rostov state economic university,
Chair of foreign languages for humanitarian specialities,
Cand.Phil.Sci., the senior lecturer,
Rostov-on-Don, Russia,
E-mail: tani-germasheva@mail.ru

Annotation

The article discusses the problem of determination of the lingua-creative discourse phenomenon linguistic status; it provides an overview of the phenomenon of linguistic creativity research and its types; defines the concepts of creation and creativity; It provides a working definition of the concept of «lingua-creative discourse»; it describes the research program of linguistic description of lingua-creativity category actualization in different types and forms of discourse; it formulates the goals, objectives, object, subject and hypothesis of the study.

Key words:

creativity, discourse, endeavor, lingua-creativity, pragmatics, sign.

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
Дискурс★*Ни*
Научный журнал

P
HILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ

P
OLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

P
AST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

P
UBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

P
HILOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 4 (25) 2016

DISCOURSE-P
ДИСКУРС★*Ни*

УДК 327

**ДИЛЕММЫ: «МОБИЛЬНОСТЬ–СТАБИЛЬНОСТЬ»
VERSUS «РАЗВИТИЕ–ЗАСТОЙ»¹****Русакова Ольга Фредовна,**

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
заведующая отделом философии,
доктор политических наук, профессор,
Президент Международной академии дискурс-исследований (МАДИ),
Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Русаков Василий Матвеевич,

Уральский государственный экономический университет,
кафедра философии,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dipi@nm.ru

Аннотация

Современное общество не только провозгласило мобильность своим атрибутом, но неременным условием своего существования. Мобильность приобрела беспрецедентное разнообразие форм. В то же время обостряется старая философская дилемма «движение-покой», которая указывает на опасности релятивизма и превращения мобильности в бессмысленную и саморазрушительную текучесть и изменчивость. Бесплодная текучесть содержит угрозы самим основам человеческого существования, ставит человечество на грань антропологической катастрофы.

Ключевые слова:

мобильность, стабильность, движение, покой, развитие, прогресс, релятивизм, застой, деградация, регресс, упадок.

Мобильность провозглашается знаменем века, символом свободы, признаком развития и прогресса [2; 15; 17]. Наоборот, всякая оста-

новка квалифицируется как застой, признак деградации. Мобильность в массовом сознании (на примере Интернет-сообщества) рас-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований Института философии и права УрО РАН. Проект № 15–19–6–1 «Разработка концепта мобильности в современных гуманитарных и социально-политических исследованиях: теоретико-методологический анализ».

цвечивается «всеми красками чувственного бытия», тогда как любая стабильность и даже остановка подозрительно рассматриваются как упадок (жизнь возможна только как движение: как на велосипеде – стоит только остановиться, сразу следует падение!). Рождаются слоганы, вроде: «Меняйся или умри!».

Более того, современные сирены мобильности толкуют о множественных «мобильностях», новой «парадигме мобильности»: т. е. сама мобильность становится... мобильной, изменчивой, прихотливо сменяющей свои формы, темп, скорость, участников [16; 17].

Так, появляются феномены «парадоксальной мобильности» (это когда вроде бы все кругом мелькает, мимо нас несется, а мы остаемся неподвижны и не знаем, чем заняться и как из этого выпрыгнуть). Ясно, что многое меняется в способах освоения физического пространства-времени, организации и качествах социального, в которых совершаются многообразные «мобильности». Это не просто требует исследовательского внимания, но и нового исследовательского инструментария: «Именно Дж. Урри предложил говорить о парадигме мобильностей, то есть о радикальном преобразовании социальной науки, получающей новую оптику для рассмотрения социальной жизни» [18].

В то же время однозначно выявились некоторые фундаментальные вопросы и прописные истины.

Во-первых, приходится вспомнить о фундаментальной философской дилемме – соотношении движения и покоя. Кстати, все парадоксы мобильности связаны с этим фундаментальным взаимоотношением: нет покоя без движения, движение всеобщее, покой есть лишь необходимый момент его. Тот же Урри отмечает: «Мобильность превращается в свою противоположность. В век подвижности мы часто не нуждаемся в движении. В нашем распоряжении находится много мобильных устройств, которые сконструированы именно так, чтобы их было легко перемещать, как и наши тела, которые, как можно было бы

подумать, находятся в движении... они позволяют нам оставаться там, где мы находимся «здесь и сейчас», чтобы достичь того и сделать то, что мы должны были бы сделать, не приводя в движение наши тела» [18].

Но взаимосвязь и взаимозависимость движения и покоя есть. В противном случае в тотальном и всепроникающем движении растворяются и исчезают абсолютно все определенности (границы – они размываются, идентичности – смазываются, сущности – исчезают). Абсолютное торжество мобильности означало бы хаос, однако современная синергетика подчеркивает тесную диалектическую взаимосвязь: «порядок из хаоса».

Во-вторых, скрупулезная инвентаризация всевозможных видов «мобильностей» приводит к выводу о том, что дело не в размахе, масштабе перемещений людей. Подобные процессы имели место и в прошлом (напоминают о колонизации Америки, массовых эмиграциях в результате религиозно-политических преследований, о работорговле, на которой выросло благосостояние нынешней «колыбели свободы и демократии», «града на холме»). Но что особенно важно – эти инвентаризации уклоняются от ответа на главный вопрос: почему люди приходят в движение, становятся мобильными и кто становится мобильным, и кто является субъектом этих мобильностей? Исследователи мобильности в условиях глобализации указывают, что ее необходимо представлять как социальную по природе: тот, кто мобилен, входит в «элиту глобализации», потому что он уже не ограничен в своих перемещениях, не привязан к дому и любому небольшому пространству, с его распределением статусов, ролей и функций. Подняться вверх по лестнице социальной мобильности и обрести пространственную мобильность в глобальном мире – одно и то же. Однако пространственные перемещения в большей части случаев – не результат свободного решения, так что если обычный житель крупного города, перевозимый всеми видами пассажирского транспорта, вряд ли создает иллюзию сво-

боды своими ежедневными путешествиями, то иначе могут выглядеть для неискушенного наблюдателя преодолевающие тысячи километров в самолетах те, кто входит в «элиту глобализации» и туристы. То, что маршруты первых диктуются не свободным произволением, но бизнес-необходимостью, а желаниа вторых производятся и канализируются индустрией туризма, в общем, не стоило бы и обсуждать ввиду очевидности. Подъем по социальной лестнице все чаще и все больше означает не повышение шансов на мобильность, но принуждение к мобильности» [14; 18].

В-третьих, возникает вопрос о соотношении этих разнообразных мобильностей с развитием и прогрессом. Так ли однозначно мобильность свидетельствует о прогрессивности, более высоком уровне развития человека мобильного – *Homo mobilis* и общества, его порождающего? Нет ли здесь простой фетишизации различных физических и социальных перемещений, призванной скрыть, замаскировать истинное состояние (реальное отсутствие развития, прогресса) человека *Homo mobilis* и общества, на самом деле безуспешно бьющегося в силках неуправляемого технологического и социального тупика? Говоря о парадоксах мобильности, отмечают: «Мы видим, что вещи и события теряют четкие очертания. Смысл перемещения и смысл социального продвижения ускользают от нас при каждой попытке зафиксировать их строго и однозначно. Мобильность в физическом пространстве и мобильность в пространстве социальном становятся процессами столь сложными, что для описания той и другой нужны не только систематические наблюдения, но и сложные различения. Прежде чем описать события, их надо идентифицировать, а вопрос об идентификации, то есть о смысле того, что нам приходится наблюдать, решается лишь через теоретическую работу» [18]. Все это лишь обнажает трудности понятийно-категориального плана, определения исходных понятий.

В-четвертых, принцип всесторонности изучения всякого предмета исследования заставляет нас взглянуть на обратную сторону мобильности и *Homo mobilis*. Общеизвестны издержки «текучки», которая заедает индивида, не позволяя ему сосредоточиться (т.е. остановиться), сконцентрироваться на вполне определенных предметах, целях, задачах и т.п., превращая его жизнь в некие «собачьи» или «тараканьи бега». Уже первые работы ставших знаменитыми авторов, посвященные феномену «текучести», «изменчивости» современного общества и человека, не могли не обратить внимание на возрастание множества различных рисков [2; 15]. Э. Тоффлер особо указывал на высокую цену издержек, которые общество платит за ускорение темпов перемен [15]. И общество отреагировало. Так возникает обратная реакция, и появляются литература и философия «медленной еды», «медленного чтения», «медленной жизни» и т.п., вплоть до создания целого общественного движения *Slow Life*, означающего сопротивление релятивизирующей (и обеспечивающей) все и вся «мобильности» [4; 7; 20].

В-пятых, неизбежно возникает проблема критериев этого диалектического соотношения мобильности и стабильности, развития и эволюции, т.е. критериев прогресса. В классических теориях прогресса «Речь шла о наиболее полной реализации таких ценностей, как свобода, равенство, социальная справедливость и экономическое изобилие. Классическая концепция опиралась на понятие необратимого линейного времени, где прогресс является положительно оцениваемой разницей между прошлым и настоящим или настоящим и будущим. Среди критериев прогресса наиболее часто встречались: совершенствование религии (Августин), рост научных знаний (М. Кондорсе, Дж. Вико, О. Конт), справедливость и равенство (Т. Мор, Т. Кампанелла, К. Маркс), рост индивидуальной свободы в совокупности с развитием морали (И. Кант, Э. Дюркгейм), господство над природой (Г. Спенсер), развитие техники, ин-

дустриализация, урбанизация (К. А. де Сен-Симон)» [9; 10; 11; 12].

Однако XX век внес существенные коррективы в эти представления: «Уверенность в необходимости неуклонного экономического и технического роста сменилась альтернативной *пределов роста теорией*. В результате подсчетов ученые пришли к выводу, что если уровень потребления во всех странах приблизится к западным стандартам, то нарушится экологическое равновесие планеты. Концепция «золотого миллиарда» окончательно подорвала основной постулат классической концепции прогресса – ориентацию на лучшее будущее для всего человечества. Господствовавшее долгое время убеждение в превосходстве пути развития западной цивилизации сменилось заметным разочарованием» [3; 8; 12; 19].

Отражением такого исследовательского интереса, тем более стимулированного осознанием возможных грядущих катастроф, связанных с безудержным неконтролируемым бегом, заданным рыночной экономикой и капиталистической конкуренцией, стали попытки поисков каких-то объективных ограничений или пределов, которые неизбежно дадут о себе знать: «Устойчивое Развитие – [англ. *sustainable development* – поддерживаемое развитие] такое развитие общества, при котором улучшаются условия жизни человека, а воздействие на окружающую среду остаётся в пределах хозяйственной емкости биосферы, так что не разрушается природная основа функционирования человечества.

При У.р. удовлетворение потребностей осуществляется без ущерба для будущих поколений. Концепция У.р. рассматривается как предпосылка долговременного прогресса человечества, сопровождаемого приумножением капитала и улучшением экологических условий. Возникает своеобразное уточнение концепции – рост нужен, но он должен быть «устойчивым» (концепция «Устойчивого развития» и ее разнообразные вариации [8; 9]).

Россия постаралась не отстать и разработала соответствующую концепцию для себя [5].

Но и эти поиски лишь обнаружили как недостаточность терминов (в частности – англ. *sustainable development*), так и самих критериев («самодостаточность», «жизнеспособность», «равновесность» и т. п.).

И здесь снова приходится вспомнить давнюю, в частности, актуально звучащую сегодня марксистскую концепцию критериев социального прогресса: общество настолько движется по пути прогресса, насколько оно создает условия для преодоления отчуждения, уничтожения антагонистического разделения труда и полного и всестороннего развития всех сил и способностей (сущностных сил) человека [1]. В «Экономических рукописях 1857–1859 гг.» К. Маркс предположил, что подлинная история человека и природа его состоят в том, что он способен развиваться сверх всякого заранее данного предела (шаблона, образца). Характеризуя древние формы общества, он обращает внимание на то, что «Во всех этих формах основой развития является *воспроизводство заранее данных*... отношений отдельного человека к его общине и определенное, для него предопределенное, объективное существование... – в силу чего эта основа с самого начала имеет ограниченный характер. На самом же деле, если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем же иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т. д. индивидов, созданной универсальным обменом?.. Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному масштабу*. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя

во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления» [6]. Может показаться, что здесь как раз предсказан нынешний *Homo mobilis*, пребывающий в «текущей современности», мечущийся по миру и в себе самом в поисках перемен? Да, если иметь в виду критику марксизмом буржуазного фетишизма, рожденного отчуждением и мистифицирующего действительные связи и причины. Но это – тема отдельного разговора.

Нынешнее возрождение в мире интереса к теоретическому наследию К. Маркса весьма симптоматично: оно означает поиски способов вырваться за бесплодные, тупиковые и разрушительные схемы, навязываемые неолиберальными защитниками интересов насквозь иррационального, «завороженного и на голову поставленного» финансового капитала.

Современная «философия мобильности (мобильностей)» бьется в тисках дилемм и антиномий, что всегда было признаком теоретической незрелости: противоположность «тезиса-антитезиса» должна сниматься их синтезом.

1. Батищев Г.С. Понятие целостно развитого человека и перспективы коммунистического воспитания // Проблема человека в «Экономических рукописях 1857–1859 годов» К. Маркса. Ростов-на-Дону, Изд-во Ростов. ун-та, 1977. с. 147–172.

2. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

3. Гвишиани Д.М. Пределы роста – первый доклад Римскому клубу. URL: http://www.ihst.ru/~biosphere/Mag_2/gvishiani.htm.

4. Груздев Михаил. Slow Life. К чему приводит замедление темпа жизни? URL: <https://shkolazhizni.ru/psychology/articles/74111/>.

5. Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 1 апреля 1996 года N 440 // <http://docs.cntd.ru/document/9017665>.

6. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. – К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 46. ч. 1. с. 476.

7. Оноре Карл. Без суеты: Как перестать спешить и начать жить. Рус. перев. М.: ООО «Альпина Паблицер», 2014.

8. Пределы роста. 30 лет спустя. Донелла Медоуз,

Йорген Ранدرس, Деннис Медоуз. Перевод Е.С. Оганесян. Учебное пособие для ВУЗов. Москва: ИКЦ «Академкнига». 2007. – 342 с.

9. Прогресс. Философия: Энциклопедический словарь. Под редакцией А.А. Ивина. – М.: Гардарики. 2004.

10. Прогресс. Философская Энциклопедия. Под редакцией Ф.В. Константинова. В 5-х т. М.: Советская энциклопедия. 1960–1970.

11. Прогресс. Философский энциклопедический словарь. 2010.

12. Прогресс. Новая философская энциклопедия. Под редакцией В.С. Стёпина. В 4 тт. М.: Мысль. 2001.

13. Прогресс. Философский энциклопедический словарь. Гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. М.: Советская энциклопедия. 1983.

14. Сорокин П.А. Социальная и культурная мобильность // Сорокин П. Человек, цивилизация, общество / Под ред. А.Ю. Соколова. М.: Политиздат, 1992. URL: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/ponyatie-socialnoy-mobilnosti.html>.

15. Тоффлер Э. Шок будущего. Пер. с англ. М.: «Издательство АСТ», 2002. – 557 с. // Часть II. Недолговечность. Глава 8. Информация: кинетический образ, с. 85–98.

16. Урри Дж. Мобильности. М.: Практикс, 2012.

17. Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М., ИД Высшей школы экономики, 2012.

18. Филиппов А. Парадоксальная мобильность // Отечественные записки, № 5 (50) 2012.

19. Jackson, Tim. Prosperity Without Growth // http://www.see.leeds.ac.uk/fileadmin/Documents/research/sri/Tim_Jackson_Cambridge_03_12_09.pdf.

20. The slow science manifesto // <http://slow-science.org>.

1. Batishev G.S. Ponyatie celostno razvitogo cheloveka i perspektivy kommunicheskogo vospitaniya // Problema cheloveka v «E'konomicheskix rukopisyax 1857–1859 godov» K. Marksa. Rostov-na-Donu, Izd-vo Rostov. un-ta, 1977. s. 147–172.

2. Bek U. Obshhestvo riska: Na puti k drugomu modernu. M.: Progress-Tradiciya, 2000.

3. Gvishiani D.M. Predely rosta – pervyj doklad Rimskomu klubu. URL: http://www.ihst.ru/~biosphere/Mag_2/gvishiani.htm.

4. Gruzdev Mixail. Slow Life. K chemu privodit zamedlenie tempa zhizni? URL: <https://shkolazhizni.ru/psychology/articles/74111/>.

5. Konceptiya perexoda Rossijskoj Federacii k ustojchivomu razvitiyu. Utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 1 aprelya 1996 goda N 440 // <http://docs.cntd.ru/document/9017665>.

6. Marks K. E'konomicheskie rukopisi 1857–1859 gg. – K. Marks, F. E'ngel's. Soch. T. 46. ch. 1. s. 476.

7. Onore Karl. Bez suety: Kak perestat' speshit' i nachat' zhit'. Rus. perev. M.: ООО «Al'pina Pablicer», 2014.

8. Predely rosta. 30 let spustya. Donella Medouz, Jorgen Randers, Dennis Medouz. Perevod E.S. Oganesyana. Uchebnoe posobie dlya VUZov. Moskva: IKC «Akademkniga». 2007. –

342 s.

9. Progress. *Filosofiya: E'nciklopedicheskiy slovar'*. Pod redakciej A. A. Ivina. – M.: Gardariki. 2004.

10. Progress. *Filosofskaya E'nciklopediya*. Pod redakciej F. V. Konstantinova. V 5-x t. M.: Sovetskaya e'nciklopediya. 1960–1970.

11. Progress. *Filosofskij e'nciklopedicheskiy slovar'*. 2010.

12. Progress. *Novaya filosofskaya e'nciklopediya*. Pod redakciej V. S. Styopina. V 4 tt. M.: Mysl'. 2001.

13. Progress. *Filosofskij e'nciklopedicheskiy slovar'*. Gl. redakciya: L. F. Il'ichyov, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalyov, V. G. Panov. M.: Sovetskaya e'nciklopediya. 1983.

14. Sorokin P. A. *Social'naya i kul'turnaya mobil'nost' // Sorokin P. Chelovek, civilizaciya, obshhestvo / Pod red. A. Yu. Sogomonova. M.: Politizdat, 1992. URL: [\[grandars.ru/college/sociologiya/ponyatie-socialnoy-mobilnosti.html\]\(http://grandars.ru/college/sociologiya/ponyatie-socialnoy-mobilnosti.html\).](http://www.</i></p></div><div data-bbox=)*

15. Toffler E'. *Shok budushhego*. Per. s angl. M.: «Izdatel'stvo ACT», 2002. – 557 s. // *Chast' II. Nedolgovechnost'*. Glava 8. *Informaciya: kineticheskiy obraz*, s. 85–98.

16. Urri Dzh. *Mobil'nosti*. M: Praxis, 2012.

17. Urri Dzh. *Sociologiya za predelami obshhestv. Vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya. M., ID Vysshej shkoly e'konomiki*, 2012.

18. Filippov A. *Paradoksal'naya mobil'nost' // Otechestvennye zapiski, № 5 (50) 2012.*

19. Jackson, Tim. *Prosperity Without Growth // http://www.see.leeds.ac.uk/fileadmin/Documents/research/sri/Tim_Jackson_Cambridge_03_12_09.pdf.*

20. *The slow science manifesto // <http://slow-science.org>.*

UDC 327

DILEMMAS: «MOBILITY–STABILITY» VERSUS «DEVELOPMENT–STAGNATION»

Rusakova Olga Fredovna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Head of Philosophy Division,
Doctor of Political Sciences, Full Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Rusakov Vasily Matveevich,

The Ural State University of Economics,
Department of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dipi@nm.ru

Annotation

Modern society is not only proclaimed its mobility attribute, but a necessary condition of their existence. Mobility has reached an unprecedented variety of forms. At the same time exacerbated the old philosophical dilemma «motion-rest» which indicates the danger of relativism and the transformation of mobility in senseless and self-destructive fluidity and variability. Barren fluidity threatening the very foundations of human existence puts humanity on the brink of an anthropological catastrophe.

Key words:

mobility, stability, movement, peace, development, progress, relativism, stagnation, degradation, regress, decay.

УДК 327.8

АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»¹

Ковба Дарья Михайловна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
младший научный сотрудник,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению особенностей академической мобильности с позиции теории «мягкой силы». Особый акцент сделан на исследовании позитивных последствий, а также возможных вызовов и угроз, к которым приводит интенсификация мобильности в современных условиях глобализации.

Ключевые слова:

академическая мобильность, высшее образование, глобализация, «мягкая сила», США, программы обмена.

Цифровая революция, произошедшая в конце XX века, и процессы глобализации постепенно привели к трансформации понимания пространственно-временных характеристик. Данные изменения выдвинули новые требования к методам работы, географическим локациям и многим социальным практикам. Мобильный телефон стал символом мобильности личности. Сам термин *мобильность* начал отходить от своих физических характеристик (понятия места

жительства, территории, людей, капитала) и стал включать в себя также информацию, навыки, способности, знаки, идеи.

Большой интерес для исследователей представляют изменения, происходящие в системе высшего образования в условиях интенсификации мобильности. Они касаются увеличения потока студентов и ученых, повышения количества программ обмена, изменения отношений между университетами и правительствами и в целом

¹ Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований Института философии и права УрО РАН: проект № 15–19–6–1 «Разработка концепта мобильности в современных гуманитарных и социально-политических исследованиях: теоретико-методологический анализ.

смены характера рынка образовательных услуг.

В результате систематизации массива научных работ по данной проблематике были выделены следующие распространенные ракурсы исследования академической мобильности:

1) изучение теоретического дискурса мобильности, рассмотрение академической мобильности в качестве желательного или необходимого феномена в современных условиях;

2) исследование социально-демографических характеристик и политики, лежащей в основе международного образовательного рынка;

3) выявление неравенства в области мобильности, исследование зависимостей между страной происхождения, социально-экономическими статусами студентов и особенностями мобильности;

4) создание общей, типичной характеристики мобильного студента и наложение ее на индивидуальный опыт;

5) исследование позитивных следствий, а также вызовов и угроз, к которым приводит увеличение мобильности в современном мире.

Данная статья посвящена исследованию последнего из перечисленных вопросов.

Согласно некоторым оценкам, число иностранных студентов в мире достигнет 7 млн. к 2020 году [6, с. 19]. Ожидается, что наряду с увеличением людских потоков повысится количество краткосрочных академических поездок (чтение лекций, участие в конференциях и семинарах), совместных исследований и программ дистанционного обучения. Все это коренным образом изменит глобальный масштаб высшего образования. Какие эффекты влекут за собой данные процессы?

Академическая мобильность способствует все большему накоплению знаний, повышению учебной и научной продуктивности, выстраиванию сети взаимодействий, развитию и внедрению инноваций. С точки зрения отдельной личности мобильность

стимулирует культурное и профессиональное развитие, улучшает навыки общения и, что очень важно, влияет на ценностные ориентации и установки.

Для университетов академическая мобильность становится важным элементом имиджа, так как прием студентов и преподавателей из других вузов мира, их успешная учеба и работа являются подтверждением статуса вуза как квалифицированного учебного заведения. Признание дипломов способствует повышению рейтинга университета, увеличению его привлекательности. Академическая мобильность влияет и на выбор работодателей: развитие программ мобильности означает повышение квалификации и развитие личных качеств кадров (динамичность, отсутствие внутренних преград для общения, в том числе на иностранных языках, способность к восприятию и созданию нового, открытость и творческий подход) [4].

В то же время, перед университетами встают непростые задачи разработки программ обучения, поиска кадров, создания условий для принятия и отправки студентов за рубеж. Принятие английского языка в качестве международного языка общения поставило вузы, в которых преподавание ведется на национальном языке, в неблагоприятное положение с точки зрения академической мобильности. Данная ситуация стимулирует руководство учебных заведений внедрять англоязычные программы обучения. Так, многие азиатские университеты в последние годы запустили программы для иностранных студентов не на национальных языках, вызывающих трудности в их изучении у жителей Запада, а на английском.

Академическая мобильность имеет большое значение с точки зрения теории «мягкой силы». Данный термин мы определяем как способ осуществления власти, подразумевающий создание благоприятной среды для политических действий и включающий три измерения: 1) привлечение, ведущее к согласию или подражанию; 2) способность

устанавливать легитимную повестку дня, а также набор выгодных правил и институтов; 3) формирование предпочтений населения. Третье измерение больше всего коррелирует с образовательными эффектами. Итак, с точки зрения «мягкой силы», долгосрочное воздействие, оказываемое в течение образовательного процесса, намного эффективней краткосрочных пропагандистских кампаний.

«Мягкая сила» образования может происходить в двух направлениях:

- 1) обучение представителей элит, будущих лидеров других стран;
- 2) обучение студентов, не принадлежащих к элите, которые после окончания образования и возвращения на родину начинают благоприятно оценивать страну обучения [3, с. 55].

Студенты перенимают методы, подходы, академическую культуру, философию, ценности, свойственные принимающему государству. После возвращения домой они сохраняют дружеские и профессиональные связи с жителями страны обучения. Лично полученное представление о стране, ее жителях устраняет страхи и стереотипы, сформировавшиеся из-за недостатка или искажения информации. Для того чтобы образовательные программы становились полноценными источниками «мягкой силы» государства, необходимо их тщательное планирование, учет международного опыта, своевременная корректировка недостатков.

Ярким примером эффективного «мягкого» воздействия образования на «умы и сердца» студентов из многих стран мира являются американские программы по привлечению студентов и обмену ими. Ряд ученых [7, с. 39] признает, что образовательная политика США способствовала перевесу сил по итогам холодной войны. Обмены студентами, стипендиальные программы и исследовательские проекты при финансовой поддержке правительства США, частных фондов и других учреждений помогли улучшить образ данной страны, создали связи ученых на между-

народном уровне. Федеральная поддержка американских университетов была призвана поднять их уровень до международного. Американское образование начало считаться лучшим в мире, оно стало привлекать студентов из многих стран.

Тем не менее, сегодня Соединенные Штаты сталкиваются с некоторыми проблемами в рассматриваемой области. По мнению Д. Дж. Стейли, директора центра Голдберг Университета штата Огайо, активность азиатских вузов в плане поощрения программ мобильности может негативно повлиять на американскую систему высшего образования. По его мнению угрозой является общий всплеск глобальной студенческой мобильности. Соединенные Штаты рискуют потерять свое уникальное место в мире в области высшего образования. После Второй мировой войны глобальные потоки студентов текли, в основном, в США. Сегодня глобализация высшего образования означает, что все больше и больше студентов выбирают местом своего обучения отнюдь не Америку. Однополярный мир, в котором доминировали учреждения высшего образования США, становится многополярным, поэтому американские колледжи и университеты сталкиваются с конкуренцией множества новых акторов. Азиатские вузы таких стран, как Китай, Сингапур, Саудовская Аравия тратят огромное количество средств на программы по привлечению талантливых студентов [5].

Международная репутация науки в США – ключевой элемент ее «мягкой силы». Парадигмы и результаты исследований имеют широкое научное влияние, а также, как правило, доминируют при распространении знания посредством журналов и сети Интернет. Традиционно американцы приглашали иностранцев в профессорский состав, что контрастирует с другими государствами, например, Японией, где лицу, не являющемуся гражданином страны, сложно получить место профессора. Обучение ведется на английском языке, а это самый популярный язык во всем

мире. Страны, которые предлагают международное образование на английском языке, имеют преимущество на международном рынке [7, с. 40]. В сфере американского высшего образования отсутствует централизованное планирование и поддерживается разнообразие.

Программа Фулбрайта, введенная после Второй мировой войны сенатором США Дж. У. Фулбрайтом для развития понимания между США и другими странами, – практически прямая инвестиция в потенциал «мягкой силы» государства. Кандидаты – представители элиты, будущие лидеры, аспиранты, профессорско-преподавательский состав, государственные служащие, сотрудники компаний. Претенденты отбирались по итогам жесткого конкурентного отбора. Участие в программе расценивалось как престижное занятие.

В то же время, большую пользу приносит обучение лиц, не относящихся к элите. Они составляют «периферическую сеть», которая вносит вклад в строительство «инфраструктуры» «мягкой силы» – то есть сумму образованных, конкурентоспособных личностей, которые благоприятно оценивают страну обучения [8, с. 78]. Таким примером проводника «мягкой силы» США является Ассоциация международного образования *NAFSA*. Это некоммерческая профессиональная организация, способствующая академической мобильности. Она была создана в 1948 году как ассоциация иностранных студенческих консультантов для стимулирования профессионального развития должностных лиц из американских колледжей и университетов, занятых в области взаимодействия со студентами, прибывавшими на учебу в США после Второй мировой войны [1]. В настоящее время *NAFSA* способствует росту количества обменов студентов, приезжающих учиться в Америку и уезжающих учиться в другие образовательные учреждения мира. Согласно данным рассматриваемой организации, более 671 000 иностранных студентов, ежегодно

посещающих США, вносят значительный вклад в экономику страны. Студенты, возвращающиеся домой из Америки и обладающие лидерским потенциалом, представляют собой «резерв доброжелательности» для США. По мнению представителей *NAFSA* это самый недооцененный внешнеполитический актив. Студенты, остающиеся в стране после окончания обучения, характеризуются способностями к инновациям и конкурентоспособностью [2].

В нашей стране сложились две позиции по отношению к программам академической мобильности. С одной стороны, утверждается, что они способствуют укреплению взаимопонимания, дружбы, сотрудничества между странами в различных областях, облегчают взаимопонимание в области деловых отношений. С другой стороны, существует негативная или настороженная позиция: огромные финансовые затраты, которые несут иностранные вузы, скрывают серьезные стратегические намерения основных геополитических конкурентов. «Мягкая сила» образования призвана повысить степень лояльности к стране, принимающей студентов и молодых ученых, скрытым образом внедрить новые ценностные установки, способствовать «утечке мозгов», подготовить «культурное ядро», вложить необходимые политические ориентации. Для того чтобы перейти от настороженной к взвешенной позиции, необходимо активно включаться в образовательные программы, повышать их качество и на концептуальном уровне переходить от термина «утечка мозгов» к упомянутым Д. Дж. Стейли терминам «циркуляция мозга» и «обмен мозгами» [5] между странами мира.

1. Ассоциация международных педагогов *NAFSA*. URL: http://www.nafsa.org/About_Us/About_NAFSA/Mission_and_Vision/Mission,_Vision,_Values/ (дата обращения: 05.10.2016).

2. Брошюра *NAFSA*. URL: <https://www.uvm.edu/~intrnatl/pdf/changinglandscape.pdf> (дата обращения: 05.10.2016).

3. Ковба Д.М. Фактор мобильности с точки зрения

теории «мягкой силы» // Научный журнал «Дискурс-Пи». – 2015. – № 2. – С. 53–55.

4. Сергеев С.О. Академическая мобильность как инструмент мягкой силы науки. URL: <http://online-science.ru/userfiles/file/miw4usn6yt5bqs9gc2erxbaiuot2yuyij.pdf> (дата обращения: 05.10.2016).

5. Стейли Д.Дж. Меняющийся ландшафт высшего образования. URL: <http://er.educause.edu/articles/2011/2/the-changing-landscape-of-higher-education> (дата обращения: 13.09.2016).

6. Цюньцун Чэнь. Глобализация и транснациональная академическая мобильность: опыт китайских граждан, вернувшихся после обучения URL: <http://pqdtopen.proquest.com/doc/1658216251.html? FMT=AI> (дата обращения: 13.09.2016).

7. Altbach, P.G., McGill Peterson Higher education as a projection of America's soft power // Soft power superpowers: cultural and national assets of Japan and the United States. – 2008. – P. 37–53.

8. Mashiko E., Miki H. Nurturing Soft Power. The Impact of Japanese-U.S. University Exchanges // Soft power superpowers: cultural and national assets of Japan and the United States. – 2008. – P. 75–98.

1. Associaciya mezhdunarodnyx pedagogov NAFSA. URL: http://www.nafsa.org/About_Us/About_NAFSA/Mission_and_Vision/Mission,_Vision,_Values/ (data

obrashheniya: 05.10.2016).

2. Broshyura NAFSA. URL: <https://www.uvm.edu/~intrnatl/pdf/changinglandscape.pdf> (data obrashheniya: 05.10.2016).

3. Kovba D.M. Faktor mobil'nosti s tochki zreniya teorii «myagkoj sily» // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». – 2015. – № 2. – S. 53–55.

4. Sergeev S.O. Akademicheskaya mobil'nost' kak instrument myagkoj sily nauki. URL: <http://online-science.ru/userfiles/file/miw4usn6yt5bqs9gc2erxbaiuot2yuyij.pdf> (data obrashheniya: 05.10.2016).

5. Stejli D.Dzh. Menyayushhijysya landshaft vysshego obrazovaniya. URL: <http://er.educause.edu/articles/2011/2/the-changing-landscape-of-higher-education> (data obrashheniya: 13.09.2016).

6. Cyuncyun Che'n'. Globalizaciya i transnacional'naya akademicheskaya mobil'nost': opyt kitajskix grazhdan, vrnuvshixsya posle obucheniya URL: <http://pqdtopen.proquest.com/doc/1658216251.html? FMT=AI> (data obrashheniya: 13.09.2016).

7. Altbach, P.G., McGill Peterson Higher education as a projection of America's soft power // Soft power superpowers: cultural and national assets of Japan and the United States. – 2008. – P. 37–53.

8. Mashiko E., Miki H. Nurturing Soft Power. The Impact of Japanese-U.S. University Exchanges // Soft power superpowers: cultural and national assets of Japan and the United States. – 2008. – P. 75–98.

UDC 327.8

ACADEMIC MOBILITY IN HIGHER EDUCATION IN THE CONTEXT OF THE SOFT POWER THEORY

Kovba Daria Mikhailovna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Junior Researcher,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Annotation

The article deals with the features of academic mobility from the perspective of soft power theory. Particular emphasis is placed on the study of the positive consequences and potential challenges and threats, which are the consequences of the intensification of mobility in today's globalized world.

Key words:

academic mobility, higher education, globalization, soft power, USA, exchange programs.

УДК 323.2+27, 327.3, 316.4

ХАНАФИТСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ДИСКУРСА МОБИЛЬНОСТИ В ИСЛАМЕ¹

Исаков Александр Сергеевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
as.isacov@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена описанию ханафитского измерения дискурса мобильности в исламе. Автор делает попытку обобщить связанные с мобильностью дискурсивные комплексы и выявить пути их исторической детерминации. В статье раскрывается юридическая формула ханафитской правовой школы и ее особое влияние на процесс легитимации политических изменений. Конкретные особенности мазхаба выводятся из рассмотрения трех локальных исторических потрясений исламского мира: распад Османской империи, революция в Египте 1952 года, современной роли террористической группировки ДАИШ. Также затрагивается влияние «Арабской весны» на процессы мобилизации мусульманского населения.

Ключевые слова:

политический ислам, ханафитский мазхаб, дискурс мобильности, Арабская весна, ДАИШ.

Рефлексия опыта реактивных изменений, произошедших в странах исламского Востока за последние годы, неизбежно проецирует академический интерес к региональным процессам [3; 4; 5; 7]. Основной вектор интереса – процессы мобилизации населения, спровоцировавшие не только смену режимов, но и актуализацию дискурса, формирование новых идей и концепций, изменение региональной подсистемы в целом.

Общим отражением данного конгломерата изменений в академическом дискурсе считается дискурс мобильности. Его появление и применение в пространстве восточной политики на эвристическом уровне является условным знаком перехода исламских стран к состоянию современности. Происходит переход от авторитаризма к политическому идеализму демократии, не обеспеченному социально-экономическими изменениями. Тем не ме-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований Института философии и права УрО РАН: проект № 15–19–6–1 «Разработка концепта мобильности в современных гуманитарных и социально политических исследованиях: теоретико-методологический анализ».

нее, произведенные изменения получают позитивную презумпцию на уровне мирового общественного мнения, а в эмпирическом смысле – рассматриваются как фактор ускорения динамики социальных изменений, более способных к рецепции позитивных практик из стран-лидеров мирового развития, нежели при обветшалом авторитаризме.

Именно эта конфигурация гипотез позволяет говорить о применимости дискурса мобильности к странам исламского Востока. «Ставший очевидным такой признак современности, как ускорение социальной динамики, потребовал от обществоведов переключения на новую систему понятий, метафор, образов, позволяющую проанализировать и концептуально смоделировать динамику коммуникационных процессов. Если ранее обществоведы оперировали преимущественно понятиями статического мира («социальный слой», «политический институт», «габитус» и др.), то сегодня фокус исследовательского внимания отчетливо перемещается в сторону изучения мобильных объектов и динамичных форм деятельности [9]. При этом любым проявлениям мобильности и динамичным формам деятельности необходим источник. В условиях несекулярного общества в роли такого источника может выступать только религия. При этом традиционный вариант декомпозиции исламского вероучения на два основных направления – шиизм и суннизм, не охватывает весь спектр мобилизующих факторов. Иные основания представляет вариант деления на правовые школы – мазхабы. Каждый мазхаб содержит ряд правил и норм, детерминирующих реальную жизнь общества, границы социальной динамики и характеристики институтов государства.

На сегодняшний день в исламе остаются актуальными пять фундаментальных мазхабов, имеющих аутентичную правовую и социально-политическую формулу. Четыре мазхаба – ханафитский, маликит-

ский, шафиитский и ханбалитский – в суннизме и джафаритский в шиизме. Каждый из этих мазхабов имеет собственное место в дискурсе мобильности в исламе, определяющее характеристики общества и его потенциал мобильности. Большая часть стран, изменившихся в горниле «Арабской весны», принадлежит именно к ханафитскому мазхабу.

Рассматривая мазхаб с позиции политической науки, необходимо абстрагироваться от его религиозной роли, концентрируя внимание на социально-политическое влияние, которое он оказывает на общество-реципиент. Таким образом, историческая локализация сторонников правовой школы детерминирует поведение и отношение к политическим изменениям не только приверженцев, но даже не-мусульман, проживающих в данном государстве.

Ханафитская правовая школа, в целом, рассматривается экспертами как самая умеренная в исламе: «Ханафитская школа (по сравнению с другими школами) рассматривается как относительно либеральная, поэтому ее либеральный характер стал практически поговоркой в исламских кругах. Из всех прочих школ именно ханафитская заняла наиболее либеральную позицию по отношению к «людям Писания» (Ахль Аль-Китаб), то есть к христианам и иудеям, находящимся под юрисдикцией исламского государства» [8].

Конкретное влияние ханафитской правовой школы на дискурс мобильности можно выразить, исходя из особенностей легитимации политических изменений, заложенных в его юридической формуле. Так, помимо традиционных источников права, как Коран, Сунна и иджда, и использования суждения по аналогии, мазхаб позволяет использовать особый механизм – истихсан. «Если закон, установленный благодаря обоснованию по аналогии (кыяс), оказался чересчур резок или обернулся против обще-

го блага, то он может быть пересмотрен по дискреционному усмотрению («истихсан»)» [8].

Де-факто, данный механизм применяется, когда имеет место быть какое-либо нововведение в образе жизни, по которому невозможен консенсус правоведов на основе источников права. Его реальное функционирование заключается в том, что если нововведение соответствует общественному благу, то оно может быть применено в условиях мусульманской уммы. Прямая политическая аналогия зиждется на роли избирательного права – любой политик, чья предвыборная программа была поддержана на выборах или иных легитимных способах прихода к власти, имеет легитимность на претворение нововведений. Также данный механизм может использоваться пассивно: в ситуации, когда нововведение стало частью жизни мусульман, и никто не высказывается против.

Иные особенности правовой школы и влияния на дискурс мобильности могут быть рассмотрены с помощью анализа конкретных кейсов – исторических проектов, в реализации которых имела место быть колоссальная мобилизация общества. Так, именно эта правовая школа является доминирующей в странах, бросавших на протяжении истории самые значительные модернистские вызовы цивилизации. А именно: турецкий проект Мустафы Кемалю, египетский проект Гамаль Абдель Насера и проект террористической группировки ДАИШ.

Каждый из этих проектов имел одинаковую коннотацию – попытка мобилизации мусульманской уммы с целью изменить систему мироустройства, выведя страну-реципиента в лидеры мирового развития, тем самым вернув «золотой век ислама». Именно это делает данные кейсы частью единой эволюционирующей системы

мобильности исламского общества, вне относительно маргинального и делинквентного характера воздействия ДАИШ. Это доказывается также и тем фактом, что именно исторические катастрофы являются лучшим катализатором мобильности и, как следствие, потребности в изменениях [1, с. 237–238].

Исторический репертуар подобных катастроф имел широкое распространение в пространстве ханафитских стран. Исторически первой катастрофой, сформировавшей осмысленный модернистский вектор потребности в изменениях, который осуществил мобилизацию, являлось разрушение Османской империи. Несмотря на то, что ранее также имели место быть крупные социально-политические катастрофы в ханафитских странах, говорить об институционально оформленном проекте можно лишь начиная с данного кейса.

Претворяемые Мустафой Кемалем изменения в Турции XX века кардинальным образом изменили турецкое общество. Инициированный им дискурс мобильности затронул самые разные аспекты жизни общества, среди которых: смещение османского космополитизма к турецкому национализму, смещение добровольной автаркии восточного социума к активной рецепции западного образа жизни, смещение восприятия пространства и его локализация в рамки этнических границ. «Самыми крупными реформами, кардинально изменившими Турцию, стали преобразования Мустафы Кемалю <...> М. Кемаль определил такие принципы в политической жизни Турции, как европеизация, национализм, этатизм, революционность, народность и лаицизм» [10]. Под последним понимается стремление вывести общественно-политическую жизнь из-под влияния религии. При этом речь идет не о секуляризации в западном ее понимании, а о на-

ционализации религиозных функций путем передачи функционала шейх-уль-исламата государству.

Полный спектр данных изменений, представлявший собой институционально оформленный модернистский проект, был ответом на постигшую высокую Порту геополитическую катастрофу. Также это было способом сохранения целостности турецкой нации в противовес послевоенных планов по разделу страны.

Исторически следующим институционально оформленным модернистским проектом, приведшим к мобилизации, является революция 1952 года. Несмотря на пиетет и формальное главенство Мухаммеда Нагиба, основная роль в инициации изменений принадлежала Гамалю Абдель Насеру, ставшему президентом страны в 1956 году. За время его президентства Египет столкнулся с беспрецедентным давлением со стороны западноевропейских стран и угрозой полномасштабной интервенции. Именно эти факторы обусловили характер изменений в стране, произведя беспрецедентную мобилизацию населения, венцом которой стала идея «арабского социализма». Стоит отметить, что сама фраза включала в себя наиболее мобилизующие императивы для стран исламского востока – облеченные в религиозный смысл императивы справедливости и исторического реванша.

Имплементация данных императивов в египетское постреволюционное общество также привела к кардинальным изменениям: смещение происламской ориентации нео-панарабскими концептами, смещение добровольной автаркии восточного социума к активной рецепции советского образа жизни и экономической модели, изменение восприятия территории государства как подмандатной королевской династии на ирредентистские концепции.

Как и в случае с младотурецкой революцией, египетский проект акцентировал внимание на вопросах идентичности, религии и территории. «Идея арабского социализма была основана на национализме и стала своего рода наследницей идеи панарабизма <...> Специфика арабского социализма заключается, прежде всего, в том, что религия в нем играет одну из ведущих ролей, тогда как марксистский социализм зиждется на атеизме. Существование социалистической идеологии вне религии в условиях жизненного уклада и мировоззрения стран арабского Востока невозможно, поскольку религиозный фактор играет ключевую роль во всех сферах жизнедеятельности населения рассматриваемого региона» [1].

Именно Египет стал также колыбелью современных революций Востока. Активно проявившая себя в регионе «Арабская весна», оставила на стране значительный отпечаток, заложив в дискурс идею о полномасштабном пересмотре баланса и границ в регионе Ближнего Востока. Однако наиболее одиозным наследием этих событий служит не концептологическая активизация научного дискурса и формирование новых моделей развития поставторитарных стран, а сформировавшееся концентрированное проявление кризиса восточной политики в целом – реваншистский проект ДАИШ.

В данном исследовании необходимо абстрагироваться от конкретной политической роли группировки, маргинального и делинквентного характера воздействия, обратившись к аксиологической платформе, сделавшей существование ДАИШ реальностью. Истоком ее появления, кроме конструктивистского воздействия США и их группировки в Ираке, непосредственно можно считать мобилизацию суннитского населения в качестве антагонизма шиитскому правлению в Ираке, на которое сделали

ставку интервенты, а также гражданское противостояние в Сирии. «Систематическая маргинализация суннитской общины и нестабильность в северных провинциях Ирака послужили питательной почвой для роста влияния экстремистских и джихадистских организаций, среди которых особый размах получило «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ; арабское название Давля исламийя фи'ль Ирак ва'ль Шам, ДАИШ). Ещё одним фактором, благоприятствовавшим деятельности джихадистов, послужила гражданская война в Сирии» [6].

Таким образом, в формировании данного экстремистского проекта, как и в предыдущих случаях, основную роль сыграла мобилизация суннитского ханафитского населения и артикуляция императивами справедливости и реванша, раскрываемых по направлениям идентичности, пространства и образа жизни. В каждом из этих направлений была предложена своя повестка, преподносимая в качестве плацебо для решения кризиса, в котором находится исламская цивилизация.

Несмотря на то, что основная масса последователей ДАИШ – мусульмане ханафитского мазхаба, экстремальный характер самой группировки, разумеется, не позволяет говорить о полной релевантности данного примера, однако, это способно подчеркнуть особенность аутентичной повестки данной правовой школы и мобилизационный потенциал, который она содержит. Так, основным вектором данного исламистского проекта является отказ от использования национальной повестки в угоду космополитизму. При этом сделано это не столько из-за внутренних причин, сколько для увеличения рекрутинговой базы.

Вопрос пространства, в данном случае, также играет ключевую роль. Основной посыл ДАИШ – вызов устоявшимся тер-

риториальным границам и сформированным государствам. Поскольку нынешние границы имеют постколониальную архитектуру, то и их восприятие является относительным. «Появление ИГ имеет далеко идущие геополитические последствия. Деятельность этой организации вызвала обрушение существующих на Ближнем Востоке политических границ, созданных в соответствии с договором Сайкс-Пико 1916 г. В частности, государственной границы между Сирией и Ираком. По всей видимости, «Исламское государство» будет невозможно уничтожить силовыми методами» [6].

Касательно рецепции образа жизни, в отличие от турецкого и египетского проектов, ориентированных на капитализм и социализм соответственно, в настоящее время идет попытка предложить новый проект, основанием которого служит политический ислам. В данном контексте можно провести аналогию с исламской революцией в Иране. Тогда аятоллой Хомейни был также предложен новый, аутентично исламский, модернистский проект, впоследствии снискавший легитимность в территориальных границах современной Исламской Республики Иран. При этом данный проект был пригоден только для последователей шиизма; последователи суннизма, более лабильного в отношении легитимации политической власти, на сегодняшний день не имеют никакого институционального проекта, способного бросить глокалистский вызов современной модели глобализации. Это говорит о том, что относительные успехи террористических формирований лишь подчеркивают необходимость изменения регионального баланса и облечения мобилизационного потенциала в дискурсивно-концептуальные рамки новой потенциальной идеи общественно-политического развития. В целом, наиболее подходящий

проект был разработан в рамках неомарксизма [2], но он не был актуализирован и не приобрел мобилизационного потенциала в ходе «Арабской весны».

Подводя итог, можно заключить, что ханафитское измерение дискурса мобильности основано на артикуляции традиционно исламских императивов справедливости и исторического реванша и локализуется в изменениях по трем траекториям: изменение идентичности, изменение пространства, изменение образа жизни. Анализ исторической ретроспективы подчеркивает, что данная правовая школа делает акцент на национальную идентичность в противовес исламскому космополитизму; производит ревизионизм восприятия пространства в случае, если оно не оптимизируется с географическим расселением этноса; предполагает плюрализм образа жизни, основанный на идее его подчинения общественному благу.

1. Аллахкулиев М.Г. Арабский социализм в контексте современной социально-политической ситуации в Египте // *Власть*. 2013. № 1.
2. Амин С. «Империя» и «Множество» [Электронный ресурс] // СКЕПСИС. URL: http://scep sis.ru/library/id_593.html.
3. Бирюков С.В. «Арабская весна» и судьба авторитарных режимов в странах Ближнего Востока // *Социогуманитарный вестник*. 2013. № 1.
4. Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка – М.: Международные отношения, 2003.
5. Исламский фактор в истории и современности / Под ред. В.Я. Белокреницкий – М.: Институт востоковедения РАН, 2011.
6. Кузнецов А.А. «Исламское государство» в контексте политических изменений на ближнем востоке // *Вестник МГИМО университета*. 2015. № 2.
7. Мирский Г.И. «Арабская весна» – туманы и тревоги // *Россия в глобальной политике*. 2013. № 2.
8. Петренко Н.И., Надеждин А.В. Юридическая формула ханафитского мазхаба (правовой школы Абу Ханифы) // *Марийский юридический вестник*. 2015. № 1.
9. Русакова О.Ф. Дискурс мобильности в современных коммуникациях // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2014. № 13 (184).

10. Сидоренко К.С. Проблемы секуляризации в Турции: история и современность // *Голос минувшего. Кубанский исторический журнал*. 2014. № 1–2.
11. Тимакова А.А. «Арабская весна» как матрица нестабильного мира // *Научно-аналитический журнал обозреватель – OBSERVER*. 2014. № 12.
12. *Islam and Modernity* // Edited by M. Kh. Masud, A. Salvatore, M. van Bruinessen – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.
13. Robinson L. *An Assessment of the Counter-ISIL Campaign* – Santa Monica: RAND Corporation, 2015.
14. Uso-Domenech J.L., Nescolarde-Selva J. *Revealing the Face of Isis* // *Foundations of Science*: № 19, – 2014.

1. Allaxkuliev M.G. Arabskij socializm v kontekste sovremennoj social'no-politicheskoj situacii v Egipte // *Vlast'*. 2013. № 1.
2. Amin S. «Imperiya» i «Mnozhestvo» [E'lektronnyj resurs] // СКЕПСИС. URL: http://scep sis.ru/library/id_593.html.
3. Biryukov S.V. «Arabskaya vesna» i sud'ba avtoritarnyx rezhimov v stranax Blizhnego Vostoka // *Sociogumanitarnyj vestnik*. 2013. № 1.
4. Zhdanov N.V. *Islamskaya koncepciya miroporjadka* – М.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2003.
5. *Islamskij faktor v istorii i sovremennosti* / Pod red. V.Ya. Belokrenickij – М.: Institut vostokovedeniya RAN, 2011.
6. Kuznecov A.A. «Islamskoe gosudarstvo» v kontekste politicheskix izmenenij na blizhnem vostoke // *Vestnik MGIMO universiteta*. 2015. № 2.
7. Mirskij G.I. «Arabskaya vesna» – tumany i trevogi // *Rossiya v global'noj politike*. 2013. № 2.
8. Petrenko N.I., Nadezhdin A.V. *Yuridicheskaya formula xanafitskogo mazhaba (pravovoj shkoly Abu Xanify)* // *Marijskij yuridicheskij vestnik*. 2015. № 1.
9. Rusakova O.F. *Diskurs mobil'nosti v sovremennyx kommunikacijax* // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2014. № 13 (184).
10. Sidorenko K.S. *Problemy sekulyarizacii v Turcii: istoriya i sovremennost'* // *Golos minuvshego. Kubanskij istoricheskij zhurnal*. 2014. № 1–2.
11. Timakova A.A. «Arabskaya vesna» kak matrica nestabil'nogo mira // *Nauchno-analiticheskij zhurnal obozrevatel' – OBSERVER*. 2014. № 12.
12. *Islam and Modernity* // Edited by M. Kh. Masud, A. Salvatore, M. van Bruinessen – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.
13. Robinson L. *An Assessment of the Counter-ISIL Campaign* – Santa Monica: RAND Corporation, 2015.
14. Uso-Domenech J.L., Nescolarde-Selva J. *Revealing the Face of Isis* // *Foundations of Science*: № 19, – 2014.

UDC 323.2+27, 327.3, 316.4

HANAFI DIMENTION OF DISCOURSE OF MOBILITY IN ISLAM

Isacov Alexander Sergeevich,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
post-graduate student,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: as.isacov@gmail.com

Annotation

The article describes the Hanafi measuring of discourse of mobility in Islam. The author attempts to generalize mobility-related discursive systems and identify ways of historical determination. The article deals with the legal formula of Hanafi law school and its especial influence on the process of legitimation of the political changes. Specific features of Madhab derived from a consideration of three local historical disasters of the Islamic world: the fall of the Ottoman Empire, the revolution in Egypt in 1952, the modern role of ISIS terrorist group. Also describes the influence of «Arab Spring» on the processes of mobilization of the Muslim population.

Key words:

political Islam, the Hanafi madhab, discourse of mobility, Arab spring, ISIS.

УДК 323+340

НОРМАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ РОССИЙСКОЙ АРКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ОСВОЕНИЕ СЫРЬЕВОЙ ПЕРИФЕРИИ ИЛИ РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ¹

Старцев Ярослав Юрьевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
старший научный сотрудник,
кандидат политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: y.startsev@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается нормативный дискурс российского государства, организующий арктическую политику РФ в 2008–2016 гг. На основе анализа ключевых документов и высказываний должностных лиц выявляется степень соответствия программных задач и методов их реализации заявленной общей цели развития арктического региона. Последовательное сопоставление положений официальных текстов с принципами системной организации и развития социальных систем, опирающееся на структурные и статистические данные, приводит автора к выводу о том, что существующие планы ориентированы в большей степени на освоение Арктической зоны как сырьевой периферии, чем на её социально-экономическое развитие.

Ключевые слова:

Нормативный дискурс, арктический регион, российская арктическая политика, Северный морской путь, региональное развитие, системная организация.

Арктическая политика Российской Федерации начинает активно разрабатываться со второй половины 2000-х годов. Эта деятельность нормативно оформляется через последовательно принимаемые «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальней-

шую перспективу» [1], «Стратегию развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» [2] и государственную программу «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» [3].

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект № 15–15–6–29 «Перспективы арктической политики: интересы и стратегии ведущих мировых держав».

В рамках реализации и более детальной разработки арктической политики создаются Государственная комиссия по развитию Арктики, Экспертный Совет по Арктике и Антарктике при Совете Федерации, Администрация Северного морского пути, разрабатываются правительственный «План мероприятий по реализации Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» [4], «Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» [5], «Комплексный проект развития Северного морского пути» [6]. Параллельно с этим обсуждается проект федерального закона «О развитии Арктической зоны Российской Федерации» [7].

Следовательно, можно говорить о том, что в период с 2008 г., когда появляются первые документы такого рода, арктическая политика в значительной степени уже разработана и может являться предметом самостоятельного анализа. С точки зрения деятельности российского государства упомянутые правовые акты представляют собой нормативное описание «Арктической зоны РФ», не только предписывая органам власти конкретные действия, но и формируя комплексное государственное видение региона, включающее в себя представления о его структуре, роли в социально-экономической и пространственной организации российского общества, намётки образа его желательного будущего.

Содержание ключевых документов указывает на приоритетность развития (варианты: устойчивого развития, социально-экономического развития) как основного направления российской арктической политики. Так, разработанный Министерством экономического развития РФ проект федерального закона о развитии Арктической зоны РФ отдельно предусматривает меры

по «государственному управлению в области развития арктической зоны» [7: гл. 2], по «государственному регулированию в области экономического развития» [7: гл. 3], по «планированию и обеспечению социально-экономического развития» и по «применению действующих инструментов территориального и отраслевого развития» [7: ст. 3]. Там же речь идёт о том, что «стратегическое планирование в Арктической зоне осуществляется с целью социально-экономического развития территорий» [7: ст. 13], ввиду «планирования и обеспечения социально-экономического развития Арктической зоны» [7: ст. 3] через реализацию «мероприятий, направленных на социально-экономическое развитие Арктической зоны» [7: ст. 15], а также «прогнозирование и мониторинг комплексного социально-экономического развития» российской Арктики [7: ст. 17].

Вместе с тем, на совместном заседании Государственной комиссии по развитию Арктики и Экспертного совета при Совете Федерации отмечается, что «ключевые проблемы Арктики решаются слишком медленно и неэффективно», а «государству необходимо менять подходы к её развитию» [8]. Однако проблема может заключаться не только в недостаточности усилий или в деталях выбранного подхода: на наш взгляд, нормативный дискурс российского государства об Арктике в принципе не предусматривает возможность её развития.

Дело в том, что развитие, как смена качественных состояний, является свойством систем. Для социальных систем, в свою очередь, ключевым фактором такой смены является саморазвитие: без него формирование глобальных проектов и привлечение внешних ресурсов не создают эффекта необратимого перехода к новому качеству. Эмпирическим подтверждением этого общего тезиса является, в частности, провал большинства попыток обеспечения развития стран «третьего мира» [9]. Оценка того, насколько правитель-

ство РФ видит Арктику развивающимся регионом, определяется, следовательно, прежде всего тем, видит ли государство в арктическом регионе территориальную и социально-экономическую систему (или возможность формирования таковой), и рассчитывает ли на формирование либо мобилизацию механизмов саморазвития.

В соответствии с проектом федерального закона «О развитии Арктической зоны Российской Федерации» под Арктической зоной Российской Федерации понимается территория Арктического региона, в пределах которой Россия обладает суверенными правами и юрисдикцией [7: ст. 1]. Сам Арктический регион, в свою очередь, понимается как «северная область Земли... центром которой является Северный полюс, а окраинной границей – Северный полярный круг» [7: ст. 3].

Искусственная выделенность части природно-климатической зоны на основании государственных границ сама по себе не позволяет говорить о системности. Следовательно, выявление системных характеристик – или их отсутствия – должно опираться на более детальный анализ ключевых свойств самоорганизующихся систем применительно к российской Арктике.

В соответствии с проектом федерального закона о развитии арктической зоны, «Арктика» – северная область Земли, включающая глубоководный Арктический бассейн, мелководные окраинные моря с островами и прилегающими частями материковой суши Европы, Азии и Северной Америки, центром которой является Северный полюс, а окраинной границей – Северный полярный круг (параллель 66 градусов 33 минуты северной широты) [7: ст. 3].

Эта территория, несомненно, обладает экологической, геологической и географической целостностью: сочетание специфического климата, достаточно замкнутых экосистем и организующей роли Северного Ледовитого океана и Северного полюса дают

для такого суждения все основания. Если отдельные фрагменты Арктики, поделенные между разными государствами, сами по себе вряд ли могут претендовать на системность и целостность, эти свойства вполне могут быть присущи Арктике в целом.

Российское государство, как и другие приполярные страны, безусловно, осознаёт это, закрепляя в ключевых документах особую роль международных согласований, договоров и иных норм, регулирующих деятельность человека в Арктике. Следовательно, на этом этапе у нас есть все основания полагать, что развитие Арктического региона в целом – решающий фактор развития российской Арктики, которая вряд ли сможет осуществить этот процесс самостоятельно [8].

Официальные документы, определяющие государственную политику по развитию Арктической зоны, говорят в первую очередь о социально-экономическом развитии. Второй аспект арктической политики, связанный с обеспечением национальной безопасности на этой территории, не определяется как задача развития; кроме того, значительная часть документов и мероприятий, связанных с безопасностью, засекречены, что ограничивает возможности компетентного анализа. Следовательно, мы можем говорить о социально-экономической проблематике как о той сфере, в рамках которой и возможно определение системности. Эта сфера, безусловно, оказывается комплексной, что проявляется и в распределении полномочий, предусмотренном действующими правовыми актами: задачи по социально-экономическому развитию Арктики относятся к предметам ведения Минэкономразвития, Минприроды, Минтранса и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, затрагивая также полномочия Минобра, Минздрава и других федеральных органов исполнительной власти. Вместе с тем, проект федерального закона предусматривает создание проектного офиса, т. е. единого

координационного органа, который должен осуществлять деятельность по развитию региона (преимущественно в формате создания и регулирования опорных зон развития) интегрируя предметные области, разнесённые по сферам ведения разных ведомств.

Как признают сами разработчики предложений по законодательному регулированию статуса Арктического региона, определение границ этой территории является скорее политическим актом, опирающимся не на научные исследования, а на соображения удобства и преемственности государственного управления [11, с. 144]. Такая позиция оказывается вполне оправданной с учётом того, что в регионе отсутствуют внутренние социально-экономические механизмы, которые каким-то образом структурировали бы границу между этой территорией и остальным пространством, или социально-экономической системой Российской Федерации.

Некоторые граничные параметры задаются теми же климатическими характеристиками – так, в Арктике фактически невозможно земледелие, существенно ограничены возможности животноводства, вечная мерзлота предъявляет специфические требования к строительным работам, а уровень среднегодовых температур и особенности воздушных потоков создают ярко выраженную специфику транспортных коммуникаций, отграниченную в этом смысле от характеристик и возможностей транспортной системы РФ в целом. Вместе с тем, эти граничные характеристики не специфичны для Арктики, что и привело в своё время к созданию правовой категории «районы Крайнего Севера и приравненные к ним». Следовательно, несмотря на очевидность влияния природно-климатических факторов на экономику, наличие этих факторов не способствует определению границы Арктического региона по экономическим параметрам, – тем более, такой границы, которая соответствовала бы формальной линии, проведённой по Северному полярному кругу.

Отсутствие такого рода «естественных» границ, казалось бы, уже говорит о том, что российская Арктика – как, вероятно, и регион в целом – не определяется как социально-экономическая система, поскольку не обладает ключевым признаком целостности – отграниченностью от внешней среды (в данном случае – от социально-экономической системы страны в целом). Это возвращает нас к проблеме невозможности развития для любого несистемного объекта.

Вместе с тем, если взять за основу определения Арктического региона не 66-ю параллель, а климатические границы (изотермы, определяющие среднегодовую, максимальную и минимальную температуры, зоны распространения вечной мерзлоты, сферы распространения сезонных циклонов и пр.), то те же самые параметры начинают играть роль граничных, достаточно строго разделяя территории, на которых, соответственно, возможна или невозможна та или иная хозяйственная деятельность. Иными словами, те природные факторы, которые оказываются достаточными для физико-географического определения границ арктической зоны по полярному кругу, малозначительны для выявления социально-экономических границ региона. Напротив, существенные для социально-экономической демаркации параметры, также природно-климатические, дают основания для гораздо более широкого определения арктических территорий.

Официальные документы, регулирующие государственную арктическую политику, концентрируются на общих характеристиках территориальных единиц, входящих в Арктический регион. Между тем, с точки зрения системного анализа, определяющей характеристикой системно организованного явления оказывается не наличие у его частей общих признаков, а характер и плотность взаимосвязей внутри системы. Как отмечено в Государственной программе по развитию Арктики, одной из основных проблем явля-

ется «отсутствие внутренних транспортных связей в этом регионе» [3: п. I.4]; то же вполне справедливо и для других видов коммуникаций. В целом, коммуникационная структура отдельных территорий, составляющих регион (будь то субъект РФ, муниципальные образования, отдельные поселения), привязывает их не друг к другу, а к «большой земле». Исключения представляют собой лишь локальные коммуникационные кластеры крупных предприятий и традиционные административные коммуникации, объединяющие муниципалитеты и административные центры субъектов РФ. Аналогичная тенденция характерна и для миграционных потоков: во всех случаях они связывают арктические регионы с остальной частью России, а не друг с другом.

Если в рамках одной страны (и это характерно не только для России) коммуникативная связность арктических регионов исчезающе мала, то на международном уровне она отсутствует вовсе. Иными словами, внутренней связностью не обладает не только российская Арктика, но и вся Арктика как макрорегион в масштабах планеты.

Подобные констатации означают, что и по параметру внутренней связности Арктическая зона России не соответствует базовым критериям системности, – и, следовательно, не может являться объектом развития в собственном смысле этого слова. Вместе с тем, в регионе присутствует коммуникационная артерия, которая потенциально способна его сформировать как системное явление – это Северный морской путь. При условии активной эксплуатации и увеличения экономического значения Севморпути социально-экономическая организация арктических территорий с высокой степенью вероятности будет структурироваться вокруг морского судоходства, – тем более что именно роль транспортных артерий в структурировании пространства, особенно на малонаселенных территориях, является

ключевой для современной России, прежде всего – для российского Севера. Вместе с тем, транспортные коридоры могут и исключать из связного социально-экономического пространства отдельные территории, если играют исключительно транзитную роль. С этой точки зрения развитие арктического региона может структурироваться не столько за счёт морского транзита, сколько за счёт активизации портовой деятельности на протяжении всего северного морского коридора.

Таким образом, активизация судоходства по Северному морскому пути оказывается ключевым фактором системной организации региона и определения возможностей его развития. В то же время, текущая статистика перевозок показывает, что поставленный в 1987 г. рекордный объём перевезённых грузов (7,2 млн. т.) не перекрыт до сих пор, несмотря на устойчивую тенденцию к росту с конца 2000-х гг. с достижением уровня 5,4 млн. т. в 2015 г. [12]. Доля транзитных перевозок по Севморпути неуклонно снижается с 2013 года, и, следовательно, даже ограниченный рост значения этой артерии для внутренних перевозок не делает Арктику более интегрированной на международном уровне, – что, в свою очередь, сказывается на себестоимости и перспективах расширения внутренних перевозок [13]. Кроме того, структурирующая роль морского транспортного коридора во многом определяется плотностью портовой сети, на сегодняшний день почти отсутствующей на протяжении большей части Севморпути.

В этом случае, однако, появляются дополнительные основания определять границу Арктики в соответствии с действующей номенклатурой, поскольку привязанность к морским коммуникациям (прежде всего – к морскому северному завозу) характерна как раз для территорий, расположенных севернее 66-й параллели, с поправкой на изломанность береговой линии. Определяющая связь с морским транспортом может в этом

случае сформировать отчётливую экономическую границу, которая, как показано выше, отсутствует на сегодняшний день. Связанные с этим задачи предусмотрены, в частности, Стратегией развития Арктической зоны, которая предполагает «развитие единой Арктической транспортной системы Российской Федерации в качестве национальной морской магистрали, ориентированной на круглогодичное функционирование, включающей в себя Северный морской путь и тяготеющие к нему меридиональные речные и железнодорожные коммуникации, а также аэропортовую сеть» [2: п. III.12].

Стратегия развития Арктики и, вслед за ней, государственная программа определяют перечень ключевых факторов, определяющих характер социально-экономического развития региона и представляющих собой риски или угрозы для такого развития. Анализ восприятия субъектами стратегического планирования и разработки государственной политики эмерджентных свойств региона вполне обоснованно можно построить на изучении этих факторов с точки зрения их влияния на системную организацию явления.

В соответствии с положениями Стратегии, «ключевыми факторами, оказывающими влияние на социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации, являются:

а) экстремальные природно-климатические условия, включая низкие температуры воздуха, сильные ветры и наличие ледяного покрова на акватории арктических морей;

б) очаговый характер промышленно-хозяйственного освоения территорий и низкая плотность населения;

в) удаленность от основных промышленных центров, высокая ресурсоемкость и зависимость хозяйственной деятельности и жизнеобеспечения населения от поставок из других регионов России топлива, продовольствия и товаров первой необходимости;

г) низкая устойчивость экологических систем, определяющих биологическое равновесие и климат Земли, и их зависимость даже от незначительных антропогенных воздействий» [2: п. 4].

Тот же документ постулирует, что «текущее состояние социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации характеризуется наличием следующих рисков и угроз:

а) в социальной сфере:

- отрицательные демографические процессы в большинстве приарктических субъектов Российской Федерации, отток трудовых ресурсов (особенно высококвалифицированных) в южные районы России и за границу;

- несоответствие сетей социального обслуживания характеру и динамике расселения, в том числе в образовании, здравоохранении, культуре, физической культуре и спорте;

- критическое состояние объектов жилищно-коммунального хозяйства, недостаточная обеспеченность населения чистой питьевой водой;

- отсутствие эффективной системы подготовки кадров, дисбаланс между спросом и предложением трудовых ресурсов в территориальном и профессиональном отношении (дефицит кадров рабочих и инженерных профессий и переизбыток невостребованных специалистов, а также людей, не имеющих профессионального образования);

- низкое качество жизни коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих на территории Арктической зоны Российской Федерации;

б) в экономической сфере:

- отсутствие российских современных технических средств и технологий для поиска, разведки и освоения морских месторождений углеводородов в арктических условиях;

- износ основных фондов, в особенности транспортной, промышленной и энергетической инфраструктуры;

- неразвитость базовой транспортной инфраструктуры, ее морской и континентальной составляющих, старение ледокольного флота, отсутствие средств малой авиации;

- высокая энергоемкость и низкая эффективность добычи природных ресурсов, издержки северного производства при отсутствии эффективных компенсационных механизмов, низкая производительность труда;

- дисбаланс в экономическом развитии между отдельными приарктическими территориями и регионами, значительный разрыв между лидирующими и депрессивными районами по уровню развития;

- недостаточное развитие навигационно-гидрографического и гидрометеорологического обеспечения мореплавания;

- отсутствие средств постоянного комплексного космического мониторинга арктических территорий и акваторий, зависимость от иностранных средств и источников информационного обеспечения всех видов деятельности в Арктике (включая взаимодействие с воздушными и морскими судами);

- отсутствие современной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, позволяющей осуществлять оказание услуг связи населению и хозяйствующим субъектам на всей территории Арктической зоны Российской Федерации;

- неразвитость энергетической системы, а также нерациональная структура генерирующих мощностей, высокая себестоимость генерации и транспортировки электроэнергии;

в) в сфере науки и технологий отмечается дефицит технических средств и технологических возможностей по изучению, освоению и использованию арктических пространств и ресурсов, недостаточная готовность к переходу на инновационный путь развития Арктической зоны Российской Федерации;

г) в сфере природопользования и охраны окружающей среды выделяется возрастающее техногенной и антропогенной нагрузки на окружающую среду с увеличением веро-

ятности достижения ее предельных значений в некоторых прилегающих к Российской Федерации акваториях Северного Ледовитого океана, а также на отдельных территориях Арктической зоны Российской Федерации, характеризующихся наличием особо неблагоприятных зон, потенциальных источников радиоактивного загрязнения, высоким уровнем накопленного экологического ущерба» [2: п. 5].

Значительная часть специфических черт региона описываются официальными документами в терминах отсутствия или нехватки каких-то свойств: в перечне ключевых факторов и рисков, содержащемся в Стратегии развития Арктики, из 20 позиций 18 определяются как несоответствие, неразвитость, недостаточный уровень, низкая устойчивость, дефицит, дисбаланс и т. п. Две позиции, которые характеризуют некоторые структурные особенности – т. е. наличие, а не отсутствие каких-то структурирующих свойств – это холодный климат и очаговый характер освоения территории.

Основной характеристикой Арктики являются климатические условия – в первую очередь, с точки зрения их неблагоприятности для человеческой деятельности. Вместе с тем, вряд ли можно считать этот признак эмерджентной чертой в системном смысле слова, поскольку он не связан с соединением частей системы в какую-то структуру. Иными словами, условное устранение из понимания Арктики любой территориальной, экологической или социальной составляющей никак не повлияет на такое свойство региона, как климат.

Ключевая структурная экономическая черта региона – очаговый характер хозяйственной деятельности, как следствие очагового же расселения. Потенциально, как показывает опыт других регионов, очаговое расселение может вести к повышению автономности хозяйственных единиц и самих поселений; в Арктике, однако, этого не про-

исходит ввиду ограничений, налагаемых климатическими условиями и современным состоянием технологий.

Ещё одна существенная характеристика Арктической зоны, во многом являющаяся ключевой для современных проектов её освоения, – концентрация минеральных природных ресурсов и углеводородов. Этот признак не является специфичным именно для арктического региона. В значительной степени он предопределён природно-географическими особенностями данных территорий, и с позиций геологии, вероятно, является эмерджентным – т. е. следствием специфического взаимодействия природных факторов, формирующих определённую структуру. Вместе с тем, как отмечено выше, объектом государственного воздействия является не геологическая среда, а социально-экономическое развитие, для которого, в данном случае, запасы природных ресурсов представляются фактором существенным, но внешним.

Таким образом, по параметру эмерджентности российская Арктика не отвечает признакам системно организованного явления; то же справедливо и в отношении мировой Арктики в целом.

В целом, арктический регион не является системно организованным явлением с точки зрения его внутренних характеристик. Напротив, с функциональной точки зрения эти территории вполне могут рассматриваться как функционально специфичные, что также является одним из признаков системной организации. В официальных документах, регулирующих арктическую политику, и в высказываниях должностных лиц функциональное назначение региона описывается в терминах «значения» (для российской социально-экономической системы, для системы национальной безопасности) и «задач», стоящих в связи с этим перед органами государственной власти.

Непосредственно в названных документах ключевая роль запасов углеводородов

в экономической роли арктического региона не определяется, и задачи, связанные с освоением природных ресурсов, формулируются на основе не высказанного, но явно подразумеваемого априори постулата о сырьевом назначении Арктики. Так, стратегия развития Арктики предусматривает «организацию в целях обеспечения в средне- и долгосрочной перспективе внутренних и экспортных потребностей Российской Федерации в цветных, благородных и драгоценных металлах и в дефицитных видах минерального сырья, в эффективной разработке месторождений хрома, марганца, олова, глинозема, урана, титана, цинка», в рамках расширенного использования «ресурсной базы Арктической зоны Российской Федерации, способной в значительной степени обеспечить потребности России в углеводородных ресурсах, водных биологических ресурсах и других видах стратегического сырья», а также «подготовку запасов углеводородного сырья к их освоению», «освоение Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции и месторождений углеводородов на континентальном шельфе Баренцева, Печорского и Карского морей, полуостровов Ямал и Гыдан», «освоение новых перспективных месторождений» [2: п. III.12].

В своих рабочих и программных выступлениях, однако, высшие должностные лица и руководители федеральных органов исполнительной власти формулируют такое целевое назначение более ясно и однозначно. Так, Президент Российской Федерации говорит о том, что «планы развития Арктической зоны России на ближайшие десятилетия содержат целый ряд крупных инвестиционных проектов, связанных с освоением ресурсов углеводородов на побережье и шельфе арктических морей, а также с созданием новых промышленных объектов и транспортных коридоров, прежде всего, конечно, имею в виду возрождение Северного морского пути» [14].

В свою очередь, министр экономического развития характеризует смысл

арктической политики следующим образом: «Рассматривая в рамках госкомиссии по Арктике вопрос экономического освоения Арктической зоны, мы исходим из того, что два основных фундамента – использование уникальной минерально-сырьевой базы (прежде всего газ, нефть, уголь, руды цветных металлов, редкоземельные элементы), создание на этой основе современных промышленных производств и использование транзитного потенциала Северного морского пути и сопряжение этих двух элементов» [14].

Роль арктического региона как источника минерально-сырьевых ресурсов в качестве его базовой функции аналогично определяется и в других странах; следовательно, подобная функциональность не является российской спецификой. То же касается транспортных перспектив и, в частности, арктического судоходства: так, в последнее десятилетие не только усиливается внимание потенциальных грузоперевозчиков к возможности использования Северного морского пути, но и возобновляются дискуссии о перспективах открытия и использования Северо-западного прохода (арктического морского пути из Атлантического океана в Тихий вдоль побережья Северной Америки, при сегодняшней ледовой ситуации несуществующего).

Значение арктического региона для мировой и российской экономики не исчерпывается запасами углеводородов и перспективами интенсификации и удешевления морских перевозок. Так же косвенно, опираясь на априорную известность самого фактора, официальные документы и выступления говорят о существенной роли арктических биоресурсов, прежде всего – рыболовных, в функционировании продовольственного комплекса. Кроме того, Арктика концентрирует около 1/5 мировых запасов пресной воды. Наконец, геоклиматические функции региона также очень существенны, от регулирования температурного режима планеты

до поддержания структуры океанических течений и воздушных циклонов, – но эти функции не являются непосредственным объектом арктической политики ни в России, ни в других государствах.

Вероятно, можно говорить о том, что в СССР, отчасти – в современной России, арктические территории выполняли и функцию дешёвого хранилища промышленных отходов: программа «очистки Арктики», начатая в 2012 г., выявила 90 тыс.т. открыто хранящихся промышленных отходов на одной только Земле Франца-Иосифа [14]. Арктическая зона имеет и несомненное военное значение, как для базирования и операций военно-морского флота, так и для стратегического ракетного вооружения и размещения объектов аэрокосмического назначения.

Внутренняя функциональность любой территории, с точки зрения её социально-экономических аспектов, во многом сводится к поддержанию жизнедеятельности населения, в том числе – его хозяйственной деятельности и, в целом, территориальной экономики. В этом отношении арктический регион представляет собой пример критичного дисбаланса внешних и внутренних функций. Внешняя функциональность Арктики обеспечивается в основном за счёт внешних же источников ресурсов (спрос и инвестиции в сфере добычи природного сырья или в сфере транзитных перевозок), в то время как группы населения, связанные с собственными социально-экономическими возможностями региона (преимущественно – коренные малочисленные народы), не задействованы в обеспечении внешней функциональности. Жизнеобеспечение групп, занятых в эксплуатации природных ресурсов, не обеспечивается продовольственными, транспортными, товарными и иными возможностями Арктики; использующие традиционные способы обеспечения жизнедеятельности за счёт местных возможностей

коренные народы не участвуют в освоении минеральных ресурсов и в товарном использовании биоресурсов.

Таким образом, функциональность Арктики как социально-экономического комплекса сводится к функциям транспортной артерии и сырьевой базы, в очень незначительной степени способной поддерживать жизнедеятельность населения за счёт собственных ресурсов, ориентированных на внутреннее потребление. Достаточно существенным представляется то, что одна из перспективных внешних функций региона – интенсификация использования Северного морского пути, – одновременно, как показано выше, является основным инструментом, способным обеспечить внутреннюю связность региона, т. е. трансформировать его в более системное образование.

Типичные источники существования любой социально-экономической системы, тем более – её роста или развития, это природные ресурсы, необходимые для самовоспроизводства, человеческие ресурсы, финансовые, материально-технические, правовые, информационные. В случае с российской Арктикой все ресурсы, необходимые для выполнения внешних функций – также внешние; традиционные источники способны поддерживать лишь традиционный образ жизни коренных народов. Соответственно, и результаты функционирования системы, т. е. производства сырья, в основном потребляются за её пределами.

В российской Арктике большая часть поставляемых извне ресурсов обеспечиваются за счёт средств государственного бюджета – как федерального, так и бюджетов субъектов РФ. Непосредственное участие других акторов – прежде всего, нефтегазодобывающих компаний, – отчасти нюансируется их преимущественно государственной принадлежностью, отчасти ограничивается решением задач по поддержанию и воспроизводству собственной производственной базы.

Ситуация в других странах несколько разнообразнее: в разработке арктического шельфа и других формах эксплуатации природных ресурсов более активное участие принимают транснациональные компании без государственного участия (безусловными лидерами являются Бритиш Петролеум, Эксон и Шелл). Вместе с тем, поддержание уровня жизни коренных народов и в целом решение инфраструктурных и социальных задач также осуществляется преимущественно за счёт бюджетных средств, т. е. за счёт налоговых поступлений идущих с других территорий страны. В этом отношении специфика России заключается в том, что в большинстве других приполярных государств социально-экономические системы северных регионов не являются самодостаточными. В Российской Федерации сами арктические территории нуждаются в притоке внешних ресурсов, но значительная часть этого притока обеспечивается в рамках северных субъектов федерации, через перераспределение газонефтяных доходов. Подобная региональная самодостаточность, лишь отчасти поддерживаемая федеральным правительством, за пределами РФ характерна только для Аляски и, в меньшей степени, для Гренландии.

В качестве возможных перспектив необходимо отметить политическую активизацию и тенденцию к автономизации коренных народов в Гренландии и в Северо-Западных территориях Канады и Нунавуте. Дальнейшее усугубление этих тенденций вполне может привести (отчасти это уже происходит) к перемещению части правовых ресурсов из государственных столиц в северные регионы, – что может сыграть ключевую роль в реформировании финансовых источников регионального самообеспечения. С другой стороны, деградация природной среды Арктики, по-видимому, неостановима: это касается и природных факторов, связанных с таянием льдов, и роста антропогенной на-

грузки. Как следствие, постоянное население этих территорий сталкивается с невозможностью вести традиционный образ жизни и всё в большей степени зависит от источников существования, прямо или косвенно связанных с платой за использование углеводородного сырья и иных природных ресурсов региона.

С точки зрения реализации основных функций арктического региона, определённых выше, более масштабная их реализация положительно подкрепляется неконтролируемыми человеком климатическими изменениями и объёмом инвестиций в арктические проекты, от непосредственного финансирования добычи ресурсов до создания систем информационного мониторинга, портового строительства или инвестирования в технологии, повышающие эффективность хозяйственной деятельности в Арктике. Россия, как и большинство других приполярных государств, наращивает государственные и частные инвестиции в арктические проекты. Вместе с тем, сейчас большая часть затрат находится на начальной стадии инвестиционного цикла, когда положительное подкрепление в виде рентабельности или прибыльности вложений отсутствует. Исключением являются традиционные очаговые и инфраструктурные проекты, большая часть инвестиционных затрат по которым приходится на советский период (Норникель, якутские алмазные трубки, ледокольный атомный флот, действующие газо-нефтепроводы и пр.).

Эксперты Центра экономики Севера оценивают срок окупаемости проектов шельфовой добычи в 20–25 лет (выход на точку безубыточности) при условии инвестирования на протяжении этого периода не менее 8,5 трлн. руб., в том числе – около 1 трлн. государственных инфраструктурных инвестиций (в ценах и ценовых ожиданиях 2013–2014 г.) [13]. Государственная программа развития Арктики предусматривает на период до 2020 г. выделение 221 млрд. руб. бюджетных средств для реализации меро-

приятий программы. По состоянию на осень 2016 г. на территории арктического региона выдано 407 лицензий на добычу, 248 из которых являются фактически действующими. Министерство природных ресурсов РФ отмечает, в связи с этим, явный приоритет для недропользователей получения лицензий над фактическим осуществлением геологоразведочных и недропользовательских работ. Эта тенденция уравнивается через механизм негативной обратной связи: в 2016 г. Правительство РФ вводит временный мораторий на выдачу лицензий в Арктике с одновременной ревизией выполнения лицензионных обязательств по уже выданным [14].

Окупаемость Северного морского пути определяется климатическими факторами и темпами освоения шельфовых месторождений; на сегодняшний день обновление и содержание ледокольного флота обеспечивается преимущественно за счёт государственных субсидий; недавние изменения условий тарификации проводки лишь усугубляют эту ситуацию. По подсчётам середины 2000-х гг. порог окупаемости ледокольного флота – не менее 1 млн. т. годовых коммерческих перевозок на каждый ледокол [15]; сегодняшняя нагрузка – в несколько раз меньше. Наряду с низкой привлекательностью северного маршрута для грузоперевозчиков это обусловлено тем, что вследствие потепления всё большее количество судов оказываются способны преодолевать часть маршрута без ледокольного сопровождения.

Арктический регион представляет собой достаточно замкнутую экологическую систему, саморегулирующуюся на уровне биологических процессов. Однако именно эти механизмы сейчас трансформируются под влиянием климатических изменений и антропогенного воздействия. Несмотря на то, что ключевые факторы здесь мало подвержены контролю со стороны человека, именно изменение климата способно обеспечить актуализацию экономических

факторов, способных сформировать Арктику как целостную социально-экономическую систему.

Антропогенное воздействие, на сегодняшний день, либо является внешним по отношению к региону и потому не играет роль фактора самоорганизации (деятельность добывающих компаний и государства), либо вписывается в традиционные очаговые модели хозяйствования (традиционный образ жизни коренных народов), неспособные оказывать интегративное воздействие на все арктические территории.

Таким образом, современная Арктика не представляет собой социально-экономической системы ни в мировом, ни в российском масштабе. Элементы системной организации, привносимые государственным воздействием и возрастающей экономической активностью негосударственных экономических субъектов, скорее включают регион в состав более крупных социально-экономических систем (мировой или российской экономики, прежде всего), чем способствуют становлению системности самого региона. Поскольку территория не является системно организованной, её невозможно развивать. Фактор, который может существенно изменить ситуацию и стать ядром образующейся системы, – темпы и масштабы потепления – не контролируется органами государственной власти, претендующими на развитие арктического Севера.

Возможности и фактически осуществляемые проекты развития отдельных очагов хозяйственной активности не оказывают существенного влияния на становление системности в масштабах региона в целом.

Стратегия развития Арктической зоны России указывает, в качестве результирующих показателей развития региона, на следующие характеристики:

– соотношение объема привлеченных дополнительных финансовых средств

и общего объема ассигнований федерального бюджета;

– региональный децильный коэффициент;

– удельный вес возобновляемых источников воспроизводства ресурсной базы;

– грузооборот по трассам Северного морского пути;

– коэффициент доступности авиаперевозок;

– коэффициент естественного прироста населения;

– доля населения, имеющего постоянный доступ к отвечающему санитарно-эпидемиологическим нормам питьевому снабжению;

– доля загрязненных вод от общего объема сточных вод;

– доля рекультивированных земель от общей площади земель, подвергшихся разрушению природной среды;

– численность популяций редких и исчезающих видов животных;

– доля населения, использующего сеть Интернет;

– объем предотвращенного экономического ущерба в результате поисково-спасательной деятельности;

– доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте Российской Федерации;

– количество экспедиций морских научных исследований;

– доля современных образцов вооружения от общего количества вооружения, военной и специальной техники в Арктической зоне (ст. 34–36 Стратегии).

Достигнутый в результате уровень социально-экономического развития характеризуются, согласно Стратегии, следующими индикативными макроэкономическими показателями:

а) увеличение доли Арктической зоны Российской Федерации в валовом вну-

тренем продукте Российской Федерации и в структуре национального экспорта;

б) рост удельного веса региональной наукоемкой инновационной продукции (и услуг) в общем объеме продаж внутри Российской Федерации и в экспорте;

в) увеличение темпов роста производительности труда на предприятиях Арктической зоны Российской Федерации;

г) прирост балансовых запасов полезных ископаемых за счет проведения геологоразведочных работ в Арктической зоне Российской Федерации;

д) увеличение ожидаемой продолжительности жизни коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих на территории Арктической зоны Российской Федерации.

Таким образом, результирующие показатели отражают основные аспекты социально-экономической организации арктических территорий, с учётом как внешних по отношению к региону, так и внутренних социальных и экономических функций. Вместе с тем, ни Стратегия, ни государственная программа социально-экономического развития Арктической зоны не содержат значений целевых показателей (индикаторов), на основании которых можно было бы судить о результативности программы и о фактически достигнутых результатах. Согласно программе, конкретные значения индикаторов должны устанавливаться межведомственной комиссией по реализации государственной политики в Арктической зоне Российской Федерации, однако эти критерии не сформированы.

Между тем, показатели результативности и итогового уровня социально-экономического развития структурированы таким образом, что без конкретных значений они не дают никакой информации о том, что может подразумеваться в данном случае под

«новым качеством», т. е. – результатом некоторого развития. Любой из предложенных показателей может свидетельствовать как о незначительных – или даже существенных – количественных сдвигах, о росте или изменении соотношений, так и о принципиальной трансформации всех характеристик региона.

Переход к качественной характеристике возможен, если те или иные значения индикаторов определены и обоснованы как критериальные для перехода к принципиально иному состоянию анализируемого явления. Примером таких величин могут быть широко используемые в природоохранной статистике значения предельно допустимой концентрации вредных веществ (ПДК), превышение которых рассматривается как качественный сдвиг, требующий нового отношения и новых мер воздействия. Аналогичную роль играют, например, показатели заболеваемости, превышающие эпидемиологический порог. Чуть ли не единственный показатель такого рода, зафиксированный в официальных документах, это требование «нулевого сброса» (запрет на сброс в море любых вредных веществ, независимо от масштабов и концентрации), содержащееся в проекте федерального закона о развитии Арктики. Для социально-экономической сферы однозначные показатели такого рода не столь разнообразны и аргументированы, однако исследовательская литература позволяет определить достаточное количество значений, достижение которых явно говорило бы о качественно иной ситуации.

Описание ожидаемых изменений как качественных не обязательно задаётся через количественные показатели. Во многих случаях качественный сдвиг определяется через наличие либо отсутствие тех или иных институтов, образов действия, идентичностей, резервов и пр. Подобные признаки не всегда фиксируются методами статистического наблюдения, что ограничивает их ис-

пользование в рамках программно-целевого управления, однако концептуальные документы стратегического характера вполне могут оперировать подобными категориями и ориентировать на связанную с ними оценку результатов деятельности.

Официальные документы, регулирующие арктическую политику, напрямую не затрагивают вопрос о необратимости планируемых изменений. В общем виде такого рода необратимость в социальных процессах обеспечивается за счёт формирования новых институтов, существования заинтересованных групп, осуществляющих самоорганизацию и саморазвитие, изменения количественных и качественных характеристик человеческого капитала, формирования новых ценностных систем и пр. Действующий вариант российской арктической политики не предусматривает формирования таких структур. Основными стимулами для социальных и экономических акторов, задействованных в реализации политики, остаётся прибыльность эксплуатации природных ресурсов либо использования Севморпути и нормативная либо финансовая поддержка со стороны федерального бюджета. И тот, и другой фактор являются внешними по отношению к региону, а их воздействие обратимо, – что, например, иллюстрируется судьбой Штокмановского месторождения.

Единственный фактор необратимости – также внешний, но достаточно серьёзный, – оговаривается в Стратегии развития Арктической зоны в следующих выражениях: «формирование резервного фонда месторождений в Арктической зоне Российской Федерации, гарантирующего энергетическую безопасность страны и устойчивое развитие топливно-энергетического комплекса в долгосрочной перспективе, в период замещения падающей добычи в районах традиционного освоения после 2020 года» (Стратегия, п. III.11). Иными словами, освоение Арктики становится насущно необходимым, и в этом

смысле неизбежным и необратимым, в случае исчерпания других источников углеводородов. Однако и в данном случае эффект необратимости затрагивает только проблематику эксплуатации природных ресурсов, но не другие аспекты функционирования региона.

В качестве системных аттракторов, которые должны стать источниками и образцами нового качества, действующие документы рассматривают почти исключительно зоны опорного развития, в общем виде охарактеризованные в проекте федерального закона о развитии Арктики. Другим потенциальным аттрактором должна выступить новая модель управления, основанная на деятельности проектного офиса по развитию Арктической зоны РФ.

Проблематика саморазвития региона не затрагивается в регулирующих арктическую политику документах: Арктическая зона Российской Федерации рассматривается как объект внешнего воздействия, и все ожидаемые результаты связаны с ожидаемой эффективностью этого воздействия. Единственный фактор самодетерминации, – который, однако, играет ключевую роль, – это климатические изменения: именно таяние льдов и снижение температур провоцирует эволюцию ситуации в том направлении, где транспортные и геологоразведочные проекты оказываются прибыльными, капитализация региона растёт, и расширяются возможности для хозяйственной деятельности.

Таким образом, государственная политика строится на априорном признании самодетерминирующихся изменений, основанных на неконтролируемых природных факторах. Вместе с тем, официальные документы не определяют те пороговые значения, по достижении которых будут формироваться социальные факторы самодетерминации, в частности – прибыльность арктических проектов для участников хозяйственной деятельности. Очевидно, что роль таких значений может играть срок окупаемости

и прибыльность месторождений, выигрешность использования Северного морского пути по сравнению с альтернативными транспортными коридорами, соотношение уловов в Арктическом бассейне в противовес уловам в более южных водах и т. д.

Действующие документы ориентированы на реализацию мероприятий в арктическом регионе в период до 2020 г. Эксперты-экономисты оценивают срок выхода шельфовых проектов на уровень нулевой рентабельности в 20–25 лет, т. е. приблизительно к 2030 г., при условии необходимых инвестиций на протяжении всего периода. Оценки климатологов позволяют говорить о полном освобождении Северного Ледовитого океана ото льдов – по крайней мере, в летний период – в 2040–2050 гг. (необходимо отметить, что в случае подтверждения гипотезы о влиянии Североатлантической осцилляции на таяние льдов восстановление ледяного покрова может начаться в последующие десятилетия).

Поскольку действующие документы не предусматривают формирования иных механизмов развития (описание опорных зон развития в проекте федерального закона схематично и не позволяет говорить о масштабах и сроках их влияния на регион), для прогнозирования длительности иных циклов не хватает данных.

Длительность любого из прогнозируемых циклов превышает сроки полномочий действующих органов государственной власти, – как на федеральном, так и на региональном уровнях. Вместе с тем, необходимость дальнейшего освоения Арктики задаётся неконтролируемыми геоклиматическими факторами, что подтверждается и возрастающей активностью других государств в этом регионе. Следовательно, вне зависимости от перемен или преемственности в системе органов государственной власти, существуют значительные шансы сохранения существующего вектора государственной арктической политики.

Таким образом, несмотря на декларацию качественных изменений, действующая система регулирования государственной политики в Арктической зоне не предусматривает явных качественных изменений, которые стали бы следствием этой политики, и не формирует механизмов достижения или конечного образа ожидаемого нового качества. Вместе с тем, политика в значительной степени строится на природных процессах, которые как раз обладают свойством необратимости и направлены на формирование нового качества в климатическом и экономико-географическом измерениях. Возможные перспективы корректировки государственной политики связаны с более полным осознанием результатов геоклиматических трансформаций и с формированием образа региональной социально-экономической системы, соответствующей этим трансформациям.

В целом современная российская арктическая политика ориентирована не столько на задачи развития, тем более его инструментализацию, сколько на задачи освоения региона. Сама по себе такая установка не противоречит возможности развития, однако сохраняет и возможность трансформации Арктики в неструктурированную эксплуатируемую сырьевую периферию. Развитие, в свою очередь, оказывается возможным лишь при условии оформления региона в некоторую системно организованную целостность.

Между тем, действующие документы не предполагают формирования или усиления факторов, способствующих системной самоорганизации региона (внутренние механизмы заинтересованности и самообеспечения, экономическая и транспортная связность, перераспределение полномочий, частичное замыкание цикла производства и продажи углеводородов на собственные нужды региона и пр.). В этом смысле закреплённый в проекте закона об Арктике

тезис о том, что создаваемые зоны опорного развития ликвидируются после решения ими своих задач приобретает явное символическое звучание.

1. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу / Утв. Президентом РФ 18.09.2008 N Пр-1969.
2. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года / Утверждена Президентом Российской Федерации 8 февраля 2013 г.
3. Постановление Правительства РФ от 21.04.2014 N 366 (ред. от 17.12.2014) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года».
4. План мероприятий по реализации Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года / Утв. Правительством РФ 30 августа 2016 г.
5. Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации / Утв. распоряжением Правительства РФ от 4 февраля 2009 г. N 132-р.
6. Справка о Комплексном проекте развития Северного морского пути // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/orders/selection/405/18405/> (дата обращения: 13.10.2016).
7. О развитии Арктической зоны Российской Федерации / Проект федерального закона, подготовленный Министерством экономического развития РФ. <http://regulation.gov.ru> (дата обращения: 02.10.2016).
8. Мартыанов В.С. Переосмысляя Арктику: динамика российских приоритетов // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2013. Т. 13. № 1. С. 83–96.
9. Петров В. По законам Арктики // Российская газета. 20.11.2015. Федеральный выпуск № 6835 (264).
10. Rist G. Le développement. Histoire d'une croyance occidentale. P.: Les Presses de Sciences Po, 201. – 511 p.
11. Российская Арктика в поисках интегральной идентичности: коллективная моногр. / отв. ред. О.Б. Подвинцев – М.: Новый хронограф, 2016.
12. Сигачёв С. Северный морской путь как национальная и международная транспортная коммуникация // Инженерная защита 4 (9). Июль-август 2015. С. 36–43.
13. Мордюшенко О. «В Арктике другие условия – и потому более длительные периоды окупаемости проектов» // Коммерсант. Интернет-выпуск. 10.12.2014. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2613737> (дата обращения: 15.09.2016).
14. Совещание с членами Правительства, посвященное вопросам развития Арктической зоны России / Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52843> (дата обращения: 07.11.2016).
15. Истомин А.В. Роль Северного морского пути в хозяйственном развитии и освоении северных террито-

рий // Север промышленный. № 6–7. 2007. <http://helion-ltd.ru/rolofsevморput/> (дата обращения: 07.08.2016).

1. Osnovy gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v Arktike na period do 2020 goda i dal'nejshuyu perspektivu / Utv. Prezidentom RF 18.09.2008 N Pr-1969.
2. Strategiya razvitiya Arkticheskoj zony Rossijskoj Federacii i obespecheniya nacional'noj bezopasnosti na period do 2020 goda / Utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii 8 fevralya 2013 g.
3. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 21.04.2014 N 366 (red. ot 17.12.2014) «Ob utverzhenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii «Social'no-e'konomicheskoe razvitie Arkticheskoj zony Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda».
4. Plan meropriyatij po realizacii Strategii razvitiya Arkticheskoj zony Rossijskoj Federacii i obespecheniya nacional'noj bezopasnosti na period do 2020 goda / Utv. Pravitel'stvom RF 30 avgusta 2016 g.
5. Koncepciya ustojchivogo razvitiya korennyx malochislennyx narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossijskoj Federacii / Utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 4 fevralya 2009 g. N 132-r.
6. Spravka o Kompleksnom proekte razvitiya Severnogo morskogo puti // Oficial'nyj sajt Pravitel'stva RF. URL: <http://government.ru/orders/selection/405/18405/> (data obrashheniya: 13.10.2016).
7. O razvitii Arkticheskoj zony Rossijskoj Federacii / Proekt federal'nogo zakona, podgotovlennyj Ministerstvom e'konomicheskogo razvitiya RF. <http://regulation.gov.ru> (data obrashheniya: 02.10.2016).
8. Mart'yanov V.S. Pereosmyslyaya Arktiku: dinamika rossijskix prioritetov // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN. 2013. T. 13. № 1. S. 83–96.
9. Petrov V. Po zakonam Arktiki // Rossijskaya gazeta. 20.11.2015. Federal'nyj vypusk № 6835 (264).
10. Rist G. Le développement. Histoire d'une croyance occidentale. P.: Les Presses de Sciences Po, 201. – 511 p.
11. Rossijskaya Arktika v poiskax integral'noj identichnosti: kollektivnaya monogr. / otv. red. O.B. Podvincev – M.: Novyj xronograf, 2016.
12. Sigachyov S. Severnyj morskoy put' kak nacional'naya i mezhdunarodnaya transportnaya kommunikaciya // Inzhenernaya zashhita 4 (9). Iyul'-avgust 2015. S. 36–43.
13. Mordyushenko O. «V Arktike drugie usloviya – i potomu bolee dlitel'nye periody okupaemosti proektov» // Kommersant. Internet-vypusk. 10.12.2014. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2613737> (data obrashheniya: 15.09.2016).
14. Soveshhanie s chlenami Pravitel'stva, posvyashhyonnoe voprosam razvitiya Arkticheskoj zony Rossii / Oficial'nyj sajt Prezidenta RF. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52843> (data obrashheniya: 07.11.2016).
15. Istomin A.V. Rol' Severnogo morskogo puti v xozyajstvennom razvitii i osvoenii severnyx territorij // Sever promyshlennyj. № 6–7. 2007. <http://helion-ltd.ru/rolofsevморput/> (data obrashheniya: 07.08.2016).

UDC 323+340

THE NORMATIVE DESCRIPTION OF THE RUSSIAN ARCTIC POLICY: DEVELOPMENT OF RAW PERIPHERY OR REGIONAL DEVELOPMENT

Startsev Yaroslav Urjevich,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Senior Research Associate,
PhD in Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: y.startsev@gmail.com

Annotation

The article is bearing on the normative discourse of the Russian state organizing Russian Arctic Policy between 2008 and 2016. Analyzing key Government documents and public statements author evaluates the degree of correspondence between programmed tasks, implementation activities and the general goal of developing Arctic region. With reference to the major principles of the social systems theory, of theory of development, and statistical evidence, author shows that Government's planning is more able to assure a reclamation of a sourced periphery than to really develop Russian Arctic.

Key words:

normative discourse, Arctic region, Russian Arctic Policy, North Sea Way, regional development, system organization.

УДК 141

НОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ НАУЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ: КАЗАХСТАНСКИЙ ТРАВЕЛОГ

Гладкова Ирина Витальевна

Уральский государственный горный университет,
кафедра философии и культурологии,
кандидат философских наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: gladkova21@yandex.ru

Аннотация

В представленном материале дается информация о новом проекте Общественного фонда «Международный образовательный центр Universum.KZ» – Летней академической школе и о проведении научно-практической конференции в рамках этого проекта.

Ключевые слова:

научная коммуникация, конференция, летняя академическая школа, современные стандарты образования, образовательные стратегии.

Общественным фондом «Международный образовательный центр Universum.KZ» (г. Алматы, Казахстан) была предложена новая форма научного общения – Летняя академическая школа. Это международный научный семинар, в рамках которого организовываются лекции, психологические тренинги, круглые столы, дискуссионные клубы, конференции. Фонд сотрудничает с такими партнерами как МосГУ, Центрально-Азиатский университет (Казахстан), Институт политологии, философии и религиоведения МОН Республики Казахстан, Международная

академия дискурс-исследований (Россия), Кыргызский Национальный университет.

По приглашению Общественного фонда «Международный образовательный центр Universum.KZ» группа уральских философов приняла участие в работе Летней академической школы, которая проходила с 30 июля 2016 года в г. Алматы и Алматинской области (Казахстан) и на озере Иссык-Куль (Кыргызстан).

К работе школы были привлечены известные казахские, российские и зарубежные ученые: профессор Ян Кэмпбелл (Чехия), профессора Жоробеков Ж. Ж.

и Эдилова М.М. (Кыргызстан), профессора Айдарбеков З.С. и Булекбаев С.Б. (Казахстан).

Организаторы проекта, помимо насыщенной научной работы, предложили участникам Летней академической школы интересную культурную программу, включающую посещение музеев, театров, выставочных залов, а также экскурсии с целью ознакомления гостей с уникальным природным разнообразием региона, культурно-историческим наследием и этнографическими особенностями народов, проживающих на Великом Шелковом пути.

Продуманность программы проекта позволила успешно совмещать научные занятия с активным отдыхом. Так, кульминацией в работе Летней академической школы стала конференция на тему «Актуальные проблемы общественной науки в XXI веке», проведенная в центре культуры и отдыха на озере Иссык-Куль (Кыргызстан). На пленарном заседании выступили: профессор кафедры международных отношений Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана доктор филос. наук Сагади Баюзакович Булекбаев с докладом: «Методологические проблемы международных отношений в контексте вызовов современности»; профессор Айдарбеков Зейнабил Смаилханович – доктор филос. наук, зав. кафедрой истории Казахстана и общественных наук Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана с докладом «Современные стандарты образования в Республике Казахстан и ценностные ориентиры современной молодежи»; Гладкова И.В. – кандидат филос. наук, доцент кафедры философии и культурологии Уральского государственного горного университета (Россия, Екатеринбург) с докладом «Гуманитарная парадигма современного образования: поиск духовного

континуума»; Гульнара Рахманова – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана с докладом «Основные тенденции развития современного образования». Докладчики говорили о современных стандартах образования, образовательных стратегиях, об усилении воспитательного компонента в образовательном процессе, о проблемах, связанных с процессом реформирования высшего образования. Отмечалось, что современная образовательная политика должна базироваться на парадигме гуманитарного характера, совокупность идей которой предполагает усиление роли ценностно-ориентированного знания, активности индивида как субъекта деятельности, духовно-нравственного потенциала человека и общества.

На круглом столе обсуждались вопросы, связанные с изменением статуса вузовского преподавателя, его роли и места в современном образовательном процессе. По результатам этой дискуссии участниками конференции была принята резолюция.

По окончании работы Летней академической школы участникам мероприятия были вручены международные сертификаты о повышении квалификации. Материалы научных докладов конференции были изданы в виде отдельного сборника и будут размещены на страницах журналов «Адам әлемі» (включен в реестр ВАК МОН Республики Казахстан) и Дискурс-Пи (проиндексирован в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)).

Выражаем искреннюю благодарность организаторам проекта проф. С.Б. Булекбаеву и проф. З.С. Айдарбекову за оригинальную идею и ее успешное воплощение, и надеемся на дальнейшее плодотворное научное сотрудничество.

UDC 141

NOVATION FORMS OF SCIENTIFIC COMMUNICATIONS: KAZAKHSTAN TRAVELOGUE

Gladkova Irina Vitaljevna,

Ural State Mining University,
Associate Professor of Philosophy and Cultural Studies
candidate of Philosophy,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: gladkova21@yandex.ru

Annotation

The submission provides information about the new project of the Public Fund «International Education Center Universum.KZ» - Summer academic school, and to hold scientific and practical conference in the framework of this project.

Key words:

scientific communication, conferences, summer academic school, modern education standards, educational strategies.

УДК 070 (091)

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАТИВИСТИКИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Юферева Анастасия Сергеевна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: yufereva001@mail.ru

Аннотация

В статье показаны специфические характеристики процесса изучения политической коммуникации в советский период. На примере сравнения работ отечественных авторов показывается, каким образом исторические и культурные факторы определяли общее содержание исследований по данному направлению.

Ключевые слова:

политическая коммуникация, массовая коммуникация, пропаганда, агитация, советский опыт.

В исследованиях советского периода информационно-коммуникационные процессы в политике зачастую рассматривались одновременно с осмыслением коммуникации массовой, что автоматически способствовало нивелированию специфических черт актов взаимодействия в политическом измерении. Особенность отечественного подхода состоит в том, что, невзирая на отсутствие в понятийно-категориальном аппарате таких терминов, как «коммуникация», «массовая коммуникация» [1, с. 38–39], теоретики описывали явления и закономерности, которые соотносились с ними и составляли их устойчивое содержательное основание. Более того,

наблюдалась подмена понятия «массовая коммуникация» смежными по значению терминами. Например, в 1967 г. И. Федякин предлагал общую теорию социальной информации, развитие которой могло бы сконцентрировать внимание на таких вопросах, как сущность и принципы социальной информации, средства и методы социальной информации, особенности взаимоотношений информации, общественного мнения, пропаганды и пр. [4, с. 45].

В начале 1980-х годов после серии Пленумов ЦК КПСС (июнь 1983 г., февраль и апрель 1984 г.) были определены магистральные направления развития научной

работы, которая должна была соответствовать решению ключевых практических задач, стоящих перед страной. Эти события спровоцировали оживление мысли в академическом сообществе.

Последовало признание проблемы недостаточно проработанной терминологии. «Такие понятия, как «средства массовой информации», «средства массового воздействия», «средства массовой коммуникации», зачастую употребляются в качестве синонимов. Некорректное употребление этих терминов вызвано не только причинами субъективного порядка, вкусами авторов, но и неразработанностью самой системы категорий теории средств социальной связи, – отмечал в 1986 году В. Ю. Боров [3, с. 82–83]. Поэтому возникла необходимость в вовлечении понятия «массовая коммуникация» в научный оборот как устойчивого теоретического конструкта. «Уже само название «средства массовой коммуникации» содержит в себе задачу, – пишет И. Кон в труде «Эстафета поколений» (1987 г.). – У нас их чаще называют средствами массовой информации. До тех пор, пока весь поток информации был преимущественно официальным и односторонним <...> данный термин был совершенно точным. В последнее время стали уделять больше внимания механизму обратной связи – реакции публики на увиденное и услышанное» [5, с. 5].

Сменилась содержательная сторона выходящих в свет научных трудов. Проанализируем работы советских авторов, которые разделяет одно десятилетие, и которые подходят к рассмотрению проблематики средств массовой коммуникации под разным углом.

Так, в работе «Буржуазное телевидение и его доктрины» (1977 г.) Н. С. Бирюков концентрируется на раскрытии истинной природы буржуазных средств массовой информации, которые, несмотря на мнимый коммерческий характер, продолжают оста-

ваться зависимой частью идеологического аппарата: «монополистическая буржуазия, несмотря на стихию конкуренции, имевшую место в различных областях жизни капиталистических стран, как в отдельных случаях, так и в государственном масштабе стремится осуществить регулирование деятельностью средств массовой информации» [2, с. 39].

Показательны заключения Н. С. Бирюкова о сомнительной, а порой парадоксальной направленности суждений зарубежного специалиста масс-медиа У. Эмери, который в собственных работах имел неосторожность высказать мысль о возможности правительственных учреждений оказывать давление на средства массовой информации. Неприемлемым заключением для Н. С. Бирюкова становятся размышления Ли Левингера о том, что «деление коммуникаций на капиталистические и социалистические перестало быть удобным средством наблюдения и анализа национальных систем» [2, с. 151]. «Растворение» границы объясняется заложенной в телевизионных организациях способности к независимому вещанию, даже несмотря на явную принадлежность технологии к тому или иному общественному порядку. В подобном утверждении Н. С. Бирюков видел не что иное, как попытку возвеличить коммерческие электронные средства связи и скрыть несвойственные им признаки надклассовости и политической непредвзятости.

Впрочем, авторской критике подвергнуты и другие аспекты представлений зарубежных ученых о капиталистической системе массовой информации, начиная с парадигмы Г. Ласуэлла, использование которой призвано «снивелировать» идеологическую подоплеку адресованных населению сообщений, и заканчивая прикладными вещами – методиками оценки эффективности содержания транслируемых сообщений (например, контент-анализ), которым свойственна концептуальная ограниченность и которые призваны скрыть истинное содержание сообщений.

Почти десятилетие спустя, в 1986 году, вышел труд «Культура и массовая коммуникация» В.Ю. Борева и А.В. Коваленко, в которой прослеживалась установка на прагматичность.

Раскрытие авторами замысла империалистов по латентному пропагандистскому распространению буржуазной системы ценностей на окружающий мир сочеталось с призывом обратить внимание на достижения культуры (помимо средств массовой коммуникации), как на наиболее эффективный метод контрпропаганды. Выбор такого исследовательского ракурса означал расширение предметного поля работы: помимо стандартной критики целей и угроз буржуазной пропаганды, следовало признание положительного опыта данной технологии в отношении апелляции ими к культурному наследию. В результате это дало «возможность закамouflировать политику господствующего класса под интересы всего общества, сделать влияние идей более направленными и постоянными» [3, с. 12].

Оказание воздействия на эмоциональную сферу сознания людей посредством дублирования образцов произведений массовой культуры, по мнению В.Ю. Борева и А.В. Коваленко, является менее агрессивной, а, следовательно, более эффективной технологией внушения мысли о превосходстве жизни в капиталистическом обществе. Соответственно, «функционирование современной культуры в системе электронных средств массовой коммуникации» [3, с. 13] в состоянии привести к совершенствованию пропагандистского инструментария в СССР. Распространение художественных форм воздействия должно способствовать приобщению людей к памятникам мировой культуры, единению аудитории и, что самое главное, – ускорению процесса формирования нового человека – человека коммунистического с соответствующей системой ценностей и ориентиров. Нацеленность на разработку

научно обоснованных методов эстетического воспитания индивида с помощью трансляции разнообразных элементов культуры позволяет с определенной долей условности отметить прикладное назначение рассматриваемого исследования.

В дополнение ко всему, в предлагаемой работе наблюдалась попытка методологического осмысления взаимодействия между субъектами и его структуры. Изучение сформулированного Г. Лассуэллом коммуникативного акта отличалось не полным принятием данной модели (как наблюдалось в подходе С.Н. Бирюкова), но попытками ее расширения путем добавления шестого вопроса «с какой целью?», что объясняется потребностью в решении задач идеологического и социального толка. Обсуждались и другие ранее «запретные» компоненты коммуникативного процесса (адресант, сообщение, адресат), а также последствия от его осуществления (появление новых «эффектов» в искусстве, как пример).

Рассмотрение трудов советских авторов позволило раскрыть специфику их подходов к изучению феномена массовой коммуникации. На конструирование научного дискурса по данной проблеме преимущественно сказалось влияние политического контекста, в рамках которого осмысление средств массовой коммуникации отличалось крайне ограниченным характером. Низкая степень проработки теоретической и методологической базы по этой теме компенсировалась обращением к зарубежным источникам, что повлияло на понятийно-категориальный аппарат и общее содержание работ отечественных исследователей.

1. Березин В.М. Массовая коммуникация: сущность, каналы действия. – М.: Изд-во РИП-холдинг, 2003. – 174 с.

2. Бирюков Н.С. Буржуазное телевидение и его доктрины. – М.: Мысль, 1977. – 277 с.

3. Боров В.Ю. Культура и массовая коммуникация. – М.: Наука, 1986. – 496 с.

4. Федякин И.А. К вопросу об общей теории социальной информации. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. – 169 с.
5. Федякин И.А. Общественное сознание и массовая коммуникация в буржуазном обществе. – М.: Наука, 1988. – 212 с.
1. Berezin V.M. Massovaya kommunikaciya: sushnost', kanaly dejstviya. – М.: Izd-vo RIP-xolding, 2003. – 174 s.
2. Biryukov N.S. Burzhuaznoe televidenie i ego doktriny. – М.: Mysl', 1977. – 277 s.
3. Borev V. Yu. Kul'tura i massovaya kommunikaciya. – М.: Nauka, 1986. – 496 s.
4. Fedyakin I. A. K voprosu ob obshhej teorii social'noj informacii. – М.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1967. – 169 s.
5. Fedyakin I. A. Obshhestvennoe soznanie i massovaya kommunikaciya v burzhuaznom obshhestve. – М.: Nauka, 1988. – 212 s.

UDC 070 (091)

TO THE ISSUE OF THE FORMATION OF POLITICAL COMMUNICATION STUDIES IN THE SOVIET PERIOD

Yufereva Anastasia Sergeevna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Science,
PhD Student,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: yufereva001@mail.ru

Annotation

This paper considers the development of the political communication studies in the context of the Soviet experience. As the title implies the article describes the main approaches with regard to an understanding of this phenomenon. The objective of this research is to find out the aspects of an influence of the historical, political and cultural context on the formation of the political communication studies.

Key words:

political communication studies, study of mass communication, mass communication, propaganda, agitation, Soviet experience.

УДК 32.001

РЕСУРСЫ «УМНОЙ СИЛЫ» КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА УРОВЕНЬ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

Носова Татьяна Николаевна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: nosova-t@list.ru

Аннотация

В статье представлены результаты авторского исследования, проведенного в 2016 году и посвященного изучению общественного мнения россиян и граждан иностранных государств о России. Целью данной работы стало определение уровня потенциального российского влияния на мировой арене, поскольку именно величина имеющихся «умных» ресурсов, даже не раскрытых в должной степени, позволяет добиваться поставленных внешнеполитических задач в рамках стратегии с опорой на «умную силу».

Ключевые слова:

умная сила, внешняя политика России, ресурсы влияния.

Сущность умной силы, или *smart power*, подразумевает широкий комплекс методов и приемов, нацеленных на увеличение влияния того или иного государства на региональном или общемировом уровне. Особенность умной силы в ее практической направленности, основывающейся на конкретных действиях политических акторов. *Smart power* можно назвать современной многосоставной стратегией в области внешней политики, включающей в себя

концепции сил низшего порядка – мягкую и жесткую силы [1].

Smart power, как и любая стратегия, должна опираться на усиление имеющихся в арсенале преимуществ и уменьшении уязвимостей. На примере исследования граждан России и иностранных государств удалось обозначить сильные и слабые стороны России и ее текущую позицию на мировой арене. Исследования охватывают интересные нас в контексте умной силы темы:

культуру, уровень здравоохранения и образования, степень туристической привлекательности, распространенность ценностей и товаров, популярность национального языка, военную мощь и т.д. То есть все ее основные компоненты.

В анкетном опросе россиян приняли участие 109 человек из разных регионов страны, с разным уровнем достатка и полученным образованием.

В анкетном опросе зарубежных граждан приняло участие 102 человека. География респондентов довольно широка и охватывает несколько континентов. Среди опрошенных были представители как дружественных по отношению к России государств, так и государств, относящихся к России негативно – Прибалтики и Украины.

Обе анкеты структурно были разделены на несколько блоков – экономику, культуру, дипломатию, вооруженные силы и политику.

Большое значение для оценки ресурсов умной силы имеет уровень товарного производства, востребованность отечественных товаров за рубежом. Анализ результатов опроса иностранных граждан выявил относительную неконкурентоспособность вещей из России. Практически половина респондентов отметила их качество как среднее. Россия, судя по полученным данным, не является страной-брендом, имеющим ряд конкурентных преимуществ [2]: 50% иностранцев, если увидят, что товар сделан в России, не придадут этому значения (см. рисунок А.1). Россия лежит вне границ сектора брендов, поскольку основной экспорт составляют ресурсы, а не потребительские товары.

Неотъемлемой составляющей успешной smart-стратегии служит такой индикатор, как образование, который включает в себя и уровень профессиональной подготовки, преподносимой в вузе, и количество иностранных студентов. Именно моло-

дежь чаще всего ищет новых впечатлений и возможностей, которые можно получить в учебном заведении за рубежом. К сожалению, результаты анкетного опроса выявили невысокий уровень привлекательности российского высшего образования, а значит и степень привлекательности для иностранцев. Еще одним доказательством наличия данной тенденции служит факт того, что 60% студентов из России, если бы имели такую возможность, предпочли иностранный вуз (см. рисунок А.2). Среди опрошенных из других стран лишь 30% согласились бы отправиться в один из российских вузов по обмену, 50% не считают отечественные учебные заведения привлекательными, а 20% вообще не слышали о них (см. рисунок А.3).

К перечисленным выше компонентам, безусловно, относится и массовая культура, раскрывающая «мягкую» сторону умной стратегии. Изучению мнения иностранцев по данной теме было посвящено 2 вопроса анкеты. Первый помог составить представление о влиянии российской массовой культуры за рубежом. Анализ полученного материала позволяет сделать выводы о практическом отсутствии такого влияния за пределами России – по шкале от 0 до 10, где 0 – не имеет влияния вообще, а 10 – имеет огромную степень влияния, респонденты чаще давали ответы в пределах от 1-го до 4-х (см. рисунок А.4). Такое положение могло сложиться в результате подражательного характера масскультуры нашей страны. Желание делать копии, зачастую гораздо более низкого качества, чем оригинал, не имеет шансов привлечь аудиторию. На данный момент времени можно констатировать, что мы не создаем своего особого «продукта» и не представляем его. Из самого распространенного о России, помимо традиционных «холодов и медведей с балалайками», иностранцы наслышаны

о некоторых российских блюдах и только. Опрос подтвердил, что граждане иностранных государств не считают российскую массовую культуру привлекательной. Увы, это еще одна сфера, в которой Россия на голову проигрывает и не может практически ничего предложить миру.

Намного более успешным на этом фоне представляется туризм. Как раз туристическая привлекательность России была оценена респондентами на достаточно высоком уровне – около половины респондентов оценили ее по шкале от 0 до 10 в пределах 7–9 (см. рисунок А.5). Рост туристического потока подтверждается и недавно появившимися данными Всемирной туристической организации (UNWTO), согласно которым наша страна замыкает первую десятку самых посещаемых туристами мест планеты [3]. Процент опрошенных, задумывавшихся о поездке в Россию, оказался высок и составил в общей сложности порядка 70% (см. рисунок А.6). Именно туристическая отрасль должна стать одним из «козырей» России в ближайшем будущем. Помимо различных природных зон, пригодных для всех видов туризма, необходимо обратить внимание и на экономический туризм. Здесь большую роль должна сыграть Москва, входящая в 20-ку самых влиятельных и привлекательных городов мира и занимающая почетное 5-ое место [4].

Однако наибольшей гордостью, по мнению граждан России, является военная отрасль, она же считается и самой развитой. Наверное, это единственный пункт нашего перекрестного исследования, по которому полностью сошлись мнения россиян и иностранцев. Показатели военной мощи РФ очень высоки – наивысшие баллы по существующей шкале дали 80% опрошенных (см. рисунок А.7). Можно утверждать, что государство, в первую очередь, является

военной державой, опирающейся напрямую или косвенно на вооружение в качестве основного аргумента при решении своих задач. Подтверждением тому служит ежегодно увеличивающийся объем денежных средств, выделяемых ВПК; военная кампания в Сирии; активная роль в переговорах по вопросу сокращения стратегических наступательных вооружений и др. При этом россияне, высоко оценивающие военную мощь и гордящиеся своими вооруженными силами, однако, со своей стороны не видят большого потенциала в силовом методе решения стоящих перед Россией внешнеполитических задач. Дипломатию как наиболее эффективный внешнеполитический ресурс назвали порядка 80% респондентов (см. рисунок А.8).

Вышеперечисленные компоненты зачастую исходят из сопоставления мнений россиян и иностранцев, их ментальности. Чтобы понять, под каким «углом» смотрим на мир «мы» и «они», был сформулирован вопрос, раскрывающий основные предметы гордости за Россию, те вещи, которые позволяют представить государство в качестве одного из важнейших геополитических игроков.

Результаты анализа ответов россиян на вопрос «Почему Россия является лидирующим государством?» следующие (в порядке убывания) (см. рисунок А.9):

- 1) Вооружение.
- 2) Размер территории.
- 3) Независимая внешняя политика.
- 4) Наличие природных ресурсов.
- 5) Наука и технологии.
- 6) Культурное наследие.

Особо стоит обратить внимание на 6-ой пункт – один из самых недооцененных показателей среди опрошенных. Иностранцы же выстраивают систему своих приоритетов, скорее, обратным образом: ранжируя влиятельность и привлекательность какой-либо страны от степени владения культурными

ценностями, а также наукой, технологиями и высококлассным образованием. Заметим, что среди упоминаемых ответов подпункт «образование» не значится вообще.

В глазах граждан иностранных государств Россия обладает передовой наукой и техникой, но в определенных сферах. Поскольку достижения наших ученых сейчас «не на слуху», то подобное восприятие, скорее всего, сформировано под влиянием научных разработок новейшего вооружения, что охватывает лишь одну конкретную область. Чтобы в этом убедиться, мы включили в анкету вопрос о «Сколково». В итоге можно утверждать, что подавляющее большинство не слышало о нашем аналоге «Кремниевой долины» (см. рисунок А.10), не говоря о каких-то отдельных разработках.

Исходя из вышесказанного, одной из сложнейших задач является реформирование сознания иностранцев. Скудность и неэффективность проектов, представляющих Россию в качестве нового самостоятельного актора, а не осколка бывшего Советского Союза с неперенными ассоциациями со временами «холодной войны», приводит к тому, что и отношение к стране, особенно со стороны западных партнеров, соответствующее. Результаты нашего исследования подтвердили факт того, что мировая общественность видит в нас в первую очередь советское прошлое, сопряженное с ядерной угрозой и авторитаризмом, а не нового мирового игрока. Более 40% высказались о том, что Россия и СССР – это одно и то же, 38% – что это отчасти так (см. рисунок А.11). Также свыше половины респондентов полагают, что наше государство по сути авторитарно, 25% – тоталитарно (см. рисунок А.12). Если мы нацелены на распространение своего влияния на мир, а не только на постсоветское пространство и некоторые страны азиатского региона и Латинской Америки, где принципы авторитаризма культивируются властной

элитой, то необходимо изменять текущее положение дел. Кроме того, 60% (см. рисунок А.13) опрошенных не считают Россию мировой угрозой, однако, оставшиеся 40% – являются серьезным показателем, который недопустим для успешной реализации поставленных руководством страны задач «по построению мира, равноправному сотрудничеству, уважению суверенитета» [5] и др.

Уже много лет государство целенаправленно работает над развитием двух основных и крупнейших проводников российской мягкой, а также умной силы, – Фонд «Русский мир» и «Россотрудничество». Однако деятельность их остается в тени: практически никто из иностранцев не слышал о них, их доля практически равна 100% (см. рисунки А.14 и А.15). А ведь именно эти организации предоставляют большое количество услуг для иностранцев, являясь в определенной степени координаторами – посредниками – между Россией и мировой общественностью.

И как результат, к сильным сторонам, исходя из данных исследования мнения россиян и граждан иностранных государств, мы можем отнести высокую культуру (опера, балет), спортивную составляющую (проведение большого количества значительных международных соревнований, наличие множества всемирно известных спортсменов), туристическую привлекательность (Россия вошла в 10-ку самых посещаемых стран мира в 2015 году), космическую отрасль (историческая роль СССР и России в освоении космического пространства, постоянное присутствие в космосе), военную мощь государства, направленную на уничтожение общемировых угроз. Именно эти ресурсы в дальнейшем представляются опорой нашей «умной силы» как инструмента воздействия на принятие выгодных для России решений, поскольку одинаково значимы в пределах государства и за рубежом.

Подытожив изучаемые параметры, можно говорить о сложности, если не о противоположности ментальных установок российского и зарубежного общества, что создает дополнительные сложности при реализации стратегии умной силы. Но именно сейчас и именно благодаря «умной» внешней политике появился шанс показать себя в новом свете, совершив плавный переход от «войны» и присущих ей методов к «миру» в рамках сотрудничества и кооперации. Россия успешно для всего мира продемонстрировала свою военную мощь в целях подавления международной угрозы терроризма в Сирии, открыв себя с новой стороны, но при этом не отказываясь от компонентов своего уже сложившегося образа.

5. Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс] Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 15.04.2014).

1. Столетов О.В. Стратегия «разумной силы» в политике глобального лидерства / Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Москва, 2014. С. 15.

2. Country Brand Index 2014–15. Future Brand. The creative future company – P. 35.

3. Exports from international tourism rise 4% in 2015 / World Tourism Organization UNWTO [Электронный ресурс] URL: <http://media.unwto.org/press-release/2016-05-03/exports-international-tourism-rise-4-2015> (дата обращения: 15.05.2016).

4. Country Brand Index 2014–15. Future Brand. The creative future company. P. 27.

5. Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс] Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 15.04.2014).

1. Stoletov O.V. Strategiya «razumnoj sily» v politike global'nogo liderstva / Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata politicheskix nauk. Moskva, 2014. S. 15.

2. Country Brand Index 2014–15. Future Brand. The creative future company – P. 35.

3. Exports from international tourism rise 4% in 2015 / World Tourism Organization UNWTO [Электронный ресурс] URL: <http://media.unwto.org/press-release/2016-05-03/exports-international-tourism-rise-4-2015> (дата обращения: 15.05.2016).

4. Country Brand Index 2014–15. Future Brand. The creative future company. P. 27.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

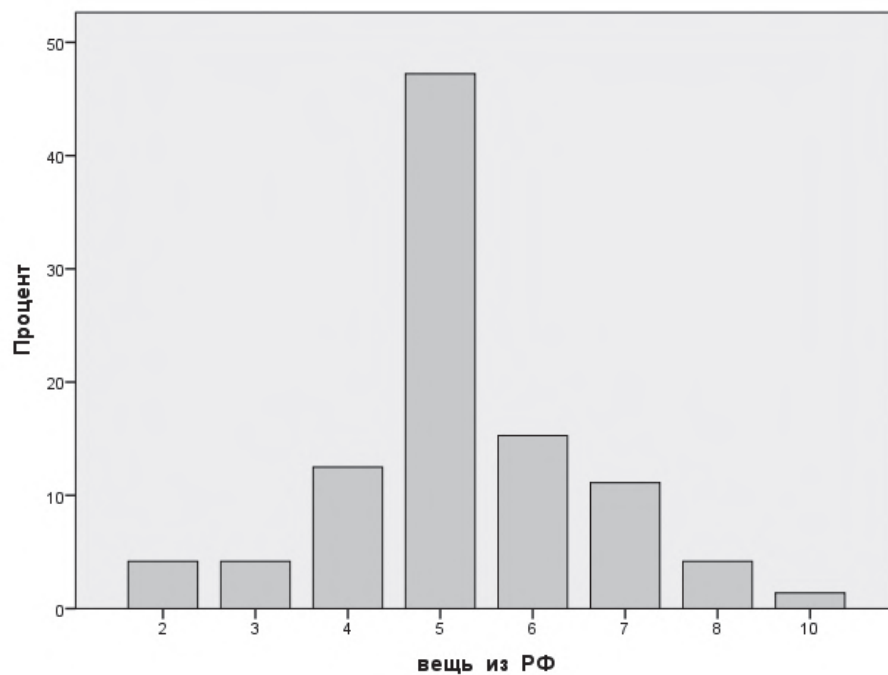

Рисунок А.1.

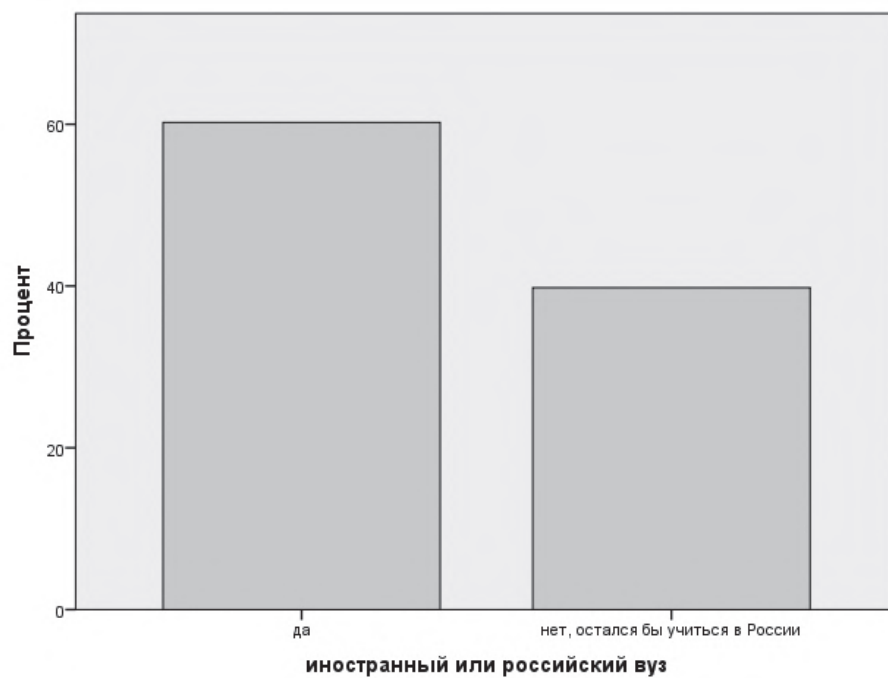

Рисунок А.2.

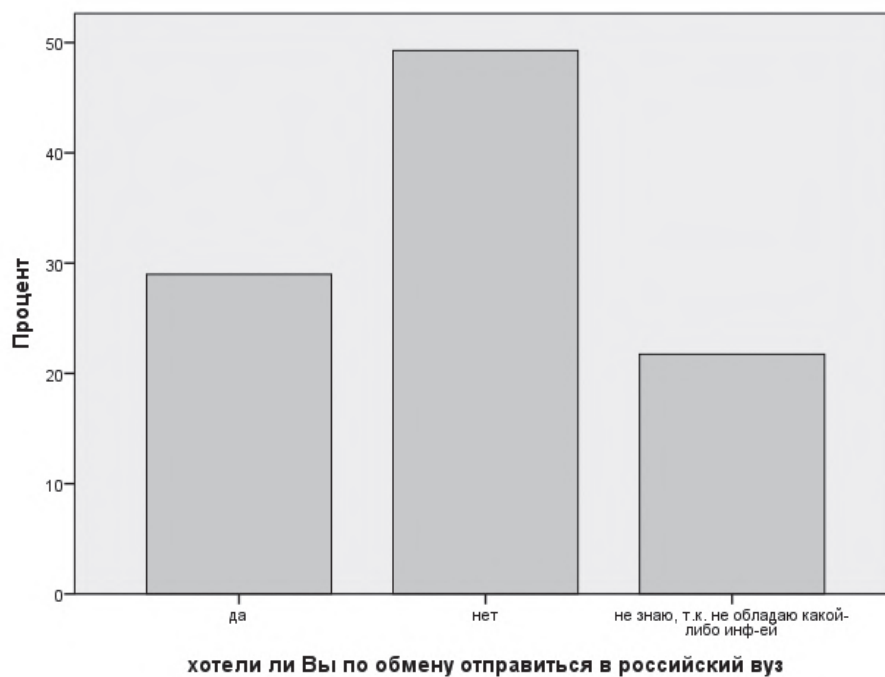

Рисунок А.3.

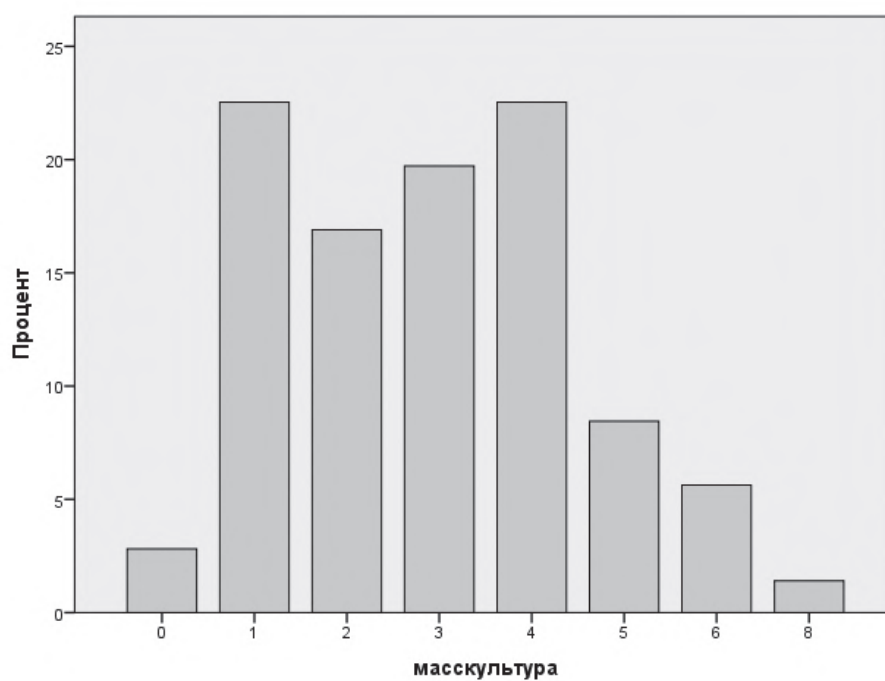

Рисунок А.4.

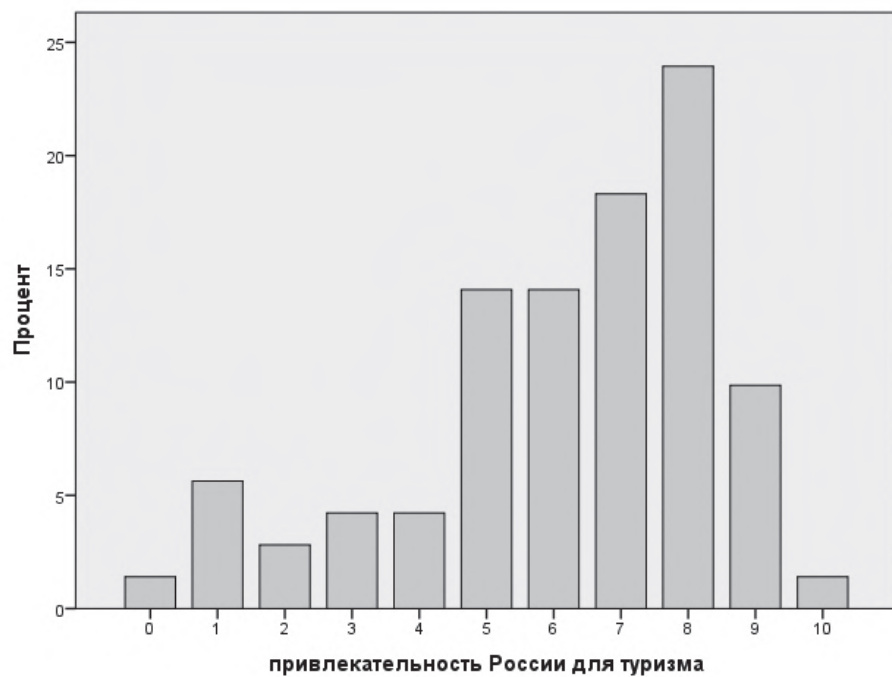

Рисунок А.5.

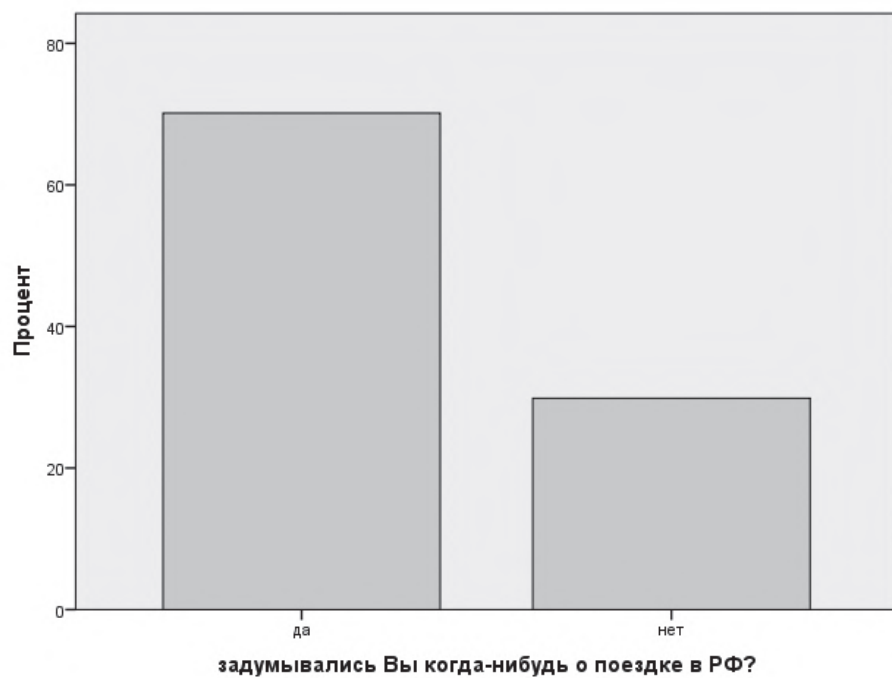

Рисунок А.6.

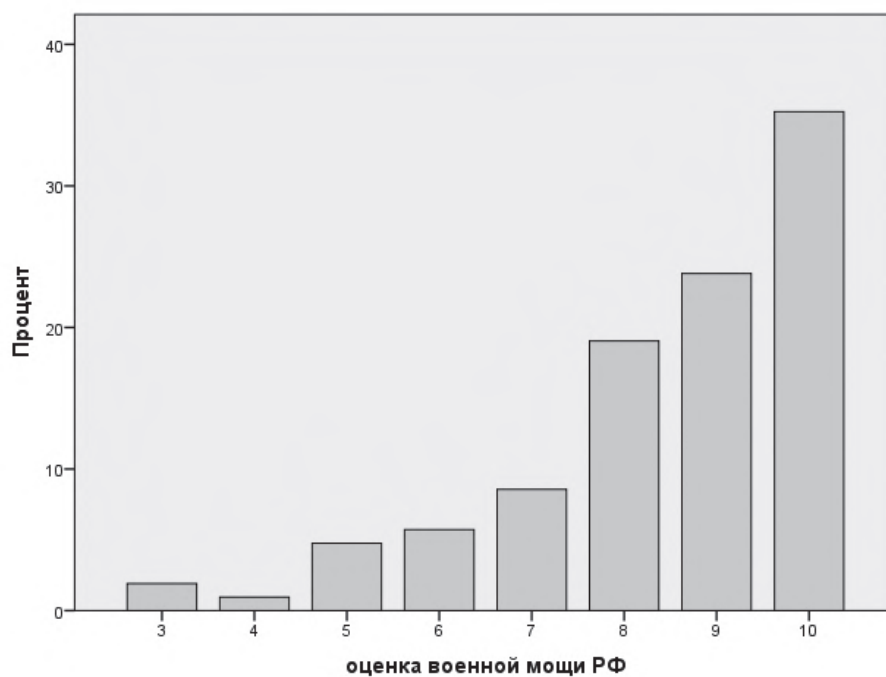

Рисунок А.7.

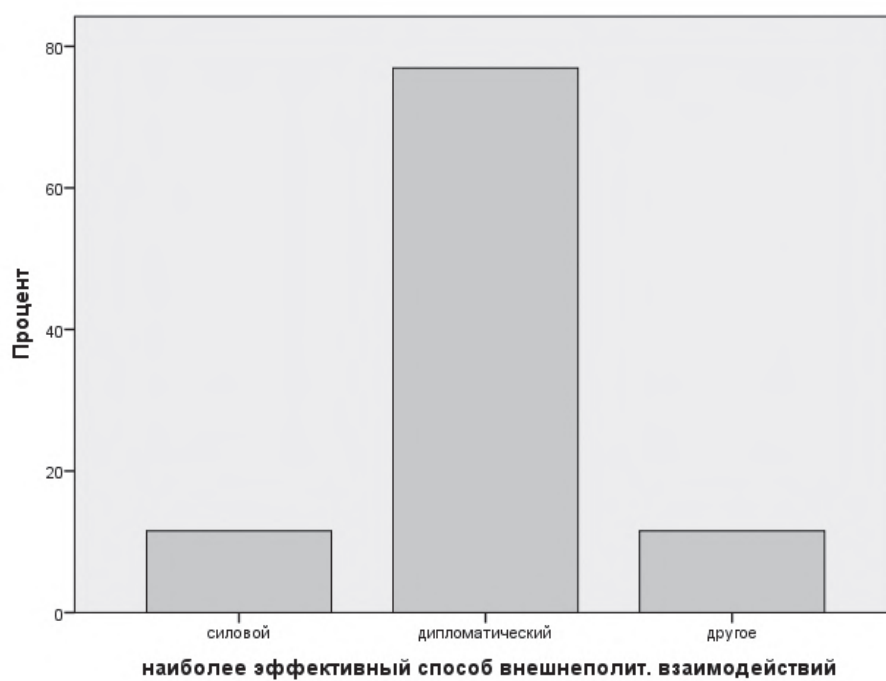

Рисунок А.8.

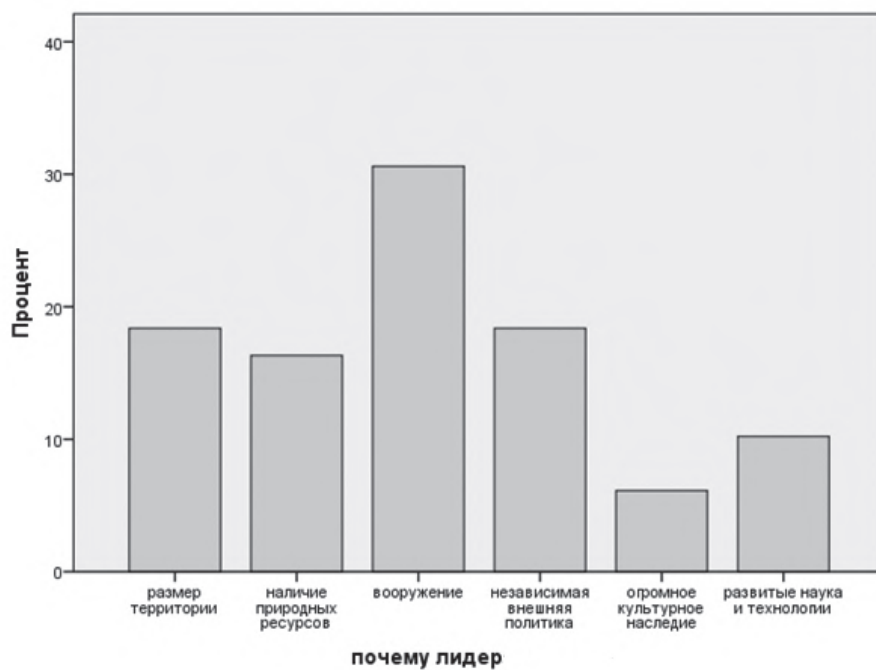

Рисунок А.9.

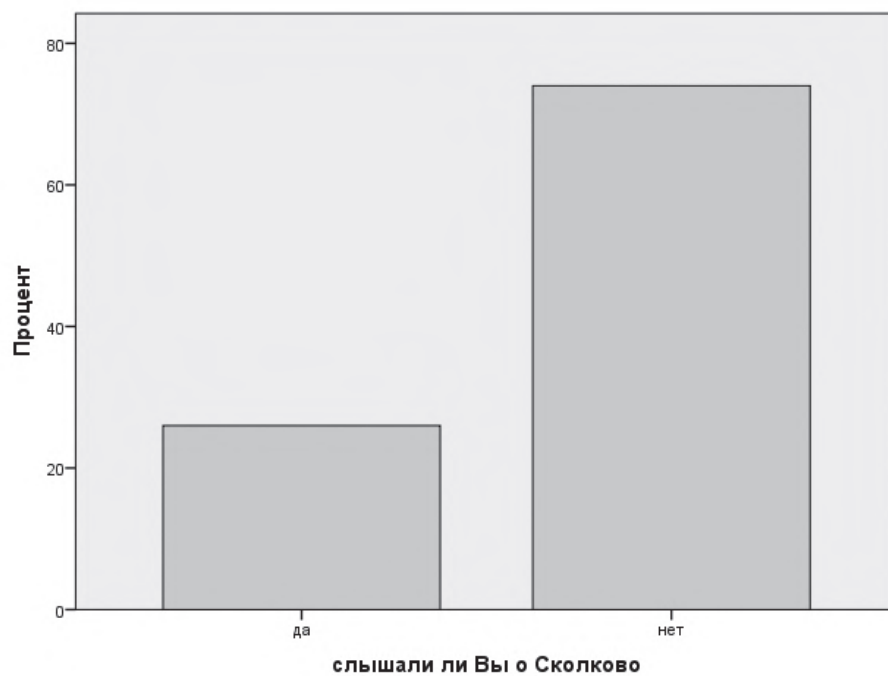

Рисунок А.10.

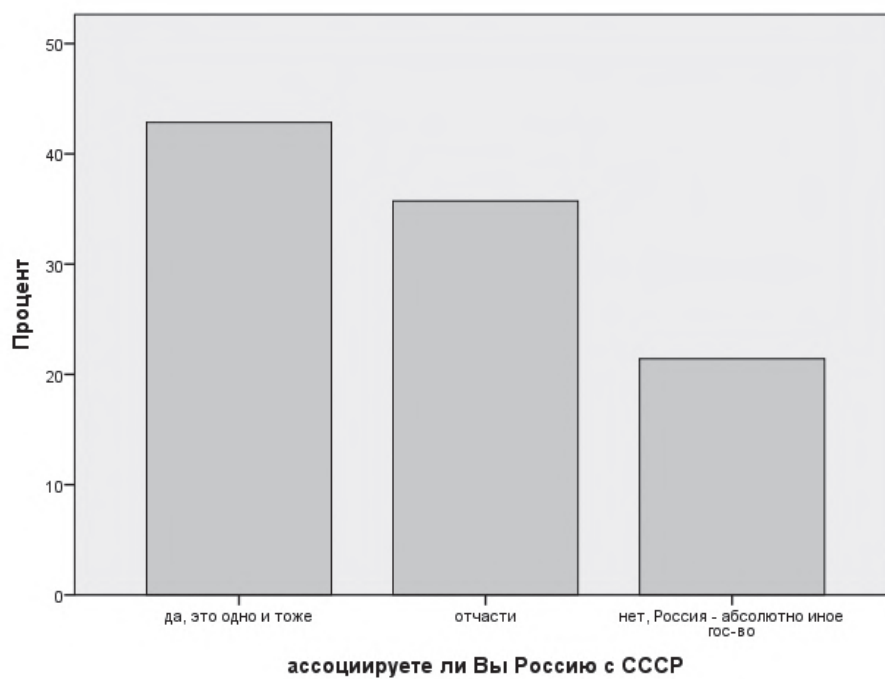

Рисунок А.11.

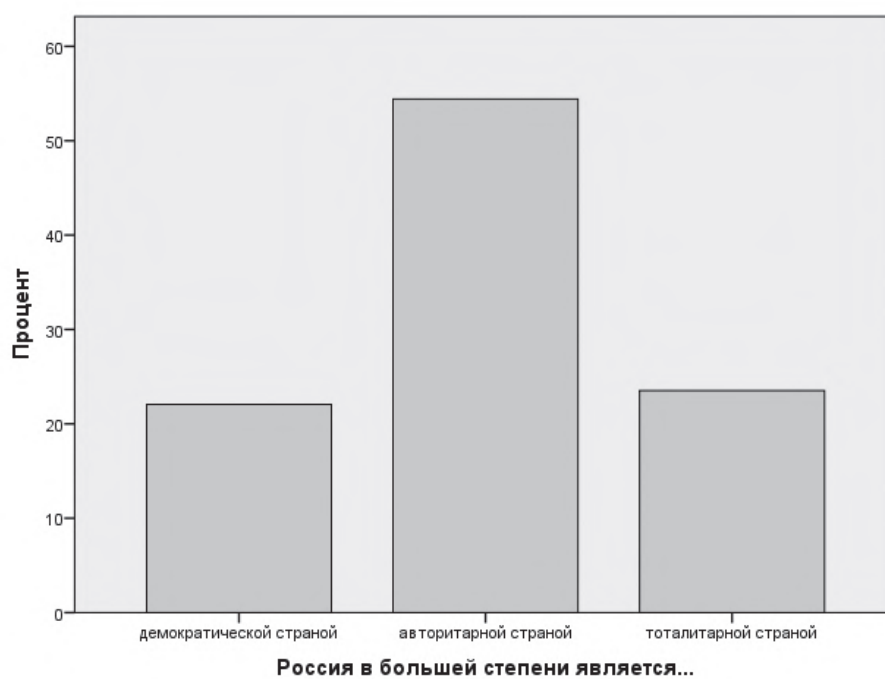

Рисунок А.12.

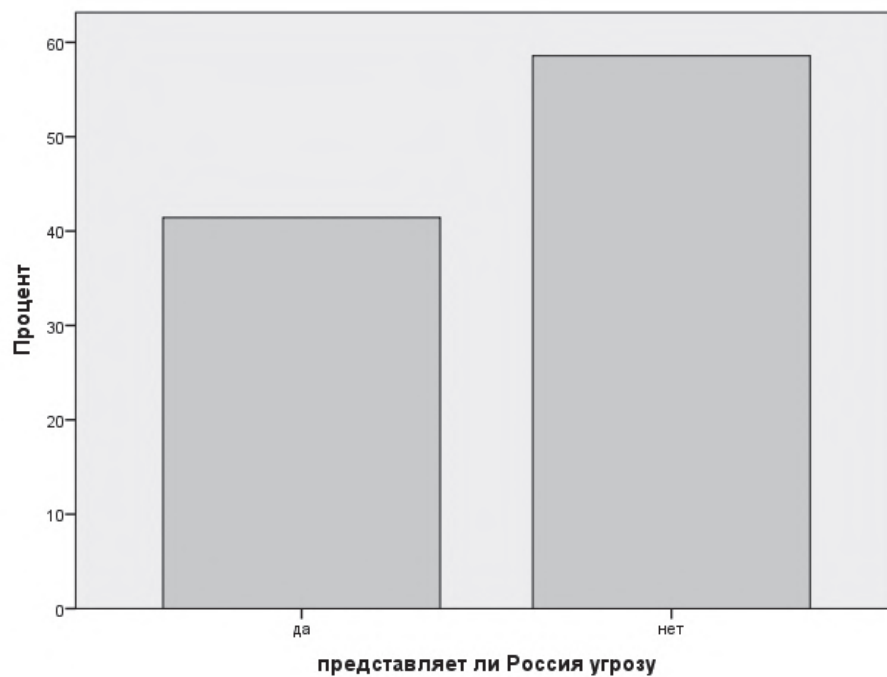

Рисунок А.13.

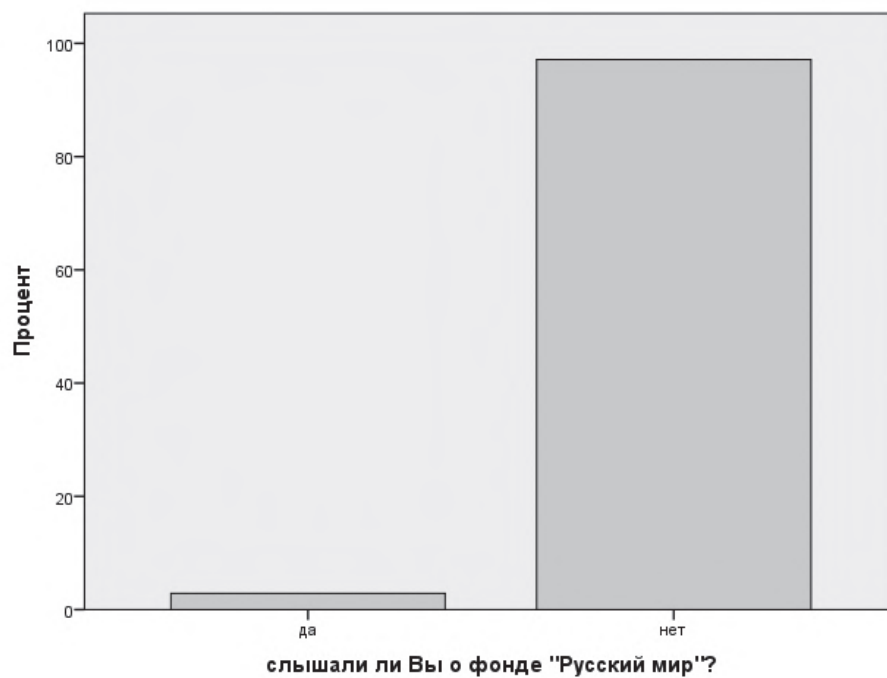

Рисунок А.14.

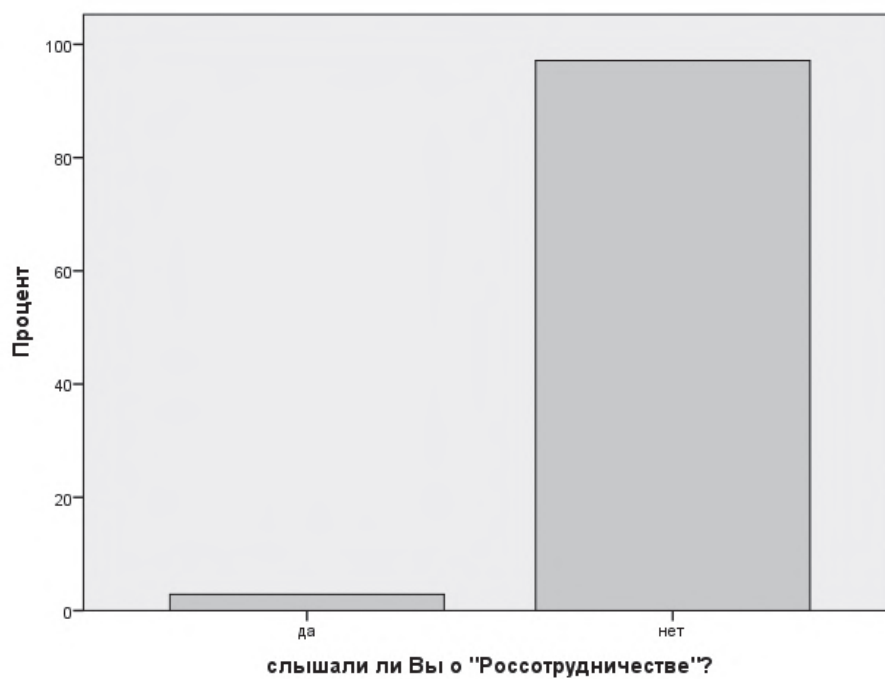

Рисунок А.15.

UDC 32.001

SMART POWER AS A RESOURCE OF AN INFLUENCE FACTOR FOR A COMMONWEALTH ATTRACTIVENESS GLOBALLY

Nosova Tatiana Nikolaevna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Science,
post-graduate student,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: nosova-t@list.ru

Annotation

This article contains author's research conducted in 2016 of structured and analyzed opinions about Russia from its residents and non-citizens. The main purpose of this research, based on the obtained data was to determine global level of Russian potential impact. Due to the value of existing «smart» resources, even not being properly utilized, still allowing us to achieve foreign policy objectives aligned with commonwealth strategy of a «smart power».

Key words:

smart power, Russian foreign policy, power resources.

УДК 327

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ МЕДИАТИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО- КОММУНИКАТИВНОГО ПРОЦЕССА

Грибовод Екатерина Григорьевна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
младший научный сотрудник,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: gribovod_kate@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются основные модели медиатизации политики, а также анализируется сам концепт «медиатизация политики». При классификации моделей используется два основных критерия: способ взаимодействия институтов власти и масс-медиа, а также региональные и национальные особенности функционирования медиасистем.

Ключевые слова:

медиатизация, медиатизация политики, институционально-коммуникативный процесс, модель, масс-медиа.

Для современного общества одним из основных условий развития и внедрения цифровых гуманитарных наук (Digital Humanities) становится процесс медиатизации. Данный феномен является неотъемлемой частью информационной революции, так как проникает практически во все сферы социума. Медиатизацию, как и информатизацию, можно рассматривать в качестве маркера, определяющего степень проникновения цифровых и информационных ресурсов в конкретный институт, область, сферу. Портативность и мобильность данного процесса позволяет

выявлять медиатизацию политики, войны, общества, культуры, образования и др.

В политическом дискурсе под медиатизацией политики подразумевают совокупность взаимосвязанных информационно-коммуникативных явлений и процессов, протекающих как внутри политического пространства, так и во внешней среде, через публичные презентации и фреймы политических и общественных смыслов [2, с. 267]. Однако, медиатизация политики – это сложный феномен, объединяющий в себе две важные составляющие. С одной стороны, это

институционально-коммуникативный процесс, который регулирует систему внутренних и внешних коммуникаций в институтах политического управления и его подструктурах. С другой стороны, это ресурс, обеспечивающий адаптацию и развитие социальных институтов к новому информационному обществу.

Обозначая проблему типологизации моделей медиатизации политики, необходимо дать четкое определение понятию «модель». В работе мы придерживаемся классического, социологического определения: модель – это формализованное представление объекта, процесса или явления, отражающее наиболее существенные или типичные черты исследуемого образца [5]. В основу классификации моделей институционально-коммуникативного процесса положены следующие критерии: способ взаимодействия власти и институтов СМИ; национальные и региональные особенности деятельности СМИ в институционально-коммуникативном пространстве.

В соответствии с первым критерием для анализа медиатизации политики как институционально-коммуникативного процесса следует рассмотреть модели, предложенные нидерландским исследователем современной коммуникативистики Д. Макквейлом: «модель доминирования» и «плюралистическая модель» [10, р. 70].

Заметим, что модель доминирования формируется и развивается в контексте европейской коммуникативистики. Как отмечает Е.Г. Дьякова, для данной модели характерно сочетание разных концепций, каждая из которых рассматривает СМИ в качестве источника и канала распространения идеологического влияния политической элиты на разные сферы социума. [3, с. 47–48].

Формирование плюралистической модели происходит в американской коммуникативистике в 30-е годы. Плюралистическая модель базируется на институциональной структуре американских масс-медиа и включает условно самостоятельные и независимые

от государства СМИ, созданные на коммерческой основе и постоянно конкурирующие за рекламу и аудиторию. Данная модель, по сути, является базисом для формирования англо-саксонской модели, построенной на принципах политического маркетинга.

Ценность каждой из этих моделей представлена в постановке проблемы взаимодействия массовой коммуникации и власти, раскрывающей основные подходы к анализу взаимосвязи медиа и политики: во-первых, СМИ полностью контролируется политическим институтом и влияет на пассивную аудиторию; во-вторых, СМИ являются относительно независимым социальным институтом с собственными целями и задачами и лишь в небольшой степени находятся под влиянием правящей элиты и политических институтов.

Каждая модель показывает свой вариант медиатизации политики как институционально-коммуникативного процесса. В модели доминирования политические институты формируют институт СМИ для решения идеологических задач. В плюралистической модели СМИ выступает в качестве института «четвертой власти» для акторов политики.

Основываясь на территориальном и институциональном подходах при анализе медиатизации политики как институционально-коммуникативного процесса, исследователи выделяют следующие модели: «американская», «англо-саксонская», «северная» или скандинавская, «итальянская», российская и информационная модель стран Восточной Азии.

Данные модели акцентируют внимание на особенностях становления и развития медиакратических режимов в определенном регионе. Как видим, «англо-саксонская» модель включает Великобританию и Западно-европейские страны, «американская» – США, «итальянская» модель захватывает страны Центральной и Восточной Европы, «северная» – Дании, Норвегии и Швеции, «информационная модель стран Восточной

Азии» включает Китай, Вьетнам, Тайвань, Сингапур, Малайзию, а «российская» – РФ, Белоруссию и Казахстан. При этом «англо-саксонская» модель выходит за рамки конкретно региона, поскольку не обладает конкретной региональной спецификой, поэтому многие исследователи выделяют ее как «универсальную модель».

«Англо-саксонская модель» или универсальная основывается на либеральных и рыночных принципах национальных медиа систем. Ярким примером реализации данной модели является Британская вещательная компания (Би-би-си), которая функционирует уже более восьмидесяти лет.

Развитие радиовещания и телевидения для англо-саксонской модели стало отправным толчком к трансформации масс-медиа сегмента (переходу к «двухурневой системе» СМИ) и расширению коммуникационных каналов. Необходимо отметить наличие государственного и общественного капитала в организации телевидения и радио как отличительной черты данной модели. Данный факт повлиял на основное «содержание», транслируемое общественными СМИ, преобладание национальных программ с «просветительским» и «образовательным» контекстом.

К ключевым характеристикам, описывающим «англо-саксонскую модель», можно отнести: общественные СМИ и представляющие их журналисты начинают выполнять функцию контроля над другими институтами и группами (в частности политическими), своеобразная «Четвертая власть» [8, р. 272–274]; автономия и освобождение СМИ от прямого влияния политических структур (процесс, который стал характерен для второй половины XX века); формирование новых этических норм и принципов занятия журналистикой, а именно – ориентация на «профессиональный подход в журналистике», плюрализм и многообразие политических точек зрения.

«Американская модель» не тождественна англо-саксонской модели, однако

также формируется под влиянием либеральной и рыночной специфики национальных медиа систем, а также на принципах функционирования политического маркетинга. Взаимодействие масс-медиа и аудитории осуществляется в контексте потребительских отношений, а взаимодействие политических институтов и СМИ определяется как процесс производства определенного «медиа-продукта». Данная модель характеризуется преобладанием медийных акторов в процессе формирования медиатизации политики, то есть медиа сегмент влияет на политические институты и подструктуры [4, с. 104–105].

Использование маркетингового подхода в американской модели выявляет тенденции изменения политических и нормативных аспектов коммуникации, проявляющихся в снижении политического участия, преобладании «апатии» во взаимоотношениях аудитории и СМИ. В данной модели медиа сегмент обладает двумя характерными чертами: с одной стороны, упрощение политической информации или «таблоидизацию», с другой стороны, возрастание контроля со стороны гражданского общества за политической жизнью.

«Скандинавская модель» складывалась под влиянием взаимодействия СМИ Норвегии, Дании и Швеции и политических институтов и групп каждой из этих стран в разные периоды времени.

Скандинавская модель смогла сочетать в себе сосуществование «общественных» и «коммерческих» СМИ с помощью экономических и политических рычагов давления, поддерживая общественный сегмент масс-медиа за счет налоговых дотаций. Однако нужно заметить, что либерализация масс-медиа пространства в данной модели имела схожие черты с «итальянской моделью» в печатной сфере, а именно, монополизация печатного сегмента. Тем не менее, ряд исследователей отмечают поддержание преемственности традиции «партийной прессы» в рамках определенных печатных монополий,

а также расширение за счет горизонтального поглощения географически близких изданий.

Процесс медиатизации политики в данной модели имел исторические предпосылки, влияние партийного фактора как толчка к медиатизации во всех сферах общества прослеживается и сегодня. Скандинавская модель очертила сегмент СМИ как самостоятельный институт, способный выполнять функции контроля над политическим пространством, при этом формируя способы воздействия на электорат и гражданскую активность.

«Итальянская» модель базируется на теоретическом осмыслении типологических черт итальянской системы СМИ. «Итальянизация» и «берлусконизация» – два ключевых концепта, раскрывающих сущность институционально-коммуникативного процесса в политизированных масс-медиа Италии.

П. Манчини в своих работах определил ключевые тенденции (*принципы*) процесса «итальянизации масс-медиа», среди которых стоит выделить: сильный контроль государства за функционированием СМИ; высокий уровень «предвзятой» или «подпольной» журналистики («*partisanship*»); высокий уровень вмешательства политической и экономической элиты в масс-медиа сегмент, а также поддержка со стороны СМИ политических акторов разного уровня; дефицит консолидации, а также норм и правил, регулирующих профессиональную этику в масс-медиа сфере [9, р. 139]. Кроме того, выделяют: плюрализм и жанровое разнообразие в работе итальянских СМИ, а также наличие коммерческой составляющей в деятельности итальянских СМИ. Данные принципы отличают итальянскую систему СМИ от СМИ стран Центральной и Восточной Европы.

Концепт «берлусконизация» заменил понятие «итальянизация», продолжая раскрывать особенности медиатизации политики итальянских масс-медиа. Данный концепт выявил ряд закономерностей: во-первых,

сильное воздействие политических и экономических акторов на развитие СМИ, во-вторых, итальянские СМИ развиваются в рамках определенных национальных традиций не столь спонтанно и необратимо, как, например, в случае англо-саксонских стран, в-третьих, высокая степень медиатизации итальянской политики способствует перемещению экономических конфликтов в плоскость политического противостояния, в-четвертых, аудитория итальянских СМИ традиционно отдает предпочтение более экспрессивным и «ангажированным» формам массовой коммуникации.

Процесс медиатизации политики П. Манчини рассматривает как сращение «медийных» и политических структур, а именно взаимный обмен между данными сферами, так как каждая из них обладает своим символическим образом и собственной системой ценностей, образов, норм и правил.

Таким образом, данная модель строится на «классической» трактовке процесса медиатизации политики, а именно принципе взаимодействия политики и СМИ, в символическом понимании каждой из этих сфер. Ярким отличием данной модели является источник, направляющий данный процесс, в конкретном случае, процесс медиатизации политики актуализирует политическая элита, для усиления своего статуса, легитимизации, расширения границ влияния.

Особое место занимает **«информационная модель стран Восточной Азии»**, которая формируется под влиянием национальных концепций социально-политических реформ. Данная модель базируется на принципе развития ИКТ как площадки для формирования процесса медиатизации политики. Политические акторы первоначально рассматривают масс-медиа сегмент как экономический фактор для контроля над населением, предоставляя рабочие места, поддерживая высокий уровень ВВП, уменьшая безработицу. Идеологический контроль – важный эле-

мент данной модели, особенно для Китая, где он проявляется как сочетание традиционных методов цензуры (еще со времен династии Мин), обогащен советским опытом, а также новыми информационно-коммуникативными методами контроля над Интернетом.

Создание эффективной и передовой информационной инфраструктуры азиатскими странами сформировало условия для превращения данных стран в крупных производителей информационно-технологического оборудования. В то же время процедура подключения и функционирования сетей в информационной модели стран Восточной Азии имеет ряд специфических черт. Во-первых, каждый желающий стать пользователем Интернета должен пройти специальную проверку в местном отделении полиции и предоставить провайдеру разрешение, то есть справку о доступе к информационному ресурсу [6]. Для корпоративных пользователей процедура допуска намного сложнее и длительней по времени. Во-вторых, компании-держатели сайтов и чатов должны самостоятельно осуществлять проверку и контроль всего контента с целью блокировки морально и этически неприемлемой информации.

В целом можно сделать вывод о том, что развитие ИКТ в Азиатско-тихоокеанском регионе, протекающее на протяжении уже трех десятилетий, продемонстрировало сочетание западных ценностей с восточным колоритом и менталитетом. При быстром научно-техническом прогрессе Китай смог сохранить свою самобытность для внешнего мира. Стоит выделить ряд ключевых особенностей, характерных для информационной модели стран Восточной Азии. Во-первых, контроль распространения контента по национальным сетям. То есть цензура и ограничения доступа к запрещенной информации. Во-вторых, телекоммуникационная и информационная отрасль находится под контролем государства. В-третьих, развитием наукоемких и инновационных технологий

как важного элемента информационной мощи региона. В-четвертых, признание важности развития информационного сектора на уровне государственной власти. Создание долгосрочных государственных проектов и программ по информационным технологиям и коммуникациям, определяющим направления развития Китая как во внешней политике, так и во внутренней. Основной акцент в проектах ставится на развитии глобальной экономики и социальной политики. В Сингапуре процесс информационного проектирования начался с реализации программы компьютеризации государственных служб. В Южной Корее – со стратегического проекта «Корейской информационной инфраструктуры».

Отдельно остановимся на «русской» модели, отражающей специфику взаимодействия власти и СМИ в России. Данная модель ближе всего к «итальянской модели», но обладает рядом особых национальных свойств, отличающих ее от всех остальных. Среди ключевых параметров, сближающих российскую модель с итальянской, можно выделить: коммерциализация и приватизация СМИ, сильный государственный контроль над СМИ, особенно со стороны политической элиты, развитие «предвзятой» журналистики.

Процесс медиатизации политики на десятилетия вперед определяет логику взаимодействия пространства политики и медиа, а также становится одним из ключевых факторов становления российской медиа системы. Российская медиа система поэтапно была вынуждена трансформироваться. Во-первых, в связи с изменением политического и экономического вектора развития страны: переходом от социализма к демократии, а также экспансии рыночных механизмов и институтов, регулирования экономики и общества в целом. Во-вторых, глобализация, информатизация и дигитализация стали логичным продолжением демократизации страны, направив развитие национальной ме-

диа системы в сторону перехода к цифровым, интерактивным СМИ, повсеместного внедрения ИКТ в масс-медиа сегмент и политическое пространство, производства наукоемких и инновационных технологий. По мнению Е. Л. Вартановой процесс модернизации постсоветской масс-медиа системы нельзя рассматривать как линейный, несмотря на общую логику и схожесть с «западными» моделями [1, с. 16]. К ключевой национальной особенности становления российской модели она относит патерналистский способ взаимодействия политики и СМИ, как базис процесса медиатизации политики в России.

Рассмотренные модели позволяют более глубоко представить трансформацию современного глобализирующегося общества. Стоит отметить комплексный характер базовых моделей (плюралистической и доминирующей), раскрывающих основные способы взаимодействия масс-медиа и власти. Региональные и национальные модели, по сути, основываются на контекстном содержании двух основных моделей Д. Макквейла, однако акцентируют внимание на особенностях развития и функционирования медиа режимов в разных регионах и странах. Дальнейшее изучение процесса медиатизации политики требует разработки новых моделей организации и функционирования коммуникативно-институциональных систем.

1. Вартанова Е.Л. Теоретический анализ российской медиасистемы: между общим и особенным, формальным и неформальным [Текст] / Е.Л. Вартанова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2013. – № 2. – С. 7–19.

2. Грибовод Е.Г. Дискурс Soft power и медиатизация политики как коммуникативные стратегии ШОС // Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой [Текст] – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015. – С. 263–276.

3. Дьякова Е.Г. Массовая коммуникация и власть [Текст] / Е.Г. Дьякова. – Екатеринбург: УрО РАН, 2002. – 299 с.

4. Ишменев Е.В. Политический медиадискурс: теория и национальные модели [Текст] / Е.В. Ишменев. – Екатеринбург: Издат. дом «Дискурс-Пи», 2012. – 128 с.

5. Социологический словарь [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://enc-dic.com/sociology/Model-4232.html> (дата обращения: 07.11.2016).

6. Ткачева Н.В. Информационные стратегии стран Восточной Азии в условиях рыночных реформ [Электронный ресурс] URL: http://evartist.narod.ru/text9/10.htm#z_01 (дата обращения: 07.11.2016).

7. Allern S. The News Media as a Political Institution [Текст] / S. Allern, M. Blach-Orsten // Journalism Studies. – 2011. – Vol. 12, № 1. – P. 92–105.

8. Esaiasson P. 120 Years of Swedish Election Campaign [Текст] / P. Esaiasson // Scandinavian Political Studies. – 1991. – Vol. 14, № 3. – P. 261–278.

9. Mancini P. The Public Sphere and the Use of News in a 'Coalition' System of Government [Текст] / P. Mancini // Communication and Citizenship. Journalism and the Public Sphere / ed. by P. Dahlgren, K. Sparks. – London; New York, 2009.

10. McQuail D. Mass Communication Theory: An Introduction [Текст] / D. McQuail. – 3rd ed. – London; Thousand Oaks: Sage, 1994. – XIV. 416 p.

1. Vartanova E.L. Teoreticheskiy analiz rossijskoj mediasistemy: mezhdub obshhim i osobennym, formal'nym i neformal'nym [Текст] / E.L. Vartanova // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. – 2013. – № 2. – С. 7–19.

2. Gribovod E.G. Diskurs Soft power i mediatizaciya politiki kak kommunikativnye strategii ShOS // Soft power: teoriya, resursy, diskurs / pod red. O.F. Rusakovej [Текст] – Екатеринбург: Izdatel'skiy Dom «Diskurs-Pi», 2015. – С. 263–276.

3. D'yakova E.G. Massovaya kommunikaciya i vlast' [Текст] / E.G. D'yakova. – Екатеринбург: УрО РАН, 2002. – 299 с.

4. Ishmenev E.V. Politicheskiy mediadiskurs: teoriya i nacional'nye modeli [Текст] / E.V. Ishmenev. – Екатеринбург: Izdat. dom «Diskurs-Pi», 2012. – 128 с.

5. Sociologicheskij slovar' [E'lektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <http://enc-dic.com/sociology/Model-4232.html> (data obrashheniya: 07.11.2016).

6. Tkacheva N.V. Informacionnye strategii stran Vostochnoj Azii v usloviyax rynochnyx reform [E'lektronnyj resurs] URL: http://evartist.narod.ru/text9/10.htm#z_01 (data obrashheniya: 07.11.2016).

7. Allern S. The News Media as a Political Institution [Текст] / S. Allern, M. Blach-Orsten // Journalism Studies. – 2011. – Vol. 12, № 1. – P. 92–105.

8. Esaiasson P. 120 Years of Swedish Election Campaign [Текст] / P. Esaiasson // Scandinavian Political Studies. – 1991. – Vol. 14, № 3. – R. 261–278.

9. Mancini P. The Public Sphere and the Use of News in a 'Coalition' System of Government [Текст] / P. Mancini // Communication and Citizenship. Journalism and the Public Sphere / ed. by P. Dahlgren, K. Sparks. – London; New York, 2009.

10. McQuail D. Mass Communication Theory: An Introduction [Текст] / D. McQuail. – 3rd ed. – London; Thousand Oaks: Sage, 1994. – XIV. 416 p.

UDC 327

THE MAIN MODELS OF MEDIATIZATION OF POLITICS AS INSTITUTIONAL AND COMMUNICATIVE PROCESSES

Gribovod Ekaterina Grigoryevna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Science,
Junior Researcher,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: gribovod_kate@mail.ru

Annotation

The article considers the main models of mediatization of politics, as well as analyzes the “mediatization politics” concept itself. In the classification of the models two main criteria are used: the way of interaction of government institutions and the media, as well as regional and national peculiarities of the functioning of media systems.

Key words:

mediatization, the mediatization of politics, the institutional and communicative process, the model, media.

УДК 141

КАКОГО ЖЕ МАРКСА МЫ ЧИТАЕМ? ЧАСТЬ 2

Кондрашов Петр Николаевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
старший научный сотрудник,
кандидат философских наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: stif.lo@rambler.ru

Аннотация

В статье показано, что в русскоязычных изданиях работ К. Маркса некоторые философские понятия (*menschlich*, *Versachlichung*, *ensemble*, *Ökonomie*, *Äußerung*, *Aneignung*, *Verkehr*) были переведены словами с производственно-экономическим смыслом, в то время как у самого Маркса они в различных контекстах несут в себе философско-антропологические и экзистенциальные коннотации. Такие переводы привели к радикальному извращению философии Маркса. Автор делает вывод о необходимости нового адекватного перевода трудов Маркса и о переосмыслении всей его философской системы.

Ключевые слова:

философия К. Маркса, философская терминология, перевод, семантические коннотации.

В предыдущем разыскании были рассмотрены неточности переводов таких важнейших понятий философии К. Маркса, как *Arbeit*, *Praxis*, *Selbstbetätigung*, *produktiv Leben*, *Produktivkräfte*, *Produktionkräfte*, *Aufhebung der Arbeit*, *Erzeugung*, *erzeugen*, *Produktion*. Здесь мы рассмотрим понятия *menschlich*, *Versachlichung*, *ensemble*, *Ökonomie*, *Äußerung*, *Aneignung*, *Verkehr*.

Verkehr. Одной из базовых категорий философии Маркса и становящегося материалистического понимания истории является понятие *Verkehr*. Однако стоит только посмотреть на русские переводы этого термина, как становится ясным: мы

читаем не самого Маркса, а что-то к нему имеющее весьма отдалённое отношение. В. Ф. Шелике справедливо указывает, что это понятие, означающее *общение в самом широком смысле*, в собрании сочинений обычно переводят как *обмен*, связывая его только с *производственными отношениями*, упуская при этом радикально широкие семантические поля этого немецкого слова [13]. Приведём пару примеров такого перевода.

Уже в знаменитом письме П. В. Анненкову (1846) Маркс говорит о многозначности немецкого слова *Verkehr*, сравнивая его с французским *commerce*, но сам использует эти слова ещё в очень узком смысле,

который радикально расширен им уже в «Немецкой идеологии» (1846–1847) [6].

В «Манифесте» (1848) Маркс и Энгельс пишут: «Wir sehen also, wie die moderne Bourgeoisie selbst das Produkt eines langen Entwicklungsganges, einer Reihe von Umwälzungen in der Produktions- und **Verkehrsweise** ist» [22, s. 464], у нас же переводят: «Мы видим, таким образом, что современная буржуазия сама является продуктом длительного процесса развития, ряда переворотов в **способе** производства и **обмена**» [10, с. 426]. На самом деле Маркс и Энгельс здесь имеют в виду не *обмен*, а те *многочисленные отношения*, которые порождаются способами производства. Среди этих многообразных *отношений* располагается и *обмен*, как частная форма *отношений-вообще*.

Этот момент становится более понятным в контексте предмета исследования «Капитала» (1867). В немецком тексте «Das Kapital» стоит: «Was ich in diesem Werk zu erforschen habe, ist die kapitalistische Produktionsweise und die ihr entsprechenden Produktions- und **Verkehrsverhältnisse**» [17, s. 12]. Русский читатель читает: «предметом моего исследования является капиталистический способ производства и соответствующие ему **отношения** производства и **обмена**» [5, с. 6]. На самом же деле у Маркса имеет место более широкий контекст понимания *Verkehr*. Как нам представляется, немецкий мыслитель имеет в виду следующее: «предметом моего исследования является капиталистический способ производства и соответствующие ему Produktions- und **Verkehrsverhältnisse**» [17, s. 12], т. е. «**отношения** производства и **общения**». Стало быть, Маркс имеет в виду то, что он исследует капиталистический способ производства и порождаемые этим способом производства производственные отношения («отношения производства») и «**отношения общения**», т. е. *общественные отношения в самых разных сегментах*

человеческого бытия («социального универсума»). Так, в подстрочном примечании 1 Маркс говорит «о связи между производственными отношениями и способом производства» [5, с. 6] («über den Zusammenhang zwischen Produktionsverhältnissen und Produktionsweise» [17, s. 11]).

Фраза «отношения производства и отношения обмена» выглядит просто нелепо в свете примечания к «Немецкой идеологии» (1845–1846), где редакторы указали, что, дескать, в понятии *Verkehr* нашло своё выражение формировавшееся тогда у основоположников понятие *производственных отношений* [11, с. 590–591]. В. Ф. Шелике справедливо возмущается: «Понять на этой основе, что же имел в виду Маркс (подставьте, получится: «Предметом моего исследования является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и производственные отношения»), – невозможно в принципе» [14]. Более того, во Введении к Grundriß (1957) Маркс прямо указывает, что он желает исследовать не просто «обмен», а именно «Produktionsverhältnisse und Verkehrsverhältnisse» [21, s. 43], – благо, что здесь дан верный перевод: «Производственные отношения и отношения общения» [8, с. 46].

Не подлежит сомнению, что для Маркса *Verkehr* – это фундаментальное понятие, посредством которого описывается *движение любых социальных структур*, в том числе и экзистенциальных: то, как люди производят и в силу самой организации производства общаются; то, как в зависимости от производственных структур они обмениваются (дарообменом, грабежом, бартером, куплей-продажей); то, как эти отношения производства, обмена и распределения постепенно переносятся на межличностное общение (например, меркантильные отношения к-Другим в буржуазном обществе [8, с. 103–108]), коммуникацию, на отношения между

родителями и детьми, между мужчиной и женщиной [9, с. 115–116], внутриклассовые и межклассовые отношения; наконец, то, как внутренний, интимный мир постепенно приходит в соответствие господствующему способу производства и формам общения, им детерминированных (например, если всё продаётся, то и любовь, – а *Verkehr* – это и половая связь [«без общения и дети на свет появиться не могут, а следовательно без общения не будет людей и прекратится всякая история, как прекратится она и без производства средств для жизни!» [14]], – тоже начинает протиституироваться). Соответственно, базисные (производственные) формы *Verkehr*'а постепенно, шаг за шагом пронизывают, пропитывают собой человеческие отношения вообще (от отношения к вещам до экзистенциального отношения к самому себе).

Таким образом, *Verkehr* следует понимать в контексте марксовского понятия *человеческого отношения к миру* [12], в рамках развёртывания которого надо учитывать имманентную диалектику человеческого способа бытия в мире – диалектику праксиса: в процессе реализации праксиса человек вступает в *отношения* с предметностью, данной ему в его непосредственном окружении, преобразует эту предметность, и тем самым конституирует свою *окружающую предметную среду (Umwelt)*. Но так как праксис всегда осуществляется совместно с Другими, то отношения-общения с ними формируют *мир людей (Mitwelt)*, который, будучи интериоризирован в психике индивида, образует его *собственный мир (Eigenwelt)*. Стало быть, *мир* можно понять только через *человека*, создающего и осваивающего этот мир, *человеческим* образом *относящегося к миру*, а *человека* можно понять только через тот *мир*, в котором этот человек обретается [3, с. 211–220].

Äußerung и Aneignung. Основой того, как человек обретается в этом мире, с точки

зрения Маркса, является преобразование этого мира в процессе *диалектического взаимодействия* с ним, в результате чего *созидается новое* [4]. Такое взаимодействие осуществляется в двух процессах: *Äußerung* и *Aneignung*. Для Маркса *сущностью человека* является сознательная *преобразующая* продуктивная деятельность. Что же происходит в процессе развёртывания этой деятельности? В самом общем виде следующее: у человека, как живого существа, имеются потребности, которые сначала идеально репрезентируются в виде некоторых *целей* (образов, предвосхищающих будущий результат деятельности) и порождают в сознании *образ, идею предмета*, необходимого для удовлетворения *этой* потребности. Затем *цели и идеи, порожденные потребностью*, посредством трудовых операций *оформляются и воплощаются* в природном материале и тем самым человек *производит-для-себя предметность, новое, искусственное бытие*, не встречающееся в естественной эволюции природы *вне преобразующей субъект-объектной активности* человека.

Иначе говоря, *внутреннее* человека (проекты, идеи, эмоции, знания, в целом – его *душа*) *переходит* во *внешнюю* объективную вещь (Маркс этот момент праксиса называет термином *Äußerung* – *отсвоением, проявлением себя в мире*) и застывает в ней, *опредмечивается*. Обратный переход воплощенного в предмете идеального снова к человеку осуществляется только в процессе *распредмечивания (Aneignung, Genuss, усвоения, делания-предмета-своим, присвоения предмета себе)*, когда «покоящееся свойство» (*ruhende Eigenschaft*) из предмета обратно переходит в форму деятельности (*Unruhe*) [5, с. 191–192], т. е. когда другие люди, используя предметность (пользуясь вещью, читая текст, слушая мою речь или музыку, воспринимая и интерпретируя мои жесты, выражение моего лица, воспринимая моё настроение),

в своих действиях воспроизводят заложенное мною в ней *идеальное* содержание (*орудийную логику предмета*).

Но этот живой диалектический процесс перетекания, высвечивания друг в друге *Äußerung* и *Aneignung* в русских переводах бездушно передают с помощью диалектики категорий *производства* и *потребления*. Да, *формально* это верно, ибо именно через деятельность *производящую* и деятельность *потребляющую*, через *производство* материальных и духовных предметов и их *потребление* в процессах опредмечивания и распредмечивания люди *связываются* друг с другом в социальную тотальность: в действительности человек «существует, с одной стороны, как созерцание общественного бытия и действительное пользование [wirklicher Genuß] им, а с другой стороны – как тотальность человеческого проявления жизни [Totalität menschlicher Lebensäußerung]» [9, с. 591].

Но посмотрите, как, в противоположность сухим *производству* и *потреблению*, Маркс говорит, например, о феномене *присвоения* (*Aneignung*): «Присвоение *человеческой* действительности [Die Aneignung der menschlichen Wirklichkeit], её отношение к предмету, это – *осуществление на деле человеческой действительности*, *человеческая действительность* и *человеческое страдание*, потому что страдание, понимаемое в человеческом смысле, есть самопотребление [Selbstgenuß] человека» [9, с. 592]. А ниже Маркс добавляет: «Поэтому *человеческая действительность* столь же многообразна, как многообразны *определения* *человеческой сущности* и *человеческая деятельность*» [9, с. 592].

Ökonomie. Много путаницы возникло и возникает в связи с употреблением Марксом понятия *экономика* и производных от него терминов. Большой частью интерпретаторы Маркса исходят из того, что автор

«Капитала» был «экономистом» в узком, современном смысле этого слова, хотя марксова политическая экономия никакого отношения к economics не имеет, она больше соответствует современным междисциплинарным исследованиям, объединяющим социальную философию, макроэкономический анализ, историю, социологию, социальное прогнозирование, социологию знания и даже этику. Стоит напомнить, что основатель классической политэкономии Адам Смит был профессором моральной философии. В этом смысле Маркс не был «чистым экономистом», экономистом *par excellence*.

Более того, следует признать, что марксово употребление термина «экономика» в большей степени восходит не к Адаму Смиту, Джону Стюарту Миллю или Давиду Риккардо, а к... *Аристотелю*. Известное разделение Аристотелем экономической деятельности на *собственно экономику* («домашнее», ойкосное – индивидуальное и полисное – хозяйство, т. е. хозяйственную деятельность, направленную на удовлетворение потребностей, что очень хорошо передаётся немецким словом *Wirtschaft*) и *хрематистику* (хозяйственную деятельность, осуществляемую с целью накопления богатства; у Маркса можно встретить термин *Judentum, еврейство*, как синоним ростовщичества) [1] было воспринято Марксом с воодушевлением, и выразилось в различении двух значений понятия «экономический»: как *собственно хозяйственной деятельности*, и как *господства товарного производства и накопления капитала*.

Такое различение двух семантик экономики у Маркса особенно важно для адекватного понимания рубрики «*общественная формация*», ибо все формации являются экономическими в первом (ойкосном) смысле, но только капиталистическая формация есть формация экономическая во втором (хрематистическом) смысле. Именно из-за этого

непонимания и возникали разного рода трудности в общей интерпретации материалистического понимания истории и теории общественных формаций.

Следует отметить, что К. Маркс в основном употребляет термин «*экономическая общественная формация*», а не «*общественно-экономическая формация*». Разница между понятиями, обозначенными этими терминами, фундаментальна. Все общественные формации являются «*общественно-экономическими*», ибо понятие «*экономика*» в данном случае употребляется в широком смысле как *производство материальных благ, как хозяйство* (что мы встречаем уже у Ксенофонта, согласно которому экономика – *τὰ οἰκονομικά, ἡ οἰκονομία* – есть *заведование домашним хозяйством, домохозяйство, а ὁ οἰκονομικὴ τέχνη* – *искусство ведения хозяйства*; об Аристотеле мы сказали выше), но только одна формация оказывается собственно *экономической общественной*, – здесь понятие «*экономика*» используется уже в узком смысле как *производство продуктов в качестве товаров*, и хозяйство рассматривается уже не как производство материальных благ для удовлетворения материальных потребностей, то есть не как производство потребительных ценностей, а как производство стоимостей *меновых*, ради них же самих (т. е. как хрематистика в аристотелевском смысле).

Именно поэтому политическая *экономика* как наука возникает именно в эпоху капитализма, в котором *экономический (товарно-денежный)* момент производства доведен до предела: производство ради прибыли, а не ради общественных потребностей людей, производство ради денег, а не ради человека. «Вот почему, – пишет Ф. Энгельс, – политическая экономика, наука о способах наживать деньги, является излюбленной наукой этих торгашей. Каждый из них – политико-эконом» [16, с. 497].

Изначально политическая экономика представляет собой «науку» о том, как «с тем же количеством труда произвести больше товара, следовательно, удешевить товары и ускорить накопление капитала» [5, с. 377]. Более того, буржуазная политическая экономика рассматривает только количественную сторону дела и меновую стоимость продуктов труда (в то время как классическая древность обращает внимание исключительно на качество и на потребительную ценность) что детерминируется тотальным характером товарно-денежных (меновых) количественных отношений. Именно в контексте такого словоупотребления необходимо, как представляется, понимать различие Марксом узкого и широкого смыслов понятий «экономика» и «экономический».

Таким образом, *только во вторичной формации экономические (товарно-денежные) отношения играют решающую роль*. Экономика в данном контексте понимается как *производство потребительных ценностей как продуктов частных работ, субъекты которых вступают в контакт исключительно путем обмена, то есть производство выступает в виде созидания меновых стоимостей*. Товарное производство достигает своего наиболее полного осуществления только в капиталистическом способе производства. В первичной же и третичной формациях в качестве производственного базиса выступают совершенно иные формы человеческой деятельности. Там нет «экономических отношений» в их *товарно-денежной* форме. Но это не означает, что там нет «экономики» (в смысле хозяйства). Поэтому *экономическая интерпретация истории как некоторая всеобщая парадигма, приложимая ко всей человеческой истории, у Маркса отсутствует*: экономическими факторами объясняются только способы производства в рамках экономической общественной формации,

и прежде всего – в капиталистическом способе производства.

Das ensemble. В «Тезисах о Фейербахе» Маркс говорит, что «Aber das menschliche Wesen... In seiner Wirklichkeit ist... das **ensemble** der gesellschaftlichen Verhältnisse» [19, s. 6]. Маркс здесь употребляет французское слово *ensemble*, ансамбль (и даже пишет его не на немецкий манер с заглавной, а с прописной буквы, хотя и с артиклем среднего рода). В русском переводе это *ensemble* передано как *совокупность*: «Но сущность человека... в своей действительности... есть **совокупность** общественных отношений» [7, с. 3].

Различие сразу же бросается в глаза: если у Маркса речь идёт о *живой гармоничности* и *созвучности* (пусть даже и в смысле гераклитовской *ἀρ-μονία* как слаженности противоречий), то в русском варианте с «совокупностью» мы большей частью слышим коннотации *мёртвости*, *конгломерата*, *равнодушного соединения*. Отсюда и восприятие русским читателем марксова определения сущности человека как чего-то механического, как некоторой внутренне безразличной суммы общественных отношений, в то время как у него на самом деле речь идёт именно о *живой связи*, *живом общении* (*Verkehr*), о некоторой *сыгранности*: общественные отношения здесь, в 6-ом тезисе, выступают как бы в качестве музыкантов слаженно сыгранного коллектива.

Versachlichung. Одной из важнейших категорий, используемых Марксом в *Grundriße* и «Капитале», является понятие *Versachlichung*. В традиционном переводе этот термин Маркса переводят как *овеществление*. Но такой перевод радикально «уводит» нас от адекватного понимания того, что имеет в виду здесь Маркс. Русское *овеществление* означает *превращение в вещь*, и в этом отношении совпадает с *опредмечиванием*, т. е. с во-

площением, объективизацией (сознания, труда) в некий предмет, в *вещное тело*. Для обозначения этого процесса Маркс обычно употребляет термин *Vergegenständlichung*, *опредмечивание*. Например, в рукописях 1844 года он пишет: «Продукт труда есть труд, закреплённый в некотором предмете, овеществлённый в нём, это есть *опредмечивание* труда. Осуществление труда есть его *опредмечивание*» [9, с. 560–561; 18, s. 511–512].

В некоторых ранних произведениях Маркс, ещё следуя гегелевской традиции, рассматривает *опредмечивание* как отчуждение, однако в более зрелых работах (и даже уже в тех же рукописях 1844 года) он чётко понимает, что *опредмечивание* представляет собой необходимый момент *любого* труда, в то время как феномен отчуждения возникает только при определённых социальных условиях, в которых осуществляется труд, а именно в условиях частной собственности, товарного производства и господства тотальных товарно-денежных отношений. Именно в таких условиях происходит *превращение социальных отношений из личных в вещные*, т. е. в *отношения вещей*: человеческая деятельность и отношения между людьми видятся только как отношения ролевые, т. е. *отношения между людьми принимают видимость отношений между вещами*. Вот *такой* процесс Маркс и называет термином *Versachlichung*, который следует передавать русским словом *овещнение* (как это в своё время предложил Г.С. Батищев [2, с. 459–477]), чтобы не путать его с *овеществлением*, *опредмечиванием*.

Таким образом, следует чётко различать у Маркса «*овеществление*» (*Vergegenständlichung*, вернее: *опредмечивание*) и «*овещнение*» (*Versachlichung*). Именно в этом смысле Маркс говорит о «персонификации вещей и овеществлении [овещнении] лиц [Personifizierung der

Sache und Versachlichung der Personen]» [5, с. 124] в товарно-денежном взаимодействии.

Menschlich. Это немецкое прилагательное практически везде переведено как *человеческий* (*die menschliche Arbeit* – *человеческий труд*, *die menschliche Gesellschaft* – *человеческое общество*). Но в немецком языке данное слово, помимо своего основного значения *человеческий*, означает также *человечный*, *гуманный*; *по-человечески сносный*; *достойный человека*. Поэтому, когда Маркс говорит о коммунизме как о *die menschliche Gesellschaft*, то он говорит не просто о *человеческом* обществе, а об обществе *человеческом*, но только общество коммунистическое, общество, в котором преодолено обезчеловечивающее отчуждение, является ещё и *обществом человеческим*.

Только сквозь призму такого перевода можно понять слова Маркса о том, что «характер человека создается обстоятельствами (*Umständen, условиями жизни*), то надо, стало быть, сделать обстоятельства **человеческими**» [11, с. 145–146] и «обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства» [11, с. 37], то и религию можно элиминировать не путём расстрелов священников и разрушения храмов в духе «воинствующего материализма» В.И. Ленина и Е. Ярославского, а только путём практического устранения земной основы религии, то есть того «бессердечного мира», в котором обретается человек.

Выводы. Проблема адекватного прочтения и перевода основных терминов Маркса является уже давным-давно назревшей. И её решение должно привести к радикальной ревизии той философской терминологии Маркса, которая сложилась на сегодняшний день как в отечественном, так и в зарубежном марксологическом. Сегодня уже нельзя читать Маркса сквозь сталинские категориальные

схемы и матрицы, к самому Марксу никакого отношения не имеющие. А ведь этими устоявшимися схемами и стереотипами искренне пользуются не только критики марксизма, но и сами марксисты, не отдавая себе отчета, что это – *не марксизм*. Мы видим, что в некоторых случаях те или иные понятия Маркса, даже погруженные в экономический контекст, нельзя переводить словами с явно производственно-техническими коннотациями, ибо тем самым ускользает философско-антропологический и даже в некотором отношении экзистенциальный смысл марксовской терминологии. В силу всего этого, как нам представляется, сегодня назрела потребность не только в новых переводах основных работ немецкого мыслителя, но и необходимость в радикальном переосмыслении всей его философии.

Наконец, наше небольшое разыскание хотелось бы завершить вопросом Ф. Энгельса, относящимся как раз к переводам текстов К. Маркса: «Мы вправе спросить: «Понимаешь ли ты то, что ты читаешь?» [15, с. 241].

1. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. С. 375–644.

2. Батищев Г.С. Проблемы и трудности перевода некоторых Марксовых философских понятий // Хамидов А.А. Философия истории Карла Маркса. – Алматы.: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014. С. 459–477.

3. Кондрашов П.Н. Онтологические структуры историчности: Исследование философии истории Карла Маркса / Под ред. К.Н. Любутина. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 320 с. (Размышляя о марксизме. № 96).

4. Кондрашов П.Н. Философия праксиса Карла Маркса // Вопросы философии. 2016. № 10.

5. Маркс К. Капитал I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М.: Политиздат, 1960. Т. 23. С. 5–784.

6. Маркс К. Письмо П.В. Анненкову, 28 декабря 1846 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. – М.: Политиздат, 1962. Т. 27. С. 401–412.

7. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 1–4.

8. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – М.: Поли-

тиздат, 1968. Т. 46. Ч. I. С. 3–508.

9. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. – М.: Политиздат, 1956. С. 517–642.

10. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955. Т. 4. С. 419–459.

11. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 9–544.

12. Шелике В.Ф. К. Маркс и Ф. Энгельс об общении как одном из видов человеческого отношения к миру // Дialeктика познания, понимания, общения. Сборник научных трудов. – Фрунзе: КГУ, 1986. С. 84–93.

13. Шелике В.Ф. Непознанный Маркс и некоторые проблемы современности (Часть 3) // Философские науки. 2013. № 5. С. 120–130.

14. Шелике В.Ф. Обесчеловечивание Маркса «марксистско-ленинскими» переводами с немецкого // <http://hanguest.narod.ru/Freunde/menschlich.htm>.

15. Энгельс Ф. Как не следует переводить Маркса // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М.: Политиздат, 1961. Т. 21. С. 237–245.

16. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 2. С. 231–517.

17. Marx K. Das Kapital // Marx K., Engels F. Werke. B. 23. – Berlin: Dietz Verlag, 1962. S. 11–802.

18. Marx K. Ökonomisch-philosophischen Manuskripten aus dem Jahre 1844 // Marx K., Engels F. Werke. Bd. 40. – Berlin: Dietz Verlag, 1968. S. 465–588.

19. Marx K. Thesen über Feuerbach // Marx K., Engels F. Werke. B. 3. – Berlin: Dietz Verlag, 1978. S. 5–7.

20. Marx K., Engels F. Die heilige Familie // Marx K., Engels F. Werke. B. 2. – Berlin: Dietz Verlag, 1962. S. 3–223.

21. Marx K., Engels F. Einleitung zu den Grundrissen der Kritik der politischen Ökonomie // Marx K., Engels F. Werke. Bd. 42. – Berlin: Dietz Verlag, 1983. S. 15–768.

22. Marx K., Engels F. Manifest der Kommunistischen Partei // Marx K., Engels F. Werke. Bd. 4. – Berlin: Dietz Verlag, 1977. S. 459–493.

1. Aristotel'. Politika // Aristotel'. Sochineniya: V 4-x t. T. 4 / Per. s drevnegrech.; obshh. red. A. I. Dovatura. – М.: Mysl', 1983. S. 375–644.

2. Batishhev G.S. Problemy i trudnosti perevoda nekotorykh Marksovykh filosofskix ponyatij // Xamidov A.A. Filosofiya istorii Karla Marksa. – Almaty.: Institut filosofii, politologii i religiovedeniya KN MON RK, 2014. S. 459–477.

3. Kondrashov P.N. Ontologicheskie struktury istorichnosti: Issledovanie filosofii istorii Karla Marksa / Pod red. K.N. Lyubutina. – М.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2014. – 320 s. (Razmyshlyaya o marksizme. № 96).

4. Kondrashov P.N. Filosofiya praksisa Karla Marksa // Voprosy filosofii. 2016. № 10.

5. Marks K. Kapital I // Marks K., E'ngel's F. Soch., 2-e izd. – М.: Politizdat, 1960. Т. 23. S. 5–784.

6. Marks K. Pis'mo P.V. Annenkovu, 28 dekabrya

1846 g. // K. Marks, F. E'ngel's. Sochineniya. – М.: Politizdat, 1962. Т. 27. S. 401–412.

7. Marks K. Tezisy o Fejrbaxe // Marks K., E'ngel's F. Soch., 2-e izd. – М.: Politizdat, 1955. Т. 3. S. 1–4.

8. Marks K. E'konomicheskie rukopisi 1857–1859 gg. // Marks K., E'ngel's F. Soch. 2-e izd. – М.: Politizdat, 1968. Т. 46. Ч. I. S. 3–508.

9. Marks K. E'konomicheskoye-filosofskoye rukopisi 1844 g. // Marks K., E'ngel's F. Iz rannix proizvedenij. – М.: Politizdat, 1956. S. 517–642.

10. Marks K., E'ngel's F. Manifest kommunisticheskoy partii // Marks K., E'ngel's F. Soch., 2-e izd. – М.: Politizdat, 1955. Т. 4. S. 419–459.

11. Marks K., E'ngel's F. Nemeckaya ideologiya // Marks K., E'ngel's F. Soch., 2-e izd. – М.: Politizdat, 1955. Т. 3. S. 9–544.

12. Shelike V.F. K. Marks i F. E'ngel's ob obshhenii kak odnom iz vidov chelovecheskogo otnosheniya k miru // Dialektika poznaniya, ponimaniya, obshheniya. Sbornik nauchnyx trudov. – Frunze: KGU, 1986. S. 84–93.

13. Shelike V.F. Nepoznannyj Marks i nekotorye problemy sovremennosti (Chast' 3) // Filosofskie nauki. 2013. № 5. S. 120–130.

14. Shelike V.F. Obeschelovechivanie Marksa «marksistsko-leninskimi» perevodami s nemeckogo // <http://hanguest.narod.ru/Freunde/menschlich.htm>.

15. E'ngel's F. Kak ne sleduet perevodit' Marksa // Marks K., E'ngel's F. Soch., 2-e izd. – М.: Politizdat, 1961. Т. 21. S. 237–245.

16. E'ngel's F. Polozhenie rabocheho klassa v Anglii // Marks K., E'ngel's F. Soch., 2-e izd. М.: Politizdat, 1955. Т. 2. S. 231–517.

17. Marx K. Das Kapital // Marx K., Engels F. Werke. B. 23. – Berlin: Dietz Verlag, 1962. S. 11–802.

18. Marx K. Ökonomisch-philosophischen Manuskripten aus dem Jahre 1844 // Marx K., Engels F. Werke. Bd. 40. – Berlin: Dietz Verlag, 1968. S. 465–588.

19. Marx K. Thesen über Feuerbach // Marx K., Engels F. Werke. B. 3. – Berlin: Dietz Verlag, 1978. S. 5–7.

20. Marx K., Engels F. Die heilige Familie // Marx K., Engels F. Werke. B. 2. – Berlin: Dietz Verlag, 1962. S. 3–223.

21. Marx K., Engels F. Einleitung zu den Grundrissen der Kritik der politischen Ökonomie // Marx K., Engels F. Werke. Bd. 42. – Berlin: Dietz Verlag, 1983. S. 15–768.

22. Marx K., Engels F. Manifest der Kommunistischen Partei // Marx K., Engels F. Werke. Bd. 4. – Berlin: Dietz Verlag, 1977. S. 459–493.

Автор выражает глубокую благодарность за критические замечания и помощь в работе над данной статьей Вальтраут Шелике, Георгию Шелике (Москва), Валерию Чеховскому (Подстдам, Германия), Рольфу Хеккеру (Берлин, Германия) и Анастасии Артёмовой (Екатеринбург).

UDC 141

WHICH MARX WE READ? PART 2

Kondrashov Pyotr Nikolaevich,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Senior Researcher, Ph.D.,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: stif.lo@rambler.ru

Annotation

The article considers, that in Russian-speaking editions of K. Marx's works some philosophical concepts (*menschlich*, *Versachlichung*, *ensemble*, *Ökonomie*, *Äußerung*, *Aneignung*, *Verkehr*) were translated as words with the productive and economic sense while Marx put philosophical, anthropological and existential connotations into these words in various contexts. Such translations led to a radical perversion of whole the Marx's philosophy. The author of the article draws a conclusion about necessity of new adequate translation of Marx's works and about radical reconsideration of his philosophical system.

Key words:

K. Marx's philosophy, philosophical terminology, translation, semantic connotations.

УДК (091)

КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ: «ОДИНОКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ» ПЕРЕД ЛИЦОМ СТРАХА

Гагарин Анатолий Станиславович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
ведущий научный сотрудник,
доктор философских наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: gagarin_a@mail.ru

Аннотация

Философия жизни Константина Леонтьева базируется на особом леонтьевском эстетизме, пронизывающем все его философское, литературное, критическое творчество. Философ во всем стремится сохранить личное, собственное отношение. Леонтьев смело связывает воедино животный страх «за себя» и Страх Божий, полагая, что экзистенциальное потрясение способно проникнуть в самые глубины человека и стать рефлексивно-экзистенциальным чувством, интенцированным к трансценденции. Леонтьев приходит к необходимости «личного христианства» как трансцендентального, не земного, эгоизма, в котором «Страх Божий» (страх за себя, за свою вечность) есть начало премудрости религиозной».

Ключевые слова:

страх, Страх Божий, смерть, экзистенция, экзистенциал, философия жизни, эстетизм, красота, вера, христианство, православие, монашество, Константин Леонтьев, Николай Бердяев.

Большинство исследователей творчества русского философа Константина Леонтьева отмечает, что он был и остается «одиноким мыслителем» в ряду своих современников и потомков. Николай Бердяев вообще утверждал, что Леонтьеву не близок русский менталитет, русское чувство жизни, поскольку суть мятущейся природы Константина Леонтьева есть потребность разрешить проблему личной судьбы: «Он занят самим собой перед лицом вечности» [1].

При всей противоречивости леонтьевской философии жизни можно, тем не ме-

нее, выявить основной стержень, несущий на себе всю многоярусную философско-мировоззренческую конструкцию и выдерживающий натиск ее элементов, часто сталкивающихся друг с другом и этим приводящих в смятение читательские умы. Это особый леонтьевский *эстетизм*, пронизывающий все его творчество – философское, литературное, критическое. «Я считаю *эстетику мерилом* наилучшим для истории и жизни, ибо оно приложимо ко всем векам и ко всем местностям», – писал Леонтьев [2]. Сам он откровенно называл себя «*эстетическим*

мономаном» и «художественным психопатом», а по сути – патологоанатомом распадающейся действительности, некогда пышной и цветущей. «Эстетика, как критерий, приложима ко всему, начиная от минерала до человека. Она поэтому приложима и к отдельным человеческим обществам, и к социологическим, историческим задачам» [3]. Но Леонтьев подчеркивает, что речь идет не просто об эстетике, а именно об *эстетике жизни*, которая «гораздо важнее отраженной эстетики искусства».

Видя, как погибает европейская культура под натиском ненавистного ему буржуазного эгалитаризма, Леонтьев ищет такие пути спасения русской (и затем – европейской) культуры, которые отвечали бы его эстетическому, т. е. «объективному», по его мнению, чутью. Путь, найденный К. Леонтьевым, не был похож ни на славянофильский, предполагающий рассмотрение европейской культуры как изначально-индивидуалистической, ни на ортодоксально-христианский, ни на «всечеловеческий» (Достоевский), ни на «практически-моральный» (Толстой), ни на римско-католически-ориентированный «богочеловеческий» (Вл. Соловьев), не говоря уже об атеистическом, революционно-демократическом, категорически неприемлемом для этого философа.

Как утверждает современник, споря с Толстым о вере в Оптиной пустыни, Леонтьев на прощание сказал ему: «Жаль, Лев Николаевич, что у меня мало фанатизма. А надо бы написать в Петербург, где у меня есть связи, чтобы вас сослали в Томск, и чтобы не позволили ни графине, ни дочерям вашим даже и посещать вас, и чтобы денег вам высылали мало. А то вы положительно вредны!» [4]. Но самое любопытное, что Л. Н. Толстой после этой беседы записал в дневнике: «Прекрасно беседовали. Он сказал: вы безнадежны. Я сказал ему: а вы надежны. Это выражает вполне наше отношение к вере». Толстой говорил о статьях Леонтьева, что «он в них все точно стекла

выбивает: но такие выбиватели стекол, как он, мне нравятся» [5].

Леонтьев категорически выступает против всякой простоты, за которой ему видятся утрата своеобразия, разрушение «разнообразия в единстве» – общего закона красоты. Опрошение для Леонтьева означает самооскопление и гибель. «Смерть – упрощение организма», – пишет он. Разложению и смерти организма как третьему этапу развития предшествуют следующие явления: упрощение составных частей, уменьшение числа признаков, ослабление единства и вместе с тем смешение. Все эти симптомы разложения Леонтьев наблюдает в европейской цивилизации.

Для Леонтьева, как мы отмечали, культура «есть не что иное, как своеобразие». Поэтому он считает, что китаец и турок культурнее бельгийца и швейцарца. И главную причину гибели культуры европейских народов философ видит в господстве *индивидуализма*, в либеральном демократизме, который губит *индивидуальность* людей, областей, наций. Леонтьев выстраивает такую логическую цепочку будущих изменений Европы: «... равенство лиц, сословий, наций – всеобщее равенство, свобода – приятная польза – благо – и наконец, анархия либо всеобщая мирная скука» [6]. Если идею личной свободы довести до крайних выводов, пишет он, она через посредство анархии доведет «до крайне деспотического коммунизма, до юридического насилия всех над каждым, или, с другой стороны, до личного рабства» [7].

Леонтьев ищет силы для противостояния надвигающемуся с Запада разложению не только в русской религиозности, но и в прошлом западной Европы и Византии, где он отыскивает залог спасения России, а в будущем, как он мечтает, – и всей европейской цивилизации. Особый эстетизм Леонтьева проявляется в идее о расхождении красоты, морали и пользы, положенная им в основу концепции спасения России и лечения Европы. «...Для России нужна внутрен-

няя сила, крепость организации, крепость духа цивилизации», – писал Леонтьев. Как этого можно достичь? Только силой! «Да разве в России можно без *принуждения*, и строгого даже, что бы то ни было сделать и утвердить? У нас что крепко стоит? Армия, монастырь, чиновничество и, пожалуй, крестьянский мир. Все *принудительное*». Так появляется мысль о «настоящей деревянной палке» для России, о «железной рукавице».

Леонтьев считал, что эстетическая критика, подобно искреннему религиозному убеждению, «должна неизбежно исходить из живого личного чувства и стараться лишь оправдать и утвердить его логически... Там – *личная вера* прежде, – общее рассуждение после; здесь *субъективный* вкус сначала, – разъяснение после» [8]. Следует подчеркнуть, что природа эстетизма Леонтьева – духовно-чувственная, поэтому, как признается философ, его увлекает «тонкий, благоухающий разврат», окрашенный в религиозно-мистические тона и призванный порождать «эстетический страх», мистический «*страх перед Богом*», а не просто веру. Леонтьев помещает в центр своего эстетизма мистическое начало и даже признается, что когда духовное (мистическое) чувство побеждает «страстную эстетику», то это вызывает у него чувство преклонения.

Леонтьевская замороженность пышной, бурлящей жизнью, экстатическое отношение к красивому и сильному, неизбывная любовь к «благоухающему разврату» неотрывны от страстного поиска Бога, крепких основ, несокрушимых идеалов именно потому, что философ во всем стремится сохранить *личное, собственное* отношение, начало, основание.

За что больше всего боится человек? За себя! С чего начинается всякое движение мысли, всякое желание? С Я, личных устремлений, пристрастий. Это никуда не спрятать, не превозмочь. Я нужно непременно утвердить в качестве главного основания, критерия, мерила философии. *Страх за себя* должен стать основанием многослойной

человеческой жизни и, соответственно, – мировоззрения и философии. «Одиноким мыслителем» Леонтьев перед лицом страха смело связывает воедино животный страх «за себя» и страх Божий, полагая, что чувственное потрясение (экзистенциальное по сути) способно проникнуть в самые глубины естества человеческого и стать рефлексивно-экзистенциальным, интенцированным к трансценденции. «Христианство личное есть, прежде всего, *трансцендентальный* (не земной, загробный) *эгоизм*. Альтруизм же сам собою «приложится». «Страх Божий» (за себя, за свою вечность) есть начало премудрости *религиозной*» [9].

Убеждение в необходимости *личной веры, личного спасения* (трансцендентального эгоизма) пришло к Леонтьеву, по его признанию, в 40 лет. В письме к Василию Розанову из Оптиной пустыни он так описывал это озарение: «*Личная вера почему-то* вдруг докончила в 40 лет и политическое, и художественное воспитание мое. Это и до сих пор удивляет меня и остается для меня таинственным и непонятным. Но в *лето 1871 года*, когда консулом в Салониках, лежа на диване в страхе *неожиданной* смерти (от сильнейшего приступа холеры), я смотрел на образ Божьей Матери (только что привезенный мне монахом с Афона), я *ничего этого* предвидеть еще не мог, и все литературные планы мои были даже очень смутны. Я думал в ту минуту даже *не о спасении души* (ибо вера в *Личного Бога* давно далась мне гораздо легче, чем вера в *мое собственное личное бессмертие*); я, обыкновенно вовсе не боязливый, пришел в ужас просто от мысли о *телесной* смерти и, *будучи уже заранее подготовлен* (как я уже сказал) целым рядом других психологических превращений, симпатий и отвращений, я *вдруг, в одну минуту, поверил* в существование и в могущество *этой Божьей Матери*: поверил так ощутительно и твердо, как если бы видел перед собою *живую*, знакомую, действительную женщину, очень добрую и очень могущественную, и воскликнул:

«Матерь Божия! *Рано!* Рано умирать мне!.. Я еще ничего не сделал достойного моих способностей и вел в *высшей степени* развратную, утонченно-грешную жизнь! Подыми меня с этого одра смерти. Я поеду в Афон, поклонюсь старцам, чтобы они обратили меня в *простого и настоящего* православною, верующего и в *среду*, и в *пятницу*, и в чудеса, и даже постригусь в монахи...

Через 2 часа я был здоров; все прошло еще прежде, чем явился доктор; через три дня я был в Афоне; постригаться немедленно меня отговорили старцы; но *православным* я стал очень скоро под их руководством... К *русской* и эстетической любви моей к Церкви надо прибавить еще то, чего не доставало для исповедания даже «середы и пятницы»: страха греха, страха наказания, страха Божия, страха духовного. Для достижения этого страха *духовного* – нужно было моей гордости пережить всего только 2 часа *физического* (и обидного) ужаса. Я смирился после того и понял сразу ту *высшую телеологию случайностей*, о которой говорил. Физический страх прошел, а *духовный* остался. И с тех пор я *от веры и страха Господня* отказаться уже не могу, если бы *даже и хотел*... Религия не всегда утешение; во многих случаях она тяжелое иго, но кто истинно уверовал, тот с этим игом уже ни за что не расстанется! И всякое *сомнение*, всякое *невыгодное* для религии философствование он будет с ненавистью и презрением *легко* от себя отгонять, как отгоняют несносную муху...» [10].

Этот фрагмент письма многое проясняет в леонтьевском мировоззрении, которое отражало борьбу добра и зла, вмещало грех и искупление, кипение страстей, страдания, испытания души и тела. Именно в сложности, борьбе, схватке видятся Леонтьеву истоки жизни, философии, религии. Поэтому он не приемлет умозрительный, нехристианский, по его мнению, аскетизм Достоевского и Вл. Соловьева, их мечты о построении Храма Божьего на земле, эвдемонистическое устремление к безмятежному, среднестати-

стическому счастью. Леонтьев отмечает, что у греков для выражения идеи счастья есть два слова: *эвтихия* – внешнее счастье, удача, хорошая судьба и *эвдемония* – внутреннее счастье, субъективное довольство, благоденствие. Эвдемонизм, пишет Леонтьев, стал новой религией – верой во всеобщее земное благоденствие, являющееся конечной целью человечества, религией, которую проповедуют либералы и прогрессисты всех стран еще с XVIII века. Он рассматривает как противоположности *субъективный эвдемонизм*, имеющий целью всеобщую пользу, понятую как «всеобщее, внутреннее, субъективное довольство» (что есть, по сути, «проповедь однообразного реализма»), и *христианский аскетизм* и утверждает, что «и тот, и другой имеют в виду прежде всего *личность, душу* человеческую (*индивидуума*); – но один говорит: *все на земле и все для земли*; а другой – *ничего на земле, ничего для земли*. «Царство мое не от мира сего!» И в то же время (какая странная игра идей! Какое переkreщивание исторических законов!) – в то же время аскетизм христианский подразумевает борьбу, страдания, неравенство, то есть остается верен *феноменальной* философии строгого реализма; а эвдемоническая вера мечтает уничтожить боль, этот существенный атрибут всякой исторической и даже животной *феноменальности*. Христианство сообразнее и с земной жизнью, чем эти – холодные надежды бесполезного прогресса!» [11].

Леонтьев стремится вернуть человеку его собственные экзистенциалы, с которыми он всегда пребывает, – боль, страдание, страх. Да, любовь к Богу, чистая и бескорыстная, есть вершина духовного подвига. Но она, увы, не достижима всеми людьми. А вот страх, страдание, боль доступны всем, даже дикарям. И в высшем, духовном постижении Бога религиозный человек не порывает с корнями своей экзистенции, он наполняет отвлеченные понятия жизненностью, богатством, полнокровием. Более того, «зло, – пишет Леонтьев, – так же присуще нравственной

природе человека, как боль и страдание его телу». А страх как состояние, позволяющее наиболее полно пережить испытание борьбой со злом, искушение пороками, является наилучшим и универсальным, демократичным (в духе Лютера) средством спасения человека. Прав Г. Флоровский, утверждавший, что *Леонтьев – весь в страхе*. В этом Леонтьеву близок Шопенгауэр, склонявшийся к выводу о безнравственности радости: ее редко можно разделить с другими, гораздо чаще она рождает зависть в отличие от горя, имеющего положительную ценность и вызывающего сочувствие, желание сопереживания. Леонтьев полагает, что радость, как и счастье, ведет к тому, что человек забывает о Боге, о спасении, о «трансцендентальном эгоизме».

Стремление сделать страх главным экзистенциалом собственной философии и, более того, увидеть его проявление в действительной истории прослеживается на всем творческом и жизненном пути Леонтьева: «Кто боится, тот смиряется; кто смиряется, тот ищет власти над собой, власти видимой, осязательной; он начинает любить эту власть духовную, мистически, так сказать, оправданную пред умом его» [12]. Одна из его статей называется «Страх Божий и любовь к человечеству», в ней он клеймит «розовое» христианство Достоевского, которое писатель проповедовал в знаменитой речи о Пушкине.

И Василий Розанов, и Николай Бердяев отмечают основную черту эстетизма Леонтьева – сплав эстетической упоенности жизнью и религиозного ужаса гибели, т. е. *антисмертность (бессмертие) красоты* [13]. Этот поиск всего «жизненно-напряженного», по выражению Розанова, заводил Леонтьева в непроходимые, пугающие многих дебри парадоксов и крайне смелых выводов.

Его идеал человека не находит соответствия в реальности (тем хуже для реальности, полагает Леонтьев). Он рисует такую картину: идеальный герой, аристократ, рыцарь, для которого честь превышает смерть,

отказывается от рыцарской дуэли, но не по страху телесному, а по страху Божьему. «...Трудно вообразить себе борьбу, более высокую и трогательную, как и в подобном случае борьба человека храброго и самолюбивого и в то же время религиозного. И если желание «угодить Богу» победит чувство чести, если смирение перед Церковью побороет гордость перед людьми, если «святое» и «душеспасительное» подчинит в нем *благородное и эстетическое* и он, ничуть не робея, откажется от поединка, – то это истинный уже герой христианства... Видать я таких еще не видал, но вообразить можно; и, конечно, в старину на Западе такие люди бывали» [14]. Последнее утверждение весьма показательное для Константина Леонтьева.

Философ признается, что он благовоет, когда страстную эстетику побеждает духовное (мистическое) чувство, и негодует, когда таинственную, необходимую для полноты жизненного развития поэзию побеждает утилитарная этика, и не ждет ничего от такого общества [15]. Леонтьев полагает, что для «всемирной морали» необходима опора на мистику. «Твердость видимой этики зиждется прочно на вере в невидимое. <...> Страх Божий поддерживается превосходно страхом человеческим» [16]. Леонтьев всюду ищет эстетику жизни, почитаемую им выше «отраженной эстетики искусства». Любопытно, что он находит ее в Евгении Онегине, Вронском, Каратаеве, которые сами романов и стихов не пишут, но в них «личной, объективной поэзии» гораздо больше, чем, к примеру, в Надсоне или Гаршине. Художественная ценность отражения всецело зависит от передачи совокупности мистических сил – божественных и демонических, религиозных и страстно эстетических. Ведь, как сказал один монах Леонтьеву, и философ с удовольствием приводит этот довод в одном из писем, есть свет *божественный*, духовный, а есть и свет *демонов*, существ, Богом же созданных, но уклонившихся, свет ложный, свет языческих богов (а святоотеческое хри-

стианство признает реальное существование языческих богов).

Монашество – неустанная борьба мистического со страстным – исследуется Леонтьевым при помощи любимого «эстетизма». Живя среди монахов, философ убеждается в том, что их сердечная борьба исполнена «необычайной жизни, драмы внутренней и поэзии». Уединение грозит то внутренней гордостью, то унынием, то отчаянием. Жизнь в обители может породить тщеславие, зависть, гнев. Во всем и везде присутствует нравственная опасность, свидетельствует Леонтьев, и постоянная внутренняя борьба преследует добросовестного инока иногда до гроба... Стремление отыскать многообразные проявления жизни в монашестве сближает русского философа с мировосприятием раннего Христианства, еще не избавившегося от влияния язычества, от пантеизма. Розанов, комментируя письма Леонтьева, уловил это сочетание «благой вести» Христа и природы, проявляющееся в монашестве как психическом чуде. В основе монашества, полагает Розанов, содержится «испепеление» бытийства, бытийственных вещей, погашение энергии. Мировой секрет монашества заключается, по Розанову, в том, что оно является «Живою и Личною Смертью: тихим увяданием с радостью на свое увядание. <...> Вообще *тихость*, штиль планеты целой и, в конечном анализе, смерть – вот суть монашества. Может быть, мы, умирая, «преображаемся», тогда в монашестве предчувствие «рая за гробом» [17].

Леонтьев остро переживает ориентированность монашества на загробную жизнь, но доказывает – прежде всего самому себе, – что личное *обживание смерти, личностность смерти*, ее оживление в монашестве как вечном подвиге является высшей формой нравственного бытия, красоты, жизненности.

Принцип «эстетического инстинкта» сопряжен у Леонтьева с «государственным тактом», или «утилитаризмом» по его терминологии. Основной тезис философии жизни

Леонтьева предполагает необходимость зла, ибо жизнь должна быть пышна, богата и разнообразна борьбою сил «божественных» с силами «демоническими». Леонтьев считает, что желать только мирного, морального, полезного, среднеутилитарного существования – это значит желать прозы, ослабления «святого» духа, поэзии и, в конечном счете, – разрушения.

В государственном деле монархическое начало (как принудительное), считает Леонтьев, создало «все наше государственное величие», даже раскол и бунты несут печать этого начала. Монархическое начало – главное орудие дисциплины и одновременно знамя бунта (например, Пугачев, «обманувший народ лжелегитимизмом»). Но Леонтьев убежден, что никакой Пугачев не может повредить России так, как могла бы повредить ей «очень мирная, очень законная демократическая конституция», которая толкает к обмирщению. Поэтому Леонтьев не приемлет высказывания о кротости Христа, ведущие, по его мнению, к оскудению духа, духовному мешанству.

Его идеал – византизм, отвергающий всякую надежду на всеобщее благоденствие народов, и выступающий сильнейшей антитезой «идеи всечеловечества, в смысле земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства». Леонтьев высоко ценит влияние византийской культуры, православия, «системы византийской идеи», которая, «сопрягаясь с нашими патриархальными, простыми началами, с нашим еще сырым и грубым вначале славянским материалом», создала величие России, сплотила «полудикую Русь», помогла пережить «татарский погром», дала силу в борьбе с другими врагами. При этом, с одной стороны, эстетическое чувство, влечет Леонтьева к византийским идеалам, и он как «послушник восточной иерархии», как «православный христианин» отвергает идею Соловьева о слиянии церкви под властью папы; с другой стороны, он честно признается, что римский католицизм отвечает «его истинно-деспотическим

вкусам». Свою собственную религиозность Леонтьев характеризовал двояко: как религию *разочарования*, религию безнадежности – по отношению к «внутренней жизни нашего сердца», и как «религию *дисциплины*» – для «государственной общественности».

Такое соединение безнадежности и страстных поисков идеала очень характерно для мировоззрения Леонтьева. И потому неудивительно, что он провидчески восклицает: «Люди захотят непременно испытать свой крайний идеал...» [18], имея в виду будущие общественные потрясения, избежать которых, увы, не было дано... Так, он пишет: «Когда будет проповедано Евангелие во всех концах земли и люди станут верить безумно в мир и спокойствие – тогда-то и постигнет их пагуба...» [19].

Сам Леонтьев считает, что если произойдет соединение церковью под властью папы, прельстившее христиан «обещанием гармонии (кисельными берегами и молочными реками)», то все равно кисельные берега отвалятся и по-прежнему будет стоять на земле стон от скорбей, обид и лишений. Европа разлагается, и это следствие общего естественного закона, а не порока в глубинах жизни, констатирует Леонтьев, и нельзя быть уверенным в том, что период распада минует Россию. Поэтому «великая будущность» России – не роковая и неизбежная, а только *желательная и возможная*, и эта будущность часто кажется философу маловероятной.

Как же построить славянское государство во главе с Россией, «единое в сложном», «разнообразное в едином»? Леонтьев считает, что для исполнения особого и великого религиозного призвания Россия «должна все-таки *значительно разниться* от Запада, и государственно-бытовым строем своим, иначе она не *главой* религиозной станет над ним, а простодушно и по-хамски срастется с ним *ягодицами* демократического процесса (родятся такие уроды – ягодицами срослись)» [20]. Для противостояния эгалитарному европейскому прогрессу нужно «крепить

себя, меньше думать о благе, а больше о силе. Будет сила, будет и кой-какое благо, возможное. Для России нужна внутренняя сила, нужна крепость организации, крепость духа и дисциплины» [21].

Если новый федеральный Запад будет крепок, рассуждает Леонтьев, нужна дисциплина для защиты независимости России от натиска Запада, а если он впадет в анархию, то дисциплина будет необходима, чтобы помочь самому Западу, спасти в нем то, что достойно спасения, то именно, что сделало его величие – церковь, государство, поэзию, науку.

Леонтьев, отвергая славянофильские идеи равноправия, бессловности, национальный принцип государственности, исходит в большей степени из принципа культурно-исторической типологии, соединенного с предпочтением православия. Поэтому он и делает такие, на первый взгляд, неожиданные выводы: «Культура особая нужна, а славянство, пожалуй, только необходимое зло при этом. Без них (славян) нельзя; но надо *морициться*, сознавая это, а не улыбаться», – пишет философ в письме к Александрову в 1888 году [22].

Н. Бердяев, назвавший Константина Леонтьева одним из «самых пронизательных русских мыслителей», понял сложное душевное состояние философа, со всей ясностью осознавшего, что вслед за цветением культуры наступает закат, смерть, и для западноевропейской культуры, охваченной процессом либерально-эгалитарного разложения, смерть уже неотвратима... «Но он хотел верить, – пишет Н. Бердяев, – что цветущая культура возможна еще на Востоке, в России. Под конец жизни он потерял и эту веру, он увидел, что и в России торжествует цивилизация, что Россия идет к «упростительному смещению». Тогда им овладела мрачная апокалиптическая настроенность. Так и Вл. Соловьев под конец потерял веру в возможность в мире религиозной культуры и ощутил жуткое чувство наступления царства Антихриста» [23].

Прозорливо предвосхищая крушение прежних устоев, Леонтьев отыскивал в жизни России опоры, которые составляли несущие конструкции российского здания, – это государственность, религия, армия, крестьянский мир. Неустанно призывая поддерживать и укреплять их, Леонтьев мечтает, по сути, не столько сохранить в неизменности это здание, понимая нереальность одномерного охранительства, сколько построить практически новую культуру, сильную своей сложностью, «многообразием в единстве», борьбой противоположных начал, культуру, обновленную спасительными, с его точки зрения, древними западноевропейскими и византийскими «камнями».

Леонтьев, как и Соловьев, и Ницше, и Шпенглер, восставал против «нищенства своей эпохи» (выражение Розанова), против расплодившихся «мертвых душ», вызывающих ощущение смерти и распада. Леонтьев всю жизнь искал оружие против смерти и остановил свой выбор на красоте и страхе, придав им силу мистического оружия и пронеся их через собственные идеи и судьбу. Став единственным практическим (а не теоретизирующим) отрицающим философом, Леонтьев сделал саму жизнь философией жизни. Он писал, что для России «лучше десять мистических сект вроде скопчества, нежели одна гениальная философская система» [24]. Сейчас, читая Леонтьева, мы проверяем верность его предположений: может, именно из *страха смерти*, из осознания умирания в смещении обособившихся форм, совершаются внешне необъяснимые действия исторических сил и фигур?

1. Бердяев Н. Константин Леонтьев: (Очерки из истории русской религиозной мысли) // Бердяев Н.А. О русской философии. Свердловск, 1991. Ч. 1. С. 150–151.
2. Цит. по: Памяти Константина Николаевича Леонтьева. СПб., 1911. С. 242.
3. Леонтьев К. О Владимире Соловьеве и эстетике жизни (по двум письмам к И. Фуделю). М., 1912. С. 35.
4. Цит. по: Памяти Константина Николаевича Леонтьева. С. 135.
5. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1951. Т. 51.

6. Леонтьев К. Византизм и славянство. С. 93.
 7. Там же.
 8. Леонтьев К. Анализ, стиль и веяние // Вопр. лит. 1988. № 12. С. 203.
 9. Леонтьев К. Собр. соч. М., 1912. Т. 6. С. 336.
 10. Цит. по: Корольков А.С. Пророчества Константина Леонтьева. СПб., 1921. С. 130.
 11. Цит. по: Начала. М., 1992. № 2. С. 30.
 12. Леонтьев К. Избранное. М., 1993. С. 17.
 13. Цит. по: Корольков А.С. Пророчества Константина Леонтьева. СПб., 1921. С. 124.
 14. Леонтьев К. О Владимире Соловьеве... С. 34.
 15. Там же. С. 35.
 16. Леонтьев К. Избранное. С. 214.
 17. Там же. С. 182.
 18. Леонтьев К. Византизм и славянство. С. 183.
 19. Леонтьев К.Н. Собр. соч. Т. 8. С. 194–195.
 20. Леонтьев К. О Владимире Соловьеве... С. 28.
 21. Леонтьев К. Византизм и славянство. С. 184.
 22. Цит. по: Богословский вестник. 1914. № 5. С. 277.
 23. Бердяев Н. Предсмертные мысли Фауста. С. 66.
 24. Цит. по: Корольков А.С. Пророчества Константина Леонтьева. СПб., 1921. С. 193.
-
1. Berdyaev N. Konstantin Leont'ev: (Ocherki iz istorii russkoj religioznoj mysli) // Berdyaev N.A. O russkoj filosofii. Sverdlovsk, 1991. Ch. 1. S. 150–151.
 2. Cit. po: Pamyati Konstantina Nikolaevicha Leont'eva. SPb., 1911. S. 242.
 3. Leont'ev K. O Vladimire Solov'evе i e'stetike zhizni (po dvum pis'mam k I. Fudelyu). M., 1912. S. 35.
 4. Cit. po: Pamyati Konstantina Nikolaevicha Leont'eva. S. 135.
 5. Tolstoj L.N. Poln. sobr. soch. M., 1951. T. 51. S. 23.
 6. Leont'ev K. Vizantizm i slavyanstvo. S. 93.
 7. Tam zhe.
 8. Leont'ev K. Analiz, stil' i veyanie // Vopr. lit. 1988. № 12. S. 203.
 9. Leont'ev K. Sobr. soch. M., 1912. T. 6. S. 336.
 10. Cit. po: Korol'kov A.S. Prorochestva Konstantina Leont'eva. SPb., 1921. S. 130.
 11. Cit. po: Nachala. M., 1992. № 2. S. 30.
 12. Leont'ev K. Izbrannoe. M., 1993. S. 17.
 13. Cit. po: Korol'kov A.S. Prorochestva Konstantina Leont'eva. SPb., 1921. S. 124.
 14. Leont'ev K. O Vladimire Solov'evе... S. 34.
 15. Tam zhe. S. 35.
 16. Leont'ev K. Izbrannoe. S. 214.
 17. Tam zhe. S. 182.
 18. Leont'ev K. Vizantizm i slavyanstvo. S. 183.
 19. Leont'ev K.N. Sobr. soch. T. 8. S. 194–195.
 20. Leont'ev K. O Vladimire Solov'evе... S. 28.
 21. Leont'ev K. Vizantizm i slavyanstvo. S. 184.
 22. Cit. po: Bogoslovskij vestnik. 1914. № 5. S. 277.
 23. Berdyaev N. Predsmertnye mysli Fausta. S. 66.
 24. Cit. po: Korol'kov A.S. Prorochestva Konstantina Leont'eva. SPb., 1921. S. 193.

UDC (091)

KONSTANTIN LEONTIEV: «THE LONELY THINKER» IN THE FACE OF FEAR

Gagarin Anatoly Stanislavovich,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
leader researcher,
doctor of Philosophy, associated professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: gagarin_a@mail.ru

Annotation

Russian thinker Konstantin Leontiev's philosophy of life is based on the special aestheticism, it pervades all his philosophical, literary, critical creativity. The philosopher strives to maintain personal private attitude. Leontiev boldly weaves together animal fear «for themselves» and the Fear of God, believing that the existential shock can penetrate the depths of man and become reflective and existential feeling, which intentioned (pointed) to the transcendence. Leontiev makes the conclusion the necessity «personal Christianity» as transcendental, not the earthly, selfishness, in which «Fear of God» (fear for himself, for his eternity) is the beginning of wisdom is religious».

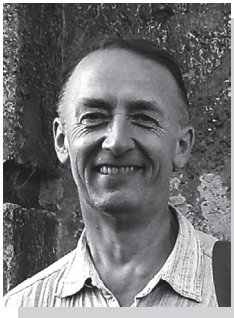
Key words:

fear, the Fear of God, death, existence, existential, philosophy of life, aestheticism, beauty, faith, Christianity, Orthodoxy, monasticism, Konstantin Leontiev, Nikolai Berdyaev.

УДК 16+17+18+1(091)

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ТЕОРЕМЫ О КАЛОКАГАТИИ В АКСИОМАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ФИЛОСОФСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

(Оптимизм и предустановленная гармония:
от древнегреческой и раннехристианской
философии к А.Э. Шефтсбери, Г.В. Лейбницу
и К. Гёделю)

Лобовиков Владимир Олегович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: vlobovikov@mail.ru

Аннотация

Впервые в мировой научной литературе дается точная формулировка на искусственном языке мульти-модальной логики и конструируется формальное дедуктивное доказательство принципа калокагатии как теоремы в аксиоматической системе универсальной философской эпистемологии, синтезирующей рационализм и эмпиризм.

Ключевые слова:

случайное; эмпирическое; необходимое; априорное; знание; аксиоматическая-система; философская-эпистемология; добро; красота; калокагатия.

*Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить всё, что видишь ты.
Твой взгляд – да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты –
И ты увидишь: мир прекрасен.
А. А. Блок «Возмездие» [6, с. 545]*

*Более того, скажу коротко: все
сущее, поскольку существует, пред-
ставляет собой добро, происходящее
от Добра, а поскольку лишается Добра,
не представляет собой добра и не су-
ществует.*

Дионисий Ареопагит [9, с. 147]

Потому и тождественно Добру Прекрасное, что по всякому поводу все стремится к Прекрасному и Добру, и нет ничего такого в сущем, что не было бы причастно Прекрасному и Добру.

Дионисий Ареопагит [9, с. 108]

Обрати внимание на его (Дионисия – В.Л.) слова, что Прекрасное тождественно Добру.

Максим Исповедник
«Примечание 45 к [9, с. 109]»

Калокагатия – этико-эстетический идеал древнегреческой культуры, сформировавшийся в явном виде и демонстративно провозглашенный в творчестве Сократа, Ксенофонта, Платона, Аристотеля, Хрисиппа [38, с. 199, 200]. Сократ (в каком-то смысле) отождествлял понятия «прекрасное» и «хорошее», «красоту» и «добро (благо)». Хризипп считал выражения «жить прекрасно» и «жить хорошо» *равносильными* (в каком-то смысле). Платон развивал этико-эстетический идеал калокагатии в своих диалогах «Парменид», «Тимей», «Пир», «Горгий», «Апология Сократа» и в других произведениях [31; 32; 33]. Аристотель обсуждал идеал калокагатии в трактатах, посвященных этике [4]. Обсуждали этот принцип и неоплатоники. В раннехристианской философии принцип калокагатии отстаивал Августин, рассуждая о единстве истины, добра и красоты [1; 2]. Религиозный принцип калокагатии следует из учения о единстве Бога, имеющего имена «Добро» и «Красота» [9].

В дополнение к вышесказанному рассмотрим Библию в синодальном переводе на русский язык [5]. В первой главе Книги Бытия несколько раз встречается предложение «И увидел Бог, что *это* хорошо» [5, стих 10; 12; 18; 21; 25]. Кроме того в этой же главе есть предложение «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» [5, стих 31].

В Библии на английском языке (NIV – New International Version) стихи 10, 12, 18, 21, 25 представлены предложением «And God saw that it was good». Однако существует и другой вариант перевода обсуждаемого фрагмента Библии с языка *оригинала* на английский язык. Он представлен, например, в двухтомном комментарии В. Гамильтона (Hamilton V.P.) к Книге Бытия [47]. «Hamilton suggests the translation, «and God saw how beautiful it was» [51, с. 105]. При этом сторонники использования в данном случае слова «красиво» *не оспаривают* адекватность использования слова «хорошо». С логической точки зрения такая ситуация вполне возможна в том случае, когда *подразумевается истинность принципа калокагатии*. Но насколько верен этот принцип? Его систематическая критика эмпириками, скептиками и романтиками делает данный вопрос отнюдь не риторическим и отнюдь не тривиальным. Для эффективного ответа на эмпирицистскую критику необходимо представить строгое доказательство принципа калокагатии в самом общем виде. Такое доказательство возможно лишь на абстрактно-теоретическом уровне некой логико-математической модели.

Дискретная математическая модель *формально-аксиологического* аспекта калокагатии (двузначная алгебра формальной этики и двузначная алгебра формальной эстетики) была построена автором в начале 70-х гг. XX века, но вынесена на публичное обсуждение в печатном виде по частям (двузначная алгебра формальной этики – в начале 80-х гг. XX века, а двузначная алгебра формальной эстетики – в начале 90-х гг. XX века). Для знакомства с возникшей тогда авторской концепцией *формально-аксиологического* аспекта калокагатии можно воспользоваться публикациями [17; 18; 54; 55].

На естественном языке упомянутая в заглавии статьи теорема формулируется так: *если знание априорно, то по отношению к предмету этого знания добро и красота*

эквивалентны. Используя искусственный язык символической мульти-модальной логики (представляющей собой специфическую комбинацию различных модальных логик), эту теорему можно сформулировать так: $Kp \supset ((Ap \supset (Gr \leftrightarrow Vp)) \& ((\neg(Gr \leftrightarrow Vp)) \supset Ep))$. Здесь символы Kp , Ap , Ep , соответственно, обозначают эпистемические модальности: «(субъект) знает, что p » (где p – некое высказывание); «(субъект) *a-priori* знает, что p »; «(субъект) из опыта (*a-posteriori*) знает, что p ». А символы Gr и Vp , соответственно, обозначают аксиологические модальности «хорошо (положительно ценно в морально-правовом отношении), что p » и «красиво (положительно ценно в эстетическом отношении), что p ». Символы \supset , \leftrightarrow , $\&$, \neg , \vee , \square обозначают в данной статье классические логические понятия, соответственно, импликацию, эквивалентность, конъюнкцию, отрицание, «слабую» (не-исключающую) дизъюнкцию, алетическую модальность «необходимо, что...».

В данной статье общеизвестные системы алетической логики [46], деонтической логики [48; 46], эпистемической логики [49; 50; 53], аксиологической логики [10] систематически используются в качестве вполне адекватных, хотя и не формулируются явно, чтобы не перегружать статью логической символикой и техническими деталями, отвлекающими от собственно философской сути дела. Поэтому за точным определением алетической модальности $\square p$ («необходимо, что p ») читатель может обратиться к энциклопедической статье [46], за точным определением эпистемической модальности Kp («имеется знание, что p ») – к работам [49; 50; 53], а за точным определением оценочных модальностей Gr и Vp – к монографии [10].

Точные определения сложных модальностей Ap и Ep были впервые предложены в работах [19–26]. Согласно этим определениям, система логических взаимоотношений между эпистемическими модальностями Kp , Ap , Ep , $\neg Ap$, $\neg Ep$, $\neg Kp$ может быть адекватно

представлена графически следующим логическим квадратом (и включающим его в себя гексагоном) концептуальной оппозиции.

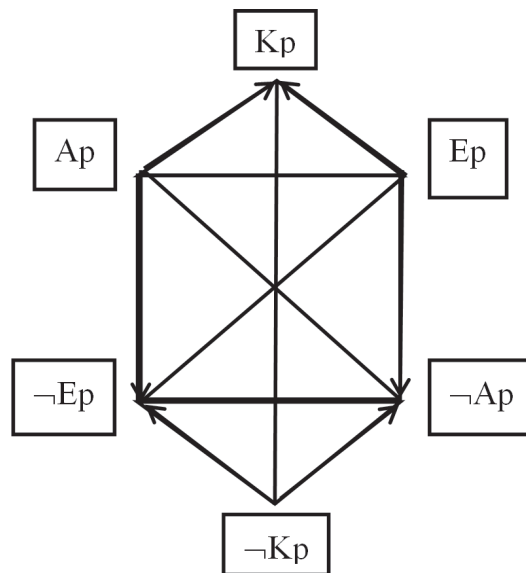

Рисунок 1 – Знание априори и эмпирическое знание как взаимодополняющие аспекты универсальной концептуальной схемы философской эпистемологии.

В порядке напоминания здесь целесообразно заметить, что в гексагоне, представленном на рис. 1, отношения логической контрадикторности моделируются линиями, пересекающими квадрат, а отношения подчинения, т. е. логического следования, моделируются стрелками. Отношение логической контрарности графически представлено верхней горизонтальной линией квадрата, представляющего собой фрагмент гексагона. Отношение логической субконтрарности графически представлено нижней горизонтальной линией квадрата, включенного в гексагон.

Точные определения сложных модальностей Ap и Ep , впервые предложенные в работах [19–20], постепенно видоизменялись: дополнялись, обобщались [21–26]. На некотором этапе их видоизменения нарастающая сложность определений (громоздкость их точных формулировок) обусловила необхо-

димостью перехода от явных дефиниций к осуществляемым с помощью аксиоматического метода неявным определениям, чтобы обеспечить их точность без потери полноты. Первое аксиоматическое определение модальностей **Ap** и **Ep** было предложено в статье [22]. Но со временем оно тоже видоизменялось: уточнялось, дополнялось, обобщалось [23; 24; 25; 26]. В настоящий момент существует уже несколько в чем-то различных формулировок аксиоматической системы философской эпистемологии. Одна из них, пожалуй, наиболее компактная, имеющая всего две *собственные* (эпистемологические) аксиомы, рассматривается в данной статье. Упомянутые две не чисто логические, а *собственно философские* (эпистемологические) аксиомы **AX1** и **AX2** приведены непосредственно ниже.

AX1: $Ap \leftrightarrow (Kp \ \& \ \Box(p \leftrightarrow \Box p) \ \& \ \Box(p \leftrightarrow Op) \ \& \ \Box(p \leftrightarrow Gp) \ \& \ \Box(p \leftrightarrow Vp) \ \& \ \Box(p \leftrightarrow Up) \ \& \ \Box(p \leftrightarrow Fp) \ \& \ \Box(p \leftrightarrow Tp) \ \& \ \Box(p \leftrightarrow Rp) \ \& \ \Box(p \leftrightarrow Dp) \ \& \ \Box \neg Sp)$.

AX2: $Ep \leftrightarrow (Kp \ \& \ (\neg \Box(p \leftrightarrow \Box p) \vee \neg(\Box(p \leftrightarrow Op) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow Gp) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow Vp) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow Up) \vee \neg(\Box(p \leftrightarrow Fp) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow Tp) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow Rp) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow Dp) \vee \neg \Box \neg Sp)))$.

В формулировках приведенных выше аксиом **AX1** и **AX2** присутствуют некоторые такие символы искусственного языка (и обозначаемые ими философские термины), которые ранее в данной статье не встречались, поэтому необходимо ввести их в оборот, дав точные определения их значений в используемом нами языке. Символ **Op** в аксиомах **AX1** и **AX2** обозначает *деонтическую* модальность «*обязательно, что p*» [48], а **Up** – *утилитаристскую* модальность «(субъекту) *полезно (выгодно), что p*». Символы **Fp**, **Tp**, **Rp**, **Dp** обозначают *эпистемические* модальности «(субъект) *верит, что p*», «*истинно, что p*», «*доказуемо, что p*», «*существует алгоритм (может быть построена машина) для решения (установления), что p*», соответственно. Наконец, **Sp** обозначает *сенсуалистическую* эпистемическую модальность «*при некоторых условиях в некоем*

пространстве-времени некий субъект (непосредственно или с помощью каких-то приборов и инструментов) *ощущает, что p*, т.е. имеет *чувственное подтверждение* утверждения, что **p**». Иначе говоря, **Sp** обозначает чувственную *верификацию* высказывания **p**».

Приведенная выше пара *собственно философских* аксиом **AX1** и **AX2** образует систему *универсальной* философской эпистемологии, которая представляет собой *синтез* рационализма (априоризма) и эмпиризма (сенсуализма). В предложенной аксиоматической системе универсальной философской теории знания аксиома **AX1** выполняет роль неявного, но точного определения сложной эпистемологической модальности **Ap**. Эта аксиома содержит в себе множество качественно различных аспектов интеллектуально уважаемой философской доктрины предопределения, предустановленной гармонии и оптимизма, возникшей в древности и претерпевшей длительное прогрессивное развитие. Ее представителями были, например, Платон [31; 32; 33], Августин Блаженный [1; 2], Дионисий Ареопагит [9], А.Э. Шефтсбери [42], Г.В. Лейбниц [11–16; 52], К. Гёдель [41, с. 70, 149–168]. Аксиома **AX2** выполняет в предложенной аксиоматической системе универсальной философской теории знания роль неявного, но точного определения сложной эпистемологической модальности **Ep**. Эта аксиома тоже содержит в себе множество качественно различных аспектов тоже весьма влиятельной и нередко доминирующей философской доктрины, утверждающей чистую *случайность* бытия, *относительность* истинности и ценности, *отсутствие* *необходимой* связи между ними. Эту доктрину представляют, например, Дж. Локк [27], Вольтер [8], Д. Юм [43; 44], А. Шопенгауэр [43], Э. Мах [28], Б. Рассел [36; 37], Мур [29; 30], Л. Витгенштейн [7], К. Поппер [34; 35], П. Фейерабенд [39; 40], М. Адлер [3].

Доказательством сформулированной выше теоремы в рассматриваемой аксиомати-

ческой системе философской эпистемологии является, например, следующая последовательность.

- 1) $A_p \leftrightarrow (K_p \& \Box(p \leftrightarrow \Box p) \& \Box(p \leftrightarrow O_p) \& \Box(p \leftrightarrow G_p) \& \Box(p \leftrightarrow B_p) \& \Box(p \leftrightarrow U_p) \& \Box(p \leftrightarrow F_p) \& \Box(p \leftrightarrow T_p) \& \Box(p \leftrightarrow P_p) \& \Box(p \leftrightarrow D_p) \& \Box \neg S_p)$: аксиома AX1.
- 2) $A_p \supset (K_p \& \Box(p \leftrightarrow \Box p) \& \Box(p \leftrightarrow O_p) \& \Box(p \leftrightarrow G_p) \& \Box(p \leftrightarrow B_p) \& \Box(p \leftrightarrow U_p) \& \Box(p \leftrightarrow F_p) \& \Box(p \leftrightarrow T_p) \& \Box(p \leftrightarrow P_p) \& \Box(p \leftrightarrow D_p) \& \Box \neg S_p)$: из 1 по правилу удаления \leftrightarrow .
- 3) A_p : допущение.
- 4) $(K_p \& \Box(p \leftrightarrow \Box p) \& \Box(p \leftrightarrow O_p) \& \Box(p \leftrightarrow G_p) \& \Box(p \leftrightarrow B_p) \& \Box(p \leftrightarrow U_p) \& \Box(p \leftrightarrow F_p) \& \Box(p \leftrightarrow T_p) \& \Box(p \leftrightarrow P_p) \& \Box(p \leftrightarrow D_p) \& \Box \neg S_p)$: из 2 и 3 по правилу *modusponens*.
- 5) $\Box(p \leftrightarrow G_p)$: из 4 по правилу удаления $\&$.
- 6) $\Box(p \leftrightarrow B_p)$: из 4 по правилу удаления $\&$.
- 7) $(p \leftrightarrow G_p)$: из 5 по правилу удаления \Box .
- 8) $(p \leftrightarrow B_p)$: из 6 по правилу удаления \Box .
- 9) $(G_p \leftrightarrow B_p)$: из 7 по правилу коммутативности \leftrightarrow .
- 10) $(G_p \leftrightarrow B_p)$: из 9 и 8 по правилу транзитивности \leftrightarrow .
- 11) $(A_p \supset (G_p \leftrightarrow B_p))$: из 1–10 по правилу введения \supset .
- 12) $K_p \supset (A_p \supset (G_p \leftrightarrow B_p))$: из 11 по правилу введения \supset .
- 13) $\neg(G_p \leftrightarrow B_p)$: допущение.
- 14) $\neg A_p$: из 11 и 13 по правилу *modustollens*.
- 15) $(K_p \& \Box(p \leftrightarrow \Box p) \& \Box(p \leftrightarrow O_p) \& \Box(p \leftrightarrow G_p) \& \Box(p \leftrightarrow B_p) \& \Box(p \leftrightarrow U_p) \& \Box(p \leftrightarrow F_p) \& \Box(p \leftrightarrow T_p) \& \Box(p \leftrightarrow P_p) \& \Box(p \leftrightarrow D_p) \& \Box \neg S_p) \supset A_p$: из 1 по правилу удаления \leftrightarrow .
- 16) $\neg(K_p \& \Box(p \leftrightarrow \Box p) \& \Box(p \leftrightarrow O_p) \& \Box(p \leftrightarrow G_p) \& \Box(p \leftrightarrow B_p) \& \Box(p \leftrightarrow U_p) \& \Box(p \leftrightarrow F_p) \& \Box(p \leftrightarrow T_p) \&$

$\Box(p \leftrightarrow P_p) \& \Box(p \leftrightarrow D_p) \& \Box \neg S_p)$: из 14 и 15 по правилу *modustollens*.

- 17) $(\neg K_p \vee (\neg \Box(p \leftrightarrow \Box p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow O_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow G_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow B_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow U_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow F_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow T_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow P_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow D_p) \vee \neg \Box \neg S_p))$: из 16 по правилу де Моргана.

18) K_p : допущение.

- 19) $(\neg \Box(p \leftrightarrow \Box p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow O_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow G_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow B_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow U_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow F_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow T_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow P_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow D_p) \vee \neg \Box \neg S_p)$: из 17 и 18 по правилу $\{(\neg a \vee b), a\} \Rightarrow \beta$, где символ \Rightarrow обозначает отношение «из ... логически выводимо...».

- 20) $(K_p \& (\neg \Box(p \leftrightarrow \Box p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow O_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow G_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow B_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow U_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow F_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow T_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow P_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow D_p) \vee \neg \Box \neg S_p))$: из 18 и 19 по правилу введения $\&$.

- 21) $E_p \leftrightarrow (K_p \& (\neg \Box(p \leftrightarrow \Box p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow O_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow G_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow B_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow U_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow F_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow T_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow P_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow D_p) \vee \neg \Box \neg S_p))$: аксиома AX2.

- 22) $(K_p \& (\neg \Box(p \leftrightarrow \Box p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow O_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow G_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow B_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow U_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow F_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow T_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow P_p) \vee \neg \Box(p \leftrightarrow D_p) \vee \neg \Box \neg S_p) \supset E_p$: из 21 по правилу удаления \leftrightarrow .

- 23) E_p : из 22 и 20 по правилу *modusponens*.

- 24) $((\neg(G_p \leftrightarrow B_p)) \supset E_p)$: из 1–23 по правилу введения \supset .

- 25) $((A_p \supset (G_p \leftrightarrow B_p)) \& ((\neg(G_p \leftrightarrow B_p)) \supset E_p))$: из 11 и 24 по правилу введения $\&$.

- 26) $K_p \supset ((A_p \supset (G_p \leftrightarrow B_p)) \& ((\neg(G_p \leftrightarrow B_p)) \supset E_p))$: из 1–25 по правилу введения \supset .

Что и требовалось доказать!

Гениальный поэт А. Блок в прологе неоконченной поэмы «Возмездие» писал: «Сотри случайные черты – и ты увидишь:

мир прекрасен» [6, с. 545]. В настоящей статье на *собственно научном* уровне исследования «стирание случайных черт» осуществляется принятием допущения **Ap**, так как в обсуждаемой аксиоматической системе эпистемологии доказуема теорема (**Ap** \supset \square p). Кроме того, в обсуждаемой аксиоматической системе приведенной выше последовательностью 1–11 доказана теорема (**Ap** \supset (**Gp** \leftrightarrow **Vp**)). Поэтому на *собственно научном* уровне анализа, «стерев случайные черты» принятием допущения **Ap** и применив *modusponens*, мы видим, что (**Gp** \leftrightarrow **Vp**)!

1. Августин Блаженный. Об истинной религии. Теологический трактат. Минск: Харвест, 1999. 1600 с.
2. Августин Блаженный. О граде божием. М.; Минск: АСТ, 2000. 1296 с.
3. Адлер М. Шесть великих идей. М.: Изд-во: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 256 с.
4. Аристотель. Соч.: В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. 830 с.
5. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета с параллельными местами и приложениями. В синодальном переводе. М.: Никая, 2016. 1600 с.
6. Блок А. Стихотворения. Поэмы. М.: Изд-во «Э», 2016. 640 с.
7. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Изд-во иностранной лит., 1958. 133 с.
8. Вольтер. Философские повести. М.: Гослитиздат., 1960. 352 с.
9. Дионисий Ареопагит. О божественных именах. О мистическом богословии. СПб.: Глаголь, 1995. 370 с.
10. Ивин А.А. Основания логики оценок. М.: МГУ, 1970. 230 с.
11. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Г.В. Лейбниц. Соч. в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1983. С. 47–545.
12. Лейбниц Г.В. Переписка с королевой Пруссии Софией-Шарлоттой и курфюрстиной Софией // Г.В. Лейбниц. Соч. в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. С. 371–394.
13. Лейбниц Г.В. Письмо к герцогу Ганноверскому // Г.В. Лейбниц. Соч. в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. С. 491–493.
14. Лейбниц Г.В. Об универсальной науке, или философском исчислении // Г.В. Лейбниц. Соч. в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. С. 494–500.
15. Лейбниц Г.В. Общие исследования, касающиеся анализа понятий и истин // Г.В. Лейбниц. Соч. в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. С. 572–616.
16. Лейбниц Г.В. Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла // Г.В. Лейбниц. Соч. в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1989. С. 49–554.
17. Лобовиков В.О. Калокагатия: дискретная математическая модель структурно-функционального единства ригористического естественного права и классицистской

эстетики (Функциональная взаимосвязь двузначной алгебры поступков и двузначной алгебры эстетических явлений в аполлоническом аспекте бытия) // Современная философия в поисках сущностей и смыслов: Материалы научно-практической конференции (25–27 октября 2001 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 229–231.

18. Лобовиков В.О. Антикалокагатия: дискретная математическая модель структурно-функционального единства криминологии и карнавално-романтической эстетики (Функциональная взаимосвязь двузначной алгебры поступков и двузначной алгебры эстетических явлений в дионисийском аспекте бытия) // Современная философия в поисках сущностей и смыслов: Материалы научно-практической конференции (25–27 октября 2001 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 232–234.

19. Лобовиков В.О. Логический квадрат и гексагон эпистемических понятий (Эволюционная эпистемология как явный абсурд с точки зрения древнегреческой философии абсолютного знания, и загадочная абсурдность этой древнегреческой онтологии и философии знания с точки зрения современной логики, методологии и философии науки: о возможности логически непротиворечивого «снятия» конфликта двух парадигм) // Эпистемы: Сб. науч. статей. Вып. 9. Екатеринбург: Ажур, 2014. С. 57–68.

20. Лобовиков В.О. Уточнение статуса логико-философских принципов фальсификации и верификации (научного знания) в философской эпистемологии // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 1 (18). С. 98–104.

21. Лобовиков В.О. Историко-философский и логический аспекты проблемы взаимосвязи истинности и доказуемости: Г.В. Лейбниц; А. Тарский; К. Гёдель // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2015. № 3–4. С. 65–71.

22. Лобовиков В.О. Аксиоматическая система эпистемологии // Известия Уральского Федерального университета. Общественные науки. 2016. № 1 (149). С. 5–19.

23. Лобовиков В.О. Еще одна аксиома рационалистической эпистемологии априорного знания: историко-философский и логический аспекты проблемы взаимосвязи истинности, доказуемости и алгоритмичности знания (Г.В. Лейбниц; К. Гёдель; А. Чёрч) // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. № 1. С. 27–34.

24. Лобовиков В.О. Две новые аксиомы рационалистической эпистемологии (взаимосвязь доказуемости, истинности, невыразимости, непоколебимой веры и неопровержимого знания: Г.В. Лейбниц; К. Гёдель; А. Тарский; Дж. Мур) // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. № 2. С. 82–88.

25. Лобовиков В.О. Графическое моделирование модальной логики знания a-priori и a-posteriori с помощью логического квадрата и гексагона // Тезисы докладов научной конференции «Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке» (22–24 июня 2016, Санкт-Петербург). СПб: СПбГУ, 2016. С. 85–86.

26. Лобовиков В.О. Новая форма аналитической философии права и морали – алгебраическая система формальной этики и естественного права: точное формальное определение области уместной применимости «Гильотины Юма» // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2016. № 2 (34). С. 93–103.

27. Локк Дж. Опыт о человеческом разуме //

- Дж. Локк. Избранные философские произведения в 2 т. Т. 1. М.: Изд. Соц.-эк. лит., 1960. 731 с.
28. Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М.: Территория будущего, 2005. 304 с.
29. Мур Дж. Принципы этики. Москва: Прогресс, 1984. 326 с.
30. Мур Дж. Природа моральной философии. М.: Республика, 1999. 351 с.
31. Платон. Федон, Пир, Федр, Парменид. М.: Мысль, 1999. 528 с.
32. Платон. Апология Сократа, Критон, Ион, Протагор. М.: Мысль, 1999. 864 с.
33. Платон. Филеб, Государство, Тимей, Критий. М.: Мысль, 1999. 656 с.
34. Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. 605 с.
35. Поппер К. Предположения и опровержения: рост научного знания. М.: АСТ, 2008. 638 с.
36. Рассел Б. Человеческое познание, его сферы и границы. Киев: Ника-Центр; Вист-С, 1997. 555 с.
37. Рассел Б. Исследование значения и истины. М.: Идея-Пресс, 1999. 400 с.
38. Солопова М. А. Калокагатия // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2001. Т. 2. С. 199–200.
39. Фейерабенд П. Против метода. М.: АСТ, 2007. 414 с.
40. Фейерабенд П. Прощай разум. М.: Астрель, 2010. 477 с.
41. Целищев В. В. Философский переписчик: переводы и размышления. Новосибирск: Омега Пресс, 2014. 574 с.
42. Шефтсбери А. Э. К. Эстетические опыты. М.: Искусство, 1974. 542 с.
43. Шопенгауэр А. Избранные произведения. М.: Просвещение, 1992. 479 с.
44. Юм Д. Исследование о человеческом разумении. М.: Прогресс, 1995. 237 с.
45. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Мн.: Попурри, 1998. 720 с.
46. Garson, J. (2016). «Modal Logic», The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2016 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL: <http://plato.stanford.edu/archives/spr2016/entries/logic-modal/>.
47. Hamilton, V.P. (1990). The Book of Genesis: Chapters 1–17 (New International Commentary on the Old Testament Series). Grand Rapids, Michigan: William B. Eerdmans Publishing Co., 522 p.
48. Hilpinen, R. (ed.). (1971). Deontic Logic: Introductory and Systematic Readings. Dordrecht: D. Reidel. 184 p.
49. Hintikka, J. (1962). Knowledge and Belief – An Introduction to the Logic of the Two Notions. Ithaca: Cornell University Press. 179 p.
50. Hintikka, J. (1974). Knowledge and the known. Historical perspectives in epistemology. Dordrecht-Boston: D. Reidel, 243 p.
51. Kissling, P.J. College Press NIV Commentary: Genesis, Volume I. Joplin, Missouri: College Press Publishing Co., 2004. 392 p.
52. Leibniz, G.W. “Elementa Juris Naturalis”, in: G.W. Leibniz. Philosophische Schriften. Erster Band (1663–1672). Berlin: Akademie-Verlag, 1971. S. 431–485.
53. Lenzen, W. (1978). “Recent Work in Epistemic Logic”, Acta Philosophica Fennica. Vol. 30, pp. 1–219.
54. Lobovikov, V. (1996). “Could computers and logic software be used in philosophy of art”? Philosophy Today: the Newsletter of the Society for Applied Philosophy (Cambridge, the United Kingdom), 1996, no. 21, pp. 3–4.
55. Lobovikov, V. (2001). Mathematical aesthetics as a new method of transforming the conflict between the classic (serious) aesthetics and the romantic (carnival) one into their fundamental unity and mutual tolerance within really intellectual systems (either natural or artificial) // CD-ROM: The Great Book of Aesthetics. Proceedings of XVth International Congress of Aesthetics in Japan (August 27–31, 2001). Aesthetics in the 21st Century. Tokyo; Makuhari: Edited and Published by Ken-ichi-Sasaki and Tanehisa Otabe: The organizing Committee of the 15th International Congress of Aesthetics; c/o Institute of Aesthetics and Philosophy of Art, Faculty of Letters, The University of Tokyo, 7–3–1 Hongo, Bunkyo-ku 113–0033, Tokyo, Japan. (ISBN 4–9901701–0–5).
-
1. Avgustin Blazhenyj. Ob istinnoj religii. Teologicheskij traktat. Minsk: Xarvest, 1999. 1600 s.
2. Avgustin Blazhenyj. O grade bozhiem. M.: Minsk: AST, 2000. 1296 s.
3. Adler M. Shest' velikix idej. M.: Izd-vo: Mann, Ivanov i Ferber, 2015. 256 s.
4. Aristotel'. Soch.: V 4-x t. T. 4. M.: Mysl', 1984. 830 s.
5. Bibliya. Knigi Svyashhennogo Pisaniya Vetxogo i Novogo Zaveta s parallel'nymi mestami i prilozheniyami. V sinodal'nom perevode. M.: Nikeya, 2016. 1600 s.
6. Blok A. Stixotvoreniya. Poe'my. M.: Izd-vo «E'», 2016. 640 s.
7. Vitgenshtejn L. Logiko-filosofskij traktat. M.: Izd-vo inostrannoj lit., 1958. 133 s.
8. Vol'ter. Filosofskie povesti. M.: Goslitizdat., 1960. 352 s.
9. Dionisij Areopagit. O bozhestvennyx imenax. O misticheskom bogoslovii. SPb.: Glagol", 1995. 370 s.
10. Ivin A.A. Osnovaniya logiki ocenok. M.: MGU, 1970. 230 s.
11. Lejbnic G.V. Novye opyty o chelovecheskom razumenii avtora sistemy predustanovlennoj garmonii // G.V. Lejbnic. Soch. v 4 t. T. 2. M.: Mysl', 1983. S. 47–545.
12. Lejbnic G.V. Perepiska s korolevoj Prussii Sofiej-Sharlottoj i kurfyurstinoj Sofiej // G.V. Lejbnic. Soch. v 4 t. T. 3. M.: Mysl', 1984. S. 371–394.
13. Lejbnic G.V. Pis'mo k gercogu Gannoverskomu // G.V. Lejbnic. Soch. v 4 t. T. 3. M.: Mysl', 1984. S. 491–493.
14. Lejbnic G.V. Ob universal'noj nauke, ili filosofskom ischislenii // G.V. Lejbnic. Soch. v 4 t. T. 3. M.: Mysl', 1984. S. 494–500.
15. Lejbnic G.V. Obshhie issledovaniya, kasayushhiesya analiza ponyatij i istin // G.V. Lejbnic. Soch. v 4 t. T. 3. M.: Mysl', 1984. S. 572–616.

16. Lejbnic G.V. Opyty teodicej o blagosti Bozhiej, svobode cheloveka i nachale zla // G.V. Lejbnic. Soch. v 4 t. T. 4. M.: Mysl', 1989. S. 49–554.
17. Lobovikov V.O. Kalokagatiya: diskretnaya matematicheskaya model' strukturno-funktional'nogo edinstva rigoristicheskogo estestvennogo prava i klassicistskoj e'stetiki (Funkcional'naya vzaimosvyaz' dvuznachnoj algebry postupkov i dvuznachnoj algebry e'stetcheskix yavlenij v apollonicheskom aspekte bytiya) // Sovremennaya filosofiya v poiskax sushhnostej i smyslov: Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii (25–27 oktyabrya 2001 g.). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2001. S. 229–231.
18. Lobovikov V.O. Antikalokagatiya: diskretnaya matematicheskaya model' strukturno-funktional'nogo edinstva kriminologii i karnaval'no-romanticheskoy e'stetiki (Funkcional'naya vzaimosvyaz' dvuznachnoj algebry postupkov i dvuznachnoj algebry e'stetcheskix yavlenij v dionisijskom aspekte bytiya) // Sovremennaya filosofiya v poiskax sushhnostej i smyslov: Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii (25–27 oktyabrya 2001 g.). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2001. S. 232–234.
19. Lobovikov V.O. Logicheskij kvadrat i geksgon e'pistemicheskix ponyatij (E'volucionnaya e'pistemologiya kak yavnyj absurd s točki zreniya drevnegrecheskoy filosofii absoljutnogo znaniya, i zagadochnaya absurdnost' e'toj drevnegrecheskoy ontologii i filosofii znaniya s točki zreniya sovremennoj logiki, metodologii i filosofii nauki: o vozmozhnosti logicheski neprotivorechivogo «snyatiya» konflikta dvux paradigim) // E'pistemy: Sb. nauch. statej. Vyp. 9. Ekaterinburg: Azhur, 2014. S. 57–68.
20. Lobovikov V.O. Utochnenie statusa logiko-filosofskix principov fal'sifikacii i verifikacii (nauchnogo znaniya) v filosofskoj e'pistemologii // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 1 (18). S. 98–104.
21. Lobovikov V.O. Istoriko-filosofskij i logicheskij aspekty problemy vzaimosvyazi istinnosti i dokazuemosti: G.V. Lejbnic; A. Tarskij; K. Gyodel' // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2015. № 3–4. S. 65–71.
22. Lobovikov V.O. Aksiomaticheskaya sistema e'pistemologii // Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo universiteta. Obshhestvennye nauki. 2016. № 1 (149). S. 5–19.
23. Lobovikov V.O. Eshhe odna aksioma racionalisticheskoy e'pistemologii apriornogo znaniya: istoriko-filosofskij i logicheskij aspekty problemy vzaimosvyazi istinnosti, dokazuemosti i algoritmichnosti znaniya (G.V. Lejbnic; K. Gyodel'; A. Chyorch) // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2016. № 1. S. 27–34.
24. Lobovikov V.O. Dve novye aksiomy racionalisticheskoy e'pistemologii (vzaimosvyaz' dokazuemosti, istinnosti, nevyrazimosti, nepokolebimoj very i neoproverzhimogo znaniya: G.V. Lejbnic; K. Gyodel'; A. Tarskij; Dzh. Mur) // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2016. № 2. S. 82–88.
25. Lobovikov V.O. Graficheskoe modelirovanie modal'noj logiki znaniya a-priori i a-posteriori s pomoshh'yu logicheskogo kvadrata i geksgona // Tezisy dokladov nauchnoj konferencii «Sovremennaya logika: problemy teorii, istorii i primeneniya v nauke» (22–24 iyunya 2016, Sankt-Peterburg). SPb: SPbGU, 2016. S. 85–86.
26. Lobovikov V.O. Novaya forma analiticheskoy filosofii prava i morali – algebraicheskaya sistema formal'noj e'tiki i estestvennogo prava: tochnoe formal'noe opredelenie oblasti umestnoj primenimosti «Gil'otiny Yuma» // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. 2016. № 2 (34). C. 93–103.
27. Lökk Dzh. Opyt o chelovecheskom razume // Dzh. Lökk. Izbrannye filosofskie proizvedeniya v 2 t. T. 1. M.: Izd. Soc.-e'k. lit., 1960. 731 s.
28. Max E'. Analiz oshhushhenij i otnoshenie fizicheskogo k psichicheskomu. M.: Territoriya budushhego, 2005. 304 s.
29. Mur Dzh. Principy e'tiki. Moskva: Progress, 1984. 326 s.
30. Mur Dzh. Priroda moral'noj filosofii. M.: Respublika, 1999. 351 s.
31. Platon. Fedon, Pir, Fedr, Parmenid. M.: Mysl', 1999. 528 s.
32. Platon. Apologiya Sokrata, Kriton, Ion, Protagor. M.: Mysl', 1999. 864 s.
33. Platon. Fileb, Gosudarstvo, Timej, Kritij. M.: Mysl', 1999. 656 s.
34. Popper K. Logika i rost nauchnogo znaniya. M.: Progress, 1983. 605 s.
35. Popper K. Predpolozheniya i oproverzheniya: rost nauchnogo znaniya. M.: AST, 2008. 638 s.
36. Rassel B. Chelovecheskoe poznanie, ego sfery i granicy. Kiev: Nika-Centr; Vist-S, 1997. 555 s.
37. Rassel B. Issledovanie znacheniya i istiny. M.: Ideya-Press, 1999. 400 s.
38. Solopova M.A. Kalokagatiya // Novaya filosofskaya e'nciklopediya. M.: Mysl', 2001. T. 2. S. 199–200.
39. Fejerabend P. Protiv metoda. M.: AST, 2007. 414 s.
40. Fejerabend P. Proshhaj razum. M.: Astrel', 2010. 477 s.
41. Celishhev V.V. Filosofskij perepischik: perevody i razmyshleniya. Novosibirsk: Omega Press, 2014. 574 s.
42. Sheftsberi A.E'.K. E'stetcheskije opyty. M.: Iskusstvo, 1974. 542 s.
43. Shopengau'r A. Izbrannye proizvedeniya. M.: Prosveshhenie, 1992. 479 s.
44. Yum D. Issledovanie o chelovecheskom razumenii. M.: Progress, 1995. 237 s.
45. Yum. D. Traktat o chelovecheskoj prirode. Mn.: Popurri, 1998. 720 s.
46. Garson, J. (2016). «Modal Logic», The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2016 Edition), Edward N. Zalta (ed.), URL: <http://plato.stanford.edu/archives/spr2016/entries/logic-modal/>.
47. Hamilton, V.P. (1990). The Book of Genesis: Chapters 1–17 (New International Commentary on the Old Testament Series). Grand Rapids, Michigan: William B. Eerdmans Publishing Co., 522 p.
48. Hilpinen, R. (ed.). (1971). Deontic Logic: Introductory and Systematic Readings. Dordrecht: D. Reidel. 184 p.
49. Hintikka, J. (1962). Knowledge and Belief – An Introduction to the Logic of the Two Notions. Ithaca: Cornell University Press. 179 p.
50. Hintikka, J. (1974). Knowledge and the known. Historical perspectives in epistemology. Dordrecht-Boston:

D. Reidel, 243 p.

51. Kissling, P.J. College Press NIV Commentary: Genesis, Volume I. Joplin, Missouri: College Press Publishing Co., 2004. 392 p.

52. Leibniz, G.W. "Elementa Juris Naturalis", in: G.W. Leibniz. Philosophische Schriften. Erster Band (1663–1672). Berlin: Akademie-Verlag, 1971. S. 431–485.

53. Lenzen, W. (1978). "Recent Work in Epistemic Logic", Acta Philosophica Fennica. Vol. 30, pp. 1–219.

54. Lobovikov, V. (1996). "Could computers and logic software be used in philosophy of art?" Philosophy Today: the Newsletter of the Society for Applied Philosophy (Cambridge, the United Kingdom), 1996, no. 21, pp. 3–4.

55. Lobovikov, V. (2001). Mathematical aesthetics as a new method of transforming the conflict between the classic (serious) aesthetics and the romantic (carnival) one into their fundamental unity and mutual tolerance within really intellectual systems (either natural or artificial) // CD-ROM: The Great Book of Aesthetics. Proceedings of XVth International Congress of Aesthetics in Japan (August 27–31, 2001). Aesthetics in the 21st Century. Tokyo; Makuhari: Edited and Published by Ken-ichi-Sasaki and Tanehisa Otabe: The organizing Committee of the 15th International Congress of Aesthetics; c/o Institute of Aesthetics and Philosophy of Art, Faculty of Letters, The University of Tokyo, 7–3–1 Hongo, Bunkyo-ku 113–0033, Tokyo, Japan. (ISBN 4–9901701–0–5).

UDC 16+17+18+1(091)

PROVING A THEOREM OF KALOKAGATHIA IN AXIOMATIC SYSTEM OF PHILOSOPHICAL EPISTEMOLOGY

(Optimism and Pre-Established Harmony: from Ancient Greek Philosophy and Early Christian One to A.A. Shaftesbury, G.W. Leibniz and K. Gödel)

Lobovikov Vladimir Olegovich,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: vlobovikov@mail.ru

Annotation

For the first time in world scientific literature by means of artificial language of multi-modal logic a precise formulation is given and a formal deductive proof is constructed for the principle of kalokagathia as a theorem in axiomatic system of universal philosophical epistemology synthesizing rationalism and empiricism.

Key words:

contingent; empirical; necessary; a-priori; knowledge; axiomatic-system; philosophical epistemology; good; beauty; kalokagathia.

УДК 324

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАЙМЕРИЗ В США И РФ

Мухаметов Руслан Салихович,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
кандидат политических наук,
доцент кафедры политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: muhametov.ru@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению первичных выборов. Автор излагает основные отличительные характеристики российского предварительного голосования от американских праймериз. Много внимания уделено истории становления института праймериз в России. Автор полагает, что в российской практике эта процедура является новой и только начинает проходить этап институционализации. Показано, что возникновение праймериз в России обусловлено прагматическими соображениями политической пользы. Автор пришел к выводу, что предварительные выборы в России уникальны и не похожи на западные образцы.

Ключевые слова:

предварительное голосование, первичные выборы, Единая Россия, политические партии.

Избирательная кампания 2016 г. продолжила тенденцию последних лет на организацию политическими партиями праймериз для отбора кандидатов. Предварительные выборы в России были впервые апробированы в 2000 г., когда кандидаты на выборах губернатора Санкт-Петербурга Ю. Рыбаков (СПС) и И. Артемьев (Яблоко) договорились провести праймериз. В них приняли участие около 20 тыс. горожан. И. Артемьев получил 72% голосов, Ю. Рыбаков – 28%. По итогам праймериз Ю. Рыбаков снял свою кандидатуру в пользу И. Артемьева.

На данный момент массово и регулярно использует процедуру праймериз для определения кандидатур в депутаты Государственной Думы и региональных пар-

ламентов партия «Единая Россия». Поэтому история праймериз в России до определенного момента была связана исключительно с партией власти. В настоящий период у «Единой России» появились последователи из числа внесистемной оппозиции. Так, например, партии «РПР-ПАРНАС», «Народный Альянс» и «5 декабря» договорились определить список кандидатов в депутаты в гордуму Екатеринбурга 2013 г. при помощи электронных праймериз. В 2015 г. Партия Народной Свободы организовала «Праймериз Демократической коалиции» в Калужской, Костромской и Новосибирской областях.

Российская практика организации праймериз знает случаи применения технологий предварительного отбора кандидатов не пар-

тиями, а органами власти, замаскированные под гражданскую инициативу. В качестве примера можно привести проект 2014 г. «Моя Москва».

В силу того, что наиболее массово процедуры предварительного голосования использует партия власти, мы возьмем модель организации праймериз единороссов в качестве некоего эталона для России и сравним ее с американским вариантом.

Во-первых, в отличие от США, где история проведения праймериз имеет длительный период существования, в российской политической практике эта процедура является новой и только начинает проходить этап институционализации.

Традиция проводить праймериз родилась в США в 1842 г. В начале 20-го века все штаты страны приняли закон «Об обязательном проведении праймериз». В США первые праймериз были проведены в 1842 году. Первым штатом, принявшим закон «Об обязательном проведении праймериз», стал Висконсин в 1903 г. К 1927 г. такие законы имели уже все штаты [3].

В России практика проведения предварительных голосований пока насчитывает менее десяти лет. Первые реально массовые праймериз кандидатов в депутаты провела партия «Единая Россия» в 2007 г. 22 июня 2009 г. Бюро Высшего совета «Единой России» рекомендовало сделать процедуру предварительного отбора кандидатов обязательной. Осенью того же года (перед 11 октября – единым днем голосования) праймериз были организованы во всех субъектах и муниципалитетах, где проводились выборы депутатов местных парламентов: в Тульской области, Республике Марий Эл, Москве, Грозном и др. На них впервые были организованы дебаты между претендентами. В ноябре 2009 года на XI съезде «Единой России» норма о проведении предварительного голосования была включена в пункт 8.1 партийного устава. 7 апреля 2010 года президиум Генсовета партии утвердил положение

о порядке проведения праймериз. Первое полноценное предварительное голосование состоялось в июле-августе 2011 года в ходе подготовки к выборам в Государственную думу шестого созыва. Соорганизатором праймериз стал Общероссийский народный фронт [5].

На данный момент «Единая Россия» регулярно проводит предварительное голосование перед федеральными и региональными выборами, а также выборами в органы местного самоуправления.

Во-вторых, появление и распространение праймериз в США было обусловлено необходимостью осуществления контроля рядовыми членами партии над партийной элитой, в то время как в России это связано в первую очередь с прагматическими соображениями политической пользы.

До применения праймериз выдвижение кандидатов на выборах в США от партий проводилось путем внутрикулуарных переговоров и торгов. Реальное влияние на процесс выдвижения имели только партийная элита и частично делегаты съездов, но никак не рядовые члены партий. В начале 20 в. американское общество начало проявлять растущее недовольство закулисными политическими играми. Праймериз были призваны продолжить политику ограничения власти партаппаратчиков и политиканов [7].

Другими словами, изначально претенденты от главных партий определялись так называемыми «политическими машинами» и партийными боссами, а американская система отбора кандидатов на публичные должности была крайне коррумпирована. Уровень политической коррупции в США в те годы довольно наглядно характеризуется делом так называемой группировки «Таммани-холла» и «шайки Твида» [1].

Что касается России, то внедрение процедуры праймериз имеет целью: (1) повышение уровня легитимности политической системы за счет более широкого распространения демократических процедур и усиления

обратной связи власти и общества; (2) отбор кандидатов для партийного списка «Единой России»; (3) расширение рамок фактической избирательной кампании и создание дополнительных информационных поводов; (4) мобилизацию и поиск новых сторонников (активистов).

В-третьих, в США праймериз проходят перед выборами всех уровней власти, а в России не применяются технологии предварительного отбора на президентских выборах. В отличие от США, где основные претенденты на пост главы государства от крупнейших партий определяются благодаря первичным выборам, в России кандидаты в президенты выдвигаются на съездах соответствующих партий на безальтернативной основе. Так, например, в 2012 году Владимир Путин, Геннадий Зюганов, Владимир Жириновский и Сергей Миронов были единственными кандидатами в бюллетене для голосования по утвержде-

не праймериз, а партийные конференции – кокусы (Айова, Невада, Индиана, Миннесота и др.) [6].

Российские праймериз 2011 года носили закрытый характер, т. е. имели право голосовать по кандидатам предварительного внутрипартийного голосования только выборщики (это члены или сторонники партии, наделенные вышеназванным правом и утвержденные руководством партии). Участники праймериз – граждане, кандидатуры которых одобрены партией. В 2016 г. при проведении первичных выборов партией была использована модель открытых праймериз. Открытая процедура предполагала, что не только члены партии, а любой гражданин, обладающий активным избирательным правом, мог участвовать в отборе кандидатов в депутаты Государственной Думы. Участниками предварительного голосования могли стать не только члены партии, но и беспартийные (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Сравнение моделей праймериз.

Критерии	2011 г.	2016 г.
Модель праймериз	Закрытая	Открытая
Имели право голосовать	Выборщики	Все желающие
Участники праймериз	Участники утверждались руководством партии	Члены партии и беспартийные

нию кандидата на пост президента РФ от соответствующих партий [4, с. 128–129].

В-четвертых, в США формы проведения первичных выборов разнообразны, а в России – унифицированы. Американские праймериз разделяются на два основных типа – открытые (когда право голоса имеет любой избиратель) и закрытые (когда право голоса имеют лишь члены партии, участвующей в предварительных выборах). Закрытые праймериз наиболее распространены, однако в Вермонте, Висконсине, Миннесоте, Северной Дакоте и Юте, а также на Аляске и Гавайях предварительные выборы являются открытыми. В 11 штатах США проводятся

Таким образом, институт внутрипартийного предварительного голосования «Единой России» эволюционировал от модели закрытых праймериз, когда голосовать могут только члены партии или выборщики, к открытой, когда к отбору кандидатов допускаются более широкие слои избирателей. Опыт открытых праймериз в масштабах всей страны действительно является уникальным для российской партийной и избирательной систем.

В-пятых, в США праймериз организуются не политическими партиями, как это принято в России, а непосредственно штатами. Общенациональных норм и правил не существует. Штаты сами регулируют проведение

предварительного голосования. Параметры проведения первичных выборов в США отличаются как по принципу участия избирателей, способу отбора делегатов на национальный партийный съезд и делегирования им полномочий, так и по форме организации голосования и способу определения результатов. Правильнее полагать, что существует не система, а системы праймериз, весьма разнообразные и имеющие ряд серьезных отличий друг от друга [2].

В России предварительное голосование организуется по инициативе самих партий. Праймериз не регулируется законодательством о выборах и представляет собой сугубо внутривнутрипартийную процедуру. Хотя в августе 2011 г. обсуждался вопрос о необходимости принятия закона об обязательном проведении праймериз всеми партиями. Проведение первичных выборов регулируется уставом партии или иными организационными документами (например, положением о порядке проведения предварительного голосования по кандидатурам для последующего выдвижения от партии «Единая Россия» кандидатов

в депутаты законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации).

В-шестых, в классическом (американском) понимании праймериз победитель внутривнутрипартийного голосования автоматически становится кандидатом от партии на выборах. В России (в модели партии «Единая Россия») никаких гарантий победителю праймериз никто не дает. В силу того, что внутривнутрипартийное голосование в России является добровольной инициативой самой партии, учитывание результатов праймериз при выдвижении кандидатов является исключительно актом доброй воли. Предварительное голосование в России напоминает консультативную процедуру, итоги которого могут партией игнорироваться. Кандидаты по закону выдвигаются на съездах политических партий. В России итоги праймериз не носят юридически для съезда партии обязывающего характера. Победитель праймериз не может рассчитывать на однозначное попадание в предвыборный список на проходную позицию (см. таблицу 2).

Таблица 2 – Сравнение итогов предварительного голосования и выдвижения кандидатов от партии «Единая Россия» по Свердловской области.

Критерии	Победители праймериз	Официальное выдвижение
Партийный список	Крашенинников Павел Чепиков Сергей Михалкова Юлия	Крашенинников Павел Ветлужских Леонид Петров Александр
Свердловский одномандатный округ № 168	Альшевских Андрей	Альшевских Андрей
Каменск-Уральский одномандатный округ № 169	Ковпак Лев	Ковпак Лев
Березовский одномандатный округ № 170	Чепиков Сергей	Чепиков Сергей
Нижнетагильский одномандатный округ № 171	Багаряков Алексей	Балыбердин Алексей
Асбестовский одномандатный округ № 172	Иванов Максим	Иванов Максим
Первоуральский одномандатный округ № 173	Муцоев Зелымхан	Муцоев Зелымхан
Серовский одномандатный округ № 174	Бидонько Сергей	Бидонько Сергей

В-седьмых, в отличие от американских праймериз, где стороны вступают в конфронтацию друг с другом, кандидатам в депутаты от «Единой России» запрещается критиковать оппонентов. Позволено лишь рассказывать о себе и своей программе. При проведении агитации участнику предварительного голосования запрещается проводить агитацию, побуждающую голосовать против другого участника. Выбранная форма проведения дебатов не предполагает дискуссии между участниками праймериз. В результате мероприятия теряют в зрелищности и остроте, не привлекают достаточного внимания общественности. Дебаты участников праймериз не носят острого дискуссионного характера. Они больше напоминают обмен точками зрения. Все вышеназванное делают праймериз малопривлекательными в глазах избирателей.

Первичные выборы в США – «политическое шоу», которое сопровождается яркой атрибутикой и красочными визуальными образами. Претенденты соревнуются в остроумии, нестандартности взглядов и чувстве юмора. Дебаты обычно представляют собой захватывающее зрелище. Словесные перепалки, ораторские приемы (ирония, сарказм и прочие) развлекают зрителей, сидящих у телевизоров.

Наконец, одно из принципиальных отличий российских праймериз от американских состоит в том, что каждый избиратель мог проголосовать за неограниченное число кандидатов в одном бюллетене. Иными словами, в предварительном голосовании отдать свой голос можно сразу нескольким кандидатам.

Таким образом, при организации предварительного голосования «Единая Россия» не копирует слепо чужие модели праймериз, а приспосабливает их к российским условиям, учитывая реалии российской внутренней политики, зрелость региональных элит

и политических институтов. Практика проведения предварительных выборов в России сильно отличается американской во многих аспектах.

1. Есть ли смысл в праймериз: история и перспективы политического института [Электронный ресурс]. URL: <http://politrussia.com/control/est-li-smysl-940/> (дата обращения: 20.08.2016).

2. Институт праймериз как элемент партийной демократии: мировой опыт и перспективы [Электронный ресурс]. URL: http://zachistyevybory.rf/news/novosti_vyborov/institut_prajmeriz_kak_element_partiynoy_demokratii_mirovoy_opyt_i_perspektivy/ (дата обращения: 20.08.2016).

3. История праймериз в США. Досье [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/info/2628066> (дата обращения: 20.08.2016).

4. Мухаметов Р.С. Сравнительный анализ выборов президента США и РФ // Дискурс-Пи. 2015. № 3–4. С. 128–129.

5. Праймериз партии «Единая Россия». Досье [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/info/2669202> (дата обращения: 20.08.2016).

6. Система первичных выборов (праймериз) в США. Справка [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/spravka/20120111/536888038.html#ixzz4DWMK9s3p> (дата обращения: 20.08.2016).

7. Суть и причины проведения праймериз [Электронный ресурс]. URL: <http://istoria-usa.at.ua/publ/5-1-0-11> (дата обращения: 20.08.2016).

1. Est' li smysl v prajmeriz: istoriya i perspektivy politicheskogo instituta [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://politrussia.com/control/est-li-smysl-940/> (data obrashheniya: 20.08.2016).

2. Institut prajmeriz kak e'lement partiynoj demokratii: mirovoj opyt i perspektivy [E'lektronnyj resurs]. URL: http://zachistyevybory.rf/news/novosti_vyborov/institut_prajmeriz_kak_element_partiynoy_demokratii_mirovoy_opyt_i_perspektivy/ (data obrashheniya: 20.08.2016).

3. Istoriya prajmeriz v SShA. Dos'e [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://tass.ru/info/2628066> (data obrashheniya: 20.08.2016).

4. Muxametov R.S. Sravnitel'nyj analiz vyborov prezidenta SShA i RF // Diskurs-Pi. 2015. № 3–4. S. 128–129.

5. Prajmeriz partii «Edinaya Rossiya». Dos'e [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://tass.ru/info/2669202> (data obrashheniya: 20.08.2016).

6. Sistema pervichnyx vyborov (prajmeriz) v SShA. Spravka [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://ria.ru/spravka/20120111/536888038.html#ixzz4DWMK9s3p> (data obrashheniya: 20.08.2016).

7. Sut' i prichiny provedeniya prajmeriz [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://istoria-usa.at.ua/publ/5-1-0-11> (data obrashheniya: 20.08.2016).

UDC 324

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PRIMARIES IN THE US AND RUSSIA

Mukhametov Ruslan Salihovich,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
candidate of political sciences,
associate Professor of the Department of political science,
Yekaterinburg, Russia,
E-mail: muhametov.ru@mail.ru

Annotation

The article is devoted to the study of primary elections. The author presents the main distinctive characteristics of the Russian advance poll from the American primaries. Much attention is paid to the history of formation of Institute of the primaries in Russia. The author believes that this procedure is new and just beginning to go through the stage of institutionalization. It is shown that the appearance of primaries in Russia due to pragmatic considerations of political benefit. The author came to the conclusion that the preliminary elections in Russia are unique and not similar to Western models.

Key words:

primaries, primary elections, United Russia, political parties.

Статьи

УДК 316

ДИСКУРС ТРОЛЛИНГА

Синельникова Лара Николаевна,

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» в г. Ялте, Гуманитарно-педагогической академии (филиал)
доктор филологических наук,
профессор кафедры русской и украинской филологии с методикой преподавания,
Республика Крым, Россия,
E-mail: prof.sinelnikova@gmail.com

Аннотация

В статье проводится дискурс-анализ феномена троллинга как неотъемлемой части сетевой коммуникации. Основная цель троллинга – построить общение таким образом, чтобы развести смыслы по разным категориям оценки. Набор ключевых слов, сопровождающих описание троллинга, укладывается в следующий оценочный ряд: провокация, подстрекательство, обман, клевета, агрессия, издевательство, оскорбление, шельмование. Одной из разновидностей сетевого троллинга, является эльфинг.

Ключевые слова:

троллинг, тролль, сетевая коммуникация, дискурс, эльфинг, манипуляция.

Троллинг – неотъемлемая часть сетевой коммуникации, которую можно идентифицировать по ряду специфических принципов, стратегий и тактик поведения. Троллинг – от английского trolling – ловля рыбы на блесну, «блеснение», в скандинавской мифологии тролли – уродливые, неприятные, созданные для причинения зла существа. Переносное значение слова «троллинг» – вид коммуникативного поведения – заняло лидирующее положение, и прямое употребление можно встретить только в рекламных текстах рыболовного интернет-магазина, предлагающего набор воблеров (твёрдых объёмных приманок) для троллинга. В результате такого

рода инверсии, когда вторичное (переносное) значение вытесняет первичное (прямое), даже в не осложнённом коннотациями тексте с прямым употреблением слова невольно «ухватывается» некий дополнительный оттенок значения: «Раньше в правилах рыболовства троллинг был под запретом. Считалось, что этот способ буквально выкашивает крупную рыбу. Но трудно бороться с прогрессом, и в новых правилах троллинг под мотором уже разрешён. Единственное ограничение: одновременно можно использовать не более двух приманок» (shop.rybak-rybaka.ru). Сетевой троллинг не имеет такого рода ограничений.

Интернет прочно оккупирован троллями – к такому выводу приходят как сами участники интернет-коммуникаций, так и исследователи, проявившие интерес к этому виду виртуального общения. Веерное размножение в интернете любой информации естественным образом способствует увеличению дискурсивного пространства сетевого троллинга, который не имеет ограничений присутствия: тролли действуют на форумах, в чатах, блогах и особенно в социальных сетях. Растёт цепочка номинаций нового коммуникативного феномена: *тролль-культура, троллинг-акт, тролль-пост, троллинг-мейнстрим*, что утверждает квалификацию троллинга как дискурса. Глагол «троллить» уже преодолел границу виртуальности, и ему нашлось место в устной публичной речи и даже в письменных СМИ, что отражает не самые лучшие признаки времени: стремление провоцировать и возможность не отвечать за публичные речевые поступки.

Внимание исследователей к дискурсу троллинга свидетельствует о переходе от эскизной фиксации особенностей интернет-коммуникаций к попытке их системного описания. Дискурс троллинга постепенно включается в пространство научного знания. Троллинг привлекает внимание представителей разных гуманитарных наук: филологов, социологов, культурологов, политологов, психологов. Сближает исследователей «прагматическая парадигма» – беспокойство о состоянии общественного сознания, о разрыве традиций общения, потере критериев морально-этической ответственности. Специфика виртуальных форм коммуникации требует междисциплинарного исследовательского подхода: психологические оценки не могут не коррелировать с социальными и культурологическими. Особо значимы лингвистические (нормативные, стилистические, риторические) показатели, которые проявляют виртуальную языковую личность, её языковую способность, языковой вкус и меру ответственности за поведение в сети.

Набор ключевых слов, сопровождающих описание троллинга как самими пользователями, так исследователями этого вида сетевой коммуникации, укладывается в такой оценочный ряд: провокация, подстрекательство, обман, клевета, агрессия, издевательство, оскорбление, шельмование. Реже встречаются и другие характеристики: способ оживления дискуссии, возможность повышения посещаемости сайта, интеллектуальная игра без провокационных задач, незлонамеренный и даже креативный троллинг. Приводятся в этом случае такие аргументы: *Тролль иногда говорит и пишет правду, неудобную тем, кто живёт во лжи. Успешные тролли привлекают много желающих продолжить разговор.* Амбивалентность понимания и оценки троллинга вполне объяснима разнородностью целей акторов виртуального общения.

Основной формой коммуникативной деятельности троллей является диалог, интерес к которому традиционно проявляют все гуманитарные науки. Основная цель троллингового диалога – построить общение таким образом, чтобы развести смыслы по разным категориям оценки. Стратегия диктует набор тактических действий: «фатическая интервенция» (произвольное, не мотивированное содержанием и стилем беседы включение в неё); полное игнорирование интенций участников общения и их эмоциональной реакции; принуждение к продолжению провоцирующего собеседников диалога.

Представители разных дисциплин, проявившие внимание к троллингу, ориентируются на собственную дисциплинарную методологию, но в итоге формируется общее поле понимания, в которое входит представление о роли анонимности в интернет-коммуникациях, возможности экспериментировать с собственной идентичностью и формами самопрезентации; игнорировании должного в пользу непредсказуемого и стихийного. «Форумные активности», к которым относятся тролли, в полной мере используют такие возможности. Всё табуированное в общественной этике пере-

носятся в интернет-просторы (в том числе естественная или искусственно создаваемая безграмотность как полное пренебрежение языковыми, стилистическими, этикетными и этическими нормами). То, чего нельзя, неприлично делать в реальной жизни, – можно в виртуальной коммуникации. Тролли игнорируют негласные правила сетевого этикета (сетикета), например, такие: не делайте того, чего сами бы не хотели получить; если надо отстоять свою точку зрения, делайте это без оскорблений; уважайте и цените время других людей; будьте терпимыми и вежливыми; не употребляйте ненормативную лексику; не конфликтуйте ради самого процесса конфликта.

Потребность к общению как одна из основных потребностей человека в троллинге проявляется гипертрофированно: тролли могут включаться в разговор в любом месте, с любыми комментариями и в любом вербальном оформлении. Дефицит общения при неограниченной возможности входить в начатый кем бы то ни было разговор – особая психологическая установка и питательная среда для троллинговой активности, в том числе – для девиантного поведения. Бескомпромиссные суждения и агрессивное общение поддерживаются тем, что в интернете можно жить сразу несколькими жизнями, иметь несколько имён (ников) и фейковые аккаунты. В этих условиях жизнь обделённого общением тролля становится интересной, активной, полной событий. О «кризисе идентичности» – утрате представлений о своём месте в обществе и о своей самооценке тролли не рассуждают.

Психологи называют такие причины склонности к троллингу: незрелость, закомплексованность, агрессивность, поиск места для эмоциональной разрядки. Определяется средний возраст троллей: от 12 до 30 лет. Однако за последние годы троллинг окреп, и такие признаки, как незрелость и закомплексованность уже не универсальны, а возрастной рубеж сместился в сторону повышения.

Связь природы троллинга с анонимностью безусловна, но троллинг «расползается» – завоевывает новые тематические пространства сайтов, и в действия провокационно-дискредитирующего характера вступают не только анонимные, но и персонифицированные участники.

Описание разновидностей троллей по большей части предлагают сами пользователи. **Толстый тролль** представляет «злой» троллинг, он использует прямые оскорбления, не упускает возможности перейти на личность, открыто угрожает; спорит грубо и безапелляционно, шумный и хамоватый; создаёт видимость сюжета разговора, используя при этом факты биографии собеседников, их высказывания для банальной травли. **Тонкий тролль** представляет «изысканный» троллинг, он грамотен и аккуратен, действует незаметно, стремится произвести впечатление интеллигентного человека, балансирует «на грани» (может унижить, оскорбить, но готов на какое-то время отступить, дать слово оппоненту, но только для того, чтобы использовать сказанное им для дальнейших провокаций), владеет «уловками» в споре, любит давать советы «от профессионала». Если «толстого» тролля можно узнать сразу по вызывающему поведению, нацеленности на прямое оскорбление, то «тонкого» тролля, действующего по законам искусного манипулирования, не так легко распознать. Пользователи называют ещё несколько типов троллей: **жирный троллёнок** – неопытный, бестолковый, безобидный, безграмотный, но стремящийся освоить «искусство» зрелого тролля; **мега-тролль** – пишет коротко (1–2 предложения), но задевает многое и многих; **латентный тролль** (готов к действиям, но выжидает). Выстраивая типологию троллей, пользователи обращают внимание на активность в сети и на особенности стиля, позволяющие распознать имена (ники) троллей.

Отношение к форумным троллям преимущественно резко отрицательное, что подтверждают такие оценки пользователей-

оппонентов: забредший в комменты неадекват, паразиты и провокаторы, менеджер отбора жертв, человек по выслеживанию потенциальных жертв, короли форумной брани, компост, провокатор, злобный клоун, мастер увёрток, подлый флеймер, стратег хренов, балаболка, гребаный патриот и т. д. Среди множества пейоративов встретился один эвфемизм – *форумный активист*.

Существует и анти-троллинг (<http://maxpark.com/community/1851/content/767788>). Его цель определяется таким образом: «Учимся изяществу ответов на хамство». Примеры «изящества» говорят сами за себя: *Рот будешь открывать у стоматолога. Засохни, гербарий. Да, красотой мир вы не спасёте. Ваш ум затмит способен свет торшера. Может, перейдём на ты? А то мне в морду дать вам неудобно. Говорите, говорите... я всегда зеваю, когда мне интересно! Чао, персик, – дозревай! Детка, я тебя не пугаю, я же не зеркало. Да чтоб тебе в бане чайной ложкой можно было прикрыться! Дааа, не всех Чернобыль стороной обошёл.* Такое «противодействие» способно только продуцировать всё новые и новые оскорбления. Самая поверхностная психолингвистическая диагностика даёт основание для неутешительного вывода: в условиях словесной корриды действует принцип кухонной перебранки – «от такого слышу». Тролль – прежде всего провокатор и энергетический вампир, он ждёт реакции от жертвы и особенно радуется, если реакция эмоционально проявлена.

У сетевого троллинга есть сетевой антипод – эльфинг. Действительно, фольклорно-сказочные эльфы, в отличие от троллей, – прекрасные, добрые, симпатичные существа. Сетевой эльф пишет комментарии, в которых охотно соглашается со сказанным и хвалит все действия своей жертвы, ублажает её комплиментами, которые поначалу радуют, но, назойливо повторяясь, начинают раздражать – происходит своеобразный «перегрев мозгов», появляется негативная реакция, радующая эльфу так же, как и тролля. Игра в «кошки-мышки»

закончена, и, обласканный комплиментами собеседник, становится полноценной жертвой. Многие приёмы эльфы по насильственному удержанию жертвы напоминают установки нейролингвистического программирования, направленные на «подстройку» под мышление собеседника: повтор его слов, утвердительные высказывания, поиск хороших мотивов в плохих поступках, рефрейминг. И для эльфы, и для тролля слова значат больше, чем факты и здравый смысл. Получается, что эльфинг – разновидность троллинга, манипуляция особого рода, своеобразный усилитель тролля. В. Е. Добровольская в статье «Традиционные сюжеты анекдотов в творчестве толкиенистов и анимэ-фольклоре» [Добровольская, с. 137] приводит анекдот: *Встречаются в кабаке орк, гоблин и тролль. – Ты кто?? – Я эльф. – А ты кто? – И я эльф. – А я вообще тоже эльф. – Ребята, а почему мы все такие разные? – А, знаю! Мы, наверное, из разных переводов.* Отличия между троллем и эльфом – в языке общения с жертвой: грубый, вульгарный стиль тролля и нежный, комплиментарный стиль эльфы. Тролль объясняет человеку, что он плохой, эльф – что он хороший, но, по сути, эльф и тролль «подкармливаются» одним и тем же – раздражением и негативной реакцией участников общения.

Троллинг легко переводится в такую форму спора, как флейминг. Флейминг (flame – англ. огонь, пламя) – это спор ради спора, словесная война, нередко уже не имеющая отношения к первоначальной причине спора. Флеймеры переходят на личность после исчерпанности аргументов, тролли – сразу начинают с личности. Цель одна – противостоять собеседнику, игнорируя истинную причину спора.

Ни тролль, ни флеймер не заботятся о причине спора, отсюда – перегрузка беседы/дискуссии сообщениями, не несущими информативной пользы. Коммуникация приобретает форму флуда, цель которого – «мусолить тему», отходить от неё на любые расстояния, переключать внимание на другие

темы и события. Искушённые в виртуальных коммуникациях пользователи выделяют «просто флуд», «лёгкий флуд», «нудный флуд» (обобщённое название – «флудилка») – всё это интегрируется в «мейнстрим троллинга». Опытные тролли тщательно выбирают тему с учётом интереса определённого сегмента виртуальной аудитории. Цель, говоря словами исполнителей, – «создать движуху под постом» и «удержать контакт».

«Форумная брань» троллей – своеобразная разновидность языка вражды, который строится на ёрничестве, мелких издевательствах, оскорблениях, приписывании негативных свойств любому событию и действию. Словесная агрессия при этом проявляется в экспрессивно сильной форме с широким полем адресации – от конкретного человека до всего сообщества. «Форумная брань» не укладывается в диаду «вежливость/невежливость». Невежливое – это то, что не считается конвенциональным для данного контекста, но для контекста троллинга невежливое – норма, на которой основывается намеренная атака, и дискурсивность строится в условиях игнорирования интересов адресата. Отнесение троллинга и флейминга к невежливому поведению [Леонтьев], очевидно, упрощает проблему. «Коммуникативное смягчение» как одно из условий успешного общения к феномену троллинга и его разновидности – флеймингу не имеет никакого отношения. Вполне справедливой представляется мысль о том, что употребление языка вражды в социальных сетях «постепенно становится ведущим трендом, отражающим особенности бытия повседневности» [Фадеева, с. 22].

Вброс темы для провокативного спора сближает троллинг с жёлтой прессой, которая в условиях неравноправия участников коммуникации культивирует слухи, создаёт мнимые сенсации, инициирует скандалы. Достоверность события ни для сетевого тролля, ни для журналиста жёлтой прессы не имеет особого значения. Важен не факт, а его подача, интерпретация. Понятие «нуле-

вой информации» особенно примечательно: рассеянный поток сообщений, мозаичная смесь разных тем, их хаотичное движение, свобода в формировании ассоциативных цепочек и под. В результате происходит смысловое нивелирование, побочные темы и ассоциации начинают занимать «сильные» позиции текста. Характер новостной модальности жёлтой прессы мало чем отличается от провокативных текстов троллинга. Общность стиля в формулировке вбрасываемой темы сближает «креативщиков» троллинга и жёлтой прессы: *Фиолетовая морковка ограбила банк. Собака хаска разоблачила вражеского агента. Куртка-убийца убила 10 человек. Утюг спас ребёнка. Горбачёв выдал про Путина такое, что даже в кремле все содрогнулись. Пётр Порошенко объявил войну России! Россияне побелели от шока. Людмила Путина обескуражила СМИ. Вы упадёте, узнав, чем на самом деле является бермудский треугольник. Слова Немцова за 2 часа до убийства вогнали весь мир в ступор. Вы обалдеете, когда узнаете... У россиян челюсти отвисли, когда узнали... Стала известна пенсия Горбачёва. Депутаты открыли рты! Россияне ахнули! Оказывается, президент женился на... Лучшие присядьте! Вот для чего кошки ложатся на тело! Кем оказался Макаревич на самом деле? Россияне приходят в себя... Эти роды поставили на уши весь роддом. Врача откачивали, когда... Обалдеете, упадёте, когда узнаете... Крымчане рвут на себе волосы. Следователей прошиб пот, когда они узнали... У всех был немой шок. Не грохнитесь! Уже нет смысла скрывать жену Киркорова. Ошалеете! Украина распадётся на 5 частей.* Везде – присутствие слов-маркеров аффектации и гиперреальности. «Глаголы-троллизмы» (новообразование авторское. – Л.С.) призывают всех ошалеть, открыть рты, войти в ступор, рвать на себе волосы, побелеть от шока, остолбенеть, содрогнуться и т. д. Особой любовью «ловителей жертв» пользуются темы, связанные с известной личностью.

Троллинговые анонсы интернета, обрывая информацию на полуслове, рекомендуют открывать другие окна, в которых могут быть свои тролли – рекламные, знахарские, предсказательские и т. д. Из окна в окно зазевавшуюся жертву ведёт тролль, загромождая переход к тексту-информации и рассеивая саму информацию на ничего не значащие фрагменты.

Тролли начали активно вмешиваться в сетевой процесс научного общения. Фразы: «Я не согласен», «Хотя это не по теме...» – способ переключения внимания участников дискуссии. Тролль по своему усмотрению может поменять тему, произвольно переходить с темы на тему, всячески отвлекать внимание участников диалога. В итоге происходит угасание информации как тематического посыла. Задача – не выиграть спор, а спровоцировать его, посеять замешательство: чем больше путаницы, тем лучше. Например: – *Какова познавательная цель Вашего доклада? Какую пользу Вы можете принести своими разработками государству, находящемуся в состоянии кризиса?* – *Видите ли, польза может быть разной...* – *Конечно, разной, но главное – польза для Вашего кошелька.* – *Что Вы себе позволяете?* – *Нет, это не я позволяю, это Вы позволяете свои интересы ставить выше интересов общества.* – *Но ничего подобного не имелось в виду!* Далее тролль может привести расхожую цитату о благородстве, честности и под., не имеющую прямого отношения к дискуссии, но косвенно порочащую выступающего, а заодно и его научную деятельность. В результате – неоправданная поляризация мнений как участников дискуссии, так и читателей. Уходит рациональная аргументация, появляются грубые оценки личности. Дефицит информации по предмету спора «восполняется» обилием эмоций и экспрессивных языковых средств. Начинается открытое шельмование, далеко выходящее за пределы критериев лингвистической экспертизы «оскорбление в словесной форме».

Гнев, раздражение, проклятия, агрессия, растабуирование понятий и слов утверждаются в сознании поколений, которые не приняли эстафету коммуникативной этики от старшего поколения, исповедующего другие ценности. Разрастется пространство подросткового виртуального террора – *кибербуллинга*. Английское слово *bull* (бык) определяет значение и назначение этого вида киберхулиганства: агрессивно нападать через размещение в интернете компрометирующей информации, анонимных угроз, оскорблений часто с применением ненормативной лексики.

Троллинг взят на вооружение организаторами информационных войн на экономических, коммерческих и политических сайтах. Произошёл очевидный переход от любительского троллинга к профессиональному. Увеличился реестр «ролевых» игр троллей. Цель – отвести внимание от острых тем, заменить конструктивное общение пустопорожней перепалкой, произвести вброс компромата, культивировать слухи – всё это признаки информационной войны, усиленные троллинговой активностью и безнаказанностью.

В сети активизировался астротерфинг – оплачиваемый вид троллинга, цель которого – создание искусственного общественного мнения через подставных пользователей. В качестве «троллей на зарплате» действуют специалисты широкого профиля, знакомые с механизмами троллинга, умеющие особым образом включаться в дискуссию (обычно в форме комментариев), учитывающие психологические особенности представителей того или иного сообщества. От исполнителей астротерфинга требуется оперативная реакция на те или иные события, знание особенностей троллируемой личности, её слабых мест. Ценится умение писать тексты от имени несуществующих виртуалов, имитируя их стилистику и уровень грамотности. Обязанности распределены: одни пишут посты, другие комментируют; есть свои нормы – сколько постов нужно написать, сколько

аккаунтов открыть, сколько комментариев дать, то есть работает «завод полного цикла». В результате создаётся ложный эффект массовости. На тренингах новоиспечённым троллям даются важные рекомендации: писать короткими абзацами, длина строки не более 80 символов; демонстрировать искренность в подаче материала и его оценки; стимулировать ответы, учитывая настрой разных социальных групп. Плохие новости нужно заставить звучать ещё хуже или при необходимости превратить в хорошие.

Канадские учёные провели эксперимент по созданию портрета «форумного активиста» – определялась склонность респондентов (418 добровольцев) к сетевому троллингу. Тетрада (набор из 4-х психологических характеристик) включала: нарцицизм (мания величия, высокомерие, эгоизм и отсутствие эмпатии), макиавеллизм (склонность к циничному манипулированию), психопатию (склонность к асоциальному поведению, импульсивность, отсутствие угрызений совести) и садизм (получение удовольствия от нанесения боли и страданий другого). Максимальную степень проявленности демонстрировал садизм, минимальную – нарцицизм. «Форумная brutality» основывается на раскрепощающей анонимности, способствующей психологическому расторможению (разъединению идентичности и дискурса), злобности (в русле отечественной ментальности – коммунальной идентичности) [Голубицкий].

Таким образом, пирамида потребностей тролля включает: желание быть участником экстремального общения, стремление повысить самооценку, привлечь внимание к своей персоне, самовыразиться и одновременно развлечься. Все эти потребности реализуются особым образом – через агрессию и конфликт. Используемые средства: провокационное сообщение, перепост, претензии ко всему, преследования, ругань, опровержение сказанного. Цель – «разрушить» обсуждаемую тему, вызвать флейм, пренебрегая сложившимися в комьюнити правилами; унижить, испортить

репутацию, имидж, убрать конкурентов и, наконец, просто заработать.

Элементы троллинговой манипуляции в виде неоднозначных оценок, намёков, импликаций, иронических оценок внедряются и в несетевые сферы общения. Но манипулятивные установки СМИ и троллинга не одно и то же. Троллинг – это особый формат общения, в котором проявлен новый тип социального индивида, сформировавшийся именно в виртуальной среде.

Как и любой прогноз, прогноз о будущем троллинга противоречив. Молодые исследователи считают, что троллинг будет развиваться и совершенствоваться. Аргумент может привлечь внимание психологов: «Человеческую наивность, косность, тщеславие и проч. не убить, следовательно, не убить и троллей, которые всегда будут играть на этих струнах» (мнение одного из участников студенческого научного форума (russian-scientists.ru/communication/forum79/topic1451)). Всегда будет потребность в формировании скандальной известности, в желании создать себе имя. Но всегда должны быть и меры противодействия – просветительские, воспитательные, научные – с опорой на методы сублимации, которые могут помочь перенаправить энергию аффективных действий троллей на более достойные виды деятельности.

1. Акулич М.Н. Интернет-троллинг: понятие, содержание и формы // Вестник Тюменского гос. ун-та. 2012. № 8. С. 47–54.

2. Алексеенко И.С., Гукосьянц О.Ю. Специфика интернет-опосредованной коммуникации и феномен виртуальной языковой личности // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2014. № 4. С. 193–202.

3. Бузова О.В. Троллинг: культурологический аспект // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 12–13 февраля 2015 года) / отв. ред. В. Коричко. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гос. ун-та, 2015. Ч. 1. С. 13–15.

4. Булохова М.И. Приёмы троллинга как лингвистические средства манипуляции эмоциями пользователей интернета и культура спора как способ борьбы с троллями // Первая международная научно-практическая конференция «Современные проблемы социально-гуманитарных и юридических дисциплин: вклад молодых учёных в раз-

витие науки»: сб. материалов. Краснодар, 2012. С. 109–112.

5. Внебрачных Р.А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмуртского ун-та. Филология. Социология. Психология. Педагогика. Вып. 1. – Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2012. С. 48–51.

6. Гладчинкова Е.А., Щербак Г.Г. Троллинг и флейминг: к определению понятий // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: материалы 2-й Международной научно-практической конференции. Вып. 2. Ростов-на-Дону: Донское книжное издательство, 2012. С. 79–84.

7. Голубицкий Сергей. От Лузлов к Чёрной тетраде: печальная эволюция форумных активистов. URL: <http://computerra.ru/9447>.

8. Горина Е.В., Лазарева Э.А. Интернет – это виртуальный дискурс: к вопросу о терминах // Политическая лингвистика. № 3 (49). Екатеринбург, 2014. С. 21–23.

9. Данько Ю.А. Социальные сети как форма коммуникации: политологическое измерение: дисс. ... канд. политич. наук (на укр. языке). Харьков, 2015.

10. Добровольская В.Е. Традиционные сюжеты анекдотов в творчестве толкиенистов и анимэ-фольклоре // Интернет-фольклор: сб. статей / отв. ред. А.С. Каргин. – М.: ГРЦРФ, 2009. С. 131–145.

11. Драгунов Сергей. Троллинг и кибербуллинг – новые виды виртуального террора. URL: <http://www.broadband.org.ua/prensa/2076>.

12. Загидуллина М.В. Развитие интернет-троллинга и проблемы «шума» в канале коммуникации // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2013. № 31 (322). Вып. 84. С. 35–37.

13. Зиновьева Н. Самопрезентация личности в сети Интернет. Особенности виртуальной самопрезентации личности. Изд-во Lambert Academic Publishing, 2012. 140 с.

14. Коняева Ю.М. Троллинг как коммуникативный феномен (из наблюдений над культурно-просветительскими медиатекстами) // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Гуманитарные науки. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. 2015. № 18 (215). Вып. 27. С. 140–144.

15. Костина А.В. Интернет-сообщества: что обсуждается в Интернете? От думеров – до фурри. От игнора – до троллинга. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 176 с.

16. Ксенофонтова И.В. Специфика коммуникации в условиях анонимности: меметика, имиджборды, троллинг // Интернет и фольклор: сб. статей / отв. ред. А.С. Каргин. М.: ГРЦРФ, 2009. С. 285–293.

17. Леонтьев В.В. Стратегии невежливой коммуникации в компьютерном дискурсе // Человек. Язык. Культура: сб. научных статей, посвящённых 60-летию юбилею проф. В.И. Карасика: в 2-х ч. Киев: Издательский дом Д. Бурого, 2013. Ч. I. С. 714–723.

18. Сазонов Евгений. Феномен «жёлтой прессы» // Relga: Научно-культурологический журнал. 2015. № 2 (290). URL: <http://www.relga.ru/>.

19. Семёнов Д.И. Функции сетевого троллинга // Успехи современного естествознания. 2012. № 5. С. 172–173.

20. Семёнов Д.И., Шушарина Г.А. Сетевой троллинг

как вид коммуникативной деятельности // Международный журнал экспериментального образования. 2011. № 8. С. 135–136.

21. Строителей Н.М. Троллинг как разновидность провокационного речевого поведения // Электронное научное издание «Учёные записки ТОГУ». 2013. Т. 4. № 4. С. 663–668. URL: <http://ejournal.khstu.ru/>.

22. Фадеичева М.А. Экзистенциальные основания языка вражды // Дискурс-Пи. Екатеринбург, 2015. № 1 (18). С. 20–24.

23. Федотова Александра. Двухсечка за троллинг. Чем может обернуться для россиян их репосты и лайки в соцсетях // Lenta.ru. 14 августа 2015 года.

24. Филиппова Татьяна. Троллинг как национальная забава. Слово редактора // Библиотечное дело. 2012. № 22 (184).

25. Чудинов В.А. Троллинг как разновидность молодёжного нигилизма. URL: <http://runitsa.ru/publications/951/>.

1. Akulich M.N. Internet-trolling: ponyatie, sodержanie i formy // Vestnik Tyumenskogo gos. un-ta. 2012. № 8. S. 47–54.

2. Alekseenko I.S., Gukos'yanc O.Yu. Specificka internet-oposredovannoj kommunikacii i fenomen virtual'noj yazykovoj lichnosti // Politicheskaya lingvistika. Ekaterinburg, 2014. № 4. S. 193–202.

3. Buzova O.V. Trolling: kul'turologicheskij aspekt // Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy: materialy IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Nizhnevartovsk, 12–13 fevralya 2015 goda) / otv. red. V. Korichko. Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevartovskogo gos. un-ta, 2015. Ch. I. S. 13–15.

4. Buloxova M.I. Priyomy trollinga kak lingvisticheskie sredstva manipulyacii e'mociyami pol'zovatelej interneta i kul'tura spora kak sposob bor'by s trollyami // Pervaya mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Sovremennye problemy social'no-gumanitarnyx i yuridicheskix disciplin: vklad molodyx uchyonyx v razvitie nauki»: sb. materialov. Krasnodar, 2012. S. 109–112.

5. Vnebrachnyx R.A. Trolling kak forma social'noj agressii v virtual'nyx soobshhestvax // Vestnik Udmurtskogo un-ta. Filologiya. Sociologiya. Psixologiya. Pedagogika. Vyp. 1. – Izhevsk: Udmurtskij gos. un-t, 2012. S. 48–51.

6. Gladchinkova E.A., Shherbakova G.G. Trolling i flejming: k opredeleniyu ponyatij // Yazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodejstviya: materialy 2-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Vyp. 2. Rostov-na-Donu: Donskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2012. S. 79–84.

7. Golubickij Sergej. Ot Luzlov k Chyornoj tetradе: pechal'naya e'voljuciya forumnyx aktivistov. URL: <http://computerra.ru/9447>.

8. Gorina E.V., Lazareva E'.A. Internet – e'to virtual'nyj diskurs: k voprosu o terminax // Politicheskaya lingvistika. № 3 (49). Ekaterinburg, 2014. S. 21–23.

9. Dan'ko Yu.A. Social'nye seti kak forma kommunikacii: politologicheskoe izmerenie: diss. ... kand. politich. nauk (na ukr. yazyke). Har'kov, 2015.

10. Dobrovol'skaya V.E. Tradicionnye syuzhety anekdotov v tvorchestve tolkienistov i anime'-fol'klоре //

Internet-fol'klor: sb. statej / otv. red. A. S. Kargin. – M.: GRCRF, 2009. S. 131–145.

11. Dragunov Sergej. Trolling i kiberbulling – novye vidy virtual'nogo terrora. URL: <http://www.broadband.org.ua/prensa/2076>.

12. Zagidullina M.V. Razvitie internet-trollinga i problemy «shuma» v kanale kommunikacii // Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta. Filologiya. Iskusstvovedenie. 2013. № 31 (322). Vyp. 84. S. 35–37.

13. Zinov'eva N. Samoprezentaciya lichnosti v seti Internet. Osobennosti virtual'noj samoprezentacii lichnosti. Izdvo Lambert Academic Publishing, 2012. 140 s.

14. Konyaeva Yu.M. Trolling kak kommunikativnyj fenomen (iz nablyudenij nad kul'turno-prosvetitel'skimi mediatekstami) // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gos. un-ta. Gumanitarnye nauki. Filologiya. Zhurnalistika. Pedagogika. Psixologiya. 2015. № 18 (215). Vyp. 27. S. 140–144.

15. Kostina A.V. Internet-soobshhestva: chto obsuzhdaetsya v Internete? Ot dumerov – do furri. Ot ignora – do trollinga. M.: Knizhnyj dom «Librokom», 2011. 176 s.

16. Ksenofontova I.V. Specifika kommunikacii v usloviyax anonimnosti: memetika, imidzhbordy, trolling // Internet i fol'klor: sb. statej / otv. red. A. S. Kargin. M.: GRCRF, 2009. S. 285–293.

17. Leont'ev V.V. Strategii nevezhlivoj kommunikacii v komp'yuternom diskurse // Chelovek. Yazyk. Kul'tura: sb. nauchnyx statej, posvyashhyonnyx 60-letnemu yubileyu prof.

V.I. Karasika: v 2-x ch. Kiev: Izdatel'skij dom D. Burago, 2013. Ch. I. S. 714–723.

18. Sazonov Evgenij. Fenomen «zhyoltoj pressy» // Relga: Nauchno-kul'turologicheskij zhurnal. 2015. № 2 (290). URL: <http://www.relga.ru/>.

19. Semyonov D.I. Funkcii setevogo trollinga // Uspexi sovremennogo estestvoznaniya. 2012. № 5. S. 172–173.

20. Semyonov D.I., Shusharina G.A. Setevoy trolling kak vid kommunikativnoj deyatel'nosti // Mezhdunarodnyj zhurnal e'ksperimental'nogo obrazovaniya. 2011. № 8. S. 135–136.

21. Stroitelev N.M. Trolling kak raznovidnost' provokacionnogo rechevogo povedeniya // E'lektronnoe nauchnoe izdanie «Uchyonye zapiski TOGU». 2013. T. 4. № 4. S. 663–668. URL: <http://ejournal.khstu.ru/>.

22. Fadeicheva M.A. E'kzistencial'nye osnovaniya yazyka vrazhdy // Diskurs-Pi. Ekaterinburg, 2015. № 1 (18). S. 20–24.

23. Fedotova Aleksandra. Dvushechka za trolling. Chem mozhnet obrnut'sya dlya rossiyan ix reposty i lajki v socsetyax // Lenta.ru. 14 avgusta 2015 goda.

24. Filippova Tat'yana. Trolling kak nacional'naya zabava. Slovo redaktora // Bibliotechnoe delo. 2012. № 22 (184).

25. Chudinov V.A. Trolling kak raznovidnost' molodyozhnogo nigilizma. URL: <http://runitsa.ru/publications/951/>.

UDC 316

THE DISCOURSE OF TROLLING

Sinelnikova Lara Nikolaevna,

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Humanities and Education Science Academy,
doctor of philology,
professor of chair of Russian and Ukrainian philology with a technique of teaching,
Republic of Crimea, Russia,
E-mail: prof.sinelnikova@gmail.com

Annotation

In article the discourse-analysis of the phenomenon of trolling as an integral part of network communications is carried out. The main objective of trolling is to construct dialogue so that to dissolve senses on different categories of an estimation. The set of the keywords accompanying the description of trolling keeps within the following estimated number: provocation, instigation, a deceit, slander, aggression, mockery, the insult, defamation. One kind of network trolling is elfing.

Key words:

trolling, the troll, network communications, a discourse, elfing, manipulation.

УДК 81.32

ДИСКУРС ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ НОВООБРАЗОВАНИЙ

Синельникова Лара Николаевна,

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» в г. Ялте,
Гуманитарно-педагогической академии (филиал)
доктор филологических наук,
профессор кафедры русской и украинской филологии с методикой преподавания,
Республика Крым, Россия,
E-mail: prof.sinelnikova@gmail.com

Аннотация

В статье проводится дискурс-анализ фразеологического семиозиса. Когнитивно-дискурсивный подход расширяет возможности интерпретации фразеологизмов. Фразеологизмы обладают уникальной способностью концентрированно представлять социально значимые признаки времени. Новые фразеологизмы сочиняют, культивируют и трансформируют СМИ.

Ключевые слова:

фразеологизмы, неологизмы, когнитивно-дискурсивный подход, Интернет-мем, эффемеризм, метафора.

Дискурс фразеологических новообразований отражает реальные речевые действия ономастического характера, осуществляемые в разных социально-идеологических условиях. Ономастика – наука, ориентированная на изучение единиц языка с точки зрения осуществления ими номинативной или репрезентативной функции, – не может не контактировать с дискурсологией, в методологии которой принцип функциональности приобретает дополнительные характеристики за счёт подключения экстралингвистического (внешнего) контекста.

Процесс порождения новых значений и соответствующих им интерпретаций знака касается и фразеологического семиозиса, для понимания особенностей которого необходим учёт социальной мотивационной

базы, проявленной в медийных сюжетах, в личностных оценках, которые могут стать цитатами не только дня, но и более длительного времени.

Фразеология в социокультурном контексте берёт на себя ответственную роль – представлять время в особом ракурсе: и в том случае, когда реализуются трансформационные действия в отношении идиом (*идиома* здесь используется в обобщённом значении – из греч. *особое свойство*), и в том, когда на основании традиционных моделей с применением разнообразных номинативных техник создаются новые фраземы. Фразеология – «ударная сила особой коннотативной мощи» [Мокиенко, с. 103], что подтверждается активностью фразеологизмов в политическом, рекламном, спортивном,

юридическом и даже деловом дискурсах, а также в персональных дискурсах публичных людей.

Ономасиологическое обновление фразеологизмов в современных дискурсивных практиках сформировалось как приём языковой игры, в условиях которой фразеологизмы способны «преодолевать рамки узуса, изменять форму и содержание, увеличивать диапазон системных возможностей и стилевых функций» [Третьякова, 2011, с. 3]. Когнитивно-дискурсивный подход расширяет представление о фразеологической окказиональности и позволяет перейти от фиксации и типологии трансформаций к проблеме образования новых фразеологических связей как отражению процесса познания через особую комбинаторику языковых знаков.

Фразеологизм – особый языковой знак, «уникальная единица кода экспрессивно-образной номинации, имеющей особую когнитивную организацию, характеризующуюся специфической корреляцией гносеологического, семантико-смыслового, ассоциативно-образного, этического и прагматического аспектов [Буянова, Коваленко, с. 52]. Когнитивно-дискурсивный подход расширил возможности интерпретации фразеобразований через подключение ментальных характеристик носителей языка, проявленных в разнообразии дискурсивных практик.

Проблемы неофразеологии теснейшим образом связаны с социокультурными характеристиками определённого времени. Носителями социального времени в его идеологических характеристиках являются устойчивые сочетания советского периода: *отец народов, стройка века, священный долг, интернациональный долг, старший брат, светлое будущее, мирный атом, буревестник революции, ленинская вахта, переходящий вымпел, индустриальный гигант, вражий голос, узники совести, идеологическая диверсия* и др. «Тоталитарная» фразеология по большей части проявляла признаки закрытого общества, претендующего на безусловные

положительные (вплоть до пафосных) оценки всех институтов и действий власти.

Появление номинаций, фиксирующих определённый период истории, может быть связано с деятельностью конкретного человека. Так, с именем М. С. Горбачева соотносятся выражения, превратившиеся в политические клише: *эпоха застоя, стратегия ускорения, новое мышление*.

Опережающее закрепление фразеологического неологизма в политическом дискурсе без уяснения обществом сущности понятия неизбежно ведет к смысловой диффузности в условиях отсутствия нормативного описания отношений между означаемым и означающим. По такому сценарию шло обоснование номинации *новое мышление*. О новом мышлении, в котором «нуждается современный мир», М. Горбачев заявил в 1986 году. В 1989 году вышла книга «50/50: Опыт словаря нового мышления», в котором были представлены (и сопоставлены) разные точки зрения на наиболее важные признаки нового мышления: особая организация социальной жизни; мирное сосуществование разных систем; созидательные взаимодействия государств и народов; приоритет общечеловеческих интересов; замедление и прекращение гонки вооружений; продвижение к неядерному миру; равновесие интересов; отказ от ультимативных требований; готовность к компромиссам; умение смотреть на мир глазами своих партнеров; исходить не из желаемого, а из возможного; общая для всех народов мира концепция; отказ от логики конфронтации [50/50: Опыт словаря нового мышления]. Каждый из названных признаков продолжает формировать собственный дискурс с применением разнообразных номинативных техник, направленных на актуализацию принимаемых позиций.

Словосочетание *человеческий фактор*, появившееся в 1985 году, также способствовало возникновению множества дискурсивных манифестаций, связанных со спецификой гуманитарных наук. Теории человеческого

фактора составили основу многих областей знания, активизированного в новом веке: менеджмента, антикризисного управления, имиджологии, неориторики. Сквозь призму понятия *человеческий фактор* оцениваются и рекомендуются поведенческие модели (в том числе – речевые), способные обеспечить эффективное общение. В лингвистике это содержательно объёмное понятие способствовало концептуальному преобразованию научного дискурса в связи с переходом от структурно-системных классификаций языка к коммуникативно-прагматическому описанию речи, на основе которого формируется лингвистика дискурса.

Фразеологические новообразования прошлых эпох остаются хронотопическими маркерами, но многие из них продолжают двигаться по «стреле времени», осваивая новые дискурсивные практики и варьируя оценочные регистры. Фраземы *хрущевская оттепель, брежневский застой, черненко-ские потёмки, ельцинские катаклизмы, парад суверенитетов, чемоданы Руцкого* остаются востребованным ресурсом политических текстов и коммуникаций.

Устойчивые сочетания обладают уникальной способностью концентрированно представлять социально значимые признаки времени. Так, словосочетание *колбасные электрички* зафиксировало время паломничества в Москву в условиях тотального дефицита, номинация *чешский хрусталь* была проявителем социального статуса советского человека, его служебного положения и материального достатка. Фраземы более позднего времени: *потребительская корзина, прожиточный минимум, горячие точки, идущие вместе, ползучий переворот, война опросов, выброс компромата, политические тяжеловесы* и др. – в разных дискурсах могут «улучшать», «ухудшать» или «размывать» денотат в зависимости от целевых установок адресанта и его отношений с адресатом.

Новые фразеологизмы могут создаваться на основе ранее известных выражений.

Например, *группа давления* – объединение людей для осуществления определённых целей (выражение из книги А. Бентли «Процесс государственного управления», 1908 год). Новообразования *группа поддержки, группа захвата, группа влияния* сохраняют интегральную сему «оказывать энергичное воздействие, быстро осуществлять целенаправленное действие», но каждый из них может иметь собственный дискурс – от официально-оперативного до жаргонного и шутильного (пример из разговорной речи: *Чем мы не группа захвата!*).

Номинация *бархатная революция* приписывается Вацлаву Гавелу (1989 год). Ономастическое движение шло в пространстве так называемых «цветных революций», в названиях которых на постсоветском пространстве по большей части использовался переносно-символический потенциал фитолексем: *революция роз* (Грузия, 2003 год), *каштановая революция* (Украина, 2004 год), *революция тюльпанов* (Киргизия, 2005 год), *васильковая революция* (Беларусь, 2006 год). Такого рода политические клише продолжают использоваться в СМИ, оставаясь маркерами политического дискурса пропагандистской направленности и материалом для риторических приёмов, чаще всего – приёма иронии (например: *Страна тюльпанов бросила страну майданов*).

В течение нескольких постсоветских лет в публицистических текстах и анекдотах употреблялось фразеологическое сочетание *новые русские*, отмеченное высокой степенью продуктивности прототипа: *новые украинцы, казахи, грузины* и т. д., *новая номенклатура, новые политики, новые левые, новые правые, новый формат, новые мавроды* и мн. др. Однако новое имеет тенденцию устаревать, уступая социальную нишу следующему наименованию определённого рода действующих лиц. Выражение *новейшие русские* фиксирует некие новые признаки богатых людей, восприятие обществом их образа жизни. По мере укрепления в общественном сознании зна-

чимости *успешных людей* эта номинация вытеснила предыдущие и превратила их в социальный анахронизм. Но осталась возможность варьирования оценки в дискурсах: от нейтральной до иронической и подчёркнуто отрицательной.

Новая реальность – новые фразеологизмы, список которых остаётся открытым: *клиповое мышление, глобальная элита, европейские ценности, инвестиционный порог, информационная война, серая зона, офисный планктон, серый копатель, грязные технологии, чёрный пиар, бегущая строка, контрольный выстрел, одорукий бандит, зелёный коридор, лежащий полицейский, шоковая терапия, нетрадиционная ориентация, гибридная война, конвой добра*. Каждая из номинаций имеет собственный дискурс (происхождение, авторство, этапы освоения, частотность использования и т. д.) и в то же время неограниченную возможность дискурсивных перемещений, сопровождающихся варьированием толкования и оценок.

Непрерывный фразеологический семиозис, зарождение новых знаков – естественный когнитивно-коммуникативный процесс. Расширение сферы коммуникации новообразований снимает их синтагматическую неустойчивость и превращает во фразеологические сочетания. Новые сочетания получают высокую степень воспроизводимости, благодаря средствам массовой информации. СМИ сочиняют, культивируют и чаще всего сами же трансформируют новые фраземы. Если событие имеет социальный резонанс, оценочные журналистские названия быстро приживаются и расширяют сферу дискурсивного применения. Так, выражение *оборотни в погонах* (коррупцированные представители правоохранительных органов) несколько месяцев кряду представляло модную и высоко рейтинговую тему в СМИ. Модель получила развитие: *оборотни в галстуках* и т. д.

Для неофразем характерна деривативная (в том числе – игровая) активность, способствующая закреплению во фразеоло-

гической картине мира. Этапы дискурсивного варьирования проходят фраземы разных тематических групп: *лица кавказской национальности* и *лица непредсказуемой национальности*, *лица гостевой национальности*, *лица террористической национальности*, *лица нетрадиционной интернет-ориентации*; *сингапурское чудо* (носитель секрета успеха) и *архитектура экономического чуда*, *призрачный фантом*, *сингапурский рецепт*; *панамские оффшоры* и *панамский скандал*, *оффшорный президент*; *принуждение к миру* и *принуждение к дружбе*, *принуждение к сочувствию*. Номинации фразеологического дискурса легко преодолевают собственные границы и приобретают оценочные характеристики, согласующиеся с дискурсивно-идеологическими установками авторов текстов.

Носителями перцептивного времени являются фразеологизмы-эвфемизмы. *Адекватный ответ* вместо *агрессия*; *ангажированная пресса* – вместо *купленная*, *несправедливая*; *асоциальная категория населения* вместо *пьяницы*, *бомжи*, *падшие люди*. Эвфемистический эффект дискурсивного обновления может быстро утрачиваться, и возникает «вторичный» эвфемизм – смягчение уже ранее смягчённого: *лица с ограниченными возможностями* и *лица с дополнительными потребностями* вместо *инвалиды*, *товары из Европы* вместо *секонд хенд*» (англ. – вторые руки). Особая судьба у эвфемизма *вежливые люди*, появившегося в результате событий Крымской весны 2014 года – воссоединения Крыма с Россией. *Вежливые люди* – бренд Крыма (11 июня 2016 года в Симферополе был открыт памятник *вежливым людям*), знак качества нового образа жизни и предлагаемых услуг, что нашло отражение в словосочетаниях: *вежливый Крым*, *вежливый сезон*, *вежливые электрики*, *день вежливых людей*, *вежливое молчание* и даже «*вежливый*» цемент в тексте наружной рекламы южного города. Превращение неофраземы в интернет-мем также можно считать доказательством её закрепления в общественном сознании.

Когнитивно-дискурсивный подход способствует пониманию закономерностей фразеобразования на метафорической основе. Метафора – ментальная структура, воплощённая в языковых единицах, это понимание и переживание сущности одного предмета в терминах сущности другого предмета. В двукомпонентности (бинарности) метафоры как механизме расширения границ сочетаемости слов рождаются новые смыслы.

Постоянное использование метафорической конструкции, её популярность – путь к воспроизводимости и, соответственно, к превращению свободного сочетания во фразеологическое. При этом когнитивно-характеризующее значение в одних случаях утрачивается, двуплановость теряется, и словосочетание начинает употребляться в роли прямой номинации, в других – остаётся оригинально оценочным и открытым для преобразований разной степени мотивации. Переход метафорической бинармы от характеризующего значения к номинативному может происходить постепенно. Ономастиологическая специфика метафорического словосочетания проявляется в его возможности представлять коммуникативное событие минимальными средствами, обеспечивать целостность в представлении значимого для общества события. В этом случае фразама начинает проявлять ряд существенных признаков фразеологизма как языкового знака, когнитивная структура которого вмещает семантическую, ассоциативную и прагматическую составляющие.

Тропеический характер неофразем способствует их дискурсивному долгожительству. Метафорическая бинарма представляет собой «смешанное» ментальное пространство, своеобразную когнитивную задачу, для решения которой могут предлагаться разные варианты решения в условиях одновременных дискурсивных практик. Метафорические сюжеты, основанные на фразеологическом новообразовании, способствуют активизации риторических и стилистических приёмов, способных

как поддержать семантику фразеологического сочетания, так и произвести его «демонтаж», сместить семантику в необходимую для автора сторону.

Основание для фразеотворчества находится в социальной действительности, в комплексе жизненных обстоятельств и событий. Смыслы микшируются, объединяются в некое новое понятие, которое номинируется и, подтверждая значимость явления или события, воспроизводится, тиражируется, закрепляются как в концептуальной, так и в языковой картинах мира.

Останутся ли новые фраземы в кратковременной памяти или пополнят фразеологический фонд, – покажет всё расставляющее по своим местам время. В любом случае фразеобразования представляют хронику событий жизни, а также возможности языка их фиксировать. Нечёткость границ между узуальным и окказиональным, «перетекание» диахронического в синхроническое, превращение частичной идиоматичности в полную и наоборот – всё это свидетельства участия фразеологии в характерной для нашего времени борьбе дискурсов.

1. Буянова Л.Ю., Коваленко Е.Г. Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности: монография. М.: Флинта: Наука, 2012.

2. Воякина Е.Ю. Особенности ономастической метафоры экономического дискурса // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2009. № 43 (181). Вып. 39. С. 35–39.

3. Мокиенко В. Фразеология и языковая игра: динамика формы и смысла // Учёные зап. Таврического национального ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. 2012. Т. 25 (64). № 2 (1). С. 100–109.

4. 50/50: Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс, 1989.

5. Третьякова И.Ю. Окказиональная фразеология (структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты): автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ярославль, 2011.

1. Buyanova L.Yu., Kovalenko E.G. Russkij frazeologizm kak mental'no-kognitivnoe sredstvo yazykovoj

konceptualizacii sfery moral'nyx kachestv lichnosti: monografiya. M.: Flinta: Nauka, 2012.

2. Voyakina E. Yu. Osobennosti onomasticheskoy metafory e'konomicheskogo diskursa // Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta. Filologiya. Iskusstvovedenie. 2009. № 43 (181). Вып. 39. S. 35–39.

3. Mokienko V. Frazeologiya i yazykovaya igra: dinamika formy i smysla // Uchyonye zap. Tavricheskogo

nacional'nogo un-ta im. V.I. Vernadskogo. Ser. Filologiya. Social'nye kommunikacii. 2012. T. 25 (64). № 2 (1). S. 100–109.

4. 50/50: Opyt slovarya novogo myshleniya. M.: Progress, 1989.

5. Tret'yakova I. Yu. Okkazional'naya frazeologiya (strukturno-semanticheskij i kommunikativno-pragmaticheskij aspekty): avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Yaroslavl', 2011.

UDC 81.32

THE DISCOURSE OF PHRASEOLOGICAL NEOFORMATIONS

Sinelnikova Lara Nikolaevna,

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Humanities and Education Science Academy,
doctor of philology,
professor of chair of Russian and Ukrainian philology with a technique of teaching,
Republic of Crimea, Russia,
E-mail: prof.sinelnikova@gmail.com

Annotation

In the article the discourse-analysis of phraseological semiosis is carried out. The cognitive-discourse approach expands the interpretation possibilities of phraseologic creation. Phraseoms possess unique ability of concentrated representation of socially significant signs of time. New phraseoms are composed, cultivated and transformed by mass-media.

Key words:

phraseological units, neophrasema, cognitive-discourse approach, Internet-euphemism, metaphor.

УДК 329

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ДИСКУРС

Тищенко Наталья Викторовна,

Саратовский государственный технический университет имени Ю.А. Гагарина,
профессор кафедры истории Отечества и культуры,
доктор культурологии,
Саратов, Россия,
E-mail: mihailovan@inbox.ru

Аннотация

Ключевыми концептами либерального дискурса являются: права человека, индивидуальная свобода, частная собственность, справедливость, самоуправление, самовыражение. Одним из главных компонентов либерального политического дискурса является концепт всеобщего избирательного права. Основными пороками политических режимов либеральный дискурс считает наличие внеправовых регуляторов, политические репрессии и политическую цензуру. В сфере образования экспансия либерального дискурса приводит к зависимости качества образования от коммерческой составляющей.

Ключевые слова:

либеральный дискурс, либеральная этика, экономический либерализм, концепт, борьба с конкурентными режимами, либеральная культурная политика, либеральный дискурс в России.

Либеральный дискурс – комплекс идей, сформировавшихся в XVII–XVIII вв. и повлиявших на политические режимы, экономические стратегии и культурную политику европейского общества. Как теоретическая традиция либеральный дискурс был сформулирован в рамках европейской просветительской доктрины, и определил дальнейшее развитие этических, политических, экономических, образовательных и культурных практик. Ключевыми понятиями либерального дискурса являются следующие концепты: «права человека», «индивидуальная свобода», «частная собственность», «справедливость», «самоуправление», «самовыражение». В публицистической литературе интерпретируется как определенный тип высказывания,

используемый многими современными социальными практиками в качестве предпочтительного: образование, культурная политика, экономические отношения и т. д.

Этическая либеральная концепция первоначально позиционировалась в качестве альтернативы религиозным доктринам (прежде всего католичество). Идеалом либеральной этики являлось совершенствование человека, основанное на свободном выборе жизненной стратегии и способов развития индивидуальных способностей (Вильгельм фон Гумбольдт, Джон Стюарт Милль). Принципиальная неразрешимость проблемы индивидуальной свободы игнорируется либеральным дискурсом. В результате вопросы свободного выбора и самовыражения были

сведены к проблемам удовлетворения базовых потребностей (Абрахам Маслоу). После череды сексуальных революций в Западной Европе и Северной Америке в либеральной этической доктрине экзистенциальное понимание индивидуальной свободы было подменено идеей сексуальной свободы. Так же либеральная этика способствовала легализации определенных маргинальных и девиантных моделей поведения – наркозависимости, алкоголизма, проституции, некоторых типов правонарушений. Свобода самовыражения либеральным дискурсом интерпретируется в качестве главной характеристики и доминирует над культурными традициями, религиозными принципами, в связи с этим нередко создаются прецеденты кардинального изменения законодательной базы.

Либеральный дискурс как политическая практика исходит из принципа превосходства индивидуального права над общественными институтами. Одним из главных признаков либерального политического дискурса является также всеобщее избирательное право. Однако с точки зрения дискурсивных практик наиболее ярко политический либерализм проявился как эффективный инструмент борьбы с конкурентными политическими режимами и идеологиями, в первую очередь, с марксизмом и СССР. Наиболее последовательным примером использования либерального дискурса против политических оппонентов является работа Карла Поппера «Открытое общество и его враги». В терминах либерального дискурса иные режимы всегда интерпретируются как тоталитарные/авторитарные, находящиеся вне правового поля и не признающие два ключевых концепта либерализма – индивидуальной свободы и частной собственности. Поэтому основными пороками политических режимов либеральный дискурс считает наличие внеправовых регуляторов, политические репрессии, политическую цензуру.

Наибольшую реализацию либеральный дискурс получил в экономических стратегиях.

Базовыми терминами экономического либерализма являются: «предпринимательская деятельность», «рынок», «право частной собственности», «право на наследство», «свободная конкуренция», «невмешательство государства в экономическую деятельность индивидов», «инновации».

Наиболее противоречивой с позиции самого либерального дискурса является оценка роли государства в регулировании экономических процессов. На протяжении всего существования экономического либерализма постоянно ведутся споры о возможных пределах государственного регулирования экономики (Джон Мейнард Кейнс) и о принципиальном вреде подобного вмешательства (Милтон Фридман, Фридрих фон Хайек). Волнообразные колебания экономических систем только усиливают разногласия внутри либерального дискурса. Вполне логичным результатом всех этих дискуссий стало убеждение, что подлинно либеральной экономики еще не существует, и современным обществам только лишь предстоит вступить в период существования капиталистической экономики, которая будет представлять собой самоорганизующуюся систему, где главными регуляторами являются понятия «спрос» и «предложение» (неолиберальный дискурс).

Одной из сфер, где либеральный дискурс считается главенствующим, является образовательная система. На сегодняшний день можно констатировать практическую нейтрализацию всех национальных образовательных практик и торжество глобальной образовательной системы, основанной на либеральных ценностях. Базовая категория в либерально ориентированном образовании – это идея «обучающегося общества», подразумевающая наличие в обществе механизмов, стимулирующих индивидов к постоянному личностному росту.

Наиболее продуктивным инновационным ориентиром в сфере образования либеральный дискурс провозглашает «свободу индивида в выборе собственной образователь-

ной практики». Эта идея реализуется во всех уровнях образовательной системы от начальной школы до последиplomного образования. Еще одна важная черта либерального дискурса в образовательной сфере – постепенное разрушение образа Преподавателя/Учителя как источника истины и трансформация его в «объект, оказывающий образовательные услуги». Несмотря на важные достижения в сфере образования, которые были достигнуты именно благодаря использованию на практике ценностей либерального дискурса (обязательное начальное образование, доступ к таким образовательным ресурсам, как библиотеки, музеи и т. д.), эти же ценности привели к негативным последствиям.

Концепция всеобщей доступности образовательных услуг на практике разрушена зависимостью качества образования от коммерческой составляющей: в действительности эффективные образовательные стратегии доступны сравнительно небольшой группе населения, тогда как большая часть людей довольствуется образовательными услугами низкого качества.

Необходимо отметить и такую важную сферу применения либерального дискурса, как культурная политика. Обязательной характеристикой модели либеральной культурной политики является производство и распространение культурных товаров посредством частного бизнеса (Милена Драгичевич-Шешич). Наличие конкуренции на рынке культурных товаров играет решающую роль, а конкуренцию создают многочисленные культурные индустрии и их стандартизированный культурный продукт, предназначенный для большинства членов общества – аудитории массовой культуры. Роль частных фондов является решающей для развития культуры в целом и искусства в частности. Одним из главных достижений либеральной культурной политики является упразднение цензуры, т. к. главным критерием культурного продукта становится его востребованность на рынке, конкурентоспо-

собность. В либеральной модели культурной политики игнорируется вопрос о достижении культурой социально значимых целей (просвещения, воспитания и т. д.), а значимым остается только рыночный спрос на тот или иной культурный продукт. Последствием подобных стратегий является низкий уровень культурного продукта, потребительское отношение к учреждениям культуры, размывание критериев «прекрасного» и «безобразного». Жан Бодрийар подобное состояние символических структур определяет через понятие «трансэстетики».

Европейской традиции либерального дискурса присущи внутренние противоречия. Экономическая свобода, разнообразные социальные каналы для реализации прав и свобод, свободный доступ к ценностям культуры, универсализация ценностей – все эти постулаты, воплощаемые в реальности, привели не к утверждению социально и экономически сбалансированного общества, а к новой системе глобального расслоения, построенной уже не на принципе родства (аристократия), не на принципе эксплуатации (буржуазия), а на принципе информационной экспансии. Новое социальное неравенство основывается на том, что сравнительно небольшая социальная группа, которая резко контрастирует, а зачастую откровенно противостоит национальной культуре, объявляет специфические свои интересы и ценности универсальными и априори предполагает достижение этих ценностей остальными группами затруднительным в силу их идеологической отсталости, «неготовности» принять принципы индивидуальной свободы. Наиболее показательны здесь могут быть многочисленные высказывания о сложности реализации либеральных ценностей в России: «У нас очень странная ситуация: существуют два народа, называющиеся русскими, говорящие по-русски и населяющие одну и ту же территорию, но абсолютно разные по менталитету. Большая часть населения верит телевидению, что единственная цель за-

границы – уничтожить Россию, и спасти ее может только отец народа. Гораздо меньшая часть населения живет в основном в больших городах, имеет высшее образование и много поездила по миру. Эта Россия считает, что мы как можно скорее должны присоединиться к либеральным ценностям Европы, что мы – часть всемирной семьи народов и должны ввести демократический общественный строй и у нас» (Михаил Шишкин в интервью *Franfurter Rundschau*, 4 апреля 2013 г.). Пьер Бурдьё прямо указывает на тот факт, что господствующей либеральной культуре свойственна система разделений и дискриминаций, которые она маскирует «функцией коммуникаций»: «культура объединяющая (медиа коммуникации) есть культура разделяющая (инструмент различения), которая легитимирует различия, вынуждая все другие культуры (обозначенные как субкультуры) определяться в зависимости от их дистанции от господствующей культуры».

Либерализм, настаивая на необходимости признания политического, экономического, культурного многообразия, не признает наличия альтернативных способов означивания, интерпретируя все иные, «нелиберальные» дискурсивные конструкции, как «ложные», «губительные», «опасные» и т. д. Лучше всего этот парадокс либерального дискурса определен в постмодернистской философии, где авторы интерпретируют европейский либеральный режим в терминах «клона самого себя» (Жан Бодрийар), «общества спектакля» (Эрнест Ги Дебор).

Российский либеральный дискурс не преодолел внутренних противоречий европейского либерального дискурса, более того, заложенные внутри европейского либерализма антиномии, в условиях российской действительности были радикализованы. В XIX столетии можно наблюдать большую вариативность либерального дискурса в России, которая была вызвана разноплановыми интерпретациями либеральных ценностей в российском обществе. В рус-

ской культуре отсутствует та практическая интерпретация свободы, которая эффективно используется либеральным дискурсом. Для русской культуры свобода в повседневной жизни – это недостижимый идеал, поэтому определения свободы возможны лишь в философском или религиозном планах. Эта характерная именно для русской культуры интерпретация свободы не согласуется ни с одним либеральным постулатом, т. к. в либеральном дискурсе свобода всегда имеет практическое воплощение – свобода частной собственности и предпринимательства, свобода волеизъявления, сексуальная свобода и пр. Для русской культуры все эти практические воплощения свободы являются лишь проекцией недостижимой, идеальной и абсолютной свободы духа и поэтому подлинными ценностями считаться не могут.

В силу внутренних противоречий либерального дискурса и неоднозначной и непоследовательной официальной политики в отношении либеральных ценностей к концу XIX столетия в России сформировалось несколько течений, позиционировавших себя как либеральные движения, однако характеризовавшиеся достаточно противоположными идеями. Речь идет о либеральном земском движении (Иван Ильич Петрункевич), либеральном народническом движении (Николай Константинович Михайловский), профессорском либерализме (Владимир Иванович Вернадский). Кроме того, уже в начале XX века образовались крупнейшие либеральные организации и партии, которые предлагали эволюционный путь развития государства («Союз освобождения», «Союз земцев-конституционалистов», кадеты, октябристы и др.).

В современной России практически не существует конструктивного либерального дискурса. Есть система высказываний, которая не приемлет понятие «русская культура», видя в этом явлении только архаичность или, скорее, некий атавизм, невозможный в условиях глобального уже неолиберализма:

«России мешают русские – основная масса наших соотечественников живёт в прошлом веке и развиваться не хочет... Русские еще очень архаичны» (Игорь Юргенс). И как ответная реакция на подобный тип высказываний формируется тотальная критика либерализма и неолиберализма, которые воспринимаются как идеологические уловки, направленные на разрушение государственности, политического и культурного суверенитета.

Попытки либерального дискурса утвердить основные свои положения и сформировать соответствующие практики в России на протяжении уже почти двухсот лет – это яркий пример борьбы дискурсов, которая не приводит к устойчивой гегемонии какого-либо одно дискурса.

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2000. – 257 с.
2. Бурдые П. О символической власти // Бурдые, П. Социология социального пространства. – М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – С. 87–96.
3. Дебор Г. Общество спектакля. – М.: «Логос», 1999. – 224 с.
4. Драгичевич-Шешич М., Стойкович Б. Менеджмент и экономика в культуре. – Новосибирск: ИД Тигра, 2000. – 227 с.
5. Иванчук, Н.В. Либерально-консервативные ценности: их дискурс, дискурс-анализ и его разновидности // Вопросы управления. – 2015. – № 2 (15). – С. 7–12.
6. Кара-Мурза А.А. Либерализм против хаоса (основные интенции либеральной идеологии на западе и в России) // Полис. – 1994. – № 3. – С. 118–124.
7. Кейнс Д. Общая теория занятости процента и денег. – М.: ЭКСМО, 2007. – 153 с.
8. Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения. – М.: Мысль, 1988. – С. 137–405.
9. Мизес Л. Либерализм. – Челябинск: Социум, 2014. – 304 с.
10. Милль Дж. О гражданской свободе. – М.: Libroком, 2012. – 242 с.
11. Полунина Л.Н. Европейский образовательный дискурс: опыт типологического исследования // Известия Волгоградского педагогического университета. – 2011. – № 6, Т. 60. – С. 127–130.
12. Поппер К. Открытое общество и его враги (в 2-х томах). – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.; 528 с.
13. Ротбард М. К новой свободе: Либертарианский манифест. – М.: Новое издательство. Библиотека фонда «Либеральная миссия», 2009. – 398 с.

14. Фридман М., Фридман Р. Свобода выбирать: Наша позиция. – М.: Новое издательство, 2007. – 356 с.
15. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 1. – М.: Праксис, 2002. – 384 с.
16. Хайек Ф.А. фон, Дорога к рабству. – М.: «Экономика», 1992. – 176 с.
17. Шапиро И. Введение в типологию либерализма // Полис. – 1994. – № 3. – С. 7–12.
18. Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. – 1998. – № 4. – С. 26–42.

1. Bodriyyar Zh. Prozrachnost' zla. – М.: Dobrosvet, 2000. – 257 s.
2. Burd'e P. O simbolicheskoy vlasti // Burd'e, P. Sociologiya social'nogo prostranstva. – М.: In-t e'ksperimental'noj sociologii; SPb.: Aletejya, 2007. – S. 87–96.
3. Debor G. Obshestvo spektaklya. – М.: «Logos», 1999. – 224 s.
4. Dragichevich-Sheshich M., Stojkovich B. Menedzhment i e'konomika v kul'ture. – Novosibirsk: ID Tigr, 2000. – 227 s.
5. Ivanchuk, N.V. Liberal'no-konservativnye cennosti: ix diskurs, diskurs-analiz i ego raznovidnosti // Voprosy upravleniya. – 2015. – № 2 (15). – S. 7–12.
6. Kara-Murza A.A. Liberalizm protiv xaosa (osnovnye intencii liberal'noj ideologii na zapade i v Rossii) // Polis. – 1994. – № 3. – S. 118–124.
7. Kejns D. Obshhaya teoriya zanyatosti procenta i deneg. – М.: E'KSMO, 2007. – 153 s.
8. Lokk Dzh. Dva traktata o pravlenii // Sochineniya. – М.: Mysl', 1988. – S. 137–405.
9. Mizes L. Liberalizm. – Chelyabinsk: Socium, 2014. – 304 s.
10. Mill'Dzh. O grazhdanskoj svobode. – М.: Librokom, 2012. – 242 s.
11. Polunina L.N. Evropejskij obrazovatel'nyj diskurs: opyt tipologicheskogo issledovaniya // Izvestiya Volgogradskogo pedagogicheskogo universiteta. – 2011. – № 6, T. 60. – S. 127–130.
12. Popper K. Otkrytoe obshhestvo i ego vragi (v 2-x tomax). – М.: Feniks, Mezhdunarodnyj fond «Kul'turnaya iniciativa», 1992. – 448 s.; 528 s.
13. Rotbard M. K novoj svobode: Libertarianskij manifest. – М.: Novoe izdatel'stvo. Biblioteka fonda «Liberal'naya missiya», 2009. – 398 s.
14. Fridman M., Fridman R. Svoboda vybirat': Nasha poziciya. – М.: Novoe izdatel'stvo, 2007. – 356 s.
15. Fuko M. Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu. Chast' 1. – М.: Praksis, 2002. – 384 s.
16. Hajek F.A. fon, Doroga k rabstvu. – М.: «E'konomika», 1992. – 176 s.
17. Shapiro I. Vvedenie v tipologiyu liberalizma // Polis. – 1994. – № 3. – S. 7–12.
18. Sheloxaev V.V. Russkij liberalizm kak istoriograficheskaya i istoriosofskaya problema // Voprosy istorii. – 1998. – № 4. – S. 26–42.

UDC 329

LIBERAL DISCOURSE

Tishchenko Natalia Viktorovna,

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov,
professor of chair of history of Fatherland and Culture,
doctor of culturology,
Saratov, Russia,
E-mail: mihailovan@inbox.ru

Annotation

Concepts of a liberal discourse are: human rights, individual freedom, a private property, justice, self-management, self-expression. One of the main components of a liberal political discourse is the concept of the general suffrage. The liberal discourse considers as the basic defects of political modes presence outside-law regulators, political reprisals and political censorship. In an education sphere expansion of a liberal discourse leads to dependence of quality of education on a commercial component.

Key words:

liberal discourse, liberal ethics, economic liberalism, concept, struggle against competitive modes, the liberal cultural policy, a liberal discourse in Russia.

УДК 659

МЕДИАДИСКУРС

Желтухина Марина Ростиславовна,

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
кафедра теории английского языка,
доктор филологических наук, профессор, академик РАЕН,
заведующая НИЛ «Дискурсивная лингвистика»,
Волгоград, Россия,
E-mail: zzm@mail.ru

Аннотация

Автор рассматривает медиадискурс как связный текст, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, как действие, участвующее в социокультурном взаимодействии и отражающее механизм сознания коммуникантов.

В статье дается анализ жанровой системы медиадискурса, отмечается связь дискурса медиа-пропаганды с религиозным дискурсом, политическим дискурсом и рекламным дискурсом.

Ключевые слова:

медиадискурс, язык СМИ, коммуникативное пространство, жанровая система, политический дискурс, рекламный дискурс, медиа-пропаганда.

В XXI веке массовые коммуникации продолжают выступать активным элементом идейно-политической и социально-экономической системы. В современном мире все чаще массмедиа используются государством и отдельными личностями для убеждения населения с целью достижения определенных целей политического, социального, экономического, религиозного, культурного плана. В некоторых обществах пропаганда доминирует, оказывая мощное идейно-психологическое воздействие на массовое сознание. В последние десятилетия в связи с активизацией общественно-политической деятельности в мире и глобальной информатизации язык СМИ стал объектом пристального изучения психолингвистики, когнитивной лингви-

стики, текстолингвистики, дискурсивного анализа. Интенсивность информационных медиапроцессов во многом определяется структурой их пространственных особенностей: отношений центра и периферии; характером горизонтальных и вертикальных связей и отношений субъектов; концентрацией социальных, политических, военных, экономических, идеологических сил и факторов, действующих в сфере мирового (глобального, межконтинентального) международного и национального, регионального и локального пространства. Для определения медиадискурса рассмотрим структуру и границы массмедиального дискурса, жанровую типологию языка СМИ.

Терминологическое коммуникативное пространство содержит различные

понятия: *медиапространство, массовая культура, медиакультура, массовая коммуникация, медиакоммуникация, язык СМИ, массово-информационный дискурс, дискурс массмедиа или массмедиаальный дискурс, медийный дискурс, медиадискурс, средства массовой информации, средства массовой коммуникации, медиасредства и др.*, которые в основном используются в качестве синонимов в различных сферах человеческой деятельности. Социальные процессы рожают свое коммуникативное пространство, в рамках которого реализуются коммуникативные дискурсы (социальный процесс, включающий текст в различных аспектах). Коммуникативное пространство структурировано первичными и вторичными коммуникативными процессами. Первичные процессы поставляют информацию, а во вторичных процессах происходит ее обсуждение и распространение. Успешность первичного коммуникативного процесса зависит от продолжения его во вторичных процессах. Средства массовой информации становятся не только носителями культуры, но и средством манипулирования сознанием и настроениями людей с помощью предметов этой культуры – книг, музыкальных произведений, магнитных записей, радио- и телепрограмм, аудио- и видеокассет, фильмов и видеофильмов, компакт-дисков, компьютерных игр, спутниковой связи и сети Интернет.

Опираясь на многочисленные исследования дискурса (Н. Д. Арутюнова, М. Н. Володина, В. З. Демьянков, М. Р. Желтухина, Е. С. Кубрякова, В. И. Карасик, А. А. Романов, Н. К. Рябцева, Ю. А. Сорокин, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, В. И. Шаховский, Е. И. Шейгал и др.), определим **медиадискурс** как связный, вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультур-

ном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов. Будучи полевой структурой, медиадискурс имеет центр, где располагаются прототипные жанры, и периферию, которую составляют маргинальные жанры, отличающиеся неоднородной природой в силу своего расположения на стыке разных типов дискурса. Медиадискурс носит опосредованный характер, т. е. между адресантом и адресатом есть дистанция – пространственная и/или временная.

Существующие в языке и культуре массмедиаальные константы позволяют определять лингвокультурные временные и пространственные, национальные и интернациональные границы. Граница между блоками устанавливается там, где минимальны семантические и формальные связи между предложениями, межфразовыми единствами, текстами, расположенными по обе стороны этой границы. Прозрачность границ медиадискурса обуславливает наложение характеристик разных жанров различных типов дискурса.

Для построения схематичного среза структуризации медиадискурса используем модель типологической уровневой организации дискурса по В. И. Карасику: тип дискурса – формат (разновидность) дискурса – жанровый канон, в соответствии с которой медиадискурс принимает вид иерархически организованного многоступенчатого комплекса текстов, в котором тексты меньшего структурно-содержательного объема входят в более крупные текстовые целые (тексты прессы, радио, телевидения, Интернет). В основе выделения этих разновидностей лежит конкретизация общей социальной задачи, выполняемой медиадискурсом, изменение которой сужает диапазон действия коммуникативно-прагматических факторов, на совокупности которых базируется система анализируемого дискурса. Вследствие отмеченных изменений разновидности медиадискурса сохраняют общие системные черты, а также обнаруживают специфические

инвариантные текстообразующие признаки разновидностей дискурса.

Медиадискурс обладает весьма мощной и разветвленной жанровой системой, включающей тексты различной жанровой природы, что обусловлено стратификацией глобальной коммуникативной интенции оказания речевого воздействия на ряд частных микроинтенций. Доминирующая коммуникативная интенция как основной текстообразующий фактор, задающий формально-структурный и содержательно-смысловый объем жанров языка СМИ, получив воплощение в тексте, определяет функциональную направленность речевого (текстового) медиаобщения. Функция воздействия раскрывается через дополнительные секундарные функции. Число и набор подобных функций варьируется от жанра к жанру. Как показывают проведенные наблюдения, степень регламентированности формы и содержания каждого отдельно взятого жанра обнаруживает прямую зависимость от его функциональной вариативности. Выделяются три канонизированные жанровые группы: *информационная, аналитическая, художественно-публицистическая*, конкретизирующиеся такими жанрами, как заметка, отчет, репортаж и т. д. Отдельную межвидовую группу жанров составляют тексты объявлений, рекламы, писем в редакцию. *Жанровая дифференциация* массмедиального дискурса обусловлена также каналом передачи информации, т. е. средствами массовой информации (информационные агентства, пресса, радио, телевидение, Интернет).

Пространственные и временные границы прослеживаются в интервью с политологом, сочетающем в себе элементы массмедиа, научного и политического дискурсов [Шейгал, 2000]. Анализ текстов СМИ подтвердил полученные ранее Е. И. Шейгал результаты в том, что дискурс массмедиа доминирует в таких жанрах, как памфлет, фельетон, проблемная аналитическая статья (написанная журналистом), колонка комментатора, переводная статья, репортаж (со съезда, митинга),

информационная заметка. Что касается политического дискурса, то он превалирует в следующих жанрах: интервью с политиком, проблемная аналитическая статья (написанная политиком), полемика (теледебаты, дискуссия в прессе), речь политика, политический документ (указ президента, текст закона, коммюнике). Взаимопроникновение педагогического, политического и медиадискурсов наблюдается в процессе социализации личности через воспитание и обучение (*традиционные жанры педагогического дискурса* – объяснение, лекция, опрос, беседа и пр., например, передачи канала «Культура»); *жанры политического дискурса* – политинформация, методологический семинар, жанры наглядной агитации в языке СМИ). Политический и рекламный дискурсы пересекаются в жанре политической рекламы. Аналитическая газетная или журнальная статья, выступление политолога по телевидению отличаются от научной статьи или доклада, заключаются в отстаивании своей точки зрения.

Важным в процессе познания конститутивных признаков научных текстов является наличие элемента полемики. Рекламный дискурс практически полностью входит в медиапространство, оказывая воздействие на адресата через информирование для создания мотивации к действию (формирование потребности совершить покупку, имиджа общественных деятелей и организаций и побуждение к определенной линии поведения по отношению к ним) в жанрах пропаганды (плакаты, доклады, публичные выступления, дискуссии в СМИ) и агитации (воззвания, листовки, плакаты, транспаранты, выступления на митингах). При этом медиапропаганда, действуя через аргументацию, оперирование фактами, рациональное убеждение, соотносится с педагогическим дискурсом, а агитация, основанная на эмоциональном внушении, коррелирует с рекламным дискурсом. Медиадискурс сближается с религиозным, рекламным, политическим дискурсами функционально на основе внуше-

ния, т. е. навязывания действий и состояний. В религиозно-проповедническом дискурсе отмечается важность агитационного момента. Массмедиа, религия и политика базируются на мифологизации сознания, вере в магию слов, роль лидера-Божества, использовании приемов манипулятивного воздействия, ритуализации коммуникации (жанры обещания, проповеди, лозунга и др.). Пересечение бытового и медиадискурса происходит постоянно при сочетании с другими типами дискурса (политическим, рекламным, религиозным, спортивно-игровым, медицинским и т. д.) в зависимости от тематики разговора. Основной функцией бытового дискурса выступает фатическая (общение ради общения), а не информативная. При этом разновидностями бытового или праздноречевого дискурса выступают эмоциональное, артистическое и интеллектуальное общение. Однако представляется, что бытовым дискурсом, включенным в медиaprостранство, укрепляет его тиражированием идей и мнений с последующим их формированием и принятием решений и действий. Нельзя не согласиться с Е. И. Шейгал в том, что фатическое общение трансформируется в информативное, когда обсуждение политической и др. ситуации становится основной целью общения, особенно в массмедиа. Художественный дискурс пересекается с медиадискурсом в таких литературных жанрах, как мемуары, документальная проза, ироническая поэзия, памфлет, в некоторых фольклорных жанрах (анекдот, частушки) и др., в жанрах креализованных текстов изобразительного и исполнительского искусства – плакат, карикатура, телепародия, кинофильм, телеспектакль и др. В массмедиа для художественного дискурса характерен социальный заказ с целью утверждения или разрушения стереотипов, создания или разоблачения социально-политических мифов, критического осмысления и интерпретации прошлого с проекцией в настоящее, формирования определенной ценностной картины мира (обращение к фольклору в Германии

30–40-х годов). Политический, спортивно-игровой и медиадискурсы характеризуются состязательностью, конкуренцией, борьбой за право быть первым (первым сообщить новость, первым прийти к финишу, победить на выборах и т. п.), что отражается в метафорической картине. Медиадискурс усиливает степень состязательности в процессе приближения окончания состязания. Информационные войны способствуют пересечению массмедиа-ального, военного и политического дискурсов в таких жанрах, как военная доктрина, военнополитическое соглашение, ультиматум, мирные переговоры, пропаганда, агитация. Кроме жанровой корреляции между типами дискурса, отмечается также соотношение и взаимопроникновение жанров в медиадискурсе. Например, особое место в информационном пространстве занимают *таблоиды* – издания, относящиеся к бульварной прессе, специализирующейся на скандалах, преступлениях, происшествиях, рассказах о жизни известных людей, которые стремительно конкурируют с серьезной прессой. Влияние таблоидов на политическую жизнь – новое явление в медиадискурсе («Экспресс-газета», «Собеседник», «Версия», «Мегаполис-экспресс», «Совершенно секретно», «Пионер» и т. п.).

Исходя из вышеизложенного подхода к определению границ медиадискурса, любой материал в средствах массовой информации следует относить к полю или пространству медиадискурса. Корреляция различных типов дискурса и дискурса массмедиа состоит в преломлении данных видов дискурса сквозь призму языка СМИ, приобретении новых качеств и свойств. А потому можно говорить о существовании медиадискурса, представляющего собой дискурсивного медиамагната. Широкое понимание медиадискурса подразумевает институциональные и неинституциональные формы общения в СМИ при наличии одного из трех компонентов: адресанта, адресата или содержания общения. Полевой подход к анализу структуры и границ медиадискурса

позволил выявить сферы его пересечения с другими разновидностями институционального (политическим, рекламным, научным, педагогическим, юридическим, религиозным, спортивно-игровым, военным дискурсами) и неинституционального дискурса (художественным и бытовым дискурсами), а также раскрыл жанровое многообразие медиадискурса.

1. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.

2. Карасик В.И. Языковой круг. Личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2004. – 390 с.

3. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: монография. – Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.

1. Zheltuxina M.R. Tropologicheskaya suggestivnost' massmedial'nogo diskursa: o probleme rechevogo vozdejstviya tropov v yazyke SMI: monografiya. – M.: In-t yazykoznanija RAN; Volgograd: Izd-vo VF MUPK, 2003. – 656 s.

2. Karasik V.I. Yazykovej krug. Lichnost', koncepty, diskurs. – Volgograd: Peremena, 2004. – 390 s.

3. Shejgal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa: monografiya. – Volgograd: Peremena, 2000. – 368 s.

UDC 659

MEDIA DISCOURSE

Zheltuhina Marina Rostislavovna,

Volgograd State Pedagogical University,
Department of English theory,
doctor of philological sciences, professor,
academician of the Academy of Natural Sciences,
Head of the Laboratory «Discourse linguistics»
Volgograd, Russia,
E-mail: zzm@mail.ru

Annotation

The author examines the media discourse as a coherent text, expressed by means of mass-communication howling taken in event-driven aspect, the action, participating in social-cultural interaction and reflects the mechanism of consciousness communicants.

The article provides an analysis of media discourse genre system, there is a relationship between media propaganda and religious discourse, as well as political discourse and adversarial discourse.

Key words:

media discourse, the media language, communicative space, genre system, political discourse, the discourse of advertising, media propaganda.

УДК 65.01+81.42

БРЕНД-ДИСКУРС

Дерябин Максим Леонидович,

Институт философии и права,
Уральского отделения Российской академии наук,
Удмуртский филиал,
научный сотрудник,
кандидат философских наук,
Ижевск, Россия,
E-mail: dml15@yandex.ru

Аннотация

В статье представлено понимание бренд-дискурса с точки зрения его значимости в процессе формирования и изменения смыслов социального. Автор утверждает, что бренд-дискурсы проникают во все сферы социального, маркируя социальное пространство.

Ключевые слова:

бренд-дискурс, рекламный дискурс, образы социального, брендшафт.

Бренд-дискурс – это социальный дискурс, представляющий общество в виде идеализированных типических образов. Этимология слова отсылает к следующим смыслам: бренд (brand) – это тавро, клеймо, след от раскаленного железа, которым отмечали животных и заключенных. Бренд наносился на кожу животного или заключенного. Этот знак прочитывался мгновенно даже теми, кто не умел читать.

В современности значимость бренда проявляется также в его предьявленности, в его расположении на видном месте, в его открытости социальному дискурсу.

Бренд является производным знаком рекламного дискурса [1; 2; 3;]. Мгновенность коммуникаций в современном обществе приводит к тому, что все рекламное сообщение превращается/сворачивается до знака бренда. Для его понимания в предельном случае

от читателя-зрителя даже не требуется умения читать. Например, «загогулина» Nike – знак компании Nike, «три полоски» – знак Adidas и т. д. Необходимость обнаружения других социальных смыслов в пространстве коммуникации приводит к представлению социального через социальные бренды, разворачивающиеся в слоганах как кратких сообщениях.

Бренд-дискурсы, проникая во все сферы социального, оставляют свои следы не только в социальных текстах, но и в социальном пространстве [4; 5]. «Бренд отождествляется с определенным набором характеристик и черт, присущих какому-либо социальному означаемому. Предлагаются различные образы социального, которые ассоциируются с рекламной вещью, оставляющей свой «рекламный» след, отпечаток, или клеймо (бренд) на образе социального, делая его

как бы рекламным образом социальной реальности» [7, с. 84]. Измененное состояние социального пространства или ландшафта Н. Кляйн в работе «**NO LOGO. Люди против брэндов**» обозначает как «брендшафт» [9].

Это понятие вмещает в себе смыслы изменения единообразной территории социального под воздействием брендов. Социальное пространство представляет собой измененный ландшафт, «заклейменный» ландшафт, или «брендшафт». «Это как жить на рекламном щите... В коттеджах курорта, этих гибридах выставочного зала какого-нибудь каталога с реальной жилой комнатой, некуда деться от логотипов Roots – они на подушках, на полотенцах, на столовых приборах, тарелках и стаканах. Стулья, кресла, диваны, ковры, жалюзи и душевые занавески – все это Roots» [9, с. 207]. Все пространство социального оказывается маркированным брендами, соответственно, маркируются и взаимоотношения индивидов и социальные ситуации.

Зазор между идеализированным представлением социального, выраженным в бренде, и реальностью активизирует процесс самоопределения общества, которое происходит в точке «социального бренда». «В эпоху, когда люди становятся брендами, а бренды становятся культурой, то, что делают Nike и Майкл Джордан, гораздо родственнее принципам ко-брендинга, чем простому навязыванию товара друг другу. И пусть Spice Girls сегодня рекламируют Pepsi, завтра они запросто могут начать продавать какую-нибудь собственную Spice Cola». [9, с. 94–95].

Бренды как идеально-типические представления социального маркируют социальное пространство, переозначивают социальные значения и переструктурируют социальный дискурс. «Точки самоопределения социального и рекламного дискурсов совмещаются и совпадают в понятии ко-брендинга. В ко-брендинге смыслы социального одинаково определяются как в социальном, так и в рекламном бренде» [6; 7, с. 83–84].

1. Барт Р. Общество, воображение, реклама // Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. Пер. с фр., вступ. ст. и сост. Н. Зенкина. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2004. С. 442–456.

2. Барт Р. Рекламное сообщение // Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. Пер. с фр., вступ. ст. и сост. Н. Зенкина. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2004. С. 410–416.

3. Барт Р. Риторика образа // Р. Барт Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 297–319;

4. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр., послесл. и прем. Е.А. Самарской. М.: Культурная революция; Республика 2006. 269 с.

5. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: 1995. 174 с.

6. Дерябин М.Л. Рекламное сообщение на пределе смысла // Обсерватория культуры. – 2008. – № 5. С. 36–42.

7. Дерябин. М.Л. Самореференция социальной реальности в рекламном дискурсе: Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Московский педагогический государственный университет. Ижевск, 2009.

8. Дерябин М.Л. Субъект рекламного дискурса // Социальная онтология в структурах теоретического знания: материалы I Всерос. науч.-практ. конф., 25 мая 2009 г. / ГОУВПО «Удмурт. гос. ун-т», Фак. социологии и философии, Каф. философии; под общ. ред.: О.Н. Бушмакиной, Н.Б. Поляковой. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 2009. – с. 26–47.

9. Кляйн Н. No Logo. Люди против брэндов. М.: ООО «Добрая книга», 2003. 624 с.

10. Уэльбек М. Мир как супермаркет. М.: «Ad Marginem», 2004. 160 с.

1. Bart R. Obshhestvo, voobrazhenie, reklama // Bart R. Sistema Mody. Stat'i po semiotike kul'tury. Per. s fr., vstup. st. i sost. N. Zenkina. M.: Izdatel'stvo im. Sabashnikovyx, 2004. S. 442–456.

2. Bart R. Reklamnoe soobshhenie // Bart R. Sistema Mody. Stat'i po semiotike kul'tury. Per. s fr., vstup. st. i sost. N. Zenkina. M.: Izdatel'stvo im. Sabashnikovyx, 2004. S. 410–416.

3. Bart R. Ritorika obraza // R. Bart Izbrannye raboty: Semiotika. Poe'tika: Per. s fr. / Sost., obshh. red. i vstup. st. G.K. Kosikova. M.: Progress, 1989. S. 297–319;

4. Bodriyyar Zh. Obshhestvo potrebleniya. Ego mify i struktury / Per. s fr., poslesl. i prem. E.A. Samarskoj. M.: Kul'turnaya revolyuciya; Respublika 2006. 269 s.

5. Bodriyyar Zh. Sistema veshhej. M.: 1995. 174 s.

6. Deryabin M.L. Reklamnoe soobshhenie na predele smysla // Observatoriya kul'tury. – 2008. – № 5. S. 36–42.

7. Deryabin. M.L. Samoreferenciya social'noj real'nosti v reklamnom diskurse: Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filosofskix nauk / Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet. Izhevsk, 2009.

8. Deryabin M.L. Sub'ekt reklamnogo diskursa // Social'naya ontologiya v strukturax teoreticheskogo

znaniya: materialy 1 Vseros. nauch.-prakt. konf., 25 maya 2009 g. / GOUVPO «Udmurt. gos. un-t»), Fak. sociologii i filosofii, Kaf. filosofii; pod obshh. red.: O.N. Bushmakinoj, N.B. Polyakovoj. – Izhevsk: Izd-vo UdGU, 2009. – s. 26–47.

9. Klyajn N. No Logo. Lyudi protiv bre'ndov. M.: OOO «Dobraya kniga», 2003. 624 s.

10. Ue'l'bek M. Mir kak supermarket. M.: «Ad Marginem», 2004. 160 s.

UDC 65.01+81.42

BRAND DISCOURSE

Deryabin Maksim Leonidovich,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Udmurt branch,
Researcher,
Candidate of Philosophical Sciences,
Izhevsk, Russia,
E-mail: dml15@yabdex.ru

Annotation

The article presents the understanding of the brand discourse from the point of view of its significance in the process of formation and change of social meanings. The author claims that the brand-discourses are penetrating all spheres of social, social tagging space.

Key words:

brand discourse, advertising discourse, social images, brandchaft.

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

1) Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте. Формат файла – документ Microsoft Word 97–2010 или RTF.

2) Первая (титовая) страница должна содержать (на русском и английском языках):

- название статьи;
- фамилию, имя, отчество (полностью) каждого автора с указанием организации, должности, ученой степени и звания;
- контактный e-mail для публикации в свободном доступе для общения читателей с авторами;
- аннотацию (до 300 печатных знаков);
- ключевые слова.

3) Статья должна быть классифицирована – иметь УДК (указывается в левом верхнем углу над названием статьи).

4) Статья должна быть написана грамотным русским языком.

5) Объем статьи не должен превышать 20 000 знаков без учета пробелов (включая таблицы, библиографию и подрисночные подписи). Межстрочный интервал – одинарный. Размер страниц – 210×297 мм (формат бумаги – А4). Поля страниц со всех сторон – 20 мм.

6) Текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов. Шрифт – Times New Roman, 14 кегль (в том числе для названия). Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции). Выравнивание текста – по ширине.

7) Название статьи выравнивается по центру страницы и оформляется полужирным шрифтом; только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные.

8) В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.

9) Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) должны быть предоставлены отдельно от статьи. Электронный вариант каждой иллюстрации с подрисночными подписями предоставляется в отдельном файле. Допустимыми являются форматы TIFF, BMP, PNG, JPEG. Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей из сторон.

10) Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения.

11) Библиография должна быть приведена в конце статьи и оформлена в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Для нормативных актов указывается начальная и последняя редакция. Библиографические записи должны иметь сквозную нумерацию и следовать в алфавитном порядке. В тексте статьи ссылки на библиографические записи оформляются в квадратных скобках (например, [7], [10, с. 81], [8; 9; 15]). За точность библиографии несет ответственность автор.

Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.